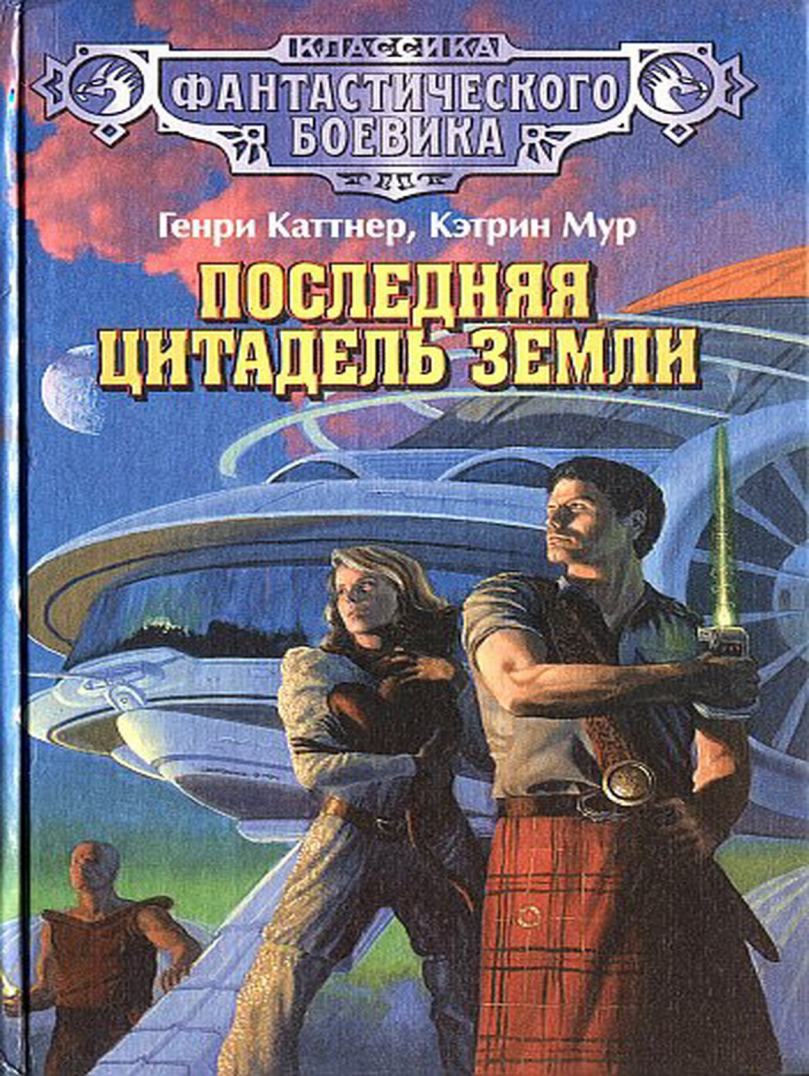
КЛАССИКА ФАНТАСТИЧЕСКОГО БОЕВИКА

Генри Каттнер, Кэтрин Мур

ПОСЛЕДНЯЯ ЦИТАДЕЛЬ ЗЕМЛИ



Последняя цитадель Земли. (Сборник)

Генри Каттнер, Кэтрин Л Мур

Аннотация
Последняя цитадель Земли. Сборник
ДАМА, КОРОЛЬ И МНОГО ДЖОКЕРОВ
Генри Каттнер, Кэтрин Мур. Последняя цитадель Земли
ПРОЛОГ
Глава 1 ЦИТАДЕЛЬ
Глава 2 КАРКАСИЛЛА
Глава 3 ТРОПА БОГОВ
Глава 4 ПОРТАЛЫ СВЕТА
Глава 5 В ОБЪЯТИЯХ ЧУЖОГО
Глава 6 НАСЛЕДНИКИ РАЗРУШЕННОЙ ЦИТАДЕЛИ
Генри Каттнер. Из глубины времен
Глава 1 НАЧАЛО
Глава 2 ЮНОСТЬ
Глава 3 РОЖДЕННЫЙ НА ЗЕМЛЕ
Глава 4 ЗРЕЛОСТЬ
Глава 5 ДЖЕНИСЕЙЯ
Глава 6 НЕЗАБЫВАЕМАЯ ЗЕМЛЯ
Глава 7 ВЕСТНИК РОКА

Глава 8 ЗАГАДКА ДРО-ГХИРА
Глава 9 ЛИ ЯНЬ
Глава 10 ЖИВАЯ СМЕРТЬ
Глава 11 ЧЕЛОВЕК ИЗ КАРФАГЕНА
Глава 12 ЧЕЛОВЕК С ЗЕМЛИ
Глава 13 СПЯЩИЕ ПРОСЫПАЮТСЯ
Глава 14 ЭПИДЕМИЯ
Глава 15 МИР В ОБЪЯТИЯХ «ЧУМЫ»
Глава 16 ТОРДРЕД НАНОСИТ УДАР
Глава 17 МАРИОН
Глава 18 МЕРТВЫЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ
Глава 19 ЗЕМНОЙ ЩИТ
Глава 20 ТОРДРЕД ВОЗВРАЩАЕТСЯ
ЭПИЛОГ
Кэтрин Мур. Судная ночь
СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация

В этот сборник вошли произведения американских мастеров фантастического жанра Г. Каттнера и К. Мур. Действия романов «Из глубины времен» и «Последняя цитадель Земли» разворачиваются в далеком будущем, героями стали земляне, волей различных обстоятельств вынужденные противостоять могущественным инопланетным силам в борьбе не только за собственную жизнь, но и за выживание земной цивилизации. Роман «Судная ночь» повествует о жестокой войне, которую ведут обитатели одной из молодых звездных систем против древней галактической империи, созданной людьми, и ее главного оплота — секрета применения Линз Смерти.

Содержание:

В. Гаков. Дама, король и много джокеров (статья)

Генри Каттнер, Кэтрин Мур. Последняя цитадель Земли (роман, перевод К. Савельева)

Генри Каттнер. Из глубины времени (роман, перевод К. Савельева)

Кэтрин Мур. Судная ночь (роман, перевод К. Савельева)

Последняя цитадель Земли. Сборник

КЛАССИКА ФАНТАСТИЧЕСКОГО БОЕВИКА

Генри Каттнер, Кэтрин Мур

ПОСЛЕДНЯЯ ЦИТАДЕЛЬ ЗЕМЛИ

КЛАССИКА

Генри Каттнер, Кэтрин Мур

ПОСЛЕДНЯЯ ЦИТАДЕЛЬ ЗЕМЛИ

Г. Каттнер, К. Мур
Последняя цитадель Земли

Г. Каттнер
Из глубины времен

К. Мур
Судная ночь

Москва
АРМАДА
1997

Генри Каттнер, Кэтрин Мур
ПОСЛЕДНЯЯ ЦИТАДЕЛЬ ЗЕМЛИ

Г. Каттнер, К. Мур
Последняя цитадель Земли
Г. Каттнер
Из глубины времен
К. Мур
Судная ночь

Москва
АРМАДА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(7)-445я5
К 29
Henry Kuttner, Catrin Moore
EARTH'S LAST CITADEL
Henry Kuttner
THE CREATURE FROM BEYOND INFINITY
Catrin Moore
JUDGMENT NIGHT

Перевод с английского
К. Савельева

Обложка художника

Тома Кидда (Tom Kidd)

Иллюстрации
О. Юдина

В оформлении обложки использована работа Тома Кидда.
Публикуется с разрешения художника и его агента
Александра Корженевского (Россия)

© Tom Kidd, 1984
© Перевод, Савельев К., 1997
© Художественное оформление,
армада, 1997

ДАМА, КОРОЛЬ И МНОГО ДЖОКЕРОВ

В который раз приходится начинать с того, что история нашего знакомства с западной научной фантастикой сама по себе фантастична донельзя.

Стоило только в середине 1960-х годов появиться первым переводам мало кому известного тогда американца Генри Каттнера, как автор сразу же сделался любимцем отечественной читающей публики. Да и как было не поддаться обаянию создателя «уморных» историй (к счастью, и переведенных уморительно-смешно) про горе-изобретателя Галлагера или «крутую» семейку мутантов с кентуккийских холмов — Хогбенов! Отдельные пассажи из последнего цикла[1] — типа того, в котором объясняется, как пьяница папуля сначала навострился превращать в крови выпитое спиртное в сахар, а затем «обучил своих друзей, которых звать Ферментами (не иначе

[1] Примечания: 1

Первые три рассказа — «Котел с неприятностями», «Прохвессор накрылся» и «До скорого» — появились в переводах почти одновременно, а четвертого, и последнего — «Пчхи-хологической войны» — мы ждали еще более полутора десятка лет.— *Здесь и далее примечание автора.*

как иностранцы, судя по фамилии), превращать сахар обратно в алкоголь и потому умеет оставаться пьяным сколько душе угодно»,— быстро вошли в студенческий фольклор.

В те же времена состоялось знакомство с другими рассказами писателя, уже совсем не смешными. Взять хотя бы щемяще-траги- ческую новеллу «Лучшее время года», в которой праздные туристы- эстеты из будущего наслаждаются страданиями жителей прошлых времен, черпая в них творческое вдохновение; или изобретательный рассказ «Маскировка», герой которого, странный киборг-урод (человеческий мозг, включенный в систему управления космическим кораблем), одерживает победу над вполне «полноценными» (если иметь в виду физиологию) преступниками... И уже сформировавшийся было в нашем сознании образ «вечного пересмешника» приобрел какие-то новые измерения, стал сложнее и глубже.

Но все равно мы знали, что и это тоже — Генри Каттнер.

Упоминания в предисловиях и рецензиях знающих людей имени его супруги — и, как оказалось, соавтора — Кэтрин Мур — в сознании огромного большинства читавших рассказы Каттнера

как-то не откладывались. Может быть, потому, что первые переводы Мур пришли к нам только в самое последнее время (а из нижеследующего текста станет ясно, почему так произошло), или же сыграло роль то же предубеждение, из-за которого большая часть произведений писательницы первоначально вышла в свет под «мужскими» псевдонимами. Ведь и у нас на протяжении десятилетий научная фантастика мыслилась делом прежде всего мужским!

Как бы то ни было, лишь совсем недавно мы узнали о писательнице по имени Кэтрин Мур. И о том, что в их семейном дуэте с Каттнером главная роль принадлежала, скорее всего, ей, а не супругу. И что большинство произведений Генри Каттнера, к которым мы успели привыкнуть как к классике — по крайней мере, юмористической фантастике,— выходили, оказывается, подписанные не его именем. И даже не ее — а именами каких-то Лоуренса О'Доннелла, Льюиса Пэджетта и еще двух десятков неведомых личностей, в свое время бивших рекорды популярности у американских читателей.

Утешает лишь то, что и на родине обоих писателей с этой чехардой распутались тоже далеко не сразу. И даже сегодня нередко встретишь ого-

ворки, подобные той, что сделал и я, составляя библиографию к этой статье: сам черт теперь уж не разберет, что конкретно написал Каттнер, а что — Мур.

Короче, пора и нам начать разбираться со странной колодой, в которой и король, оказывается, слабее дамы, и за непобиваемыми «джокерами», если внимательнее приглядеться, выглядывают все те же король с дамой...

Начну с более сильной карты. В данном случае ею является писательница, во время оно вполне достойная титула первой дамы научной фантастики,— если бы читатели догадались, что за нейтральными инициалами «К. Л. Мур» (а именно так подписывалась под сольными рассказами жена Каттнера) скрывается женщина!

Кэтрин Мур, пережившая мужа на тридцать лет, и по сей день остается для многих неразрешимой загадкой. Загадочен, обманчив был ее облик при жизни: роковая красавица, вечно погруженная в себя и скрывающая какие-то жгучие тайны, и в то же время — возглавивший крупный банк собранный, прагматичный бизнесмен! Не до конца прояснена ее истинная роль в семейно-творческом дуэте с Каттнером, хотя, как я уже сказал, более вероятным представляется,

что именно Мур играла в нем первую скрипку. Наконец, отнюдь не все легко объяснить и в ее собственном творчестве, которое начиналось конечно же куда более ярко и мощно, нежели мужнино, и которое словно ножом отрезало после безвременной кончины Каттнера.

Еще больше напускала тени на плетень легендарная сдержанность Мур в общении с интервьюерами и критиками. В Америке, где всякий пишущий с молоком матери впитывает жизненно необходимый принцип «реклама — двигатель торговли», к журналистам, ко всякой предоставившейся возможности высветиться, рассказать о себе — относятся бережно и трепетно. Однако даже в известном фотоальбоме Пэтти Перре «Лица научной фантастики», где портреты известных авторов жанра сопровождены их вольными комментариями, у Кэтрин Мур не нашлось других «автобиографических» слов, кроме этих — откровенно иронически-пренебрежительных:

«Я родилась под кочаном капусты.

И еще я нахожу запах бензина восхитительным.

Вот и все, что я могу вам рассказать о важнейших фактах моей жизни. Однако меня конечно же неправильно поймут, если в данной книжке

против моей фотографии будет красоваться лишь чистая страница. Так что мне не остается ничего другого, как поведать вам о чем-то еще. Да вот, к примеру: поговорим о моем творчестве!»

Сказано кокетливо и внешне беззаботно — будто досадливая отмашка: кому, мол, интересны эти подробности...

Между тем они-то как раз и интересны. Биография Мур вовсе не являла собой пример обыденности, жизни «как у всех».

На самом деле Кэтрин Люсиль Мур родилась 24 января 1911 года в Индианаполисе (штат Индиана). Ее предки, происходившие из Шотландии, Ирландии и Уэльса, осели в Новом Свете еще до Американской революции. Чуть позже к этому мощному англо-саксонскому генофонду подметались капельки южной галльской крови, поэтому неудивительно обилие в произведениях Мур французских имен и названий. Дед по материнской линии был методистским священником, а дед по отцовской — практикующим врачом; сам же отец девочки работал чертежником и конструктором, и в той же сфере деятельности преуспел ее старший брат.

Детство будущей писательницы омрачила тяжелая болезнь, на долгие периоды «исключав-

шая» Кэтрин из школы; родителям пришлось даже нанять ей домашнего репетитора — они боялись, что дочь не сможет сдать выпускных экзаменов. А той, месяцами оторванной от сверстников, ничего другого не оставалось, как с головой уткнуться в книги. И она читала, читала запоем все, что попадалось под руку.

Потом здоровье чудесным образом поправилось, и девушка поступила в местный Университет штата Индиана. Именно там она впервые и не без тайного удовлетворения обнаружила, что на нее засматриваются студенты (а их подруги украдкой бросают ревнивые косые взгляды). Впрочем, иначе и быть не могло: ослепительно яркая брюнетка, да к тому же умница и с характером,— чего еще нужно! И для молодой Кэтрин Мур потянулась череда приглашений на танцы и на ужины в местный дешевый китайский ресторанчик (на большее ухажеры-студенты не могли «взойти»). А вот что действительно странно, так это то, как она ухитрялась при этом не забросить учебу, а напротив — неизменно занимать на курсе высшие места по успеваемости.

И тогда, и позже в Кэтрин Мур странным образом мирно уживались две личности, равно — хотя и по-разному — привлекательные. Фор-

рест Эккерман, ее близкий друг на протяжении десятилетий, одно время — агент и единожды — соавтор, вспоминал: «Екатерина Великая, королева журнала «Уийрд Тэйлз», была едина в двух лицах: строгая, вечно погруженная в себя и несущая на себе печать загадки зрелая женщина, и — милая, обезоруживающе открытая девушка-подросток»...

Но беззаботная студенческая пора закончилась — и быстрее, чем можно было ожидать. Разразившийся в Америке Великий Кризис многих поставил перед необходимостью пересмотреть жизненные планы: первоочередной становилась задача зарабатывания денег.

Кэтрин вынуждена была оставить колледж, не проучившись и двух лет, и в поисках работы счастливо набрела на местный индианаполисский банк (точнее — трастовую компанию) Флетчера, где для начала получила место секретарши. Вероятно, тогда никому и в голову не пришло бы, что не пройдет и десяти лет, и малозаметный рядовой клерк займет кабинет президента компании! Да не просто клерк, а женщина, что в довоенной, «дофеминистской» Америке было редкой диковинкой.

Однако счастливым ее приход в банк стал во-

все не потому, что девушка сделала блестящую служебную карьеру. Как раз наоборот — ее подлинным счастьем оказалась предоставленная возможность не зацикливаться на карьере с утра до ночи! В конце каждого рабочего дня, стоило только прозвенеть звонку, она, как аккуратная и исполнительная секретарша, складывала все бумаги в стол, запирала кабинет и удалялась на внутреннюю балюстраду, опоясывающую второй этаж здания, где находился банк. И там, удобно расположившись в плетеном кресле за столиком, в тишине и покое писала.

Притом писала такое, что менее всего можно было ожидать от строгой и суховатой банковской служащей.

Кэтрин Мур писала фантастику. Про бравого космического рейнджера со стальным взглядом и стальными же кулаками, и про очаровавшую его марсианскую красавицу, которую он вызволил из плена, и про ее страшное превращение в чудовище наподобие Медузы Горгоны из древнегреческих мифов. Одним словом, на страницах ее блокнота рождалась Шамбло...

Впрочем, название первого и, вероятно, лучшего из сольных рассказов Мур появится позже. А вообще сочиняла она, насколько помнила, с тех

самых пор, как начала говорить.

«Помню, что без конца рассказывала долгие и маловразумительные истории буквально каждому, кто оказывался у меня на пути. А выучившись писать, немедленно записала все, что насочиняла раньше,— и с тех пор уже не порываю с этим занятием... С детства меня усадили на диету, состоявшую из греческой мифологии, сказок о Стране Оз и Эдгара Райса Берроуза. Так что иного варианта судьбы, кроме того, что выпал на мою долю, я и представить себе не могу. Мои подростковые амбиции не смущало то, что обо всем, о чем я писала, раньше рассказали другие: я сочиняла истории про ковбоев и королей, робин гудов, ланселотов и тарзанов, только замаскированных под другими именами... Так продолжалось годы и годы, пока, наконец, в один дождливый полдень 1931 года я не поддалась искушению и не купила номер журнала под названием «Эмейзинг Сториз». На обложке его какие-то шестирукие люди бились меж собой насмерть — и с того момента я обратилась в истинную веру. Перед моим восхищенным взором внезапно открылась целая литературная страна, и овладевшему мною зуду писать — так же, о том же — невозможно было противостоять».

В фантастическую литературу Кэтрин Мур вошла стремительно и уверенно, как в родной дом.

Живая история ранней американской фантастики, Сэм Московии, вспоминает, как редактор ведущего тогда журнала «Уийрд Тэйлз», специализировавшегося на «ужастиках», после знакомства с очередной порцией самотека был совершенно потрясен одним рассказом. Назывался он «Шамбло», а подписан был никому не известной фамилией — Мур; по заменявшим имя инициалам невозможно было определить пол автора-новичка. Тирада редактора вошла в историю: «Боже всемогущий! Кто-нибудь слыхал об этом К. Л. Муре?

Не важно, он это, или она, или оно, но, говорю вам, это колоссально!» День получения рукописи в редакции был даже объявлен «днем Мура»...

Рассказ был напечатан в ноябрьском номере журнала за 1933 год и вызвал бурю восторгов. А вскоре после публикации пришел отклик от авторитета, в том журнале особенно уважаемого,— самого Лавкрафта. Некоронованный король литературы «ужасов» высоко оценивал дебют Мура (пол автора — даже после того, как эта тайна открылась редактору журнала,— от читателей успешно скрывали еще не один год): «Рассказ

«Шамбло»,— писал Лавкрафт,— великолепен. Начало просто потрясающе, на точно выбранной нотке ужаса. Автор заглядывает в самую темную глубь неведомого: потаенное зло загадочной героини мощно захватывает читателя, и, даже когда сорваны последние маски, все равно не испытываешь разочарования. Рассказ проникнут подлинной атмосферой кошмара, ощущением надвигающейся развязки, что редко встретишь в нынешних журналах с их резвой жизнерадостной прозой в ритме стаккато и безжизненными, картонными персонажами. Единственное, что представляется мне неудачным, — так это традиционное перенесение действия на иную планету».

Дебют Мур продемонстрировал ее творческие возможности: романтическую насыщенность ее прозы, умелое использование символов, в частности, сексуальных (мягкий, «ненавязчивый», фрейдизм в довоенной фантастике еще не успел превратиться в расхожий товар), и не менее умелое же создание атмосферы недосказанности. Мур одна из первых в этой литературе поняла азбучную истину: высвеченное в полный рост чудовище — уже не столь чудовищно. Все рассказывать не надо, пусть за автора это доделает

буйное читательское подсознание!

В рассказе «Шамбло» писательница представила одного из самых любимых своих героев — бесстрашного космического сорвиголову Нортвеста (буквально — «Северо-Западного») Смита, ставшего центральным персонажем многих ее произведений; позже все они были объединены в сборники — «Шамбло» (1953), «Нортвест с Земли» (1954) и «Алый сон» (1981). По духу это абсолютно «мужская», лихо закрученная приключенческая научная фантастика с элементами литературы «ужасов», местами жесткая, полная действий — и ничем не выдающая в авторе женщину. Зато другой популярный цикл ранней Мур — о королеве-воительнице Джирел из Джойри[2], захваченной в плен завоевателем Гильомом и оказавшейся в фантастическом «ином мире»,— уже должен был, кажется, открыть тайну авторства проницательному читателю...

В отличие от произведений о Нортвесте Смите, цикл об амазонке-королеве представляет собой добротную «героическую фэнтези», которую спустя полвека начали писать все кому не лень. Но

[2] Примечания: 2

Поскольку действие частично происходит хоть и в слегка фантасмагорической, но Франции XV века, родовое имя героини, вероятно, следует произносить как Жуари или что-то в этом духе.

в 1930-е годы мало того, что писательниц фантастики можно было пересчитать по пальцам одной руки,— героиням фантастических произведений счет также, шел на единицы! «Шамбло и Джирел,— вспоминала их любящая «матушка»,— находятся в тесном родстве друг с другом, и мне верится, что оба этих персонажа подсознательно отражают образ женщины, которой я хотела бы стать. Я многим обязана в литературе себе самой, своему подсознанию».

После этого были опубликованы новые рассказы из обоих циклов. А в 1937 году увидела свет новелла «В поисках звездного камня», где писательница объединила двух любимых героев — Нортвеста и Джирел.

Вообще в этом рассказе много любопытных деталей. Взять хотя бы такую: герой его распевает песню космических романтиков — названную знаете как? «Зеленые холмы Земли»! Когда еще один из заядлых фэнов той поры — Роберт Хайнлайн напишет знаменитый одноименный рассказ, то он, конечно, придумает за своего слепого звездного барда Райслинга другие слова к песне, нежели те, что произносит Смит. Но название песни, безусловно, заимствовано у Мур...

И еще этот рассказ писательницы замечателен

тем, что стал первым ее произведением, созданным в соавторстве с... Генри Каттнером!

Настало время обратить взор на вторую половину этой во всех отношениях фантастической супружеской пары.

Генри Каттнер родился 7 апреля 1914 года в Лос-Анджелесе и, в отличие от своей будущей супруги, был сызмальства связан с книгами как с профессией: его отцом был книготорговец Генри Каттнер-старший, умерший, когда мальчику исполнилось пять лет. Гены Каттнера оказались куда более пестрыми, чем у Мур, в нем перемешались немецкая, еврейская (дед — раввин), английская, ирландская и даже польская кровь! Детство он провел в Сан-Франциско, а позже мать с Генри и двумя его старшими братьями перебралась обратно в Лос-Анджелес. В городе-гиганте, распластавшемся в необъятной впадине-«тарелке» у самой кромки океана, Каттнер-младший прожил всю жизнь. Если не считать кратковременного наезда в Нью-Йорк, столь драматично связавшего его с Мур...

Однако все по порядку. Сразу после окончания школы молодой человек пошел работать в литературное агентство одного из родственников, но долго там не задержался. Он быстро сообразил:

чего ради писать договоры на литературные произведения другим, когда проще сочинять эти произведения самому! Каттнер всю жизнь, начиная с ранней юности, был активным фэном, он буквально принадлежал фантастике, и его органичная трансформация в «профи» лишь подтвердила устойчивую тенденцию «воспроизводства» авторов в американском фэндоме.

Активный поклонник творчества Лавкрафта, Каттнер, естественно, первым делом начал с подражаний своему кумиру. Чего стоит хотя бы название его дебютного рассказа, опубликованного в том же журнале «Уийрд Тэйлз» в марте 1936 года, «Кладбищенские крысы»! Среди ранних произведений Каттнера много таких[3]... А также серия «героической фэнтези» о некоем Элаке из легендарной Атлантиды; рассказы этого цикла — «Гром на рассвете», «Отродье дракона», «За фениксом» (все вышли в «Уийрд Тэйлз» в 1938 году), «Луна дракона», и другие — объединены в посмертно изданном сборнике «Элак из Атлантиды» (1985). Другие ранние рассказы писателя в

[3] Примечания: 3

Формально первой профессиональной литературной публикацией Каттнера стала стихотворная «Баллада о богах», опубликованная в февральском номере журнала за 1936 год и написанная под явным влиянием Роберта Хоуарда (Говарда).

жанре «черной» фэнтези составили еще один посмертно изданный сборник «Книга Иода» (1995).

Вскоре, правда, Каттнер заметно охладел к литературе «ужасов» и фэнтези и обратился к строгой научной фантастике, печатая ее под целым веером псевдонимов. И если его вышедшая в 1938 году серия рассказов о кино будущего (кому, как не уроженцу признанной киностолицы мира, сочинять подобное!) — «Лунный Голливуд», «Приговоренный мир», «Парад звезд» — быстро канула в Лету, то другие произведения запомнились и даже неоднократно переиздавались. Это и рассказы, написанные в соавторстве с известным фантастом довоенной поры Артуром Барнсом, и вышедший под псевдонимом Уилл Гари «Доктор Циклоп» (1940), впоследствии удачно экранизированный.

Однако определяющей довоенное творчество писателя была дружба и тесная переписка с Лавкрафтом. И когда речь заходит о сольном творчестве Генри Каттнера, то, как и в случае с ранним творчеством его супруги, следует понимать все-таки в большей степени фантастику «страшную» или «фэнтезийную». Знакомым нам заразительно смешным Каттнером в ней и не пахнет...

Именно общее увлечение Лавкрафтом странным образом и свело Генри Каттнера и Кэтрин Мур. Непререкаемый авторитет и великий гуру всех авторов литературы «ужасов», сам того не ведая, сосватал двоих из своих верных адептов.

Произошло это, как и следовало ожидать в фантастическом сообществе, фантастически просто и неожиданно.

Когда в 1935 году молодой Каттнер завязал переписку с Лавкрафтом, Кэтрин Мур уже не первый год состояла у того в корреспондентах. Постоянный читатель журнала, Каттнер, разумеется, был хорошо знаком и с ее творчеством, высоко ценя его, и лишь природная робость не позволяла ему написать восхищенное письмо «мистеру Муру». А тут как раз подвернулся редкий шанс: сам Лавкрафт попросил молодого фэна переслать несколько своих книг в Лос-Анджелес «К. Л. Муру», и Каттнер, тогда временно проживавший в Нью-Йорке, воспользовался этой возможностью. Легко представить себе изумление молодого человека, когда он получил ответ за подписью Кэтрин Мур!

Два «лавкрафтнутых» фэна начали переписываться, и за два последующих года очно встретились-то, наверное, всего несколько раз

— в Лос-Анджелесе и в Индианаполисе. Однако большего им, собратьям по увлечению, и не требовалось. Закончился этот роман в письмах их женитьбой в Нью-Йорке в июне 1940 года.

Что даже для близких друзей обоих оказалось, мягко сказать, неожиданностью.

Кэтрин Мур, повторяю, считалась красавицей — а кроме того, была уже писателем с именем (пусть и мистифицирующим до поры читателей). Что касается ее нового друга и соавтора, то застенчивый, худой и совсем не атлетический брюнет с усиками, еще не состоявшийся как писатель и вообще никакой не победитель по натуре, Каттнер менее всего должен был ассоциироваться у девушки с ее героем — Нортвестом Смитом.

Тем не менее Мур, как женщина сообразительная и практичная (порукой тому — ее карьера в индианаполисском банке), уже пришла к выводу, что «нет ничего скучнее, чем выйти замуж за Нортвеста Смита. А Генри Каттнер, как показывало его собственное творчество и о чем свидетельствовали отзывы знавших его людей, был человеком удивительно изобретательным, восприимчивым, обладал свежим взглядом на все вокруг и очень, очень остроумным. Я думаю, все мы ценили его в основном За его уникальное

чувство юмора. Но в то же время в нем ощущалась такая внутренняя сила и самодисциплина, которые я редко встречала в мужчинах. И за которые я особенно благодарна Генри, потому что в ряде случаев он меня крепко выручил. В этом, а не внешним сходством, он напоминал мне Нортвеста Смита».

Сняв себе скромную квартирку в пригороде Нью-Йорка, молодожены прожили на восточном побережье еще год. А потом Соединенные Штаты официально вступили во вторую мировую войну — случилось это сразу же после трагедии в Пирл-Харборе,— и Каттнер был призван в армию. Всю войну он провел санитаром в военном госпитале в Форт-Монмуте (штат Нью-Джерси); как ни горько это звучит, но от возможной смерти на фронте его спасло то, что убило спустя 13 лет,— слабое сердце.

Когда болезнь дала себя знать, супруги переселились поближе к Лос-Анджелесу, в щадящий климат курортного местечка под исчерпывающим названием Лагуна-Бич[4]. В начале 1950-х Каттнер, пользуясь привилегиями участника войны, поступил без экзаменов в лос-андже-

[4] Примечания: 4

Сейчас в этом райском уголке, на скале, спускающейся прямо к океану, «повис» дом другого известного фантаста — Грегори Бенфорда.

лесский Университет Южной Калифорнии и, проучившись там три с половиной года, уже начал работу над дипломом, как тут его и настиг фатальный инфаркт.

Случилось это 4 февраля 1958 года. Смерть забрала писателя, несколько месяцев не дожившего до своего 44-летия, из только что купленного нового дома, расположенного, наверное, в самом мирном и симпатичном районе Большого Лос-Анджелеса — Санта-Монике.

Его преждевременный уход из жизни поверг в траур мир американской научной фантастики. При жизни Генри Каттнер не отличался общительностью, был личностью во всех отношениях зажатой и погруженной в себя. Однако, по воспоминаниям многих — в их числе Брэдбери, Блох, Старджон,— не было в лос-анджелесском фантастическом кружке человека более приятного и дружелюбного. В опубликованном некрологе Теодор Старджон сказал просто и искренне: «Я никогда не слышал ни единого плохого слова, сказанного в адрес Генри. Никогда не ощущал даже легкого дуновения зла, идущего от него. Никогда не встречал другого такого человека, утрату которого ощущал бы столь остро — при том, что мы вовсе не были близко знакомы. Он не

должен был умирать».

Как бы то ни было, дуэт Каттнер — Мур трагическим образом распался.

Вдова писателя, закончившая тот же университет с отличием еще в 1956 году, попробовала себя в научной карьере: защитила диссертацию по филологии и недолгое время проработала преподавателем в своей альма-матер. Преподавала она литературу и литературное творчество (есть такие странные курсы в американских университетах, где учат «на писателей»!), и многие учившиеся у профессора Мур студенты, вероятно, не знали, что основы писательского ремесла им читает одна из самых ярких писательниц американской научной фантастики середины XX века. Ветеран и живая легенда «золотого века» этой литературы...

Позже Кэтрин Мур еще раз вышла замуж, после чего прекратила писать фантастику совсем, переключившись на сценарии для телесериалов. Однако мир фантастики ее не забыл, и под конец жизни, в 1981 году, Мур была удостоена Всемирной премии фэнтези, присужденной за общий вклад в развитие жанра.

А спустя семь лет она отправилась вслед за первым мужем и соавтором туда, где никакие

лавры значения уже не имеют.

Совместное творчество Мур и Каттнера началось, как уже говорилось, незадолго до начала войны. И, как только молодые соавторы поженились, их творческие энергии словно слились в одну критическую массу, после чего последовал взрыв!

Для знававших их по отдельности читателей фантастики признанная дама и подававший надежды король из колоды бесследно исчезли. Зато посыпались невесть откуда взявшиеся два десятка «джокеров» — и вот эти-то оказались совершенно неотразимы.

Ни один из известных нам в переводах юмористических рассказов Каттнера под его именем при жизни писателя не выходил. А многие серьезные — то же «Лучшее время года» (1946) — им даже не были написаны. Зато теперь вся продукция, подписанная многочисленными «мужскими» псевдонимами, представляла собой плод коллективного творчества супругов[5]. Причины подобной дискриминации по признаку

---

[5] Примечания: 5

Кроме «Лучшего времени года», из сольных коротких произведений Мур выделяются рассказы: «Рожденная не женщиной» (1944) — психологическая драма танцовщицы, в результате аварии ставшей киборгом, а также «Величавее богов» (1939).

пола (считанные совместные рассказы вышли под именем одного Каттнера) очевидны: к авторам-женщинам читатель научной фантастики привыкнет еще не скоро.

Сэм Московиц вспоминал: «Представьте себе, что кто-то из авторов, которых вы числили в третьеразрядных, вдруг заявит, что им и никем иным написаны многие превосходные вещи Теодора Старджона или Клиффорда Саймака. И попутно с легким смущением признается, что и ряд произведений Марка Клифтона, Кордвайнера Смита, Кристофера Энвила и других — тоже все его! Приблизительно ту же реакцию вызвало публичное признание Генри Каттнера в том, что Лоуренс О'Доннелл и Льюис Пэджетт — это он, Каттнер; а кроме того — еще и Кит Хэммонд, Келвин Кент, Пол Эдмондс и ряд других — все авторы с устойчивой репутацией и именем!»

Вскоре слава Каттнера приблизилась к славе таких корифеев тогдашней научной фантастики, как Айзек Азимов, Альфред Ван-Вогт, Марри (Мюррей) Лейнстер или Фриц Лейбер. Однако, в отличие от всех перечисленных, Каттнер, вероятно, был единственным, кто достиг вершин славы, оставаясь инкогнито.

И при том — не без помощи сознательно остав-

шейся в тени жены...

Как они писали вместе (дежурный вопрос для соавторов)? Буквально — вместе, когда Каттнер начинал фразу, а Мур ее заканчивала, после чего супруги менялись местами. Известно, что ему явно лучше удавались завязки рассказов, а она была безукоризненна в финалах. Описанная одним из их друзей картинка, когда поздней ночью обессилевший над очередным рассказом Каттнер засыпает прямо над рукописью, а утром Мур внимательно читает ее и доводит до финальной точки, после чего поздно проснувшемуся супругу остается только перепечатать рассказ начисто, не выглядит преувеличением.

На известной фотографии они изображены вместе — за одним столом, «в две руки» на двух машинках бодро отстукивающие новый рассказ! И, приглядевшись к выражениям лиц обоих, понять распределение ролей уже совсем не трудно: Каттнер, с видом первого ученика задумчиво наморщивший лоб — и победительная, сверху вниз, уверенная улыбка «учительницы»...

Среди двух несомненных достижений этого «семейного подряда» — серии рассказов о незадачливом чудаке-изобретателе Галлагере и о забавной семейке Хогбенов. Произведения пер-

вого цикла составили сборник «У роботов нет хвостов» (1952; выходил также под названием «Робот-зазнайка»; полное собрание рассказов о Галлоуэе Галлагере); произведения второго — их всего-то четыре новеллы, вышедшие в 1947—1949 годах,— так и остались разбросаны по журналам и антологиям.

К счастью, в обоих случаях мне не нужно подробно останавливаться на конкретных рассказах. Достаточно просто перечислить их названия, прекрасно известные нашему читателю: «Робот-зазнайка», «Ex Machina», «Галлагер-бис», «Идеальный тайник», «Этот мир— мой», а также — «Прохвессор накрылся», «Котел с неприятностями» (или «Сплошные неприятности»), «До скорого!», «Пчхи-хологическая война» (последний, кстати, тоже написан одной Мур, хотя идею ей подбросил Каттнер). Вспомнили? Не сомневаюсь в этом!

Однако из-под пера Лоуренса О'Доннелла, Льюиса Пэджетта и иже с ними вышло еще немало других прекрасных рассказов, украсивших не одну антологию «Лучшего за... год».

В рассказе «Твонки» (1942) замаскированная под радиоприемник «умная» машина, оказывается, ведет слежку за своим хозяином. Смекалистые

дети в рассказе с кэрролловским названием «Все тенали бороговы...» (или «И лекотали зелюки...», если следовать классическому переводу Маршака) быстро разбираются в странных игрушках, случайно попавших к ним из будущего или какого-то иного измерения. Подставленные начальством роботы-полицейские в «Двурукой машине» (1955) испытывают вполне человеческие угрызения совести. Ну, а фантасмагорически-смешные превращения в «Механическом эго» (1949) вообще невозможно кратко проаннотировать — это надо читать!

«Авессалом» (1946), «А как же еще?» (1953), «Вернулся охотник домой» (1953), «День не в счет» (1949), «Железный стандарт» (1943), «Жилищный вопрос» (1944), «Исполнение желаний» (1942), «Музыкальная машина» (1944), «Порочный круг» (1942), «Работа по способностям» (1945), «Шок» (1943)... Я мог бы перечислять и перечислять рассказы Каттнера и Мур, уже известные в переводах, и, думаю, среди них почти не найдется таких, которые не вспомнятся с первого раза.

В активе «Фантастической пары» есть и произведения крупной формы, хотя их, по американским стандартам, и немного. Герои цикла новелл, объединенных в книгу под названием «Мутант»

(1953),— не путать с Хогбенами! — телепаты-изгои по прозванию «плешаки» (Baldies); вынужденные бороться за право на существование среди «нормальных» людей, гонимые и преследуемые «супермены» разрабатывают средство передачи своего дара новорожденным, получив хотя бы шанс на мирное разрешение конфликта. Сольный роман Мур «Судная ночь», в 1943 году напечатанный с продолжением в журнале «Эстаундинг», отдельным книжным изданием вышел лишь в 1952-м; это увлекательная приключенческая фантастика, действие которой происходит в галактической империи далекого будущего. И наоборот, действие другого романа писательницы, «Последнее утро» (1957), максимально приближено к реалиям настоящего: в романе описана не совсем обычная «социологическая тирания», установившаяся в Америке завтрашней или, на худой конец — послезавтрашней.

Наконец, один из рассказов Лоуренса О'Доннелла, «Столкновение ночью» (1943), послужил основой для продолжения: им стал один из лучших романов Каттнера и Мур — «Ярость». В нем описывается переселение остатков человечества на Венеру — после того как жизнь на Земле, перенесшей ядерную войну, стада невозмож-

ной. Однако, освоившись на дне венерианских океанов, люди, чтобы выжить в, мягко говоря, некомфортабельных условиях, вновь не находят лучшего выхода, чем создать тоталитарную политическую систему — а это уже чревато «повторением пройденного» на Земле...

Так что, как видим, писали супруги разное — и с разным успехом. Но все же, когда мы сегодня вспоминаем их имена, память первым делом подсказывает образы, немедленно вызывающие на лице улыбку. Лемюэл Хогбен по прозвищу Неотразимчик, папуля, дедуля и сам рассказчик — Сонк Хогбен. Или голливудский режиссер, превращающийся то в Ивана Грозного, то в питекантропа («Ты трогать моя подруга?! Моя — убивать!»). И сколько еще таких заразительных образов подарили нам Генри Каттнер и Кэтрин Мур!

Наверное, это тоже завидная писательская судьба. Автора давно и след простыл на этой бренной земле, а улыбка, сродни той, что была у чеширского кота,— все еще висит в воздухе...

Вл. Гаков

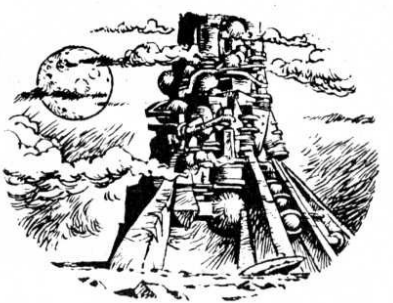
Генри Каттнер, Кэтрин Мур. Последняя цитадель Земли

Роман

Генри Каттнер, Кэтрин Мур

ПОСЛЕДНЯЯ ЦИТАДЕЛЬ ЗЕМЛИ

роман



Yodrd

ПРОЛОГ

За низкой каменистой грядой на севере лежало Средиземное море. Алан Дрейк слышал плеск волн и ощущал на губах солоноватый привкус. Жгучий холод североафриканской ночи проникал через изорванный китель, но Алана это совершенно не беспокоило. Куда больше его интересовали спорадические белые вспышки далекого морского сражения. Там гремели крупнокалиберные орудия, а боевые корабли, совершенные машины убийства, изливали свою ярость друг на друга.

Там шел бой.

Но его, Алана, там не было — по крайней мере сейчас. Его работа заключалась в том, чтобы вывести сэра Колина живым и невредимым из тунисской пустыни. По-видимому, наверху этому придавали большое значение.

Присев на корточки на холодном песке, Алан почти не обращал внимания на шотландского ученого, съежившегося рядом с ним. Он пристально всматривался в каменистую гряду, как будто его взгляд мог обогнуть гребень и насладиться сценой сражения. Позади, с юга, доносились глу-

бокие раскаты залпов тяжелой артиллерии. Алан знал: это одна из челюстей капкана, захлопывавшегося вокруг него. Ход войны менялся слишком быстро, и теперь им с Колином оставалось лишь вслепую направляться к Средиземному морю и надеяться там на спасение.

Он уже спас сэра Колина из одной нацистской ловушки. Это было… да, кажется, два дня назад. Но Колин Дуглас был слишком ценной фигурой для обеих сторон. Нацисты, без сомнения, пустились в погоню. Сейчас беглецы находились меж двух огней — заблудившиеся, отчаянно пытающиеся достичь безопасного места и в то же время не попасться на глаза врагу.

Где-то в ночном небе гудел мотор приближающегося самолета. Бледная луна на мгновение высветила светлую шевелюру Дрейка, когда он нырнул в тень под дюной и энергично поманил сэра Колина за собой. Дрейк бросился на песок, на правый бок — оберегая левую руку; след от пули, задевшей по касательной его мускулистое предплечье, исчезал под рваным рукавом. Он получил эту отметину двое суток назад при нацистском налете, едва успев выручить сэра Колина.

В армейской разведке такие задания попадались очень часто. Дрейк хорошо знал свою

работу, хотя и не рвался навстречу опасностям. Его непроницаемое лицо с плотно сжатыми губами говорило о выдержке и хладнокровии. Это было странное лицо. Собеседники Дрейка заходили в тупик, пытаясь угадать его характер по мимике; чаще всего они ошибались.

Мерный гул мотора теперь раздавался где-то совсем близко. Звук сотрясал небо, затягивал его плотным вибрирующим покрывалом.

— Этот метеор, который мы видели прошлой ночью… кажется, он упал довольно близко отсюда, — тихо, словно про себя, сказал сэр Колин.

О Колине ходили разные слухи. Он обладал превосходным интеллектом, но до войны редко использовал свои способности в практических целях. Наука была его единственным призванием. В обычной жизни он не чурался удовольствий, доставляемых изысканной едой, напитками и приятным обществом. Декадентствующий Эпикур с мозгом Эйнштейна: странное сочетание! Однако его научные познания — а он был первоклассным физиком — имели неоценимое значение для союзников.

— Метеор? — отозвался Дрейк. — Это меня не беспокоит. Но вот самолет…

Он с тоской посмотрел на небо. Звук мотора

постепенно отдалялся.

— Если они заметили нас…

Сэр Колин вдруг начал яростно чесаться.

— По правде говоря, я ничего не имею против самолета. Мои настоящие враги здесь, в Тунисе, — это масса блох, плотоядных песчаных блох, будь они прокляты!

— Дело не в самолете, а в тех, кто сидит в нем, — мрачно заметил Алан.

Шотландец задумчиво посмотрел на небо:

— Кто же это может быть?

— Ставлю доллар против песчаной блохи, это Карен Мартин.

— О! — Сэр Колин скривился. — Снова она! Может быть, на этот раз мы наконец встретимся.

— Встреча вряд ли доставит вам удовольствие. Если она и в самом деле села нам на хвост, нас ожидают крупные неприятности.

— Настоящая амазонка, верно? — хмыкнул здоровяк шотландец.

— Не то слово. Карен чертовски умна. Она и ее напарник получают хорошие деньги от нацистов и отрабатывают их на совесть. Вы знаете Майка Смита?

— Американец? — Сэр Колин снова почесался.

— Американизированный немец. У него внуши-

тельный послужной список. Занимался рэкетом, потом был наемным убийцей. Когда нацисты зашевелились, он отправился в Германию и нашел там себе дело по душе. Убийство — его профессия, а методы фашистов вполне устраивают его. Они с Карен — опасная команда.

Шотландец медленно встал и посмотрел вслед исчезнувшему самолету.

— Что ж, — пробормотал он. — Если вы не ошиблись, то они вернутся.

— Значит, нам пора сматываться отсюда. — Дрейк тоже выпрямился, он держал свою раненую руку наперевес.

Шотландец пожал плечами и поднял вверх большой палец. Дрейк улыбнулся. Его синие глаза, почти черные под тенью тяжелых век, смотрели холодно и бесстрастно. Даже когда он улыбался, как сейчас, глаза не меняли выражения.

— Пошли, — сказал он.

Песок был холодным и бледно отсвечивал в полутьме, словно призрачный снег. Пушки еще продолжали грохотать, когда двое мужчин направились к низкому хребту. Впереди лежало Средиземное море. Там, на берегу, у них еще оставалась надежда на спасение.

Но впереди их ожидало нечто странное.

На склоне, полого спускавшемся к темному морю, зиял кратер. За валом вывороченной земли, наполовину зарывшись в песок, лежало что-то овальное и сияющее. Оно напоминало уголек чудовищных размеров, мерцающий в темноте.

Некоторое время они стояли и смотрели, лишившись дара речи.

— Метеорит? — наконец спросил сэр Колин. В голосе ученого прозвучало недоверие. — Нет, не может быть. Метеориты никогда не имеют такой правильной формы. В атмосфере они разогреваются до точки плавления, а здесь — смотрите — поверхность даже не выщерблена! Если бы не война, то я бы подумал, что это… космический корабль, сделанный руками человека, — закончил он после выразительной паузы.

Дрейк испытывал странное возбуждение.

— Вы хотите сказать, что это больше похоже на какой-нибудь нацистский супертанк?

Сэр Колин не ответил. Забыв обо всем на свете, он торопливо двинулся вниз по склону. В воздухе слышался слабый гул. Дрейк не мог понять, то ли это гудел возвращавшийся самолет, то ли звук исходил от огромного предмета овальной формы. Он последовал за шотландцем, но с большей

осторожностью, чем тот, и даже с некоторой опаской.

В долине было очень тихо. Смолкли даже крики чаек. Морское сражение передвинулось к востоку; лишь ветерок шелестел в зарослях чахлого кустарника. Сияние в кратере подрагивало и сбегало, подобно пламени, по раскаленному металлу, когда порывы ветра проносились над гладкой, изогнутой поверхностью. В воздухе слабо пахло гарью.

Тишина в долине была такой глубокой, что, когда Дрейк услышал легкое потрескивание в зарослях кустарника за спиной, он развернулся с пистолетом наизготове, даже не осознав этого.

— Не стреляйте, — послышался женский голос из темноты. — Разве вы не ожидали меня?

Дрейк не опустил пистолета. Он ощутил неприятный холодок под ложечкой. Краешком глаза он заметил, как сэр Колин попятился и отступил в темноту.

— Карен Мартин, не так ли? — осведомился Дрейк. Он весь напрягся, ожидая, что вот-вот из ночной темноты вылетит пуля и прикончит его. Живым нацисты хотели заполучить сэра Колина, а не его телохранителя.

Из темноты послышался приглушенный смех,

и в призрачном сиянии «метеорита» появилась стройная фигурка.

— Верно. Какая удача, что мы наконец встретились! Кусты за спиной женщины затрещали, и возникла другая фигура, но Дрейк наблюдал за Карен. Он уже встречался с ней раньше и не питал никаких иллюзий по поводу этой мегеры. Он помнил стиль ее работы в Европе: она использовала хитрость, обман и вероломную жестокость, так же как мужчина использует кулаки. Новая Германия приветствовала такую неразборчивость в средствах, нуждалась в ней и использовала ее. Сейчас ее олицетворение предстало перед ним, облаченное в упругую женскую плоть. У Карен были рыжие волосы, голубые глаза, ямочки на щеках и ярко-алые губы. Что ж, может быть, появление Карен и к лучшему?

Дрейк нахмурился, держа палец на спусковом крючке. Он знал, что находится в невыгодном положении: его силуэт четко вырисовывался на фоне сияния огромного предмета, упавшего с неба. Но Колина по-прежнему не было видно, а ведь у него был пистолет.

— Майк, — сказала Карен. — Кажется, ты еще не знаком с Аланом Дрейком. Он американец, работает в армейской разведке.

— Лучше брось свою пушку, парень, — лениво протянул глубокий мужской голос из-за ее спины. — Ты отличная мишень, прямо как на ладони.

Дрейк колебался. Сэр Колин по-прежнему никак не давал о себе знать. Что это означало? Возможно, Карен и Майк пришли не одни. Если их сообщники находятся поблизости, нужно действовать немедленно.

Он заметил, как взгляд Карен скользнул мимо него, к сияющему впереди. Ее лицо освещали пляшущие красноватые отблески, и на нем было написано любопытство. В голосе Карен, раздражающе уверенном и спокойном, послышалась ироническая претензия на вежливость.

— Так, что у нас тут есть? — поинтересовалась она. — Это не танк? Верховное командование должно заинтересоваться.

Она отступила в сторону, чтобы лучше рассмотреть предмет, который лежал в кратере.

— Возможно, это космический корабль, — сухо заметил Дрейк. — И если внутри кто-то есть…

ам действительно кто-то был.

Потрясающая уверенность в этом неожиданно заполнила его сознание, вытеснив все другие мысли. Какое-то невероятное мгновение озаренная лунным светом долина вращалась вокруг

него, пока нечто испытующее и вопрошающее копалось в его мозгу.

Карен сделала два неуверенных шага назад. Самодовольное выражение слетело с ее лица, его сменило нескрываемое изумление, когда вопрошающие щупальца коснулись ее сознания. Майк Смит приглушенно выругался у нее за спиной. Воздух над маленькой средиземноморской долиной задрожал, как будто чье-то неощутимое присутствие внезапно наполнило ее от края до края.

Затем из темноты раздался голос сэра Колина:

— Вы, двое, бросьте пистолеты. Быстро! Я могу…

Он умолк на полуслове. Внезапно и безмолвно вся долина вокруг них озарилась ярчайшим светом. Время на мгновение застыло. Дрейк увидел Майка, замершего с поднятым пистолетом за спиной Карен, и Колина, притаившегося в дюжине футов позади, увидел каждую веточку, каждый листок кустарника с неправдоподобной, невыносимой четкостью.

Затем свет погас. Сияние, излившееся из огромного овала, втянулось внутрь, словно осязаемый предмет, и со всех сторон нахлынула тьма.

Когда зрение наконец вернулось к Дрейку, овал

превратился в огромный бледно-золотистый пузырь, возвышавшийся над валом вывороченной земли. Казалось, все краски ушли из нее в одной вспышке холодного сияния.

В изгибе золотистого корпуса медленно открылась дверь.

Дрейк не знал о том, что его рука с пистолетом бессильно опустилась, что он повернулся и неторопливо пошел к инопланетному кораблю. Он не заметил, как, остальные начали пробираться через заросли кустарника, следуя за ним к темному проходу.

Их искаженные отражения проплыли по гладкой поверхности корпуса. Один за другим они наклоняли головы у низкой притолоки входа и шли в молчании, без возражений и протестов.

Темнота сомкнулась над ними.

Некоторое время огромный шар лежал неподвижно в тусклом сиянии отраженного света. В долине, кроме шума ветра, не было слышно ни звука.

Затем отражения на изогнутых поверхностях содрогнулись от почти неощутимого толчка. Земляной вал расплескался волнами вокруг вибрирующего корпуса. Корабль начал погружаться в почву, словно в темную воду. Несмотря на его

огромные размеры, все это заняло совсем немного времени.

Незадолго до рассвета через каменистый гребень перевалила группа вооруженных людей на верблюдах. Но к тому времени в долине не осталось и следа от корабля из космоса.

Глава 1 ЦИТАДЕЛЬ

Алану Дрейку казалось, что он вечно лежит здесь, покачиваясь вместе с приливами и отливами упругих, неосязаемых волн. Он смотрел в серую бесформенную пустоту, которая его дремлющему разуму казалась вечностью. Ему нравилось лежать неподвижно под мерный, убаюкивающий ритм бесчисленных эпох.

Спустя долгое время он с большой неохотой решил, что вечность заканчивается. Мало-помалу мир начал возвращаться: перед его глазами открылся огромный изгиб тускло светящейся полости. Зеркальные металлические стены, сияющий золотом потолок высоко вверху. Покачивание тоже постепенно стихало. Время больше не баюкало его в своей колыбели.

Дрейк заморгал, мучительно пытаясь вспомнить последние события. Здесь было тихо, как в гробнице. Однако вскоре Алан обнаружил, что он не один. Неподалеку от него лежала Карен. Ее рыжие волосы разметались по руке, закинутой за голову. С неторопливым, безразличным удовольствием он созерцал изгибы ее тела, полускрытые в тени или озаренные неярким светом.

Алан сел — очень медленно, как глубокий старик. Память возвращалась: здесь должны быть еще два человека. Он увидел их — расслабленные, неподвижные фигуры на сверкающем полу.

Позади Алана, в центре огромного круглого помещения, виднелся темный проем, узкий и заостренный кверху, как наконечник стрелы. За ним угадывалось едва заметное движение черных облаков большей и меньшей плотности, колебание, завихрение — черное на черном. Это был Чужой. Слово беззвучно проникло в мозг человека, и губы Дрейка мучительно зашевелились, пытаясь произнести его. Он помнил... но что именно? Все было так давно, что теперь не имело значения.

Алан нахмурился. Почему он был так уверен, что бессчетные годы пролетели над ним в темноте этих зеркальных стен и в тишине его снов? Снов! Так вот в чем дело! Он спал и видел сны — в том числе и о Чужом. Он не знал этого имени, когда уснул. Сознание Дрейка постепенно начало проясняться, и теперь появилось четкое различие между тем, что произошло до его прихода на корабль, и после.

Промежуток между засыпанием и пробуждением был очень долгим, и Чужой играл важную

роль в этом промежутке. Смутные, бессвязные мысли, роившиеся в голове у Алана, не имели отношения к тому прошлому, которое он помнил. Он закрыл глаза и изо всех сил попытался вспомнить свои сны.

Бесполезно. Он раздосадован но покачал головой. Если какие-то воспоминания и сохранились, то сейчас они находились за пределами сознательного восприятия. Возможно, позднее они вернутся… но не сейчас. Алан потянулся и с удовольствием ощутил, как сила возвращается к расслабленным мышцам.

Вскоре должны проснуться другие, и будет лучше, если они проснутся безоружными. Что бы ни случилось, пока они лежали без сознания, Карен и Майк Смит все равно останутся его врагами. С того места, где он сидел, Дрейк мог видеть пистолет, лежавший на сверкающем полу неподалеку от Карен. Он поднялся на нетвердых ногах, испытывая сильное головокружение, наклонился и забрал оружие.

Выпрямившись, он взглянул на высокий арочный проход и вздрогнул от внезапного потрясения. Теперь в этом темном, узком портале ничего не было — ни движущихся теней, ни кружения черных облаков. Чужой исчез.

Дрейк не понимал причины своей уверенности. Ему казалось, что никакая сила в мире не заставит его подойти к узкому проходу и заглянуть внутрь, но он и без того знал, что они остались одни в огромной пустой раковине корабля.

Он помнил, что они пришли сюда из пустынной ночи, оставив за спиной отдаленный грохот морского сражения — пришли в молчании, подчинившись властной команде. Потом они заснули и видели странные сны. Должно быть, Чужой, нависавший в черноте дверного проема, управлял этими снами. Теперь он ушел… зачем, когда, куда?

Карен пошевелилась во сне. Возможно, когда проснется, она вспомнит то, что не удалось вспомнить ему. Но она вспомнит и о том, что они — смертельные враги. Вернувшись к действительности, Дрейк перешагнул через Карен, миновал Колина и наклонился над Майком Смитом. Тот лежал на боку, сунув одну руку под куртку, словно даже в бездумной истоме, сопровождавшей их приход сюда, он пытался дотянуться до оружия.

Смит издал слабый стон, когда Алан перевернул его в поисках второго пистолета. Инстинктивная враждебность всколыхнулась в американце, ко-

гда он взглянул на крупное загорелое животное, лежавшее у его ног. Смит, солдат удачи, воевал на разных континентах и заслужил репутацию, за которую нацисты платили ему. Он славился тигриной отвагой и абсолютной безжалостностью. Достаточно было взглянуть на его массивное, словно высеченное из камня лицо, чтобы догадаться об этом.

Карен снова пошевелилась и медленно села. Целую минуту ее широко распахнутые голубые глаза бездумно глядели в пространство. Затем ее взгляд встретился со взглядом Алана и приобрел осмысленное выражение. По ее лицу промелькнула тень беспокойства.

Алан рассмеялся. Его смех прозвучал надтреснуто, словно голосовые связки давно отвыкли от использования.

— Пистолеты у меня, Карен, — сообщил он. Эхо его голоса насмешливо отдавалось под высокими сводами: «пистолеты… Карен… пистолеты… Карен…»

Карен посмотрела вверх, затем по сторонам, и Алану показалось, что по ее телу пробежала легкая дрожь. Может быть, она вспомнила? Испытывала ли она это необъяснимое чувство безымянной утраты, ужасной катастрофы? Одна-

ко ее лицо оставалось бесстрастным.

Майк Смит медленно поднимался на ноги, тряся головой, словно большая озадаченная кошка. Его рука под курткой нащупывала пистолет, которого там не было. Алан отступил к изогнутой стене: ему хотелось иметь твердую опору за спиной. Он с легким удивлением заметил, что звук его шагов совершенно не слышен в этом огромном пустом зале. Ступая по металлическому полу, как по бархатному ковру, он отошел к большой круглой линии на внешней стене, очерчивавшей закрытую теперь дверь, через которую они вошли сюда. Майк и Карен озадаченно смотрели на него. Сэр Колин, лежавший немного поодаль, заморгал и начал протирать глаза. Майк не отрывал взгляда от пистолета в руке Алана.

— Карен, что происходит? — Его голос тоже звучал хрипло и надсадно. — Нас усыпили каким-то газом?

Глубокий баритон сэра Колина разбудил слабые отголоски в тенях под потолком.

— Может быть, — произнес он. — Но я так не думаю.

Наступило молчание. Четверо людей видели один и тот же сон или некую его часть. Сейчас они рылись в своей памяти и, судя по изумленно-

му выражению их лиц, находили там не больше, чем удалось Алану. Наконец Карен решительно тряхнула копной рыжих волос и заявила:

— Мне нужен мой пистолет.

Сэр Колин оглядывался по сторонам, задумчиво поглаживая бороду.

— Подождите, — сказал он. — Вы же понимаете, что ситуация изменилась.

— Возможно, — отозвалась девушка и шагнула к Алану. — Но я все равно должна делать свое дело.

— Ради великой Германии, — язвительно пробормотал Алан. Его палец лежал на спусковом крючке. — Лучше стой, где стоишь, Карен. Я тебе не доверяю.

Глаза сэра Колина смотрели печально и озабоченно из-под кустистых рыжих бровей.

— Я не уверен, что Германия по-прежнему существует, — тихо сказал он. — Это…

Алан едва успел заметить условный знак, поданный Карен. Майк Смит с самого начала не прислушивался к их разговору. Теперь, по ее сигналу, он оттолкнулся от пола и в длинном прыжке устремился к противнику. В последний момент он изменил направление прыжка и приземлился слева от закрытого люка. Пистолет

дернулся в сторону, прежде чем Алан осознал свою ошибку. Он заметил, как Карен бросилась к нему, и взмахнул пистолетом, целясь стволом ей в висок.

Он не собирался убивать ее — просто хотел оглушить ее на время, чтобы разобраться со Смитом. Но Карен двигалась с поразительным проворством. Она поднырнула под руку с пистолетом, выпрямилась и неожиданно навалилась на Алана всем весом своего тела. Он ударился спиной о закрытый люк, споткнулся и с ужасом почувствовал, что дверь начинает подаваться назад. Он оттолкнулся от ненадежной опоры в отчаянной попытке сохранить равновесие. Майк Смит приближался, грациозный и смертельно опасный, как леопард. Его губы растянулись в свирепой улыбке.

Движение внезапно замедлилось. Для Алана оно всегда замедлялось в такие моменты: он мог видеть все сразу и действовать с молниеносной быстротой. Развернувшись на каблуках, он вложил всю свою силу в удар наотмашь. Ствол пистолета врезался Смиту в челюсть. Тот пошатнулся и тяжело упал на пол; его улыбка превратилась в дикий оскал. Алан шагнул к нему, чтобы довершить начатое, но застыл на месте,

увидев Карен. Она остановилась в открывшемся дверном проеме. Выражение неописуемого потрясения на ее лице никак не могло быть новой хитростью или уловкой. Сэр Колин, выглядывавший из-за ее спины, тоже замер как изваяние.

Дрейк медленно повернулся с пистолетом наизготове. На какой-то момент рассудок отказался повиноваться ему, и то, что он увидел, не имело абсолютно никакого смысла.

Снаружи не было пустынной равнины, которую они покинули. Там не было ни дня, ни ночи. Там были лишь кирпично-красные сумерки и плоский, бесформенный ландшафт, над которым лениво проплывали полосы и клочья тумана, словно облака на слабом ветру. Низко над горизонтом висело тусклое красноватое солнце, на которое можно было смотреть, не отводя взгляда.

На фоне неба проступил какой-то темный силуэт. Туман ненадолго рассеялся, и они увидели очертания чудовищного здания, возвышавшегося вдали. Затем туманный занавес сомкнулся и скрыл картину, как будто то был секрет мертвого мира, не предназначенный для живых существ.

Сэр Колин первым вернулся к действительности. Он протянул мощную руку, поросшую

рыжеватыми волосами, и остановил Майка Смита, который пришел в себя и, как автомат, снова устремился к Алану.

— Не сейчас, — резко сказал он. — Вы можете забыть о Германии, а также о Тунисе и о всей Африке. Это…

Алан опустил пистолет. В свете умирающего солнца их схватка утратила всякий смысл. Германия, Англия и Америка обратились во прах бесчисленные тысячелетия назад. Они не могли принадлежать миру, который, должно быть, давным-давно лишился всех человеческих страстей.

Как давно?

— Это Время, — услышал Алан собственный шепот. — Оно отхлынуло, как волна, и оставило нас на берегу.

— Это сон! — выкрикнула Карен. — Это не может быть правдой!

Но ее крик понизился до шепота, слова замерли в неподвижном воздухе. Алан покачал головой. Он знал. На самом деле они все знали. Это было частью их снов. По молчаливому согласию никто не упоминал о туманном отрезке времени между их приходом на корабль и пробуждением. Но в их сознании запечатлелось достаточно, чтобы развеять последние сомнения.

— Послушайте, — сказал сэр Колин. — Что бы ни произошло, должно быть, все это время мы лежали захороненными под землей.

Он указал на сероватые курганы, громоздившиеся вокруг огромного яйца, словно вынырнувшего из глубин Земли. Даже почва казалась мертвой. В пластах, вывернутых из почвы, не было ни влаги, ни перегноя. В них не было жизни.

— Нам лучше получить назад свое оружие, — ровным голосом произнесла Карен. — Оно может понадобиться.

Майк Смит вернул свой пистолет в кобуру под курткой и криво усмехнулся. Алан смерил его ледяным взглядом. Подобно многим другим, Майк совершил ошибку, решив, что согласие американца вызвано страхом перед неизвестным миром, а не пониманием изменившихся правил игры. Что ж, рано или поздно Майку придется понять, что здравомыслие — это не признак слабости.

— Прислушайтесь, — шепнула Карен. — Разве вы не слышите?

Они замерли в напряженном молчании. Из туманных сумерек донесся отдаленный пронзительный крик, не похожий на птичий. Все ясно слышали его и одновременно поняли, что звук исходил из человеческого горла. Пока они стояли,

крик раздался снова — ближе и отчетливее. В нем звучала бесконечная печаль. Затем высоко, в красноватом сумраке появился гибкий силуэт, скользящий в воздушных потоках, как кондор, с широко раскинутыми крыльями. Даже на большом расстоянии они могли угадать контуры человеческого тела, парящего на крылатых руках в зыбком, призрачном свете.

Жалобный плачущий крик снова взрезал воздух. Затем существо неожиданно взмахнуло крыльями и устремилось в туманные выси. Эхо душераздирающего вопля постепенно стихло.

Все молчали. Лица людей были обращены к небу, где темное движущееся пятнышко постепенно сливалось с облаками, исчезая в бесконечной дали. Алан невольно подумал, что это изящное крылатое существо может быть последним человеком на Земле, венцом невообразимой линии эволюции человеческой расы. Он вздрогнул.

— Эволюция… — пробормотал сэр Колин, словно угадав его мысли. — Значит, так выглядит конец всех наших помыслов и устремлений? Как же долго мы спали?

— Кем бы ни было это существо, оно должно что-то есть. — Алан пытался говорить деловым

тоном, но голос изменял ему, — Где-то в этом мире можно найти пищу и воду.

— Верно, парень. — Сэр Колин широко улыбнулся. — Я как-то не подумал об этом. Может быть, у нас еще осталась какая-то надежда, если мы последуем за…

— Не забывайте, оно умеет летать, — напомнила Карен. Алан пожал плечами.

— Тогда тем более нужно идти сейчас, пока у нас достаточно сил. Здесь незачем оставаться.

— Думаю, не мешает немного пошарить внутри перед уходом, — задумчиво произнес сэр Колин. — Чем черт не шутит, вдруг найдем что-нибудь полезное!

Он вошел обратно в корабль. Остальные последовали за ним; никто не хотел оставаться один в этом пустынном мире.

Однако поиски оказались тщетными. По изогнутым стенам проплывали искаженные очертания людей, сводчатый проем в дальнем конце зала зиял чернотой. Чужой исчез, но куда и каким образом — им оставалось только гадать.

— Если это космический корабль, то здесь должны быть приборы, двигатели — хоть какие-то механизмы! — бормотал сэр Колин, почесывая рыжую бороду. — Где они могут находиться, как

не там? — Он указал на темный проем.

По спине Алана пробежал холодок. Он не знал, какие воспоминания об этой узкой двери хранились в его подсознании, но при одной мысли о приближении к ней его бросало в дрожь.

Сэр Колин шел вперед очень медленно, словно тоже разделял непонятное отвращение к Чужому. Но все-таки он шел, и Алан следовал за ним. Он стоял за плечом сэра Колина, когда ученый наклонился и заглянул в проход, нагонявший на них беспричинный страх.

— Темно... — проворчал сэр Колин. Порывшись в кармане своего мешковатого костюма, он извлек маленький фонарик и направил на ближайшую стену тонкий луч света, тут же рассыпавшийся в бесчисленных отражениях.

Но фонарик не должен работать! Какие батарейки могли прослужить миллион лет?

Хотя фонарик и работал, он был бесполезен. Луч света, направленный в узкий проход, разбивался о сплошную стену темноты, плотной и осязаемой, как кирпич. Сэр Колин протянул руку с пистолетом, и она исчезла до локтя, словно погрузившись в черную воду. Он рывком выдернул руку и осмотрел ее. Все было в порядке.

Майк Смит тихо присвистнул. Какое-то время

все молчали.

— Тем не менее нам нужно исследовать эту комнату, — упрямо сказал Алан. — Там может находиться что-нибудь нужное для нас.

Он достал свой пистолет, набрал в грудь побольше воздуха и переступил через порог стрельчатой двери, как человек, ныряющий в глубокий омут. Жуткое отвращение пронизало все его существо, когда кромешная тьма сомкнулась над ним. Он даже не слышал шагов сэра Колина позади, но почувствовал его руку на своем плече. Двое мужчин двигались вперед короткими, осторожными шагами.

Протянутая рука Алана прикоснулась к стене. Он шарил вокруг, внутренне сжавшись, готовый ко всему, и изо всех сил старался не думать о том, что когда-то Чужой заполнял собой всю эту маленькую комнату и маячил в дверном проеме.

Вскоре они обошли всю комнату вдоль стены. Алан почувствовал, как темнота расступается перед его пальцами, и вышел в тускло освещенный зал, где ждали остальные. На мгновение его охватила тошнота, все поплыло перед глазами. Затем пол под ногами выровнялся, и он увидел лицо сэра Колина — побелевшее и искаженное.

— Пожалуй, я выгляжу не лучше, — услышал

он собственный голос. — Ну, что скажете?

Сэр Колин не торопясь спрятал свой пистолет и положил фонарик в карман.

— Ничего, — каким-то сиплым голосом ответил он. — Совсем ничего.

Карен окинула их испытующим взглядом. Она ни о чем не спрашивала; возможно, ей совсем не хотелось услышать ответ.

— Нам пора уходить, — сказала она. — Корабль… он уже ни на что не годится. Он больше не двинется с места.

Ее голос звучал ровно и невыразительно, и Алан едва не дотянулся до воспоминаний, которые он тщетно пытался ухватить. Она была права. Этот корабль никогда не нуждался в механизмах. Какая бы сила ни поддерживала его, сейчас эта сила исчезла. Корабль был таким же мертвым, как мир, где они оказались.

Алан вслед за остальными направился к выходу. Тонкая пыль облачками поднималась вокруг их ног и медленно оседала, когда они побрели через пустыню. Пустой корабль вскоре скрылся позади, где-то в тумане. Впереди не было ничего, кроме невидимого воздушного следа, оставленного человеком-птицей, и надежды на пищу и воду, прежде чем они выбьются из сил.

Ноги Алана попирали пыль — единственное, что осталось от того яркого мира, который он покинул лишь вчера, перед долгой ночью сновидений. Эта пыль была Тунисом, базарами и вопящими арабами в белых бурнусах. Эта пыль была танками, пушками и огромными кораблями. Эта пыль была его друзьями и тем грандиозным сражением, что некогда разворачивалось на берегах Средиземного моря. Алан поежился под порывами сухого ветра, перебиравшими пыль ушедших эпох. Он подумал о загадочном здании, которое мельком видел на фоне неба. Возможно, там есть жизнь, если только это не плод его воображения. Люди-птицы могли прилетать оттуда. Как бы то ни было, при отсутствии других ориентиров они могут идти в этом направлении.

Тишина и неподвижность производили гнетущее впечатление. Но была ли тишина абсолютной? Алан наклонил голову и прикрылся ладонью от ветра, чтобы лучше слышать.

— Подождите! — крикнул он.

Секунду спустя остальные тоже услышали звук — одинокий протяжный рев, долетевший из такой дали, что он казался шепотом. Звук становился все громче и вскоре превратился в грохот, будоражащий дрейфующие полосы и клочья ту-

мана, сотрясающий саму землю, на которой они стояли. Но на этом все и закончилось. Звук начал отдаляться, превратился в рокот, затем снова в шепот и исчез за туманами.

Они стояли неподвижно, тесно прижавшись друг к другу, охваченные благоговейным ужасом перед силой, способной сотрясать землю при своем прохождении. Тонкий крик, раздавшийся сверху, вернул их к действительности.

— Снова эта птица, — прошептала Карен, вздрогнув всем телом.

Алан неожиданно осознал, что они взялись за руки, даже не заметив этого.

— Вон оно! — воскликнул Майк Смит. — Я вижу его. Смотрите!

Его рука с пистолетом описала плавную дугу. В следующее мгновение он уже прицелился в бледную крылатую фигуру, низко парящую в тумане.

Прыжок Алана был чисто рефлекторным, слишком быстрым даже для его рассудка. Он не имел понятия, почему делает это, но почувствовал, как его мышцы сжались и распрямились со скоростью атакующей змеи. В следующее мгновение его плечо врезалось в плотную преграду, и он услышал хриплый вскрик Майка. Затем оба рухнули на землю.

Алан перекатился на бок и встал. Он механически отряхнулся и посмотрел на Майка. Тот лежал неподвижно; его пистолет валялся рядом в пыли.

Основное различие между двумя мужчинами проявилось в тот момент, когда человек-птица появился над ними из тумана. Первым побуждением Майка было убить, первым побуждением Алана — предотвратить убийство.

Сэр Колин нагнулся и поднял упавший пистолет. Майк вскочил, по-кошачьи встряхнулся и принял боевую стойку, но Карен преградила ему путь.

— Подожди, — сказала она, положив руку ему на плечо. — Дрейк прав. Неизвестно, кого мог бы привлечь звук выстрела. А эти крылатые летуны — что мы знаем о них? Они могут быть… к примеру, чьей-то собственностью. А если их владелец еще меньше похож на человека, чем они?

— Я всего лишь хотел подстрелить эту тварь, — отрезал Майк. — Какого черта, разве за птицей уследишь? Она могла бы привести нас к еде, если бы мы сшибли ее на землю.

— Нам не следует заводить врагов, прежде чем мы не узнаем их силу, — наставительно сказала Карен.

— Теперь нам нужно держаться всем вместе, — вставил сэр Колин. — Иначе у нас не будет никаких шансов. Нам нельзя ссориться, парень. Понятно?

Майк пожал плечами. Правильные черты его лица на мгновение исказились в злобной гримасе..

— Я больше не повернусь к тебе спиной, Дрейк, — пообещал он. — Мы решим наш спор позже, но не сомневайся: я этого не забуду.

— Как хочешь, — безразлично отозвался Алан.

Становилось все холоднее. На землю опускалась ночь, но даже ветер казался безжизненным. На небе появились странные созвездия; лишь Млечный Путь казался знакомым. Алан неожиданно подумал, что свет некоторых звезд шел сюда с того самого момента, когда они навеки покинули свой родной мир, чтобы встретить их здесь, в месте невообразимого рандеву, где последние крохи Времени исчезали из рассыпающегося мира.

Появление луны немного приободрило их. Огромный бледный диск, печальный и до боли прекрасный, величественно плыл над миром, погруженным во тьму.

— Смотрите, — прошептала Карен. — На ней

можно видеть кратеры и мертвые моря!

— Думаю, она еще недостаточно приблизилась к Земле, чтобы вызывать землетрясения, — заметил сэр Колин, прищурившись. — Однако здесь должны быть сильнейшие приливы, если в океанах осталась вода. Интересно…

Внезапно он замолчал, встревожив остальных. Колышущийся занавес тумана впереди них раздвинулся в стороны, и в лунном сиянии вырос чудовищный силуэт колоссального здания, которое они мельком видели из корабля. Громоздкое и асимметричное, оно все же имело слишком правильную форму для любой природной формации.

— Люди не могли построить ничего подобного, — тонким, срывающимся голосом произнесла Карен.

— Невероятные размеры, — пробормотал сэр Колин. — До него еще далеко, но кажется, будто оно совсем рядом. Полагаю, мы направимся туда?

— Разумеется, — резко отозвалась Карен. Впервые после их пробуждения в ее голосе зазвучали командные нотки, словно она только сейчас полностью проснулась. Алан удивленно покосился на нее. Осознав, что есть шанс выжить, девуш-

ка словно родилась заново. К ней вернулась ее обычная энергия.

— Пошли, — бодро сказала она. — Возможно, там мы разберемся, что к чему. Но сначала отдайте Майку пистолет: нам может понадобиться его сноровка.

— На вашем месте я бы не стал многого ожидать, — предупредил шотландец, протянув оружие. — Скорее всего, это место пустует уже тысячу лет.

— Мы ведем себя как испуганные дети, — недовольно заметила Карен, вглядываясь в туман. — Если здесь есть летающие существа, то могут быть и наземные хищники. Майк, ты будешь в передовом дозоре, ладно? Держись шагах в двадцати впереди, если туман не станет плотнее. Алан, ты иди немного сзади и прикрывай нас с тыла. Сэр Колин, мы с вами будем следить за флангами. Держимся как можно ближе друг к другу, но, если мы столкнемся с чем-то неожиданным, нас не должны застать врасплох одновременно.

Кровь бросилась в лицо Алану, но он послушно отступил назад. Карен распорядилась разумно: ему следовало бы раньше задуматься о возможной опасности. До сих пор они шли как во сне, в котором не было никаких живых существ, кроме

них самих. Но здесь обитали люди-птицы и, кроме того, какое-то ревущее чудовище, сотрясавшее землю.

Когда луна поднялась выше, туман сгустился. Четверо людей мало-помалу сближались, чтобы не потерять друг друга из виду. Белесые испарения редко поднимались выше пояса, но иногда они образовывали гротескные витые колонны и курганы, которые вяло шевелились, словно жили своей, призрачной жизнью. Огромная таинственная цитадель по-прежнему возвышалась на фоне бледной луны.

Из движущихся теней перед ними появилось нечто белое, свивавшееся и распрямлявшееся подобно кольцам тумана. Майк Смит выхватил пистолет. Карен сделала тщетную попытку остановить его, но в этом не было необходимости. Стало ясно, что пистолеты будут бесполезны против этого монстра умирающего мира.

Из тумана выползал молочно-белый червь невероятных размеров. У Алана пересохло во рту. Преодолевая тошноту, он смотрел, как существо продвигается вперед скользящими, фантастически невероятными толчками. Толщина червя превышала рост человека; его тело протащилось по земле и исчезло за пеленой тумана. Алан так

и не смог ясно разглядеть его, но был только рад этому.

Червь либо не заметил людей, либо не обратил на них внимания. Он появился и исчез медленно и беззвучно, как во сне.

— Вероятно, он безвреден, — дрожащим голосом произнес сэр Колин. — Какая-то мутация…

— Боже мой! — Майк облизнул губы, глядя вслед исчезнувшему монстру. — Что это было?

Алан выдавил улыбку.

— Червяк, Майк, всего лишь земляной червяк. Помнишь их?

— Да, — холодно отозвался тот. — Но если здесь есть черви таких размеров, то я не хотел бы встретиться даже с мышами.

Черная цитадель постепенно вырастала перед путниками. Теперь они могли видеть, что неизвестные создатели этого грандиозного здания обработали каменный монолит так, словно базальт был мягким, как глина. Разумеется, это был не базальт, а какой-то другой материал, однако обычные ограничения, налагаемые гравитацией и архитектурными принципами, похоже, не имели значения для строителей.

— Интересно, как долго мы идем, — проворчал Алан себе под нос. — Мои часы остановились.

Сэр Колин усмехнулся и подмигнул ему.

— Думаю, их пора как следует смазать, — бросил он через плечо.

Алан улыбнулся в ответ, хотя на душе у него было тяжело.

— Если мы проспали миллион лет, то на диво хорошо сохранились, не говоря уже о нашей одежде и снаряжении. Порох, как правило, портится за десять — пятнадцать лет. Огромные запасы патронов, хранившиеся на складах с 1919 года, пришли в негодность к началу войны.

(Неожиданная ностальгия, даже по войнам… Какие грандиозные битвы бушевали на земле, по которой они шли теперь, прежде чем армии и покоренные страны обратились во прах?)

Сэр Колин фыркнул.

— Это был не сон, парень. Скорее это похоже на остановленный кадр киноленты. Все остановилось. Ты когда-нибудь слышал о стазисе?

Алан кивнул.

— Абсолютный нуль? При замедлении квантовых процессов высвобождение энергии практически прекращается.

— Как я посмотрю, ты и впрямь кое-что знаешь! — хохотнул ученый. — Теперь смотри: мы стареем, потому что теряем больше энергии, чем

можем приобрести. Возьмем, к примеру, проточный пруд. Один ручей впадает в него, другой вытекает с противоположной стороны. Так и с человеческим организмом — он приобретает и теряет энергию. Что происходит, когда наступает зима? Пруд замерзает до весенних паводков.

Весна… Алан с горечью улыбнулся. Он видел вокруг себя темную, пустую осень мира — осень, балансирующую на краю вечной зимы, грозившей заморозить Вселенную.

Сэр Колин замедлил шаг и поравнялся с ним.

— Да, — сказал он, словно отвечая на мысли Алана. — Здешние пруды замерзли не только от холода. Этот мир стар, парень. В нем живет лишь вырождающееся отродье давно ушедших эпох: безмозглые люди-птицы, черви-переростки и Бог знает что еще… — Он устало пожал плечами. — Ты понимаешь, что я имею в виду. Пока мир старился, мы не просто спали. Что-то — возможно, какие-то лучи или особый газ — остановило наши жизненные процессы. Атомарная структура наших тел, нашей одежды, порох в наших патронах — все это не было подвержено обычному износу. Пруд замерз. Моя борода сейчас не длиннее, чем в тот день, когда я в последний раз пользовался расческой.

Алан машинально провел пальцами по своему подбородку, покрытому короткой щетиной.

— Значит, наши жизненные процессы восстановились с того момента, когда мы проснулись, — задумчиво произнес он. — Я должен испытывать голод, но пока что мне не хочется есть.

— Лед тает медленно. Вскоре ты проголодаешься, как и все мы. А я до сих пор не видел никакой органической жизни, кроме крылатых существ да огромных червей.

— Они должны чем-то питаться. Если мы последуем за ними и обнаружим воду, то найдем и растительность.

Сэр Колин покачал головой.

— Вряд ли здесь осталось много воды, а содержание солей будет больше, чем в Мертвом море. Этого достаточно, чтобы отравить всю рыбу, если только она не приспособилась к новым условиям. То же самое относится и к растениям.

— Но крылатые существа…

— Возможно, но откуда ты знаешь, что они едят? А вдруг мы не сумеем проглотить и кусочка этой дряни?

— Узнаем, когда придем туда. — Алан кивнул в сторону чудовищной цитадели, чей силуэт вырисовывался на фоне луны.

— Кто бы ни построил эту проклятую штуку, я сильно сомневаюсь, что его пищеварительный тракт похож на наш, — пробормотал ученый со странной смесью ужаса и восхищения в голосе. — Ты обратил внимание на геометрию этого здания, парень? В ней нет ничего земного. Видишь?

Алан прищурился: туман мешал ясно видеть. Огромная крепость выросла до размеров одинокой горы. Лунный свет не отражался от темной поверхности. Здание оставалось лишь силуэтом, но они могли различить, что оно состоит из геометрических форм: многогранных структур, пирамид и шаров, пригнанных друг к другу на совершенно чуждый лад, с точки зрения человека — без смысла и порядка. Тем не менее каждая архитектурная деталь была укреплена так, словно строители учитывали огромные внутренние напряжения или силу тяготения, значительно превосходившую земную. Лишь высокоразвитый интеллект мог воздвигнуть эту огромную структуру, возвышавшуюся над туманной долиной. Но с каждым шагом становилось все яснее, что этот интеллект не принадлежал человеку.

— Ну и размеры! — пробормотал потрясенный Алан.

Задолго до того, как они подошли к зданию, им

приходилось запрокидывать голову, чтобы разглядеть самые высокие пики. Теперь, у основания отвесных стен, они испытывали головокружение, стоило лишь посмотреть вверх.

Сэр Колин провел рукой по мертвой черной поверхности.

— Эрозия, — пробормотал он. — Хотя готов поклясться, что здесь очень редко идут дожди. Сколько же ей лет?

Алан тоже прикоснулся к стене. Она была гладкой и холодной и на ощупь не напоминала ни камень, ни металл.

— Ты заметил, как мало света она отражает? — спросил сэр Колин. — Очень низкий индекс преломления — она как будто поглощает лунный свет.

Черная стена действительно впитывала лунный свет. Бледные лучи втекали в нее, словно река в бездонную пещеру. Пока Алан смотрел, ему почудилось, будто он видит тоннель — темное пустое пространство, уходящее в бесконечность.

Чувство головокружения и тошноты, охватившее его, было таким же, как в тот раз, когда он вышел из темной комнаты на корабле. Да, эти две темноты обладали несомненным сходством. Обе они были отрицанием света и звука. Возможно,

стена, которой он касался, была сделана не из вещества в привычном понимании этого слова, но из какой-то чуждой субстанции, где законы физики не действовали либо изменялись непостижимым образом.

Майк крепко сжал рукоять своего пистолета.

— Мне это не нравится, — процедил он сквозь зубы.

— Мне тоже, — тихо согласился сэр Колин. Он почесал бороду, разглядывая непроницаемое основание стены. — Сомневаюсь, сможем ли мы проникнуть внутрь.

— Здесь нет входа, — услышал Алан собственный голос, звучавший как-то странно и непривычно. — Нет дверей, через которые мы могли бы войти. Вход там, — он указал наверх.

— Вот как? — Голос сэра Колина доносился как будто издалека. — Почему ты так уверен в этом?

Три пары глаз подозрительно уставились на Алана. Он был настолько поражен недоверием своих спутников, что едва не попятился. Что они помнили? Он уже сожалел о неожиданной вспышке понимания, заставившей его произнести эти слова.

— Не знаю, — с усилием ответил он. — Пожалуй, я просто подумал о крылатых существах. Здесь

действительно нет ни дверей, ни проходов.

Алан хорошо понимал, что имел в виду Майк Смит, когда сказал «мне здесь не нравится». Если даже нацистский убийца потерял свое обычное хладнокровие, значит, тот необъяснимый ужас, накатывавший темной волной каждый раз, когда он думал о входе в здание, не был игрой воображения. Почему он должен вести себя как истеричный ребенок, охваченный страхом перед неизвестным? Алан закрыл глаза, пытаясь привести свои мысли в порядок. Знает ли он, что находится внутри черной цитадели?

Нет. В его сознании не возникло никаких образов — лишь смутная мысль о Чужом и пугающее предчувствие чего-то непостижимого.

Напряженный шепот Майка Смита прервал его размышления.

— Кто-то идет!

Алан открыл глаза. Вокруг них клубился белый туман, доходивший до пояса. В отдалении, медленно приближаясь к черной цитадели, двигалась квазичеловеческая фигура.

— Одна из этих крылатых тварей? — выдохнул Майк. Его глаза возбужденно сверкнули. — Нужно захватить ее!

— Майк! — предостерегающе воскликнула

Карен.

— Я не буду стрелять; просто не дам ей улететь.

Он низко пригнулся, изящным кошачьим движением скользнул вбок и исчез в колышущихся сумерках. Алан пристально следил за движущейся фигурой. Ему показалось, что у этого существа нет крыльев. Очертания фигуры странно расплывались, как если бы она носила какое-то просторное одеяние. Неожиданно рядом с ней вырос темный силуэт Майка Смита с протянутыми руками. Фигура отпрянула от него с тонким протяжным криком, похожим на струнный аккорд. В следующее мгновение она опрометью бросилась к цитадели, не замечая других людей.

Внезапный порыв ветра взметнул клубы тумана. Они слышали крик Майка, но за плотной пеленой едва могли различить его силуэт и бледную призрачную фигуру, бегущую впереди. Зрелище напоминало театр теней. Майк не мог догнать свою добычу, но подгонял ее к остальным, стоявшим у стены.

Алан подался вперед, охваченный неистовым восторгом. Вот и ответ, подумал он, осязаемый, живой ответ на все загадки, которые они не могли решить. Что за существо живет здесь, на краю

умирающего мира?

Внезапно из глубин тумана донесся приглушенный топот, и что-то с разбегу врезалось в грудь Алана. Он машинально схватил неведомое существо и прижал его к себе.

Глава 2 КАРКАСИЛЛА

Первым его впечатлением было ощущение невероятной хрупкости. Еще ослепленный туманом, он понял, что в его объятиях находится существо женского пола. Девушка была такой невероятно изящной, что ему показалось, будто, пытаясь вырваться из его рук, она может переломать себе все кости.

Затем туман раздался в стороны, и все озарил лунный свет.

— Вы поймали его? — пропыхтел Майк, подбежавший сзади.

Карен и сэр Колин наклонились, разглядывая удивительное существо. Алан промолчал. Пленница прекратила сопротивление и замерла неподвижно в его руках. Она смотрела на него, запрокинув голову. На ее лице отражался не ужас, а крайнее изумление.

Ее черты были невероятно тонкими и изящными. Казалось, даже череп под тонкой кожей представлял собой некую изысканную вещицу, вырезанную из кости. Лицо было безупречным, как неземной цветок — утонченный, рафинированный, бесконечно тщательно выращенный из

грубого прототипа. Даже волосы девушки казались такими тонкими, что парили в туманном воздухе. Газовая накидка, заставлявшая очертания тела девушки странно расплываться в тумане, собралась вокруг нее тонкими, как паутина, складками, подрагивавшими от каждого вздоха.

Глядя на нее, Алан испытывал ни с чем не сравнимый трепет и благоговение. Это изящное, воздушное существо выглядело совершенно неуместно в окружавшей их мертвой пустыне.

В огромных темных глазах девушки, окаймленных серебристыми ресницами, застыло изумление. Глядя в них, Алан на мгновение испытал ощущение мысленного зондирования, пережитое в тунисской пустыне. Но какое отношение Чужой мог иметь к этому изысканному, хрупкому существу?

— Это человек! — хриплым шепотом произнес сэр Колин. — Невероятно! Значит, мы не одни в этом мертвом мире?

— Не отпускай ее! — крикнула Карен. — Может быть, она приведет нас к пище.

Алан едва слышал их. Он наблюдал за лицом девушки, смотревшей на черные вершины цитадели. Там не было ничего, что могло бы привлечь

внимание остальных, но девушка смотрела так, словно видела нечто недоступное их взглядам. Возможно, так оно и было.

С неожиданным страхом Алан понял, что она может видеть. Между этой девушкой и Чужим существовало таинственное родство. Он ничего не видел, но ощущал некое давление, окружавшее их. Чье-то присутствие, неосязаемое, как ветер, заполнило полумрак. Кто-то наблюдал за ними с черных высот, но не глазами человека.

— Вы заметили, что она больше не боится? — поинтересовалась Карен.

Алан опустил голову. Девушка больше не обшаривала взглядом вершины цитадели, она внимательно изучала лицо Алана, и было заметно, что она совершенно успокоилась. Неведомое существо шепнуло ей какое-то слово из темноты, и ее испуг бесследно исчез.

— Вы тоже почувствовали, да? — В рокочущем голосе сэра Колина слышался сильный шотландский акцент.

— Что вы имеете в виду?

— Опасность, друг мой. Опасность. Это не наше время. Мотивы человеческих поступков явно изменились — возможно, непостижимым образом. Дважды два в психологическом уравнении боль-

ше не равно четырем. И еще… — Он помедлил. — У нас больше нет критериев, чтобы судить, что является человеческим, а что нет.

Майк Смит холодно взглянул на девушку.

— Как бы она ни отличалась от нас, ей нужно что-то есть. И мы должны выяснить, где она достает еду.

С отстраненным любопытством Алан подумал о том, что эта девушка, пусть и обладающая неопровержимым сходством с Чужим, не производит на него такого же отталкивающего впечатления.

Незнакомка положила узкую белую ладонь на грудь Алана и мягко высвободилась из его рук. Он не пытался удержать ее, но она отошла лишь на шаг-другой и замерла, вопросительно глядя на него.

Повинуясь внезапному побуждению, Алан похлопал себя по груди и разборчиво произнес свое имя. Лицо девушки озарилось, словно освещенное изнутри; по-видимому, жест Алана затронул какую-то струну в ее сознании.

— А-лаун? — Она прикоснулась к своей груди: — Эвайя.

Ее голос звучал мелодично, как звон серебряного колокольчика.

— Скажи ей, что мы хотим есть, — нетерпеливо

рявкнул Майк Смит.

Девушка с беспокойством взглянула на него, а когда сэр Колин пробурчал что-то в знак согласия, отступила на несколько шагов, всколыхнув складки своего одеяния. По-видимому, Алан был единственным человеком, не внушавшим ей опасений.

Некоторое время он безуспешно пытался объяснить жестами, что они хотят есть. Вскоре ему предстояло узнать, почему еда и питье так мало значили для этой странной обитательницы умирающего мира.

Наконец он показал назад, через долину. Если она пришла откуда-то издалека…

На лице Эвайи не отразилось ничего. Алан скрипнул зубами и попробовал еще раз. Девушка наклонила голову, словно прислушиваясь, и кивнула. Тонкие серебристые волосы облачком взлетели вокруг ее головы.

— Каркасилла, — звенящим голосом произнесла она.

— Это нам ни о чем не говорит, — заметила Карен. Эвайя с неприязнью покосилась на нее. Она едва ли не умышленно игнорировала присутствие еще одной представительницы своего пола.

— Возможно, так называется место, откуда она пришла, — предположил сэр Колин.

— Не из цитадели?

— Не думаю. Она направлялась к цитадели, когда мы заметили ее.

— Но почему?

Шотландец погладил бороду.

— Этого я, конечно, не знаю. И честно говоря, мне это не нравится. С виду девушка кажется безобидным существом, но у меня есть сильное подозрение, что цитадель вовсе не безобидна. Они как-то связаны между собой… вы понимаете, что я имею в виду?

Все снова посмотрели на мрачные вершины. Взгляд Эвайи скользнул вверх, но, по-видимому, она не разделяла их отвращения к исполинской черной структуре. В ее глазах светилось чувство, похожее на благоговение.

С внутренним содроганием Алан опять ощутил на себе холодный, нечеловеческий взгляд. Возможно, Карен тоже что-то почувствовала.

— Пошли, — сказала она. — Нам нужно как можно скорее убраться отсюда.

Пользуясь языком жестов, Алан попытался объяснить Эвайе, чего они хотят. Она по-прежнему медлила, глядя на безмолвные пики цитадели.

Затем она повернулась и поманила Алана за собой. Судя по ее виду, ей было абсолютно все равно, последуют за ним остальные или нет.

— Что ж, по крайней мере, это достаточно ясно, — вздохнул сэр Колин, поравнявшись с Аланом.

Они снова брели в лунном свете по пустому миру через плотный белесый туман, доходивший до пояса. Безжизненная местность вокруг не менялась. Один раз издали донеслись отзвуки того грохота, который они слышали раньше, и земля слегка вздрогнула под ногами. Эвайя не обратила на это внимания.

Алан начал уставать. Болезненная пульсация в раненой руке раздражала его: рана от нацистской пули перенеслась в немыслимую даль времен, но от этого ничего не изменилось. И сами нацисты, и их пули давно превратились в пыль под ногами, но в стазисе на борту корабля его рана осталась свежей, и нечем было вылечить ее.

— Интересная девушка. — Голос сэра Колина прервал его мысли. — Она не похожа на дикарку, не так ли? Судя по всему, она является продуктом высокоразвитой культуры. Она неестественно красива.

— Неестественно?

— Слишком хрупкая. Это ненормально. Думаю,

в своем естественном окружении она полностью защищена от любых опасностей. А это значит…

— Каркасилла! — воскликнула Эвайя звенящим, серебристым голосом. — Каркасилла!

Она указала вперед. То, что до сих пор казалось Алану отражением лунного света от гладкой поверхности скалы, на самом деле было вовсе не отражением. Светящийся диск футов двадцати в диаметре наискось пересекал склон пологого холма перед ними. Он испускал призрачное желтое сияние, как огромный плоский самоцвет.

Эвайя легкой походкой подошла к светящемуся диску и встала на краю, ожидая остальных. Глядя на ее фигуру, окутанную туманным облаком газового одеяния, Алан внезапно осознал, что, несмотря на свое хрупкое сложение, она вовсе не ребенок. На мгновение он едва ли не позавидовал нечеловеческому совершенству и изяществу ее форм. На фоне сияющего диска она напоминала Артемиду, древнегреческую богиню охоты.

Затем Эвайя повернулась, вошла прямо в сияние и исчезла.

— Дверь! — ахнул Алан.

— Вы считаете, нам нужно последовать за ней? — приглушенным голосом осведомилась Карен. — Я не слишком доверяю этой девчонке.

Майк рассмеялся, блеснув крупными белыми зубами.

— Я голоден и хочу пить. Кроме того…

Он хлопнул по кобуре пистолета и уверенно шагнул вперед, протянув руку к сияющему порталу. Однако его рука как будто наткнулась на невидимое препятствие. Он нахмурился и повернулся к остальным:

— Эта штука твердая! Сэр Колин, что скажете?

Алан и шотландский ученый последовали за Карен к порогу странной двери. Барьер казался неосязаемым, однако их руки лишь скользили по светоносному диску, как по стеклу. Алан подумал, что это вещество чем-то сродни строительному материалу цитадели. Здесь был овеществленный свет, там — плотная темнота. Может быть, и то и другое создано одними руками?

— Девушка прошла внутрь без усилий. — Сэр Колин прикусил губу и озадаченно покачал головой. — Любопытно… Должно быть, это барьер для защиты от внешних врагов. Но почему она привела нас сюда, если хотела оставить снаружи?

— По-видимому, она не знала, что мы не сможем войти, — предположил Алан.

Прежде чем кто-либо успел ответить ему, Эвайя прошла через диск с обратной стороны и появи-

лась перед ними. Она озадаченно посмотрела на людей и поманила их за собой. Алан указал на сияющую стену. Затем, отчаявшись что-то объяснить, он уперся обеими руками в странную непроницаемую поверхность. Эвайя кивнула и легкой тенью скользнула внутрь диска.

— Очевидно, это для нее не препятствие, — проворчал сэр Колин. — Помнишь, что я тебе говорил, Алан, — она может быть не вполне человеком в нашем понимании этого слова.

— Она достаточно человечна, чтобы понять наши затруднения и попытаться помочь нам, — отрезал Алан, неожиданно для самого себя встав на защиту Эвайи. — Она не стала бы…

Он замолк на полуслове. Из темноты за ними донесся какой-то звук… нет, мысленный зов, исходивший из той пустыни, через которую они прошли. Остальные тоже услышали зов: они повернулись и посмотрели назад. Вокруг царила тишина. Луна зашла за горизонт, и лишь звездный свет слабо озарял колышущуюся пелену тумана. Ничто не двигалось.

Однако там что-то было. Кто-то звал их.

Алан знал это чувство. Оно следовало за ними по пятам, темным облаком накатывалось сзади. Чье-то присутствие в тунисской пустыне, на кос-

мическом корабле, рядом с цитаделью — каждый раз все ближе и сильнее. Сейчас оно было требовательным. Алан ощущал, как оно движется в пыли по их следам, словно некое бесформенное, чудовищное животное. Зов усилился. Что-то внутри Алана тянуло его в сторону от остальных, но отвращение удержало его на месте. Его мозг как будто зашевелился в черепной коробке под воздействием невидимого Присутствия. Пейзаж, озаренный холодным лунным светом, оставался пустынным. Алан слышал тяжелое дыхание сэра Колина и приглушенные проклятия Майка. Кто-то прошел мимо него… Карен! Он схватил ее за руку.

— Нет, не надо!

Она повернула к нему побелевшее, бескровное лицо. Пространство за спиной внезапно озарилось радужным светом. Мглистая пелена уплотнилась, на нее легли длинные тени человеческих фигур. Но в тумане по-прежнему никого не было.

— Дверь! — хрипло выдохнул Майк. — Она открыла дверь! Пойдемте же скорее, ради всего святого!

Алан повернулся и потащил Карен за собой. Тьма в долине казалась населенной рыщущими

демонами. По его позвоночнику пробежал холодок; сзади приближалось нечто невидимое и смертоносное. Огромный лунный диск превратился в открытый конец длинного мерцающего светового коридора. Сэр Колин вошел туда вслед за Майком; потом настал черед Алана и Карен. Дрейк оглянулся как раз в тот момент, когда золотистая вуаль, возникшая в проеме, отгородила их от пустынной равнины. Ему показалось, будто он видит нечто темное и расплывчатое, движущееся сквозь туман подобно хищному зверю, выслеживающему добычу.

Он протянул руку, прикоснувшись к золотистой вуали, и обнаружил тот же самый гладкий барьер, который мешал им войти.

— Как вы думаете, оно может проникнуть сюда? — дрожащим голосом спросила Карен.

— Вряд ли. — От напряжения шотландский акцент в речи сэра Колина слышался явственнее, чем обычно. — Иначе оно бы так не старалось захватить нас, прежде чем мы вошли внутрь.

Майк Смит хрипло рассмеялся.

— Захватить нас? С чего вы взяли, что ему это нужно?

Алан промолчал. Его глаза превратились в две узкие щелочки под тяжелыми веками, губы плот-

но сжались. По крайней мере, в одном больше не стоило обманывать себя: неведомое Присутствие осталось не только в воспоминаниях. Оно было достаточно реальным и смертельно опасным. Оно преследовало их с непонятной целью, о которой Алан мог лишь догадываться, но не с целью захватить в плен. При всей примитивности своего мышления Майк был прав. Он чувствовал дыхание смерти, наступающей ему на пятки.

— А-лаун? — позвала Эвайя с вопросительной интонацией.

Алан заглянул через плечо Майка и увидел стройную фигуру девушки в газовой накидке, освещенную золотистым светом, исходившим от стен тоннеля. Но она не смотрела на них. Ее взгляд был обращен к закрытому барьеру, через который они вошли, и она как будто прислушивалась. На какой-то ужасный момент Алану показалось, что темное существо, преследовавшее их в пустыне, зовет ее через светоносный диск. Несомненно, между нею и Присутствием (теперь Алан даже мысленно произносил это слово с большой буквы) в цитадели существовала некая незримая связь. Может быть, они снова общаются друг с другом?

Здесь, в ярком и теплом свете, Эвайя выглядела

еще прекраснее, еще безупречнее, чем раньше. Ее красота была подобна совершенству тропической орхидеи или резной статуэтки — розовой и молочно-белой, с глазами глубокого фиолетового цвета. Ее волосы приобрели странный неуловимый оттенок между золотистым и серебряным и переливались, когда она поворачивала голову. Улыбнувшись, она указала вперед.

— Каркасилла! — В ее голосе звучала гордость. — Каркасилла, вайенне!

Широкий проход образовывал сияющую арку, дальний конец которой терялся в мерцающем свете. Эвайя махнула рукой, призывая их за собой, и двинулась вперед.

Пока они шли по изогнутому полу тоннеля, Алан осознал, что коридор не предназначался для людей. Он имел цилиндрическую форму и постепенно поднимался. Люди в таком месте сделали бы ступени или протянули поручни. Сейчас же им приходилось упираться ладонями в стены и осторожно переставлять ноги, чтобы не поскользнуться.

Даже Эвайя продвигалась с трудом. Время от времени она оглядывалась и ободряюще улыбалась им, но не пыталась помочь. Спотыкаясь и скользя, Алан все же не забывал о том, что

осталось позади. Однако темнота не следовала за ними и беззвучные призывы не раздавались в его сознании. Чужой, кем бы он ни был, на время остановился перед препятствием.

Через некоторое время, показавшееся Алану довольно долгим, тоннель выровнялся, и Эвайя с улыбкой отступила в сторону.

— Каркасилла! — повторила она.

Они вышли из цилиндрического тоннеля на платформу, укрепленную на стене утеса. Крутой скат впереди уходил вниз; каменные стены слева и справа от платформы были покрыты причудливой паутиной галерей, простиравшейся так далеко, насколько мог видеть глаз. Три человека, прибывшие из юного мира, одновременно шагнули вперед, оперлись на странно изогнутые поручни и посмотрели вниз.

Перед ними раскинулось пространство колоссальной пещеры, освещенное голубоватым светом. В центре пещеры стоял город.

Ни один человек никогда не видел подобного города в своих снах. Он чем-то напоминал саму Эвайю, изящный и хрупкий, как драгоценный талисман, ошеломляющий своей красотой и безупречностью линий. Его даже нельзя было назвать городом в человеческом понимании этого

слова. Это был сад из камня и хрусталя, мечта, воплощенная в трех измерениях, — что угодно, но только не город, построенный людьми.

И в нем царило безмолвие.

Вся пещера казалась огромным фиолетово-голубым сном, где никогда не шел дождь, не светило солнце, не дул ветер. Чей-то сон материализовался в стеклянных и мраморных пузырях, в гигантских витках эстакад, висящих в пустом воздухе, но этот сон принадлежал не человеку.

Медленно спускаясь по скату вслед за остальными, Алан увидел дальнейшее подтверждение своих подозрений. Перила галерей изгибались под странными углами и были расположены на неудобном расстоянии от пола, однако явно служили для удобства неведомых существ. Сами галереи, как и цилиндрический тоннель, ведущий к ним, не могли быть творением человеческих рук. Кто-то иной видел сон Каркасиллы; кто-то иной задумал и построил ее; кто-то иной расположил галереи так, что он мог опереться на поручни своим невообразимым телом и наслаждаться красотой своего творения.

Они стояли на краю текучей бездны. Здесь не было ни зданий-островов, парящих над головой, ни крыш внизу — лишь зеркальная мостовая. Но

у подножия ската начиналась длинная легкая спиральная лестница, по которой стекали бледные струи воды, дробившиеся на бесчисленные ручейки возле их ног и исчезавшие в сине-зеленой мостовой. Конечно, это была не настоящая вода, однако иллюзия выглядела столь совершенной, что они инстинктивно отпрянули от казавшихся зыбкими в струях воды ступеней.

Вся Каркасилла отрицала законы гравитации, но это зрелище было самым поразительным из всех, которые они видели до сих пор. Широкие плавные изгибы лестницы-водопада шли по воздуху безо всякой поддержки, образовывали четыре сужающихся витка и заканчивались у основания парящей башни. Обтекаемые готические очертания башни были подернуты вуалью бледных потоков, падавших наземь и сбегавших по ступеням. Это место казалось уединенным, и башня на самом деле стояла в стороне от других зданий, игравших всеми цветами радуги.

Эвайя поставила ногу на первую ступеньку, улыбнулась им через плечо и кивнула в сторону парящей башни.

— Флэнд, — сказала она.

Люди с опаской двинулись за ней. Сперва они недоверчиво поглядывали под ноги, но потоки

иллюзорной воды, струившиеся внизу, не оставляли следов на обуви. Поднявшись до первого витка спирали, они поняли, что лучше вообще не смотреть вниз. Все взгляды устремились к водопаду, вытекавшему из башни над бездной.

Бурные потоки, сбегавшие по стенам башни, должны были бы низвергаться с ревом и грохотом, однако «вода» беззвучно проносилась под ними, достаточно близко, чтобы потрогать ее. В дождевой завесе наверху не было ни окон, ни дверей.

Пока четверо пришельцев потрясенно озирались по сторонам, временно лишившись дара речи, Эвайя уверенно прошла вперед и приложила свои узкие маленькие ладони к дождевой стене. Очевидно, иллюзия обитала под поверхностью башни, поскольку вода продолжала беззвучно течь под ее пальцами.

Секунду спустя бурные потоки начали расходиться в стороны, словно кулисы занавеса. В стене появилась постепенно расширяющаяся щель.

— Флэнд, — повторила Эвайя.

Щель превратилась в широкий проем, где клубился радужный туман, похожий на игру солнечных лучей в брызгах водопада. Мало-помалу туман рассеялся, и Алан увидел лицо — огромное,

как у бога. Но его черты были человеческими, а не божественными. И этот человек спал…

Безмятежный облик казался юным, но вовсе не таким, как Эвайя — оживленная, уверенная и сияющая внутренним светом. То была вневременная юность, застывшая как мрамор на лице тысячелетней статуи.

Пока они стояли в молчании, опущенные веки медленно поднялись. Очень мудрые и старые глаза холодно взглянули на Алана из невообразимой дали. Губы едва заметно шевельнулись.

— Эвайя, — произнес мужской голос, звучный и бесстрастный. — Эвайя, ва эстен да с'эро.

Девушка помедлила с ответом.

— Маи ра… — начала было она.

Флэнд не повысил голос, но в его тоне явственно зазвучали более глубокие командные ноты. Эвайя неуверенно покосилась на маленькую группу людей, стоявших рядом с нею. Ее взгляд остановился на Алане. Американец улыбнулся ей уголками губ, и она улыбнулась в ответ. Затем она отвернулась от огромного лица и медленно пошла вниз по спиральной лестнице.

— Она что, убегает от нас? — резко спросил Майк Смит. — Я могу…

Внезапно он замолчал. Его рот приоткрылся,

лицо окаменело от изумления, когда он услышал голос, беззвучно обратившийся к людям.

— Я отослал Эвайю. Она будет ждать у основания башни, пока я не расспрошу вас.

Алан искоса взглянул на сэра Колина. Шотландец подался вперед и как-то странно склонил голову к плечу. Его клювообразный нос напомнил Алану попугая, замышляющего какую-то проделку. На лице сэра Колина не отражалось страха — лишь глубокая заинтересованность. Лицо Карен оставалось спокойным, хотя ее зеленые глаза опасно сощурились. Майк Смит замер в напряженной позе, как пружина, готовая распрямиться в любой момент.

— Вы понимаете меня? — спросил голос в их сознании.

— Понимаем, — ответил сэр Колин, быстро переглянувшись с остальными. — Полагаю, это телепатия?

— Мой разум соприкасается с вашим, и мы можем говорить на языке, для которого не существует барьеров. Да, это телепатия. Но вы можете говорить вслух: так мне будет проще исследовать ваш разум.

Алан прикоснулся к рукаву сэра Колина и предостерегающе взглянул на ученого.

— Минутку, — сказал он. — Мы сами хотели бы задать несколько вопросов.

Огромные затуманенные глаза Флэнда внезапно вспыхнули, и серебристая молния с потрескиванием пронеслась над головами людей. Они инстинктивно отшатнулись от клинка ярчайшего света, промелькнувшего над узкой площадкой. Угроза во взгляде Флэнда осязаемо отдавалась в их сознании.

Затем Флэнд рассмеялся холодным, безразличным смехом. Сверкающий клинок неожиданно превратился в дождь серебристых искр, медленно осыпавшихся вокруг них. Карен закрыла глаза рукой, Майк выругался по-немецки. Остальные напряженно застыли, ожидая, что искры обожгут их холодным огнем.

Но Флэнд снова рассмеялся, скрытый завесой своих тысячелетних воспоминаний, и серебристый дождь, не причинив никому вреда, впитался в полупрозрачную текучую твердь площадки, на которой они стояли. Мерцающие точки слились с водянистой гладью и поплыли вниз.

Алан с отстраненным любопытством наблюдал за ними. В следующее мгновение поверхность под его ногами проломилась, как непрочный лед. Он падал… Алан бросился ничком, цепляясь за

остатки пола. На какой-то момент падение замедлилось, даже прекратилось, но затем раздался звон бьющегося стекла, и он снова полетел вниз.

Холодный смех Флэнда прозвучал в третий раз.

— Встаньте, — сказал он. — Опасности нет. Видите — я убрал свою магию.

И действительно: каким-то чудом площадка снова была целой. С пылающим лицом Алан поднялся на ноги и услышал шорох ног, когда другие последовали его примеру. Плотно сжатые губы Карен побелели от напряжения. Сэр Колин криво усмехался. Майк Смит снова пробормотал что-то по-немецки, и Алан неожиданно понял, что Флэнд только что завел себе врага — чего бы ни стоила эта вражда. Остальные могли видеть в случившемся телепатический трюк или сеанс группового гипноза, но для Майка это было личным оскорблением, требовавшим отмщения.

Какое-то время они стояли в нерешительности напротив огромного лица, наблюдавшего за ними из башни. Никто не знал, что делать дальше. Наконец Флэнд заговорил.

— Лишь глупцы могут задавать мне вопросы, — произнес он. — Думаю, вы не повторите этой ошибки. То, что вы видели, — лишь малая толика

моего могущества. И вы здесь нежеланные гости, поскольку потревожили мои Сны.

Его задумчивый взгляд миновал их и устремился в неведомые дали, за стены колоссальной пещеры, окружавшей Каркасиллу.

— Судя по тому, что я прочел в вашем разуме, вы странные люди. Но возможно, недостаточно странные, чтобы надолго заинтересовать меня.

— Чего вы хотите от нас? — спросил Алан.

— Вы ответите на мои вопросы. Вы расскажете, кто вы такие, откуда и зачем вы пришли.

— Хорошо. У нас нет секретов. Но что будет потом?

— Подойди сюда, — приказал Флэнд.

Алан осторожно шагнул вперед. Его нервы были напряжены до предела. Огромное лицо бесстрастно наблюдало за ним. Шаг за шагом он медленно приближался к таинственному проему. Остальные в молчании смотрели на него.

Лишь рефлексы опытного летчика, а возможно, шестое чувство подсказало Алану, что он теряет равновесие. Поверхность под его ногами выглядела прочной, но он застыл на середине шага и попятился, балансируя на краю бездны, которую он ощущал, хотя и не мог видеть. Три пары глаз изумленно уставились на него.

Алан протянул руку и принялся обшаривать поверхность площадки перед собой, пока его пальцы не нащупали край. Внизу простирались бездонные фиолетовые глубины Каркасиллы. Еще один шаг в гипнотическом трансе — и он бы полетел вниз.

— Какого дьявола!.. — ахнул сэр Колин. Алан выпрямился.

— Я чуть не вышел за край площадки, — сообщил он.

— Его гипнотические силы очень велики, — пробормотал сэр Колин. — Нам казалось, что ты идешь прямо к нему.

— И эта площадка на самом деле шире, чем кажется, — мрачно закончил Алан. Он повернулся к башне. — О'кей, все ясно. Вы собираетесь убить нас?

Губы Флэнда дрогнули в едва заметной улыбке.

— Еще не знаю.

Огромное лицо с безмерной усталостью смотрело на них и сквозь них. Алан, выдержавший этот взгляд, подивился собственной дерзости. Лицо Флэнда выглядело вполне человеческим; может быть, это была трехмерная проекция на какой-то невидимый экран или просто иллюзия, как и то, что произошло с ним?

Или Флэнд все-таки не был человеком? Возможно, лицо служило лишь маской, скрывающей нечто невообразимое.

— Послушайте, — внезапно сказал Алан. — Если вы можете читать мысли, то зачем допрашивать нас? Думаю…

Во взгляде Флэнда, устремленном в неведомую даль, внезапно появилось выражение вполне человеческого удовлетворения.

— Ты больше не будешь думать, — презрительно произнес беззвучный голос. — Или ты полагаешь, будто мне есть дело до того, откуда ты пришел, человечек? Я знаю, куда ты уйдешь…

Сзади и снизу послышались хриплые крики, нарушившие фиолетовую тишину Каркасиллы. Над ними возвысился серебристый голос Эвайи, чистый и мелодичный. Алан шагнул к лестнице, и Майк Смит плавным движением потянулся за своим пистолетом.

— Подождите, — остановил их голос Флэнда. — Теперь вам не уйти. Здесь, в Каркасилле, вы нам не нужны. Вы варвары, и у нас нет места для вас. Поэтому я вызвал других варваров из дикой глуши за городом; они избавят меня от необходимости лично убить вас. Вы спрашивали себя, почему я недавно морочил вас иллюзиями?

Только ради того, чтобы дать варварам время прийти сюда через ворота, открытые для них… Обернитесь!

Лестница содрогнулась и глухо завибрировала. Хриплые крики снизу приблизились, послышался топот бегущих ног. Затем на площадку вихрем вылетела Эвайя и в ужасе оглянулась через плечо в облаке взметнувшихся волос.

— Терази! — воскликнула она. — Терази!

Флэнд встретил ее отчаянный призыв ледяным взглядом и покачал головой. Радужный проход начал закрываться. Майк Смит выкрикнул что-то по-немецки и вскинул пистолет, но, прежде чем он успел прицелиться, щель захлопнулась, и стена башни снова подернулась мерцающей дождевой завесой. Флэнд исчез.

Топот доносился уже с последнего витка спиральной лестницы. Появилась группа бегущих дикарей. Когда они увидели добычу, то на их лицах, на которых отражалось что-то похожее на страх, появилось выражение мрачной решимости. Их вожак грозно завопил, потрясая суковатой дубиной, сделанной из ветки какого-то подземного дерева.

Судя по всему, налетчики были родом не из Каркасиллы. Они выглядели дико и неуместно в

этом городе оживших снов. Кожаные лохмотья лишь едва прикрывали их массивные, мускулистые тела, волосатые и покрытые шрамами.

Вожак был выше других, великолепно сложен, с огромными мышцами дикого быка и лицом готической химеры. Его спутанные светлые волосы были перехвачены металлическим обручем, темные глаза глядели сурово и решительно. Свежая резаная рана наискось пересекала его широченную грудь, мускулы на которой угрожающе перекатывались, когда он потрясал своей дубиной. Он обладал сверхчеловеческой силой и проворством гориллы, обитавшими в человеческом теле и оттого лишь более опасными.

Площадка едва ли подходила для рукопашной схватки. От высоты кружилась голова, и призрачная вода, сбегавшая вниз по спиральной лестнице, выглядела скользкой, хотя на самом деле опора под ногами была упругой и шероховатой. Но теперь оставалось лишь принять бой.

Алан стоял ближе всех к атакующему дикарю, и у него не было времени на размышления. Стены башни зазвенели от торжествующего рева вожака, когда тот выскочил на площадку.

Чисто инстинктивно Алан бросился вперед с пистолетом в руке, но что-то удержало его па-

лец на спусковом крючке. Он не мог избавиться от ощущения, что не должен стрелять в Каркасилле — как будто стены безмолвного города могли обрушиться вокруг них от попадания одной-единственной пули. Перехватив пистолет за ствол, Алан взмахнул им, как дубинкой, под занесенным оружием дикаря.

Это оказалось ошибкой — одним из немногих случаев, когда Алан Дрейк недооценил своего противника. Дубина просвистела над плечом американца, но великан в свою очередь уклонился от пистолета Алана, и другая его рука неуловимым движением выбросила что-то перед собой. В воздухе мелькнула серебристая вспышка.

Резкая боль пронзила запястье Алана. Его рука бессильно повисла, а пистолет с лязгом покатился по ступеням лестницы. Он посмотрел на свою руку и увидел кровь: сверкающая стальная стрелка с четырьмя направляющими лопастями глубоко вонзилась ему в запястье. Выходит, это не совсем дикари, раз они умеют делать такие вещи…

Выдернув стрелку из раны, Алан развернулся. В нем бушевала холодная ярость. Он бросился к упавшему пистолету и подхватил оружие на самом краю ступени. Майк Смит за его спиной испустил торжествующий вопль, эхом вторивший

крику дикаря, и длинным кошачьим прыжком перемахнул через Алана. Его губы растянулись в жуткой ухмылке, в глазах плясали желтые огоньки. Смит был в своей стихии. Он двигался плавно и быстро, как крупный хищник. Но все же недостаточно быстро. Прежде чем он приземлился на лестнице за спиной Алана, громадный дикарь прыгнул ему навстречу и выбросил вперед одну ногу, целясь в пистолет. Майк инстинктивно отпрянул в сторону — и попался. Могучие мускулистые руки дикаря стиснули его с такой силой, что затрещали ребра.

Все это Алан увидел в тот момент, когда его пальцы нащупали холодный ствол пистолета. Он заметил, как Карен и сэр Колин лихорадочно кружат по площадке, пытаясь прицелиться через его голову. Но прежде чем кто-либо успел выстрелить, дикарь поднял Майка Смита за шиворот и брючный ремень одним легким движением, поднатужился и швырнул свою добычу в остальных противников. Не остановившись на этом, он бросился вперед и всем весом обрушился на Алана, чей палец как раз нащупал спусковой крючок.

Алан еще успел подивиться молниеносной тактике вождя дикарей, тщетно пытаясь откатиться в сторону из-под его огромных ног, обутых в гру-

бые сандалии. Затем последовал чудовищный удар, и мир померк перед глазами американца.

До него смутно доносились крики и топот ног. Потом или все смолкло, или Алан снова погрузился в забытье — ему было все равно.

Через некоторое время он понял, что дождевая завеса снова разошлась в стороны, открыв юное лицо Флэнда с глазами тысячелетнего старца. Голос Эвайи, доносившийся откуда-то сбоку, звучал гневно и требовательно. Алан ощущал на себе холодный, ясный взгляд Флэнда, ощущал враждебность этого взгляда. Ему показалось, что Эвайя просит о чем-то ради него, а Флэнд отвергает ее просьбу.

Эвайя повысила голос, звеневший от отчаяния. Но прежде чем она успела договорить, Алан погрузился в сон, избавивший его от всяких мыслей — почти такой же глубокий, как смерть. Время от времени вспышки пронзительной боли будили его. Его куда-то несли на плечах, но кто?.. Сородичи Эвайи? Это не имело значения. Засыпая и просыпаясь, он видел, как мимо проплывают разноцветные купола Каркасиллы.

Они спускались по широкому изогнутому пролету хрустальной лестницы к огромному бассейну из оникса и розового мрамора, занимав-

шему всю центральную площадь Каркасиллы. Изогнутые борта бассейна были отделаны тонкой кружевной резьбой на мраморе. Свет наполнял его до краев, как вода — фиолетовый, полупрозрачный, колеблемый постоянным движением.

Люди вошли в бассейн и понесли Алана к высокой пульсирующей колонне, по-видимому служившей источником фиолетового сияния, освещавшего Каркасиллу. Колонна пламени, столп негасимого света… Теперь Алан чувствовал, как свет омывает его, прохладный и бесконечно освежающий.

Он едва различал очертания гладкого пола под колышущейся сине-фиолетовой пеленой. Потом он увидел белый мраморный пьедестал, из которого вырастала огненная колонна. Должно быть, бессвязно подумал он, свет исходит из некоего подземного источника и пробивается прямо сквозь мрамор.

Его внесли в этот свет и положили на мраморный пьедестал. Здесь, в сине-фиолетовом пламени, ему дышалось легче, чем снаружи. Мягкая, живительная прохлада, окружавшая тело, уносила боль. Алан потерял вес; его тело едва прикасалось к мрамору. Невидимые течения плавно поворачивали его то в одну, то в другую

сторону. Казалось, холодное пламя проникает в его плоть и крошечными пузырьками растекается по телу. Затем фиолетовые сны овладели его измученным разумом. Он с радостью отдался им, покачиваясь в волнах света, очищавших каждую мельчайшую частицу его существа.

Когда сознание вернулось к Алану, он лежал на мягком полу в круглой сводчатой комнате. Через аквамариновые стены сочился фиолетовый свет его снов.

Он лишь смутно осознавал ход времени. Обитатели Каркасиллы — хрупкие, с бледно-серебристыми волосами — входили на цыпочках и шептались над ним. Хотя Алан не помнил их лиц, они казались ему старыми знакомыми. Эвайя сидела рядом с ним чаще всего, а позднее сопровождала его в прогулках по городу. Он шел медленно, но больше не спотыкался, и даже воспоминания о боли исчезли из его движений.

У него не осталось вообще никаких воспоминаний. И живой, воюющий мир, покинутый бессчетные тысячелетия назад, и мертвый мир, где он проснулся, были одинаково забыты в этом странном сноподобном состоянии. Он не тосковал о своих спутниках, оставшихся на лестнице перед башней Флэнда, не интересовался, куда

ушли дикари или откуда они пришли. Все, что происходило с ним, было хорошо.

Алан начал понимать многие слова текучей речи каркасиллианцев, становившиеся знакомыми от частого повторения. По мере того как сказанное тихими голосами делалось все понятней, в его затуманенный разум начало проникать знание.

Голоса поведали ему о волшебстве фонтана. Оно даровало бессмертие. Все, кто купался в его пульсирующем свете, становились бессмертными, если повторяли эту процедуру через определенные промежутки времени. Даже Флэнд иногда спускался к фонтану — так говорили голоса.

«Остерегайся Флэнда! — звенели они. — Его заклятья поражают без предупреждения. Ты должен быть сильным и бодрым, чтобы сражаться с ним, если это понадобится».

Тихие голоса каркасиллианцев нашептали Алану много других вещей. Он не ощущал ни жажды, ни голода; фонтан давал все необходимое для жизни. Когда каркасиллианцы купались в нем, все болезни проходили, раны исцелялись сами собой. А когда они уставали от жизни, фонтан дарил им Великий Сон.

Да, обитатели этого безупречного и стериль-

ного мира знали, что такое усталость. Когда они изучали всю Каркасиллу до мельчайших подробностей, знали каждый мостик, каждое здание и каждое лицо и тоска начинала овладевать ими — тогда они спускались к фонтану и выбирали Великий Сон. Воспоминания бесследно исчезали; после пробуждения Каркасилла вместе с ее обитателями становилась новой и неизведанной и жизнь начиналась сначала.

Так было всегда. Происхождение Каркасиллы затерялось в летаргии тысяч и тысяч Великих Снов. Однако существовали легенды. Носители Света построили город и населили его. Они давно ушли, но Каркасилла осталась стоять памятником их неземных Снов. И жители города были частью этих Снов.

Лишь Флэнд никогда не погружался в Сон. Лишь он — да, может быть, сами боги — помнили все, что происходило с самого начала. Возможно, Флэнд боялся потерять свое могущество или забыть один из своих темных секретов.

Проснись, А-лаун!

Настойчивый призыв звучал в его сознании. Он слышал этот голос уже несколько минут, а может быть, часов или дней. Пелена, застилавшая мир, начинала спадать с его дремлющего разума.

Все произошло внезапно. Алан сидел вместе с Эвайей у входа в аквамариновую сферу, откуда открывался поразительный вид на город. Одно мгновение фантастическая долина внизу казалась знакомой, привычной вещью, а в следующее — как будто отступила, наполнившись красками, формами и расстояниями. Мир вошел в фокус так резко, что Алан едва не ослеп.

Он вскочил на ноги. Эвайя легким движением поднялась и стала рядом с ним.

Она неуверенно улыбнулась. Повинуясь внезапному побуждению, не размышляя, Алан наклонился и обнял ее. Мир, вращавшийся вокруг, как и его беспорядочные мысли, внезапно замедлил свой ход и выровнялся. Ничто не имело значения, кроме гибкого, отзывчивого существа в его объятиях.

Алану показалось, будто он впервые в жизни поцеловал девушку. Маленькое, но сильное тело не испугалось его рук. В конце концов, Эвайя была совсем не такой хрупкой, как казалось. Он как будто обнял фигуру из закаленной стали, прикосновение к которой давало ощущение сопротивления, но фигуру, трепещущую и живую непостижимо большим образом, чем может быть жив обычный человек.

Эвайя отступила на шаг.

— Теперь ты действительно проснулся, — прошептала она. — Но сейчас у нас нет времени говорить о чем-то другом, кроме Флэнда. Я звала тебя долго, день за днем, но ты еще не выздоровел. Фонтан удерживал тебя в своем Сне.

Алан затаил дыхание. На него нахлынули воспоминания.

— Значит, все это было на самом деле? Это не бред?

— Нет. Твой Сон был глубоким… и Флэнд не изменил своего решения. Я думаю — я боюсь, — что он ждет лишь до тех пор, пока ты не проснешься.

Глава 3 ТРОПА БОГОВ

Флэнд! Башня Дождя и схватка на текучей лестнице! Все вернулось к Алану лавиной ярких воспоминаний. Вопросы громоздились друг на друга, мешая ему говорить.

— Что случилось? — наконец выдавил он.

Эвайя чуть улыбнулась, но ее лицо тут же стало серьезным.

— Они забрали твоих друзей, — сказала она. — Я имею в виду дикарей-терази. На лестнице был жестокий бой. Тот злой молодой человек дрался изо всех сил, но в конце концов они одолели его. Рыжеволосую девушку оглушили ударом по голове и тоже унесли. — Эвайя выглядела немного довольной, несмотря на серьезный тон. Она не скрывала своей неприязни к Карен. — Пожилой мужчина сдался добровольно, когда понял, что надежды больше нет. Он выглядел почти заинтересованным. Я видела, как он пытался заговорить с вождем терази, когда они спускались по лестнице.

Алан усмехнулся. Здесь, в неведомых глубинах чужого города, приятно было услышать новости о чем-то хорошо знакомом. Очень похоже на

сэра Колина — спокойно изучать топор палача, опускающийся на его шею.

— Куда они ушли? — поспешно спросил он.

Эвайя покачала головой, окутавшись облаком серебристых волос.

— Никто не знает. Терази живут за пределами Каркасиллы, в подземной глуши. Флэнд наложил на них свои чары и вызвал их сюда. А потом, когда ты лежал без сознания после атаки дикарей, он запретил мне опускать тебя в фонтан, чтобы исцелить твои раны.

Алан кивнул, что-то смутно припоминая.

— Ты… тебе удалось переубедить его? Эвайя печально улыбнулась.

— Я ослушалась его, но внутренне содрогаясь от страха, ибо он может уничтожить меня. Не знаю, откуда я набралась смелости. Хотя… иногда мне кажется, что когда-то я была жрицей, открывавшей ворота Каркасиллы для богов, обитавших здесь. Это было давным-давно, но ведь я бессмертна… как и ты.

Алан молча уставился на нее.

— Я спрашивал себя, не приснилось ли мне это, — пробормотал он через некоторое время.

Она покачала головой:

— Нет, это правда. Каждый, кто искупается в

фонтане, может жить вечно, если будет время от времени повторять омовение. Тебе не приснилось. Боги сделали нас такими.

— Боги?

Девушка протянула руку, указывая вдаль. Наверху, за городом, Алан увидел черный диск, вделанный в стену пещеры. С такого расстояния он казался крошечным. Перед диском стояло нечто ослепительно яркое, чьи очертания расплывались перед глазами.

— Статуя Носителя Света. — В голосе Эвайи слышалось глубокое почтение. — Они создали Каркасиллу и нас самих ради собственного удовольствия. Они воздвигли фонтан, чтобы мы могли жить вечно. Как я уже говорила, мне кажется, что очень давно я была их жрицей и открывала ворота, когда они звали. Одни Носители Света были хорошими, а другие… нехорошими. Некоторые могли погубить нас и разрушить город, поэтому два прохода, ведущие в Каркасиллу, можно открыть только изнутри, по зову богов. Но боги давно умерли.

Эвайя с беспокойством посмотрела на Алана.

— Значит, теперь один из богов вернулся? — спросила она. Он пожал плечами.

— Тебе лучше знать.

— Я чувствую зов издалека, очень слабый, — промолвила она. — Много Снов назад было так… Все воспоминания исчезают, когда мы погружаемся в Великий Сон у фонтана, но я каким-то образом помню этот зов. Поэтому я пошла к цитадели, где когда-то жили боги, и обнаружила вас там. Но мне кажется, А-лаун, этот бог не принадлежит к хорошим Носителям Света. Если это вообще бог. Я не уверена… и я не хочу быть уверенной. Я закрыла свой разум перед ним, А-лаун, когда услышала далекое эхо призыва.

— Ты слышала его с тех пор, как я появился здесь?

Она покачала головой.

Алан тяжело опустился на мягкий, едва покачивающийся пол. Он поманил Эвайю, и она села рядом с ним в ниспадающем водопаде своего одеяния и серебристых волос. Алан пытался привести в порядок свои мысли. Нужно было так много узнать, и возможно, осталось слишком мало времени, если Флэнд наблюдает за ними… если загадочное существо, которое Эвайя назвала богом, действительно взывает из своей немыслимой цитадели.

— Ты должна рассказать мне обо всем, — попросил он. — С самого начала. Кто такие ваши

боги? Откуда они пришли?

Смех Эвайи прозвучал заливистой трелью серебряных колокольчиков.

— Даже сам Флэнд вряд ли сможет ответить на такой вопрос. Боги? Память о них почти изгладилась в Каркасилле. У нас есть смутные предания о том, как они завоевали Землю, но это случилось так давно, что с тех пор потерян счет годам. Огромные корабли спустились с небес в грохоте и пламени. Возможно, они прилетели из другого мира. Существа, вышедшие из кораблей, были невероятно могущественными. Они носили свет, как одежду, и люди для них были… паразитами. Они очистили Землю от людей. А потом, как гласят легенды, они стали править планетой из построенных ими цитаделей — вроде той, что снаружи, — сохранив жизнь лишь тем людям, которых они выращивали сами. Мы служили украшением их прекрасных городов. Думаю, теперь осталась лишь одна Каркасилла.

Алан невидящим взглядом смотрел в пространство. Факты постепенно начинали складываться в его сознании в общую картину — но какие ошеломительные факты, какие чудовищные катастрофы и неизмеримые бездны времени!

Пока они спали, погруженные в безвременное

забытье на борту корабля, Земля была завоевана и обращена в руины. Корабль из космоса, подобный тем, на которых прилетели завоеватели? Ответ не вызывал сомнений. Существо из золотистого яйца, его бестелесное присутствие в цитадели, преследовавшее их в тумане, могло быть лишь Носителем Света.

Но где произошла ошибка? Почему первое из этих инопланетных существ не проснулось, когда победоносная армада его сородичей посыпалась с небес на несчастную планету?

Почему этот неземной Колумб проспал расцвет славы и величия своей расы и проснулся вместе со своими пленниками на краю умирающего мира?

Возможно, Чужой — первый представитель своего народа в новом мире — неправильно рассчитал сроки своего безвременного сна. Должно быть, его пробуждение в сумрачной пустыне было скорбным и ужасным. Алан, из глубин собственной тоски по всему, что обратилось во прах, ощущал едва ли не жалость к Носителю Света, который привел свою расу к великим завоеваниям и уснул, забытый в темных песках времени. Как лихорадочно, должно быть, он обыскивал бесплодные земли, пока не понял, что остался

последним из своего рода в этом разрушенном мире!

— Расскажи мне о Флэнде, — попросил Алан, овладев собой. Про себя он решил, что будет неразумно тратить слишком много эмоций на мысли о Чужом, да и об участи, постигшей Землю.

— Флэнд очень стар и мудр, — покорно ответила Эвайя. (Она всего лишь игрушка, с горечью вспомнил Алан — игрушка, созданная из человеческой плоти на потеху новым земным богам. Покорность была заложена в ней с рождения.) — И Флэнд никогда не погружался в Великий Сон. Никто, кроме него, не помнит, что происходило на заре Каркасиллы. Возможно, он боится что-то забыть. У него есть много волшебных знаний… и он ненавидит нас обоих.

— Он человек?

— Флэнд… — Эвайя замолчала, закрыла глаза и замерла неподвижно. Облако ее волос рассыпалось по плечам. — Понимаешь…

Тонкие веки дрогнули и медленно, невыносимо медленно, начали подниматься.

— А-лаун! — воскликнула она, охваченная каким-то странным, сонным ужасом, и осела на пол рядом с ним. Ее рот беззвучно раскрылся, но это был лишь зевок.

Алан поспешно обнял Эвайю и снова поразился упругой силе, исходившей от ее хрупкого тела.

— Что случилось? — встревоженно спросил он.

— Флэнд, — вялым, безразличным тоном ответила она. — Должно быть, он наблюдает за нами. Подслушивает наш… разговор. Он не позволяет мне рассказывать тебе о нем. Я боюсь, А-лаун, милый… Носитель Света…

Она бессильно обмякла в его руках и погрузилась в Сон, глубокий как смерть, хотя он ощущал слабое дыхание, едва приподнимавшее ее грудь.

Итак, Флэнд нанес удар.

Что ж, подумал Алан, вот и повод для того, чтобы отправиться в Башню Дождя. Где-то на краю его сознания звучал странный, тонкий шепоток, в котором не было никакой необходимости. Он пошел бы и так.

Но призыв исходил не от Флэнда.

Другой, чуждый зов послышался в глубине его мозга. Эвайя, лежавшая рядом с ним, пошевелилась.

— Да, повелитель, — услышал Алан ее шепот, лишенный всякого выражения. — Слушаюсь, повелитель, будет сделано.

Она резко выпрямилась. Ее глаза незряче глядели в пространство, зрачки расширились,

зачернив фиолетовую радужку.

— Эвайя! — крикнул Алан. — Проснись, Эвайя!

Он попытался встряхнуть ее, но тело Эвайи стало жестким, словно судорога свела ее мышцы. Человеческое выражение слетело с ее лица, и оно превратилось в застывшую маску. Она встала.

Эвайя направилась к выходу деревянной, механической походкой. Алану оставалось лишь последовать за ней. Его охватило ужасное ощущение непоправимой ошибки.

Пока Эвайя бодрствовала и владела собой, она держала свой разум закрытым от далекого зова, но, когда Флэнд погрузил ее в Сон, оберегая свои секреты, он открыл лазейку для Чужого в сознании бывшей жрицы.

Алан почти не смотрел по сторонам, пока они шли по улицам и аллеям Каркасиллы. Недоброе предчувствие заставило его забыть обо всем, кроме стройной, изящной фигурки, размеренным шагом идущей через фантастические мостики и эстакады. Он уже догадывался, где закончится их прогулка.

Эвайя замедлила шаг возле огромного черного круга, где стояла облаченная в свет статуя Чужого. Алан остановился в дюжине шагов позади. Зов в его сознании сейчас раздавался особенно

сильно.

Девушка прикоснулась к темному выступу у ног ослепительной статуи, и из фигуры внезапно вырвались лучи ярчайшего света. Звук, похожий на удар невидимого гонга, волной прокатился над Каркасиллой, плотный и осязаемый, как физический предмет.

Алан услышал за спиной приближающийся шепот множества голосов. Вся Каркасилла изумленно зашевелилась — возможно, проснулись воспоминания, похороненные глубоко под забытьем тысяч Великих Снов. Алан повернулся медленно, с огромным усилием: какая-то сила блокировала его нервные центры, распространившись по всему телу. Ее источник был тот же, что и призыв, звучавший в его мозгу.

Жители Каркасиллы ответили на зов. Они приходили — сначала десятками, потом сотнями. Алан и не представлял себе, насколько они многочисленны. Когда подтянулись последние и удивленный шепот перерос в гул голосов, Эвайя, не поворачиваясь, вскинула руки.

Она стояла лицом к огромному темному кругу в стене. Голос, чистый и бесстрастный, как звон колокольчика, зазвенел над собравшимися:

— О, Носитель Света и повелитель, твой народ

ждет тебя!

По поверхности черного диска пробежала легкая дрожь. Теперь он больше напоминал отверстие — вход в длинный, темный тоннель, в дальнем конце которого появилось что-то яркое и сверкающее.

Существо находилось еще очень далеко, но приближалось с головокружительной скоростью. Каждый шаг длинных конечностей — если то были конечности, а не что-то иное — уносил его на огромное расстояние. Оно вырастало на глазах, чудовищное и сияющее, заполняя собой весь вход в тоннель…

Затем оно совершило огромный прыжок и ворвалось в фиолетовые сумерки Каркасиллы.

Первые впечатления Алана были слишком противоречивыми и бессмысленными. Было ли это существо высоким или низким? Он не мог утверждать с уверенностью, хотя и стоял совсем рядом. Было ли оно облачено в свет или в тьму? Алан не знал. Здесь, в голубовато-фиолетовом свете Каркасиллы, оно казалось темным — клубящимся облаком черноты, алчно нависшим над своими почитателями. Оно обволокло Эвайю, стоявшую ближе всех: как будто невидимые руки схватили ее и сжали в пожирающем объятии.

Алан не мог пошевелиться. Его сознание в онемевшем теле сжалось в тугой комок; он стоял и наблюдал, беспомощный и потерявший дар речи. Наконец-то он видел в зримом облике ту безымянную сущность, которая сопровождала его в глубинах сновидений. Это было существо, преследовавшее их в тумане, таинственный наблюдатель из цитадели, неведомое Присутствие, наполнявшее их сердца ужасом и отвращением.

Эвайя на мгновение исчезла в туманных объятиях Чужого. Конечно, каркасиллианцы были вправе ожидать благословения от своего божества, но не такого же! То была жадная, плотоядная хватка, как будто Чужой проголодался за бесчисленные века.

Прежде чем толпа вокруг Алана успела перевести дыхание, ослепительная облачная фигура отбросила Эвайю в сторону почти нетерпеливым жестом и скользнула к следующему человеку. Она хватала и обволакивала каркасиллианцев с такой невероятной скоростью, что они не смогли бы увернуться или убежать, даже если бы захотели. Божество двигалось среди них, как садовник среди сорняков — хватая, обволакивая, отбрасывая прочь и устремляясь дальше.

Где-то глубоко в сознании Алана, за ужасом

и безнадежностью, за отвращением, тем более ужасным из-за чувства единения с этим существом, чьи Сны он разделял, остался один маленький уголок отрешенного восприятия. Этот уголок продолжал следить и рассуждать со спокойствием, не уступавшим научной невозмутимости сэра Колина. «Чужой не может добраться до них, — подумал Алан. — Все они каким-то образом защищены. Возможно, добрые Носители Света дали им невидимые доспехи — вроде воротника с шипами для домашних животных. Чего бы ни добивался Чужой, здесь он этого не получит. Пока что…»

Неотвратимое приближение облачной фигуры потрясло даже этот последний островок здравого смысла в сознании Алана. Чужой подбирался все ближе, исследуя ряды неподвижно застывших каркасиллианцев. Алан тщетно напрягал сведенные судорогой конечности. Вот перед ним осталось лишь два ряда, затем один…

Нечеловечески огромное существо, облаченное в свет и тьму, жадно нависло над ним, загородив фиолетовый свет дня. Алан почувствовал, как его засасывает в воронку ненасытного голода и чего-то другого, гораздо более худшего. Земля начала уходить у него из-под ног…

А затем в его сознании раздался неописуемый, долгий вздох бесконечного удовлетворения. Неосязаемые, но испытующие и безжалостные щупальца оплели его разум и тело, пустили корни в нервные узлы, в саму его душу. Эти щупальца могли в мгновение ока вывернуть его наизнанку — как в прямом, так и в переносном смысле.

Инстинкт заставил Алана сжаться в тугой комок. Его переполняли гнев и отвращение. Существо, державшее его в своей хватке, внезапно заколебалось. Алан ощущал его удивление, даже неуверенность. Тогда он размахнулся и ударил наугад, выкрикивая бессвязные проклятия, но не слыша своего голоса. Он наконец вышел из ступора. Все чувства стали мучительно яркими, впервые после купания в фонтане, и Алан боролся с предельной яростью и отчаянием. Он боролся с существом, которое — теперь он знал это — с нечеловеческой алчностью стремилось высосать его жизненную силу.

Понимание сохранилось в том крохотном, нерушимом уголке сознания, где еще обитал рассудок. Чужой был воплощенным злом, и его голод достигал поистине дьявольских размеров. Он не мог прикоснуться к каркасиллианцам; Алан был его последней надеждой. Чужой пытался сломить

волю человека так же отчаянно, как тот пытался освободиться.

На одно бесконечное мгновение Алан разделил его голод, постиг глубину его тоски и разочарования. Он понял, каково было проснуться в умирающем мире и найти лишь останки своих сородичей, когда-то правивших планетой. Его охватило немыслимое одиночество.

Алан чувствовал, как ищущие щупальца тянутся по следу его мыслей, проникая все глубже и глубже, срывая защитные покровы. Он захлопнул свой разум, как стальной капкан, стараясь не поддаваться предательскому сочувствию, отгородившись от всего, кроме опасности, с которой следовало бороться.

В нем бушевал ураган, но он держался. Он чувствовал это. Собрав все силы, сжав волю в кулак, он мог выстоять. Но когда силы начнут изменять ему…

Темнота вокруг сгущалась и разреживалась. Алан мельком видел потрясенные лица каркасиллианцев, затем на него вновь накатывала тьма, и алчное отчаяние Чужого затягивало его в бездонный омут.

Внезапно раздался грохот выстрелов. Под сводами пещеры пошло гулять громкое эхо.

Неосязаемая хватка, удерживавшая сознание Алана, дрогнула, ослабла и исчезла. Он попятился, ничего не различая вокруг себя, зная лишь, что он свободен и все еще жив.

— Я здесь, парень! — послышался хрипловатый голос, знакомый и бесконечно близкий. — Алан, дай мне руку! Это Колин… сюда!

Жесткие пальцы вцепились в его руку. К его лицу приблизилось кирпично-красное бородатое лицо шотландца.

— Давай, приятель, скорее! Разве ты не видишь, что они в бешенстве? Пошли отсюда!

Удивление утратило всякую власть над Аланом. Даже чудесное возвращение сэра Колина не могло сейчас поразить его. Он стряхнул с себя руку ученого; его мысли автоматически вернулись к девушке, о которой он думал в тот момент, когда Носитель Света вышел из ворот Каркасиллы.

— Эвайя, — хрипло произнес он. В горле садднило, как будто он кричал во весь голос. Возможно, так оно и было во время схватки с Чужим. — Эвайя…

Последний раз Алан видел ее лежащей на белой наклонной мостовой — бесформенную массу газового одеяния и серебристых волос. Теперь она стояла, обратив к нему нечеловечески застывшее

лицо. Ее глаза были пустыми зеркалами, отражавшими лишь приказы бестелесного голоса в ее сознании.

Носитель Света! Алан круто повернулся, не обращая внимания на сэра Колина, настойчиво дергавшего его за рукав. Он видел Носителя Света на самом краю зрения, как смутное облачное пятно немного ниже того места, где они стояли. Он не осмеливался посмотреть прямо: слепящая тьма ранила его зрение.

Звук выстрела остановил Чужого. Алан все еще поддерживал слабый контакт с существом, чьи цепкие щупальца так долго шарили в его мозгу. Он понимал, что оно колеблется, разрываясь между страхом перед громовыми раскатами и невыносимым голодом, толкавшим его вперед.

Алан не мог заставить себя снова вступить в схватку, но понял, что его противник принял какое-то решение. Тонкий, кукольный голос Эвайи нарушил хрупкую тишину. Говорил Носитель Света, но все люди повернулись к девушке, слушая слова, которые он вкладывал в ее уста.

— Хватайте их! — с нечеловеческой яростью выкрикнул голос. Эвайя вскинула руку властным жестом, до жути напоминавшим движение самого Носителя Света, словно ее одержимость

заставляла девушку даже внешне уподобиться своему божеству. — Хватайте их!

Каркасиллианцы гневно зароптали и двинулись вперед. Их ослепшие лица исказились от тупой, гипнотической ярости. Фигура Носителя Света, едва различимая за ними, клубилась и сверкала в фиолетовом воздухе. Алан снова ощутил давление на свой мозг.

— Черт побери, парень, да проснись же ты! — проревел сэр Колин ему в ухо. — Как я погляжу, тебя не стоило спасать. Ты идешь или нет?

Алан стряхнул с себя оцепенение.

— Да, — отозвался он. — Иду.

Ропот среди наступающих каркасиллианцев усилился, когда они побежали вверх по наклонному скату. Алан содрогнулся при мысли о бесконечной черноте тоннеля, по которому поднялся Носитель Света. Войти туда казалось большим злом, чем вступить в схватку с наступающими марионетками.

Внезапно он понял, что тоннеля больше нет. За огромным диском открывался серый каменный коридор, наискось уходивший в сумеречную даль.

Алан оглянулся. Лицо Эвайи было холодным как лед; слепящий взгляд Носителя Света, глядев-

шего ее глазами, пронзал его насквозь.

— Скорее, парень! — Голос сэра Колина глухо отдался от стен коридора.

Алан нырнул в проход. Каркасилла осталась позади.

Пистолет сэра Колина изрыгнул пламя сразу же после того, как Алан переступил через порог. Грохот был оглушительным; каменная крошка полетела со стен коридора, когда пуля вылетела наружу. Ошарашенно повернувшись, Алан увидел довольную улыбку на широком обветренном лице своего спутника.

— Я так и думал. — Сэр Колин опустил пистолет. — Смотри! Над проходом, ведущим в Каркасиллу, сгущалась темнота.

Фиолетовый свет тускнел на глазах; за считанные секунды барьер тьмы отрезал их от города — точно так же, как световой барьер, опустившийся за ними, когда они впервые вошли в тоннель вслед за Эвайей.

— Он ненавидит шум, — проворчал сэр Колин. — Думаю, теперь он будет поосторожнее. Однажды я уже испробовал свой пистолет на этой проклятой твари.

Алан не сразу осознал смысл услышанного. Он смотрел на черный круг в стене, на закрытые во-

рота, за которыми остался Носитель Света вместе с Эвайей и ее народом. Он знал, что Чужому там не место. Безымянные строители Каркасиллы воздвигли защитные барьеры именно от таких существ. Но теперь город сновидений принадлежал Чужому вместе со всеми жителями, и особенно — с Эвайей, превратившейся в послушное орудие его воли.

Сэр Колин проследил за его взглядом.

— Все в порядке, — заверил он. — Носитель Света не может причинить им вред, ты сам это видел. Зато он может вытянуть из нас все жилы. Нам еще повезло, что удалось так легко сбежать от него. Сомневаюсь, осмелился бы я дразнить это… эту тварь, если бы своими глазами не видел, как терази отогнали ее прочь звуками гонгов.

Алан с запоздалым изумлением посмотрел на своего спутника. Очевидно, сэру Колину пришлось немало пережить с тех пор, как они расстались. Через его изорванную одежду просвечивали шрамы и синяки, на широком одутловатом лице появились новые морщины, но рыжая борода, спутанная и грубо подстриженная, выпирала вперед с той же высокомерной уверенностью.

— Гонги терази? Эти дикари… Но как вам удалось бежать от них? Жива ли Карен?

Сэр Колин успокаивающе похлопал его по плечу.

— Карен и Майк живехоньки, парень. Но мы поговорим об этом позже. А пока внимательнее смотри по сторонам: Тропа Богов небезопасна для людей!

— Тропа Богов? — Взгляд Алана скользнул по сумрачному коридору, вырубленному в толще скалы. Ему показалось, что коридор когда-то был шире и выше, но грубо обтесанные стены совершенно не напоминали работу внеземных строителей. Местами в них зияли проломы, путь преграждали завалы упавших камней.

— Что за боги? — спросил он. — Откуда?

— Так их называют терази. Разумеется, «боги» — это Носители Света. Разве ты ничему не научился в Каркасилле?

— Это мне известно. — Алан осторожно последовал за сэром Колином через кучу камней, загромоздивших пол коридора. Здесь, в сумраке и запустении, диковинная красота Каркасиллы казалась нездешним сном. Он снова оглянулся через плечо на закрытый черный проход.

— Пошли, — проворчал сэр Колин. — Ты все поймешь, когда я расскажу, что с нами случилось. Но не забывай поглядывать по сторонам.

— Чего вы опасаетесь? — Алан с тревогой вгляделся в полумрак.

— Чего угодно. Когда-то это место было чем-то вроде экспериментальной лаборатории Носителей Света. В результате появились нынешние обитатели Каркасиллы… но были и другие. — Он кивнул в сторону темного пролома в стене. — Что-то жило здесь. И вон там, и там тоже. Каркасилла — последний удачный эксперимент, но это скорее исключение из правила.

Алан не слышал ничего, кроме хруста гравия под ногами. Но темных проходов становилось все больше и больше, и он не мог избавиться от гнетущего ощущения, что кто-то наблюдает за ними.

— Что с вами случилось? — настойчиво спросил он. — Где Карен и Майк?

— В пещере терази. Где же им еще быть?

— Они пленники?

Сэр Колин рассмеялся.

— По крайней мере, не у терази. Но думаю, все мы здесь в какой-то степени являемся пленниками Чужого, хотя до сих пор не осознаем это в полной мере. Нет, мой мальчик, терази совсем не такие дикари, какими кажутся с первого взгляда. Вскоре мы убедились в этом. Видишь ли, нас

спасли пистолеты — не в качестве угрозы или оружия, но как обещание технических знаний. Эти люди готовы молиться на знания. Сперва они сохранили нам жизнь, чтобы выведать устройство наших пистолетов. Для этого им пришлось научить нас своему языку. Это заняло немало времени, но и тебя долго не было, не так ли?

— Вы выучили их язык?

— В достаточной мере. Теперь мы союзники… против Чужого. — Сэр Колин тяжело вздохнул. — Нам предстоит очень трудная задача, парень. Возможно, возрождение целого мира. Но об этом мы поговорим позже. Сейчас нужно поторопиться.

Пол коридора перед ними превратился в тропу из тускло поблескивающего серого металла. Нет — в две тропы, разделенные низким бордюром. Откуда-то подул свежий ветер, высушивший пот на лице Алана.

— Тропа Богов, — пояснил сэр Колин. — Следуй за мной, но будь осторожен.

Он повернулся и ступил на серую тропу. Его грузное тело мгновенно потеряло вес, поднялось в воздух и поплыло вперед, словно подхваченное медленным течением. Оглянувшись через плечо, он улыбнулся и поманил товарища за собой.

Алан внутренне сжался и неуверенно шагнул вперед. На короткое время его охватило чувство головокружения и тошноты. Он проплыл мимо сэра Колина, барахтаясь в потоке невидимой воздушной реки. Попытки восстановить равновесие привели к обратному результату: он несколько раз перекувырнулся через голову. Затем мощная рука сэра Колина поддержала его.

— Не сопротивляйся. Постарайся расслабиться, вот так. Посередине течение быстрее.

— Что это такое? — Алан принял позу пловца брассом, повернувшись лицом в направлении движения. Сэр Колин дрейфовал рядом с ним. Стены тоннеля проносились мимо со все возрастающей скоростью, воздух посвистывал в ушах.

— Должно быть, серое вещество пола до некоторой степени компенсирует гравитацию. Но не совсем, иначе мы бы врезались в потолок. Сила направлена вперед и увлекает нас за собой. Это похоже на реку, Алан, — реку невидимой энергии. Носители Света пользовались ею, когда путешествовали по Тропе Богов. Это одно из немногих приспособлений, еще работающих в здешних условиях. Да еще Каркасилла… Расскажи мне о городе, парень. Что произошло с тех пор, как мы расстались?

Алан начал рассказывать, проплывая рядом с ученым над серой лентой дороги, через руины и сумерки мертвого мира. Повествование было недолгим. Сэр Колин немного помолчал, обдумывая услышанное.

— Флэнд, — наконец пробормотал он. — Да, я думал о нем. Может быть, в один прекрасный день мы узнаем истину. Что касается остального, то все совпадает… очень хорошо совпадает. С тех пор как мы попали сюда, я многое узнал.

— Расскажите мне, — попросил Алан. Сэр Колин рассмеялся и с деланной беспомощностью всплеснул руками.

— Все сразу? Тогда я не управлюсь и до вечера. Мы знаем о Носителях Света — о том, как они завоевали Землю и очистили ее от «паразитов», за исключением ручных зверушек и экспериментальных рас, которые они использовали для скрещивания и выведения новых пород. По словам терази, некоторые из них все еще живы: прячутся в пещерах, охотятся друг на друга и на все, что могут поймать. Я и помыслить не мог, до какой степени Носители Света чужды нам, пока не узнал о вещах, которые они творили с людьми в своих лабораториях.

Но сейчас речь не об этом. В первую очередь

тебе нужно узнать о терази. В своем мире, где бы он ни находился, Чужие имели расу рабов. Не людей и даже отдаленно не напоминавших людей существ, но созданных из плоти и крови, как мы с тобой, а не из живой энергии. Разумеется, можно лишь строить догадки о том, как они выглядели, но, думаю, я уже выяснил достаточно. Должен признать, Чужие были великими строителями. — В его голосе послышалось невольное почтение. — В общем, когда Чужие покорили Землю, они попытались создать такую расу из людей. Одни части мозга отсекались, другие развивались и стимулировались для их неведомых нужд. Но Чужие совершили ошибку. Они полагали, что полностью искоренили ростки мятежного духа, однако просчитались. О, эти люди-роботы строили грандиозные механизмы! Потом я покажу тебе. Пока я не знаю их предназначения, но когда-нибудь надеюсь выяснить. Так вот, Алан: люди-роботы вспомнили кое-что о самих себе. Они вспомнили о том, что были людьми.

— А потом?..

Вздох сэра Колина был едва слышен из-за свиста ветра над Тропой Богов.

— Чужие уничтожили их, — просто ответил он.

Алан испытал внезапное чувство невосполнимой утраты, словно сама история превратилась в книгу с чистыми страницами.

— Возможно, терази являются потомками этой расы, — продолжал шотландец после небольшой паузы. — А может быть, их предки появились на свет в результате каких-то других экспериментов. Прошло достаточно времени, чтобы человечество очистилось от чудовищных извращений, сотворенных Чужими… если это случилось на самом деле. Нам с тобой никогда не узнать.

Похоже, что терази — единственное подобие независимого народа в здешних местах. Они живут в огромной пещере, битком набитой всякими механизмами, где люди-роботы когда-то вступили в последний бой с Чужими. И они пусть и неуклюже, но пытаются чему-то научиться. Исключительно из жажды познания, поскольку будущее не сулит им никакой надежды, и они хорошо это понимают. Земля умирает, и человечеству тоже суждено сгинуть.

Ученый снова тяжело вздохнул. Некоторое время они в молчании летели бок о бок. Стены тоннеля проплывали мимо в полумраке, открывая загадочные арки, где когда-то, должно быть, обитали несчастные монстры, созданные

Чужими…

— Как насчет Носителя Света? — наконец поинтересовался Алан.

— Он знает, что остался один, и его ждет смерть, если только он не найдет нас. Нам чертовски повезло на борту корабля, парень: ведь он не подозревал о случившемся. Должно быть, он проснулся и отправился на поиски сородичей, а когда разобрался, что к чему, нас уже и след простыл. Тогда он вернулся в цитадель и принялся рассылать сигналы по всему свету, но лишь Эвайя ответила ему. Он сопровождал нас до Каркасиллы, помнишь? Пожалуй, тогда он был еще слишком потрясен тем, что увидел в цитадели, а когда опомнился, то уже не мог добраться до нас. В Каркасилле ты был в безопасности, а мы… В общем, терази нашли способ отгонять этих тварей.

Как тебе известно, Чужие состоят не из плоти. Их метаболизм вообще не похож на человеческий. У них нет тела в нашем понимании этого слова. Поэтому пули, выпущенные мною, не могли причинить вреда Чужому. Нет, думаю, то было психическое потрясение от громкого звука и вибрации. Они высокоразвитые существа, пожертвовавшие своими телами в угоду разуму. Возможно, они состоят из чистой энергии. Как

можно постичь подобный интеллект?

Сэр Колин устало потер лоб, и легкое движение заставило его закачаться в воздушном потоке.

— Однако помнишь, что произошло, когда этот дьявол напал на нас?

Алан вздрогнул.

— Он как будто вытягивал из меня мозг.

— Да, это некая разновидность ментального вампиризма. Он существует за счет чужой жизненной энергии, причем ему годится лишь энергия разумных существ. Возможно, Чужие выращивали рабов-людей только для этой цели. А теперь последний из них подыхает с голоду, и лишь мы четверо, да еще терази, остались доступными для него. Ты видел, как он расшвыривал каркасиллианцев. Они каким-то образом защищены от его воздействия.

Так вот, Носитель Света вышел из своей цитадели и отправился на охоту. Он обнаружил терази и попытался расправиться с ними. Но у терази есть оружие — огромные гонги и барабаны, от которых вся пещера начинает ходить ходуном. Чужие не выносят шума. Надеюсь, ты заметил, что в Каркасилле очень тихо? Поэтому терази отгоняли его шумом. Он осаждает их уже довольно долгое время. Мы не осмеливаемся

покидать селение без переносных гонгов, но они недостаточно мощные. Продуктовые пещеры — с грибами и существами, похожими на червей и улиток, — расположены на некотором расстоянии от селения, и сейчас запасы пищи на исходе. Он не выпускает нас. На самом деле мы морим друг друга голодом. — Сэр Колин усмехнулся. — Но думаю, Чужой может победить.

— И вы отправились за мной в одиночку?

Ученый пожал плечами.

— У меня есть пистолет. Кроме того, ты спас мне жизнь в Тунисе несколько миллионов лет назад, и я хотел вернуть должок. А что касается задержки… я пошел почти сразу же, но не смог преодолеть барьер, закрывающий путь в Каркасиллу. Во второй раз я двинулся по следу Чужого.

Алан редко сталкивался с подобным мужеством, но сейчас он почел за благо промолчать.

— В конце концов, я едва ли оказал тебе услугу, вытащив тебя из Каркасиллы, — продолжал шотландец через некоторое время. — Похоже, мы обречены на смерть от голода вместе с терази или станем пищей для Чужого. Не знаю, друг мой, не знаю… Думаю, в компании терази у нас побольше шансов на успех, но даже если мы найдем способ одолеть Чужого — что дальше?

Тропа Богов расширилась. В полу местами зияли глубокие провалы, по стенам змеились трещины. Сэр Колин взял Алана за руку и увлек его в сторону от невидимого течения к одному из широких разломов, тянувшемуся от пола до потолка.

— Вот наш путь. Когда-то в пещеру вели настоящие ворота, но, по-видимому, произошло сильное землетрясение. Большинство трещин заканчиваются тупиками, но некоторые ведут насквозь. Нам туда.

Алан бросил взгляд на Тропу Богов, уходившую в сумрачные дали.

— Куда она ведет?

— Возможно, в преисподнюю. Я проверял по картам, какие смог найти, и мне кажется, что она начинается под цитаделью, которую мы видели на равнине.

Ученый достал из кармана маленький факел, сделанный из стебля какого-то волокнистого растения, и зажег его.

— Путь будет нелегким, — предупредил он.

После множества поворотов и подъемов впереди показался свет: холодное, бледное сияние, очерчивавшее устье расщелины, как зарница на фоне ночного неба. Сэр Колин погасил факел.

Перед ними возникло колоссальное пространство пещеры.

Алан невольно вспомнил свои первые впечатления при виде Каркасиллы. Здесь тоже была пещера, наполненная причудливыми силуэтами — гигантскими цилиндрами, невероятными конструкциями, похожими на выветренные лессовые толщи китайских пустынь. Если это были машины, то понятия Носителей Света о механике были столь же чуждыми, как их понятия о человеческих жилищах в Каркасилле. То, что открылось взору Алана, не поддавалось описанию в знакомых терминах. Лишь металл Чужих — или это был пластик? — мог выдержать чудовищные нагрузки, иначе величественные сооружения уже давно обрушились бы под собственным весом. Все они были окрашены в кричащие, бессмысленные цвета: цилиндры и решетчатые фермы сияли пурпуром и багрянцем, наклонные башни отливали обсидиановой зеленью.

— Да, строить они умели, — с уважением пробормотал сэр Колин.

Алан подумал о том, что эта пещера служила пристанищем для последних мятежников на Земле — роботов, вспомнивших о своей человеческой природе и восставших против инопланетных

хозяев. Они были побеждены, и их героическая история канула в безвестность. Лишь творения их рук остались стоять — загадочные и неприступные.

— Для чего это все предназначено? — растерянно спросил он. — Для чего эти механизмы вообще могли служить?

— Какое это имеет значение? — с горечью отозвался ученый. — На всей проклятой планете не осталось ни генераторов, ни источников энергии. Пошли-ка вниз, здесь оставаться опасно.

Они вышли на каменный карниз, и перед ними открылась еще одна часть пещеры, к которой вела изгибающаяся каменная расщелина. У дальней стены пещеры Алан разглядел скопище убогих лачуг, больше напоминавших соты, чем крытые хижины; впрочем, здешние жители не нуждались в крыше для защиты от стихии.

Среди лачуг двигались маленькие фигурки, и Алан невольно напрягся: он не мог забыть своей последней встречи с этими людьми.

Тени перед ними расступились, и на одно головокружительное мгновение Алан вернулся на побережье Средиземного моря, где Майк и Карен — прямо как сейчас — вышли им навстречу с оружием в руках.

Некоторое время все молчали. Лицо Карен заметно осунулось и побледнело, в зеленых глазах застыло выражение отчаянной решимости, которую Алан видел раньше лишь в моменты схватки. Ее рыжие локоны висели спутанными прядями, на рваной одежде кое-где виднелись следы неумелой штопки.

Майк совершенно не изменился. Он стоял, широко расставив ноги — угрожающая бронзовая фигура с бесстрастным лицом и узкими щелочками глаз. От него исходило ощущение напряженности и скрытой угрозы. Черные волосы Майка, раньше гладко зализанные, теперь стояли колом, на подбородке пробивалась темная щетина. Казалось, изнутри он был сжат, как пружина, и в любую минуту она могла распрямиться и нанести смертельный удар.

— Итак, Дрейк, ты все еще жив, — констатировала Карен.

— Все мы живы. — Алан покосился на Майка.

— Ты чертовски хорошо выглядишь, — холодно заметил наемный убийца. — Тебя неплохо кормили, а?

Алан усмехнулся.

— Я ничего не ел с тех пор, как мы расстались.

— Где Бреккир? — спросил сэр Колин.

— На складе, проверяет запасы продовольствия, — ответила Карен. — Еды осталось совсем мало. Если мы в ближайшее время не вышлем новую поисковую партию, то будет слишком поздно.

Сэр Колин покачал головой и плотно сжал губы.

— Я хочу поговорить с Бреккиром. Пошли, Алан. Ты должен помнить Бреккира — это тот самый человек, который переломал тебе все ребра.

— Помню, — кивнул Алан, не обратив внимания на злобную улыбку, перекосившую лицо Майка. Он подумал, что ему еще предстоит свести счеты со Смитом. Но не сейчас.

Они проходили под гигантскими наклонными конструкциями, настоящими утесами, выкрашенными в яркие оттенки синего, зеленого и пурпурного. Машины не работали, но кондиционеры, установленные давно сгинувшими строителями, по-видимому, были сделаны на совесть, поскольку воздух оставался свежим, несмотря на полное безветрие.

— Как насчет тебя? — поинтересовалась Карен. — Чужой…

— Я встречался с ним, — сухо ответил Алан. Майк скрипнул зубами.

— Так что же он такое, Дрейк? Наш ученый

толкует про какие-то энергетические поля, но для меня все это китайская грамота. Эту тварь можно убить, не так ли?

— Кто знает? — Алан пожал плечами. — Во всяком случае, не пулей. Но оно явно боится громкого звука, что бы это ни значило.

— Его можно убить! — Это был не вопрос, а утверждение. На скулах Майка заиграли желваки. Алан не сомневался в мужестве нациста, но никогда раньше это мужество не подвергалось испытанию неведомым.

Годы обучения в жерновах военной машины Германии наделили Майка одними определенными способностями, но лишили других. Нацистские солдаты бились не на жизнь, а на смерть, поскольку считали себя расой господ, истинными арийцами. Сейчас все это казалось тривиальным и бесполезным, но имело одно существенное следствие. В силе Майка таилась и его слабость. При угрозе крушения его немецкой самоуверенности — фанатической, беспрекословной веры в самого себя — психическая реакция могла оказаться непредсказуемой. Несмотря на свою храбрость, Майк уже несколько недель противостоял силе, по сравнению с которой он был абсолютно беспомощен.

— Чужой — это не дьявол, — терпеливо пояснил сэр Колин. — Он живое существо, обладающее высокой приспособляемостью, но у него все равно имеются уязвимые места.

— Какие? — поинтересовалась Карен.

— Например, его метаболизм. Без еды он умрет.

— То-то радости! — фыркнула Карен. — Ведь мы и есть та самая еда, которая ему нужна!

Майка Смита передернуло, и это не ускользнуло от внимания Алана.

— Проголодался? — спросил сэр Колин, когда они вошли в селение терази, расположенное под крутым изгибом стены пещеры.

— Вообще-то — да. И пить тоже хочется.

Алан с некоторым удивлением осознал свои физические потребности. В Каркасилле фонтан был для него едой и питьем, но здесь он, по-видимому, снова стал смертным человеком. Кроме того, он очень устал. Схватка с Чужим отняла гораздо больше сил, чем он предполагал, но это стало ясно лишь после того, как они оказались в безопасности. Алан почти не замечал кривых улочек, по которым они шли, и немногочисленных терази, провожавших его любопытными взглядами. Вдоль дороги через равные проме-

жутки были установлены огромные гонги, возле которых стояли мрачные часовые.

От голода и усталости у Алана помутилось зрение. Он скорее угадал, а не увидел, что сэр Колин помог ему войти в одну из хижин с причудливой металлической решеткой вместо крыши. Голоса Майка и Карен доносились как будто с большого расстояния. Кто-то вручил ему губчатый предмет, похожий на ломоть хлеба, и Алан принялся жадно жевать, с горькой симпатией вспоминая ненасытный голод Чужого.

После еды ему стало немного полегче. Сэр Колин налил воды в металлическую кружку и с улыбкой передал ему.

— Здесь нет виски, — с серьезным видом пояснил он. — Вероятно, это свидетельствует об окончательном упадке человечества.

Вода оказалась чистой и вкусной, но еды и питья было еще недостаточно для Алана. Борьба с Чужим лишила его чего-то более значительного. Хуже того, он знал без тени сомнения, что противник не отступил. Даже во время еды он ощущал незримое Присутствие в темных закоулках своего разума. Кто-то наблюдал за ним и терпеливо ждал своего часа.

— Теперь поспи, — послышался голос сэра Ко-

лина откуда-то издалека. — Мы разбудим тебя, если что-нибудь случится.

Алан даже не почувствовал заботливых прикосновений рук, уложивших его в постель.

Глава 4 ПОРТАЛЫ СВЕТА

Глубокий, звучный гул и вибрация, сотрясающая комнату, разбудили Алана. Он лежал с открытыми глазами, не вполне представляя, где находится. Звук раздался снова; на этот раз Алан узнал его и резко выпрямился на постели. Его рука машинально поскребла небритый подбородок. Борода снова начала отрастать, хотя в Каркасилле он совершенно забыл о ней. Но сейчас у него не было времени удивляться этому. Неподалеку гремел огромный гонг, и пещера наполнилась угрожающим гулом.

Алан был уже на полпути к двери, когда в комнату вошел сэр Колин. Ученый улыбался.

— Мы надеемся, что это ложная тревога, — сообщил он и наклонил голову, прислушиваясь. Звук гонга постепенно стихал. — Как ты себя чувствуешь, парень?

— Лучше. Можно сказать, все в порядке. Но этот гонг…

— Какому-то часовому показалось, что в одной из расщелин появился Носитель Света. Он поднял тревогу, и остальные установили плотное наблюдение. Если Чужой действительно пробрался

сюда, мы скоро узнаем об этом. Ну как, у тебя появилось желание встретиться с Бреккиром?

— С Бреккиром? — переспросил Алан. — Это их вождь, да? Конечно, пусть заходит. Ведь сейчас уже утро?

Сэр Колин хохотнул.

— Откуда мне знать? Здесь время измеряется по-другому. Бреккир ждет снаружи; я сейчас позову его.

Он подошел к двери и что-то крикнул. Секунду спустя в комнату вошли Майк и Карен, коротко кивнувшие в ответ на приветствие Алана. За ними в дверном проеме возникла огромная волосатая фигура. Это был тот самый дикарь с плечами дикого быка и широченной грудью, который устремился в атаку по спиральной лестнице Флэнда; тот человек, которого Алан видел за мгновение перед тем, как могучий удар сокрушил его ребра.

В глазах Бреккира зажглись насмешливые огоньки. Алан напрягся, когда вождь терази шагнул вперед и положил свои огромные руки на плечи Майка и сэра Колина. Он смерил Алана изучающим взглядом, и на его грубо вылепленном, покрытом шрамами лице отразилось нечто похожее на недоумение. Затем он обратился к сэру

Колину, издав серию глубоких гортанных звуков. Шотландец ответил ему на том же наречии.

— Бреккир поражен твоей выносливостью, — перевел он. — Он говорит, что смертельно ранил тебя.

— Так оно и было, — мрачно отозвался Алан. — И я бы умер, но фонтан спас меня.

Сэр Колин перевел Бреккиру его слова. Косматые брови вождя терази поползли вверх. Он расстегнул воротник рубашки Алана и провел мозолистыми пальцами по зажившим шрамам, покрывавшим грудь американца. Когда он снова заговорил, его голос дрожал от возбуждения. Сэр Колин ответил ему; было заметно, что ученый тоже взволнован.

— Источник энергии? — вмешалась Карен. — Что он имеет в виду?

— Я не уверен. Но такого я не ожидал, хотя мог бы догадаться со слов Алана. Если Бреккир прав, мы можем получить ответ на все наши вопросы, хотя это кажется невероятным!

— Что? — недоуменно спросил Алан.

— Я лучше покажу тебе на сканнерах в контрольном центре. Придется многое объяснить. Послушай, Карен принесла твой завтрак. Поешь, а мы с Бреккиром пока что обсудим положение.

Алан уселся перед самодельным столом, сбитым из пластиковых блоков. Карен принесла ему ломоть вчерашнего грибного хлеба и кружку воды. Она внимательно следила за лицом Бреккира; гигант торжествующе улыбался, но при этом с большим жаром отвечал на спокойные вопросы сэра Колина. Майк тоже наблюдал за разговором, хотя, судя по всему, его разум не поспевал за быстрой чередой вопросов и ответов. Странно, подумал Алан, как мало они изменились за эти недели.

Внезапно его охватило беспокойство. Он понял, как долго пробыл в дремотном состоянии, с погасшим разумом, существуя лишь в воплощенных Снах Каркасиллы. Собственные мысли казались Алану чужими. Ему было трудно поверить в реальность происходящего. Волевой акт мышления напоминал мучительную разминку онемевших конечностей; даже мозг, казалось, не принадлежал всецело тому Алану Дрейку, которого он знал.

У Алана творилось что-то неладное со зрением: он как будто смотрел в обратный конец подзорной трубы. Бреккир превратился в крошечную фигурку, жестикулирующую перед микроскопическим сэром Колином. Он наблюдал за ними с

отчужденным интересом, словно они были существами иной расы.

Глубоко в мозгу Алана зашевелился панический ужас, но, охваченный какой-то неземной истомой, он быстро терял осознание себя как личности. Собственное тело казалось ему чужим, беспомощным и неуклюжим. В нем поднималась волна медленного желания, не имевшего сходства с человеческими страстями. Желание зародилось в его разуме — сначала крошечное и отдаленное, но приближающееся гигантскими скачками, как Носитель Света по Тропе Богов.

Он ощущал ужасный, неутолимый голод и отчаянное одиночество. Он остался один. Он бродил в каких-то бесформенных пространствах, искал среди древних руин, дышавших мерзостью запустения. А голод все усиливался.

До Алана донесся слабый голос сэра Колина; звук показался ему неприятным. Голос раздражал его слуховые рецепторы. Он вырвался из хватких, цепких рук, чье прикосновение было отвратительным.

— Алан! Бога ради, проснись!

Но он уже проснулся — впервые проснулся по-настоящему. Это существо пыталось помешать ему вернуться в Каркасиллу. Но он должен

вернуться! Лишь там он сможет утолить чудовищный голод, сжигающий его изнутри. Он должен вернуться к Носителю Света, открыть свой разум… Нет, он был Носителем Света! Алан Дрейк превратился в добровольную жертву.

— Карен! — выкрикнул чужой, рокочущий голос. — Майк, помоги мне удержать его! Он убьет…

— Отпустите его! — Напряженный, почти истерический голос Майка. — Чужой здесь, я чувствую его! Часовые не ошиблись: он пришел. Он здесь, в этой комнате!

Послышались быстрые шаги Карен, а затем ее жесткий маленький кулак с размаху врезался в челюсть Алана.

Ослепительная вспышка боли; мигающие огни. Затем целая вечность поисков на ощупь, мучительная потеря ориентации. Наконец зрение вернулось к Алану. Потрясенный и ослабевший, он увидел изменившийся мир — в том числе сэра Колина, бросившегося наперехват Бреккиру, который уже приготовился к прыжку. Дикарь грозно набычился, в его глазах горела смертельная ненависть.

Чисто инстинктивно Алан потянулся к пистолету за поясом у Карен. Разум еще не вполне

вернулся к нему, но тело думало за него. Холодное прикосновение металла обожгло его ладонь. Он быстро прицелился в Бреккира, борясь с тошнотой и понимая, что первый признак слабости будет концом для него.

— Стойте! — рявкнул он.

Собственный голос показался ему странно изменившимся, но теперь он снова был собой. Наваждение исчезло. Должно быть, это каким-то образом отразилось на его лице и в глазах, поскольку Бреккир остановился. Он не понял Алана, но уловил опасность в звуке его голоса. После секундного колебания огромный дикарь пожал плечами и отступил назад. Его грудь тяжело вздымалась и опускалась.

— Все в порядке, Карен? — спросил Алан, не глядя на нее. — Он не…

— Не знаю. Сэр Колин — единственный, кто может удержать его.

Майк Смит облизнул пересохшие губы.

— Это Чужой. Он был здесь. Он был тобой.

Сэр Колин выпрямился, подошел к Бреккиру и положил руку на его массивное плечо. Вождь терази что-то недовольно пробормотал. Ученый ответил ему.

— Дай мне твой пистолет, Алан, — потребовал

он. — Бреккир не доверяет тебе. Теперь все в порядке, но пистолет придется отдать.

Алан протянул оружие рукояткой вперед. Бреккир выглядел удовлетворенным, но взгляд его темных глаз, обращенный на Алана, не обещал ничего хорошего.

— О-ох! — Сэр Колин провел рукой по вспотевшему лбу. — Боже милосердный! Но что случилось? Ты был…

Алан тяжело опустился на сиденье.

— Сейчас все в норме, но я не отказался бы от глотка виски.

— Сиди смирно. — Рука сэра Колина легла ему на плечо. — Дай мне рассмотреть твои глаза. Да… радужная оболочка выглядит нормально. Когда на тебя накатило, зрачки расширились и глаза стали черными, как окна в преисподнюю. Должен признать, ты меня напугал. Но кажется, я знаю, в чем дело.

— Вот как? — Алан облизнул губы. — Тогда скажите мне.

— Это был Чужой, парень. Ты очень чувствителен к этому существу — как кусок железа, обработанный магнитом. Но все пройдет… по крайней мере, я надеюсь на это.

Алан потер слезящиеся глаза.

— Это похоже на одержимость дьяволом, — пробормотал он.

— Так оно и есть. Стало быть, ты должен бороться с ним. Чужой смог овладеть твоим разумом на расстоянии, однако ты одолел его в Каркасилле.

— От души надеюсь, что это не повторится, — вздохнул Алан. — Что хуже всего, я… мне это нравилось! Я потерял всякое ощущение своей личности. Мне даже показалось… — Его зубы сверкнули в странном оскале. — Нет, давайте не будем говорить об этом сейчас.

Сэр Колин пристально посмотрел на него и кивнул:

— Хорошо, но Бреккир вряд ли будет тебе доверять.

При звуках своего имени вождь терази нахмурился и что-то пробормотал. Ученый кивнул; его лицо было серьезным.

— Бреккир боится тебя, парень. Вернее, он боится, что ты попадешь под контроль Чужого. Это все равно что заполучить вражеского шпиона в своем стане. Тебе лучше держаться поближе ко мне. Я обещал Бреккиру, что буду присматривать за тобой.

Снаружи послышались крики. Бреккир что-то сказал сэру Колину и торопливо вышел наружу.

— Нам тоже нужно идти, — сказал ученый, повернувшись к остальным. — Как обычно, новые неприятности. Но тебе повезло, Алан; по крайней мере, Бреккир на время забудет о тебе.

Они шли через селение терази, где дикари в кожаных лохмотьях отшатывались при виде Алана и плевали ему вслед. Очевидно, слухи уже успели распространиться. Гонги молчали, хотя это было слабым утешением. Чужой ушел — на время и с определенными намерениями. Вскоре им предстояло узнать, какую цель он преследовал.

Сэр Колин привел их вслед за Бреккиром к основанию огромной наклонной башни из темно-зеленого пластика. Они вошли внутрь. Спиральная лестница круто шла вверх; миновав несколько витков, они оказались в куполообразной комнате высоко над ложем пещеры. Часть круглой стены была украшена чем-то вроде лепного фриза, разделенного на широкие прямоугольники молочно-белого стекла. Под каждым из этих экранов располагались приборные панели. Большинство экранов, по-видимому, давно не работало, но на том, перед которым остановился Бреккир, было изображение.

Изображение Эвайи!

Алан подошел ближе и присмотрелся. Он на-

блюдал за сценой сверху и немного со стороны. Экран наполнился движением — мужчины и женщины Каркасиллы проплывали по Тропе Богов. Их лица горели фанатическим возбуждением, и Эвайя возглавляла их; ее чудесные серебристые волосы струились в воздушном потоке, на лице застыло выражение слепой одержимости.

— Телекамера находится в коридоре, — пояснил сэр Колин. — Это контрольный центр, Алан. Он связан с тысячами камер, установленных в пещерах и на поверхности земли. Разумеется, многие из них больше не работают. Смотри!

Бреккир включил новый экран, на котором появилось изображение Тропы Богов, пустой и безлюдной. Но вдалеке уже было заметно какое-то движение. Вскоре оно превратилось в колыхание газовых одежд, мельтешение бледных лиц. А впереди, облаченная в свет и тьму, гигантскими скачками мчалась фигура, чьи очертания казались нечеткими и размытыми. Каркасиллианцев возглавлял их бог, Носитель Света.

Алан содрогнулся. Плечи Бреккира, стоявшего рядом с ним, конвульсивно напряглись. Майк Смит издал хриплый, утробный звук, похожий на стон.

— Логично, — произнес сэр Колин таким тоном, словно читал лекцию в Эдинбурге. — Я должен был это предвидеть. У них нет оружия, но я не сомневаюсь, что Чужой знает, где его найти.

— О чем вы болтаете? — ощерился Майк. — Они идут сюда?

— Разумеется. Куда же еще? Чужому нужна пища, и пищей для него являемся мы, а не каркасиллианцы. Он не может преодолеть наш звуковой заслон в одиночку, поэтому собрал ударные силы. Если они сумеют заглушить наши гонги…

Бреккир выкрикнул короткий приказ через плечо. Один из воинов-терази, находившийся в комнате, быстро вышел наружу. Бреккир дернул себя за бороду и вопросительно посмотрел на сэра Колина.

— Мужчин-терази наберется едва ли больше сотни, но женщины тоже могут сражаться, — проворчал ученый, — Сколько там каркасиллианцев, Алан?

— Думаю, несколько сотен.

— Сами по себе они не представляют для нас угрозы. Но с помощью Чужого они могут раздобыть оружие, когда попадут сюда.

Алан с трудом отогнал от себя тошнотворное

зрелище: хрупкая кукольная армия каркасиллианцев, падающая под ударами тяжелых дубинок терази. Но он понимал, что не может возражать. Вождь терази был прав. Даже неземная красота Эвайи теперь служила лишь сосудом для Чужого… и этот сосуд предстояло разбить.

Он старался не думать об этом.

Бреккир пробормотал что-то за его спиной. Сэр Колин кивнул.

— Забудем о них на время. Расскажи мне о фонтане, парень. Все, что ты помнишь. Это очень важно.

— Мне почти нечего рассказывать. — Алан нахмурился, вспоминая недавнее прошлое.

— Он еще действует? В нем достаточно энергии?

— Думаю, да, если он исцелил меня. Он дает каркасиллианцам бессмертие.

Сэр Колин немного поговорил с Бреккиром, возившимся с приборами.

— Возможно, решение находится здесь, в наших руках… если мы проживем следующие несколько часов. Мятежная раса, обитавшая в этой пещере, занималась техническим обеспечением Тропы Богов. Она поддерживала работу других городов и лабораторий, поэтому у нас есть пункты на-

блюдения и другие вещи, включая библиотеку. Есть визуальные исторические записи. Я покажу их тебе. Это очень важно, поскольку Чужие передали в руки своих рабов снабжение всего подземного мира. Возможно, они передали им слишком много знаний. Они не ожидали мятежа. Но затем разразилась война, и рабы погибли, как я тебе уже говорил. Но записи остались. Смотри!

Мозолистые пальцы Бреккира пробежали по клавишам, и на экране возникло изображение. Алан почти безучастно наблюдал за происходящим. Он мог видеть только каркасиллианцев — слепых, беспомощных и смертельно опасных, — идущих в атаку на терази.

Но когда изображения на экране начали меняться, он обнаружил, что наблюдает с невольным интересом. Поверхность земли, гладкая и безжизненная, разворачивалась перед ним огромными панорамами. Он видел колоссальные руины нечеловеческих зданий, видел смерть и разрушения. Однажды промелькнули симметричные очертания цитадели, вонзавшейся в мглистое небо, и Алан с внезапным любопытством подумал о том, что находится внутри. Но телекамеры не могли этого показать.

Затем он увидел перспективу бездонной рас-

селины поистине исполинских размеров, чей дальний край оставался скрытым в тумане. Издалека, с самого горизонта, надвигалась белая стена, заполнявшая ее от, края до края. Алану невольно вспомнились бурные потоки, бегущие по сухим ирригационным каналам во время паводка. Но эта чудовищная приливная волна была неизмеримо более огромной; ее внешний гребень скрывался за вуалью призматических радуг. Кипя, бурля и грохоча как тысячи Ниагар, могучий прилив прокатился по расселине.

Пол под ногами Алана внезапно вздрогнул. Сэр Колин кивнул:

— Это морское дно — вернее, то, что от него осталось. Луна сильно приблизилась к Земле, и приливные силы многократно возросли. За миллион лет в земной коре образовалась глубочайшая расселина. Ты видел все, что осталось от океанов: приливная волна следует за Луной вокруг планеты.

— Мы слышали такой грохот, когда покинули корабль Чужого, — вспомнил Алан. — Это был прилив?

— Да. Смотри!

Одно изображение на экране сменяло другое. Везде опустошение и руины. Однако и там была

жизнь. Гигантские черви скользили в тумане, а однажды одно из крылатых человекоподобных существ пролетело в воздушном потоке прямо над гребнем прилива.

— Они лишены разума, — пробормотал сэр Колин. — Они следуют за водой и питаются рыбой и водорослями.

Новые образы заполнили экран. Смерть, всюду смерть… А затем, неожиданно — чудесный лес, зеленый и живой, в легкой дымке тумана. В мелком озерце плескалась рыба. Небольшое коричневое животное выбежало из кустарника, огляделось по сторонам и скачками унеслось прочь.

— Это прошлое, — сурово произнес сэр Колин. — Часть истории… но такой истории, которой люди никогда не знали. Возможно, тысячу лет назад или немногим больше. Это Венера.

— Чужие отправились туда?

— Да. Но они не остались на Венере надолго. Там нет разумной жизни, способной кормить их. Поэтому они вернулись на Землю и умерли здесь. Но разве ты не видишь, Алан, — этот мир пригоден для обитания! Люди могут жить там!

— Тысячу лет назад…

— Или больше, но это ничтожный срок для жизни планеты. У нас есть записи о составе вене-

рианской атмосферы, о растениях и животных. Говорю тебе, люди могут жить там! А возможно, и будут жить. — Ученый расправил костлявые плечи. — Если то, на что мы надеемся, окажется правдой. И если мы сумеем выжить, чтобы доказать это.

— Незадолго до конца Чужие уничтожили свои космические корабли, — тихо сказала Карен. — Возможно, они использовали металл для других целей, или им понадобилась энергия. Терази давным-давно знают, что они могли бы жить на Венере, если бы у них был корабль и источник энергии. Теперь корабль есть — тот самый, который перенес нас сюда. Он достаточно большой и, думаю, может вместить нас всех. Мы могли бы отправиться на Венеру и возродить человечество в новом мире… если бы у нас была энергия.

— Это второй шанс для человечества, — с серьезным видом подхватил сэр Колин. — Но энергии нет. Во всем мире не осталось энергии: терази уже давно убедились в этом. Лишь жалкие остатки, вроде тех батарей, что поддерживают работу телекамер. Пока мы не встретились здесь, Алан, я не имел представления о том, что на Земле мог остаться мощный источник энергии.

— Фонтан… — пробормотал Алан.

— Да. Как ты понимаешь, терази не водили знакомства с каркасиллианцами. Они понятия не имели о фонтане. Но раз фонтан существует, то должен существовать и источник, поддерживающий его. Там достаточно энергии, чтобы снарядить корабль до Венеры, уж это я знаю! — Сэр Колин ударил узловатым кулаком по ладони. — Я успел многому научиться здесь и готов прозакладывать душу, что это так! Если бы мы только могли добраться до этого источника и зарядить корабль его энергией!

— Но что он из себя представляет?

— Точно не знаю. Возможно, какой-то радиоактивный элемент неизвестной нам природы. Чужие принесли его с собой со звезд. Я кое-что узнал из записей, оставленных людьми-роботами. Это сияющее ядро, медленно поглощающее само себя и испускающее сильное излучение. Готов поспорить, один из таких предметов находится под фонтаном в Каркасилле. — Его голос дрогнул от волнения.

— Но фонтан… ведь каркасиллианцы живут благодаря ему, — неохотно напомнил Алан.

— Да, но стерильной, бесплодной жизнью. Они никогда не восстановят цивилизацию. А терази достаточно сильны и способны справиться с

невзгодами нового мира. Они обладают острым умом. Если мы сумеем вернуться в Каркасиллу, нам будет не до сантиментов, Алан. Возможно, это последний источник энергии на Земле, и мы обязаны использовать его для спасения человечества.

Алан молча кивнул. Да, они должны забрать источник если смогут. И каркасиллианцы будут бессильны помешать им. Умирающий фиолетовый свет над городом, тускнеющее сияние фонтана жизни… Хрупкий народ, страдающий от голода и жажды, впервые ощущающий дыхание смерти… Город дрогнет под напором холодных ветров извне, его парящие замки разобьются, краски потускнеют. И Эвайя — в сгущающихся тенях, Эвайя с глазами как черные зеркала, через которые смотрит Носитель Света…

— Хорошо, — хрипло произнес Алан. — У вас есть план?

Карен невесело усмехнулась.

— Будем бить в гонги и барабаны, пока можем, а потом отправимся на обед к Чужому.

— Полагаю, нам нужно вернуться в Каркасиллу, пока жители ушли, — спокойно сказал сэр Колин, не обратив внимания на ее слова. — Попытаемся выяснить, что находится под фонтаном и можем

ли мы использовать это.

— Флэнд! — неожиданно воскликнул Алан. — Флэнд не ушел вместе с остальными. Он не мог превратиться в марионетку Чужого. И пока он жив, каркасиллианцы тоже не так уж беспомощны, как кажется. Флэнд помешает нам забрать источник энергии, хотя бы ради собственной безопасности.

— Верно, — признал сэр Колин. — Я почему-то забыл о нем. Флэнд — это сила, с которой следует считаться. Нужно выяснить, что он собой представляет. Но у нас есть другая, более неотложная проблема, — продолжал он, указав на экран, заполненный мельтешащими лицами и газовыми одеяниями, — Они уже совсем рядом. Для Чужого это последний шанс, и он наверняка что-то задумал…

Пещера внизу огласилась медным звоном гонга, заглушившим последние слова. Эхо пошло гулять в огромном пустом пространстве. Ему ответил другой гонг, затем следующий. Нестройный металлический гул, похожий на лязг сталкивающихся щитов, превратил пещеру в поле невидимой битвы.

— Пора за дело! — Майк потянулся к пистолету за поясом.

Бреккир повернулся и вышел на лестницу. Остальные последовали за ним, поднимаясь все выше по крутой спирали, пока перед ними не открылась пологая крыша. Далеко внизу лежал город машин и селение терази.

Вибрация от оглушительных металлических звуков продолжала сотрясать свод пещеры. Вокруг, на крышах домов и на улицах, группы воинов-терази собирались возле тяжелых дисков, отливавших медью. Грубо сработанные молоты взлетали в воздух и с силой ударяли в гонги.

Бреккир указал вниз. В расщелинах, покрывавших стены пещеры, появились многочисленные фигурки каркасиллианцев, похожие на деловитых муравьев. Майк Смит прицелился и выстрелил, но Карен раздраженно шлепнула его по руке.

— Побереги патроны, Майк! У нас их и так мало осталось.

Майк непонимающе уставился на нее. Карен пожала плечами. В следующее мгновение все взгляды обратились к тонкому лучу света, выпущенному от дальней стены пещеры. Луч коснулся ближайшей платформы, где воины-терази размахивали молотами, обрушивая размеренные удары на бронзовую пластину.

Люди испуганно отпрянули в стороны, но, очевидно, луч не причинял им вреда. Он проходил через их тела, словно рентгеновские лучи чудесным образом переместились в видимую часть спектра. Однако, попав на поверхность металла, луч взорвался белым пламенем и начал растекаться, как пятно.

Терази подняли молоты и принялись яростно бить по металлу, но их удары больше не сопровождались вибрирующим громом. Гонг звучал глухо и слабо, как будто они били по свинцу.

Сэр Колин поморщился.

— Тепловые лучи, не причиняющие вреда живым организмам, — пробормотал он.

— Что это такое? — спросила Карен.

— Если колокол разогреть в кузнечном горне, он перестанет вибрировать. Думаю, это оружие действует по сходному принципу. Смотрите, вон еще один луч! Я бы многое отдал, лишь бы узнать, где Чужой нашел такое оружие.

— Мы уже никогда этого не узнаем. — В голосе Майка появились истерические нотки. — Смотрите, они вывели из строя еще один гонг!

Самое плохое, подумал Алан, что тепловые лучи не причиняют вреда человеческой плоти. Чужой сохранял свою пищу свежей.

— И мы ничего не можем поделать! — бушевала Карен, вцепившись в поручень ограждения с такой силой, что побелели костяшки пальцев. — Нам придется беречь патроны хотя бы ради шума… или для того, чтобы не попасть к нему в лапы живыми, — едва слышным шепотом добавила она.

Бледные вестники рока подходили все ближе, не обращая внимания на лучников-терази. Время от времени Алан видел, как очередная стрела находила цель и один из жителей города, не знавшего смерти, безмолвно падал среди разбросанных камней. Но каркасиллианцы наступали, и тонкие иглы света продолжали шарить перед ними, находя и обезвреживая гудящие гонги. Пещера по-прежнему содрогалась от гула, но мощность звука начала заметно уменьшаться. Отсутствие одного, двух или трех гонгов еще не могло повлиять на общий результат, но развязка неумолимо приближалась.

Алан беспомощно наблюдал за наступлением хрупкой армии. То, что эти кукольные существа могут навлечь гибель на свирепых дикарей-терази, казалось ему чудовищной иронией. Где-то среди них скрывалась Эвайя — изящная, прекрасная и слепая, если только чья-то стрела уже не

нашла ее грудь…

Он подумал, что такой способ умереть не хуже любого другого, а может быть, и проще. Тогда ей не доведется увидеть, как Каркасилла превращается в руины и погружается во тьму. Наблюдая, как гонги внизу умолкают один за другим, Алан внезапно понял, что не оставит Эвайю в умирающей Каркасилле, когда терази отправятся в космос навстречу будущему, если Флэнд позволит им лишить силы фонтан бессмертия. Он знал, что вернется в разрушенный город, заключит в объятия ее нежное, упругое тело и будет ждать, пока тьма не сомкнется над ними обоими. Так или иначе, они умрут вместе.

Алан поднял голову и увидел бледное сияние в проломе дальней стены. По его телу пробежала дрожь отвращения. Проще? Проще умереть в ужасных объятиях Носителя Света?

Тонкие лучи света танцевали повсюду вокруг них. Пещера больше не содрогалась от звона и грохочущих отголосков. Здесь, на крыше здания, им больше не нужно было кричать, чтобы расслышать друг друга. Алан увидел, как Карен крепко сжала рукоятку пистолета.

— Теперь уже недолго, — сурово сказала она. — Вот и все, мальчики. А жаль: я хотела бы уви-

деть Венеру.

Это уже случалось раньше, подумал Алан. Это случалось в его собственной жизни — в знакомом мире двадцатого века, до того, как непредсказуемый поток событий увлек его сюда, к концу времен. Под крышей башни, где они стояли, собралась маленькая армия терази, но их стрелы и первобытная свирепость были бесполезны против оружия, поражавшего издалека.

В прошлом подобные сцены случались много раз. В Тунисе, в Батаане и Коррехидоре — везде, где сталкивались морские, воздушные и сухопутные армады, происходили такие небольшие, безнадежные стычки, после которых уже никто не мог назвать имен павших героев. Но это сражение, подумал он, будет последним.

Небольшая группа — меньше ста человек — олицетворяла все, что осталось от человеческой цивилизации. Небоскребы Нью-Йорка, серые соборы Лондона, белоснежные набережные Чикаго… Все это были символы вдохновенной расы мечтателей и строителей, канувшей в ничто. Расы, потерпевшей поражение.

Повсюду на Земле царила тьма. Последние искры цивилизации угасали здесь, где человечество яростно и безнадежно сражалось за свое

существование. Гром медных гонгов постепенно стихал по мере того, как тепловые лучи превращали их в диски белого пламени.

Алан оглянулся на маленькую группу, собравшуюся на крыше. Сэр Колин, огромный и неуклюжий, прищурившись, наблюдал за сражением. На его лице отражался невозмутимый научный интерес. Майк Смит пригнулся в напряженной позе, нервно поигрывая своим пистолетом. Его взгляд быстро обшаривал стены и расщелины, где копошились каркасиллианцы, похожие на ярко окрашенных мотыльков. Майк боялся. Он боялся не жителей призрачного города и даже не смерти; его страшила гибель в объятиях ужасного существа, наблюдавшего за ними из темноты.

Карен… Алан уважал ее, даже в давно минувшие дни, когда она занималась шпионажем для Германии, а он работал в армейской разведке и боролся с ней любыми мыслимыми способами. Все это сейчас казалось нелепым, но Алан внезапно осознал, что в душе Карен никогда не была убежденной нацисткой. Она искала приключений, делала только высокие ставки и была готова примириться с последствиями в случае поражения. Да, он мог уважать Карен. Слабое подобие улыбки тронуло ее губы, когда их взгляды

встретились.

Алан не думал об Эвайе. Она была где-то там, внизу, — стройное, изящное, сильное существо, более не принадлежащее к человеческому роду. Скоро она достигнет своей бесчеловечной цели, и демон, завладевший ею, набросится на живую добычу, утоляя тысячелетний голод.

Стрелы терази по-прежнему летели в осаждающих. Каркасиллианцы падали, их газовые одеяния колыхались в предсмертных судорогах. Смерть была таким новым, таким незнакомым испытанием для бессмертных жителей города, чье существование поддерживалось только энергией фонтана!

Эта энергия спасет терази, если они смогут завладеть ею. Но возможно ли это?

Что там говорил сэр Колин об огромных металлических гонгах, построенных мятежниками для борьбы с Носителями Света? Алан шагнул вперед и положил руку на плечо ученого.

— Эти большие гонги, про которые вы мне говорили… Где они находятся?

Сэр Колин непонимающе посмотрел на него.

— В машинных башнях. Некоторые из них расположены под землей. А что? Они приводятся в действие силовыми установками, которые давно

не работают. Ты не можешь…

Алан торжествующе стукнул кулаком по парапету.

— Если бы у нас была энергия, то тепловые лучи не смогли бы проникнуть туда! Сэр Колин, я собираюсь достать эту энергию!

Недоверие, отразившееся на лице шотландца, неприятно удивило Алана.

— Как бы то ни было, я собираюсь попробовать, — добавил он. — Мы не можем находиться в худшем положении, чем сейчас. Путь в Каркасиллу открыт — вы видели это на телеэкране, — и там никого не осталось, кроме Флэнда. Думаю, туда можно будет пробраться в обход атакующих. Скажите мне, что нужно искать, и я посмотрю под фонтаном.

Недоверие на лице ученого сменилось какой-то отчаянной надеждой.

— Ты прав, парень. Стоит попробовать, клянусь Богом, стоит! Но нам нужно торопиться.

— Нам?

— Я тоже пойду.

Майк Смит подошел к ним. На его бронзовом лице блестели крупные капли пота.

— И я с вами, — сказал он. Сэр Колин нахмурился.

— Твой пистолет нужен здесь, Майк.

— К черту! Я не собираюсь оставаться! Это… эта тварь… — Он замолчал, сверкнув белками глаз, когда его взгляд устремился к расщелине, где мерцало бледное сияние Чужого, командующего своей кукольной армией.

— Нет никакой гарантии, что мы не встретимся с ним там, — сухо заметил сэр Колин. — И все же… Карен?

— Я остаюсь. Нам придется драться, а в этом я кое-что смыслю.

— Хорошая девочка. — Пожилой шотландец ласково погладил ее по плечу.

Бреккир, с недоуменным видом наблюдавший за внезапной вспышкой энтузиазма, проворчал что-то, понятное лишь сэру Колину. Они заговорили на гортанном наречии. Когда ученый повернулся к Алану, его лицо заметно просветлело.

— Бреккир говорит, что здесь есть обходные пути, если уж мы настолько безрассудны, что осмеливаемся выйти из-под защиты гонгов. Он найдет для нас свинцовую коробку. Нам нужно хранилище для источника энергии, иначе его излучение может убить нас всех. Бог знает что это такое на самом деле — возможно, долгоживущий

радиоактивный изотоп… Разумеется, мы идем на риск, но, подумайте, какова будет награда, если мы победим!

Невидимое течение над Тропой Богов мягко приподняло их и понесло обратно в Каркасиллу. Проплывая сумеречными коридорами, они говорили мало и только шепотом. Алан думал о Карен, попрощавшейся с ними у входа в тоннель. Возможно, они больше никогда не встретятся. Он думал об Эвайе, перепархивающей с камня на камень, как мотылек с мягкими крыльями, и поражающей гибельным лучом последние гонги терази. Он вспоминал, как волшебно озарялось изнутри ее лицо, когда она улыбалась. Он вспоминал звенящую упругость ее тела в его объятиях и понимал, что нет такого риска, на который бы он не пошел, если это означало ее пробуждение.

«Я вернусь», — мрачно подумал он.

Потом Алан вспомнил, что если он вернется, то это будет означать конец Каркасиллы и смерть Эвайи. Поэтому он перестал думать вообще и лишь вглядывался в круг бледного света — открытые ворота, постепенно выраставшие впереди.

Они уже сошли с Тропы Богов и побрели к воротам по разбитой мостовой, когда Алан вдруг почувствовал, как мир сместился вокруг него.

Восприятие неощутимо изменилось; он больше не был собой, а эти люди рядом с ним, эти крошечные безымянные существа…

Должно быть, он издал какой-то неразборчивый возглас, поскольку в следующий момент почувствовал, как сэр Колин трясет его за плечи:

— Алан! Просыпайся, парень!

С головокружительным, тошнотворным ощущением мир качнулся в обратную сторону. Алан тупо уставился на ученого, моргая в тусклом свете.

— С тобой все в порядке? Отвечай!

— Да, — пробормотал Алан, едва ворочая онемевшим языком. — Чужой… застал меня врасплох. Сейчас он ушел.

Он оглянулся назад, в темный проем тоннеля. Ничего… Или все же там был слабый отблеск света — того самого света, который каким-то образом был темнотой, испускавшей сверхъестественное сияние? Наваждение миновало.

— Я могу бороться с ним, — заверил Алан. — Не беспокойтесь. Я знаю, что могу одолеть его с вашей помощью, но ради Бога, давайте поторопимся!

Сэр Колин пристроился рядом с ним и крепко сжал его локоть. Майк, идущий с другой стороны,

тяжело дышал и бросал по сторонам темные, звериные взгляды. Так они вернулись в Каркасиллу.

Сферические дворцы и парящие эстакады по-прежнему висели в воздухе, как разноцветные облака, но теперь они были пустыми и безмолвными. У Алана возникло странное чувство: он как будто пришел домой. Он хорошо знал каждую спиральную лестницу, каждую группу куполов. Ностальгия пронзила его с удвоенной силой: сначала по утраченной Эвайе, с которой он гулял по этим воздушным путям, а потом — по той участи, которая постигнет чудесный город, если их миссия будет успешной.

Глава 5 В ОБЪЯТИЯХ ЧУЖОГО

Прямо перед ними маячила огромная статуя Носителя Света, окутанная ослепительным сиянием. Оттого, что Алан увидел за нею, по его спине пробежал холодок недоброго предчувствия. Парящий хрустальный мост, аркой изгибавшийся над статуей, был разбит посередине, как будто на него обрушился безжалостный молот Тора. Выстрелы сэра Колина! Либо пули, либо внутренний резонанс и вибрация сокрушили эту хрупкую арку.

Тишина наполняла Каркасиллу, как стоячая вода. Впереди, за разноцветными куполами, фиолетовое пламя фонтана вздымалось сияющей колонной к туманам под сводами пещеры. Под этим фонтаном находился источник энергии, последняя надежда на спасение остатков цивилизованного человечества.

— Что там такое? — озадаченно поинтересовался сэр Колин. — Башня Флэнда, но…

Алан посмотрел туда, где возвышалась башня, скрытая за завесой дождя, невероятным образом покоившаяся на спиральных витках текучей лестницы.

Башни не было. На ее месте стоял светоносный

конус, испускавший сочное янтарное сияние.

— Проход, через который мы вошли в Каркасиллу, — пробормотал сэр Колин. — Помнишь?

На одно мучительное мгновение перед мысленным взором Алана возникло гибкое тело Эвайи — силуэт Артемиды на фоне золотого диска, преградившего путь Чужому.

— Чужой не может преодолеть этот световой щит, — произнес он. — Флэнд каким-то образом создал себе барьер из такого же материала.

Сэр Колин согласно кивнул:

— Хорошо. Пока он заперт там, он не сможет причинить нам неприятности. Теперь фонтан… какой путь самый короткий?

— Думаю, по зеленой улице, между пурпурными сферами. Пойдемте, я покажу вам.

Они шли по плавно поднимающейся аллее в столь глубокой тишине, что шаги звучали неестественно громко. Что-то заставляло их говорить шепотом. Казалось, нежнейшие краски Каркасиллы странно вибрируют; вскоре у Алана зарябило в глазах. Он не мог отделаться от дурного предчувствия.

— Мне кажется, мы идем уже чертовски долго, — проворчал Майк и с тревогой оглянулся через плечо. Алан пробормотал что-то успокаивающее,

но собственный голос показался ему не слишком уверенным.

Теперь они поднимались по извилистому бульвару через кольца парящих в воздухе сферических конструкций. Алан ощущал угрозу за спиной, бесформенную и неосязаемую, похожую на плотный туман, накатывающийся сзади.

Калейдоскоп красок затуманил их зрение. Они ускорили шаги, затем побежали.

Внезапно с глаз Алана как будто упала пелена. Под ними расстилался город, а сами они стояли у подножия светоносного конуса, окутавшего башню Флэнда! Но Алан знал, что они направлялись прямо к фонтану…

В их сознании раздался чей-то тихий презрительный смех. Беззвучные слова уже начали формироваться, но, прежде чем Флэнд успел что-либо сказать, Майк издал бессвязное восклицание и протянул руку. Алан обернулся и посмотрел туда.

Образ Носителя Света по-прежнему сиял у открытых ворот Каркасиллы, но что-то было не так. Теперь там стояли две фигуры — и одна из них не была статуей!

Ослепительно темный, высокий, как столп фонтана жизни, Чужой стоял на пороге Каркасиллы.

Затем он прянул с места и помчался к ним гигантскими скачками. Он двигался с такой головокружительной скоростью, что Алан даже не пытался сфокусировать зрение на его нечеловеческом облике. Оцепенев от ужаса, они застыли на площадке, а Чужой все приближался, покрывая невероятное расстояние с каждым парящим прыжком.

В следующее мгновение невидимый саван беззвучно упал вокруг них, и темный занавес скрыл от глаз Каркасиллу.

— Думаю, это Флэнд, — спокойно произнес сэр Колин в абсолютной темноте. — Он спас нас по каким-то своим соображениям. Подождите-ка…

Колесико чиркнуло о кремень, и маленький факел терази вспыхнул в руке ученого. В колеблющемся желтоватом свете они увидели впереди стену воды, беззвучно струившейся вниз: поверхность башни Флэнда.

— Все в порядке, — сказал Алан. — Теперь Чужой не сможет добраться до нас.

— Ты уверен? — В голосе Майка слышалась легкая дрожь. Ему было бесконечно труднее признать поражение, чем остальным. Сейчас его непробиваемая самоуверенность таяла на глазах.

— Флэнд! — громко позвал Алан, повернувшись к дождевой стене.

В стене появилась узкая щель. Затем водяная вуаль медленно разошлась в стороны, и свет хлынул наружу клубящимся радужным туманом. В огромном овале посередине проема появилось лицо Флэнда. Он смотрел на них из бескрайней дали времен — молодой и старый, бесконечно усталый. Однако Алану показалось, что он видит перемену. Из-за холодной маски пробивалось что-то новое, что-то человеческое, очень похожее на…

«Страх, — подумал Алан. — Это страх».

Телепатический голос Флэнда зашелестел в их сознании как листья на ветру:

— Носитель Света не может проникнуть сюда. Вы в безопасности.

— Ты спас нас? — недоверчиво спросил Алан. — Но..

— Какого дьявола ты затащил нас сюда? И как? — раздраженно перебил Майк. Флэнд унизил его раньше, и воспоминание об этом не давало ему покоя.

Равнодушный взгляд Флэнда остановился на нем.

— Это было сделано с помощью гипноза, бол-

ван.

— Разумеется, — эхом отозвался сэр Колин. Его спутанная рыжая борода воинственно выпятилась, когда он поднял голову и заглянул Флэнду в глаза. — Вопрос в том — почему? Вы не были так дружелюбны во время нашей последней встречи.

— Здесь спрашиваю я, — холодно произнес Флэнд. — Отвечайте, Носитель Света еще не утолил свой голод?

Сэр Колин расплылся в довольной улыбке.

— Теперь все ясно. Значит, вы спасли нас, чтобы мы не стали пищей для Чужого? Интересно, очень интересно. Чужой не может причинить вред каркасиллианцам, зато может погубить вас, иначе вы не стали бы так защищаться от него. Вы прячетесь!

Алан внутренне сжался, приготовившись к карающему удару молнии, но ничего не произошло. Долгое время Флэнд смотрел на них в молчании.

— Это правда, — наконец сказал он. — Тем не менее я спас вас от Носителя Света и вправе ожидать благодарности.

— Он все еще здесь?

Флэнд помедлил. Его взгляд затуманился, как будто он искал что-то внутри себя.

— Нет, — прозвучал его голос в сознании людей — Сейчас он уходит обратно по Тропе Богов. Он знает, что не может преодолеть этот барьер.

Его голос на мгновение умолк, и внезапный вопрос, раздавшийся секунду спустя, прозвучал как крик:

— Почему вы вернулись?

— Чтобы просить у вас помощи, — без заминки ответил сэр Колин. — Нам нужно объединить силы для борьбы с Чужим.

— Ты лжешь, — холодно произнес Флэнд. — Когда ты лжешь, я это знаю. Кроме того, Носителя Света нельзя уничтожить. Неужели ты еще не понял этого?

— Ошибаетесь, — резко возразил сэр Колин, как будто одергивая зарвавшегося студента. — Основные законы физики и биологии приложимы ко всему живому, и сама жизнь, будучи разновидностью энергии, подвержена энтропии Я хочу сказать, Чужой не может быть неуязвимым. Например, он боится звука.

— Вы надеетесь победить его шумом? — презрительно осведомился Флэнд.

— Как бы то ни было, мы смогли отогнать его с помощью громкого шума.

Брови Флэнда поползли вверх.

— В самом деле? Расскажи мне об этом.

После недолгого колебания сэр Колин кивнул.

— Если мы собираемся объединить наши усилия, то полагаю, вам следует знать о случившемся.

Он четко и сжато поведал о том, что происходило в пещере терази Когда ученый замолчал, лицо Флэнда некоторое время оставалось неподвижным. Затем его веки медленно поднялись, и глаза под ними полыхнули холодным гневом.

— Вы лжете! — загремел голос Флэнда в их сознании. — Глупые людишки! Или вы думаете, будто я не знал, что вы направлялись к фонтану, когда вернулись в Каркасиллу? Мне оставалось лишь узнать, откуда вы пришли, — и теперь я знаю. Вы пришли из пещеры великих машин, ныне бесполезных, поскольку питающие их генераторы вышли из строя. Поэтому вы вернулись за единственным источником энергии, оставшимся на Тропе Богов. Вы даже принесли с собой свинцовую коробку; думаете, я не догадываюсь, с какой целью?

Сэр Колин пожал плечами, ничуть не потревоженный громовыми раскатами обличительного гнева.

— Значит, теперь вы знаете. Что дальше?

Лицо Флэнда снова подернулось дымкой отрешенности, веки опустились.

— Мне ни к чему рисковать. Здесь, в моей башне, я могу ждать, пока Носитель Света не умрет от голода.

Алан хрипло рассмеялся.

— Тебе придется долго ждать. Вскоре он примется за терази, а их осталось около сотни.

— Не имеет значения. Я погружусь в Сон. Когда я проснусь, пройдет сто лет, и Носитель Света будет мертв.

— Может быть, — сказал Алан. — А может быть, и нет. Но ты не сможешь добраться до фонтана, а без этого ты умрешь.

— Нет, я впаду в каталептическое состояние, и моему телу не понадобится жизненная энергия. К тому времени, когда я проснусь, в живых останутся только каркасиллианцы.

— А энергетический щит не исчезнет, если вы заснете? — поинтересовался сэр Колин.

— Мой щит создается силой разума. — В голосе Флэнда впервые послышались нотки гордости. — Что же касается вас…

— Да, как насчет нас? — Голос Майка Смита звенел от напряжения.

— Вы тоже должны остаться, — продолжал

Флэнд, не обращая внимания на его слова. — Вы останетесь здесь и, полагаю, умрете. Если я освобожу вас, вы можете найти какой-нибудь способ ограбить фонтан. Кроме того, вы, несомненно, достанетесь Носителю Света и таким образом отсрочите час моего пробуждения. Нет, вы должны остаться. Но ваша смерть будет легкой: я погружу вас в свой Сон.

Над ними вспыхнула лента серебристого пламени. Она извивалась, как змея, свиваясь в замысловатые пылающие узоры. Эти узоры впечатывались в сетчатку глаз Алана, проникая все глубже и глубже, до самого мозга. Он не мог отвести взгляд.

— Гипноз! — хрипло прошептал сэр Колин. — Не смотрите туда! Алан, Майк…

Пламенная лента развернулась и снова свернулась. Дыхание Майка участилось. Потом все стихло. Сэр Колин бессильно уронил руки…

В мире не осталось ничего, кроме змееподобной серебристой ленты, свивающейся в сияющие узоры и арабески. Возможно, то были символы, слова неизвестного языка. Иногда Алану казалось, что он может уловить их смысл, но каждый раз истина ускользала от него. Это был язык Снов.

Резкая боль обожгла его плечо. Медленно,

неохотно он начал возвращаться к действительности. Боль служила маяком, призывающим его обратно. Вскоре Алан снова смог двигаться. Его взгляд упал на волокнистый факел сэра Колина: фитиль превратился в тлеющий уголек. Это умирающее пламя разрушило наваждение.

Когда он снова поднял голову, серебристая лента исчезла. Уголек погас, и темнота снова стала абсолютной. Флэнд закрыл дверь своей башни и погрузился в Сон, который продлится сто лет.

Алан услышал рядом хриплое дыхание и наклонился. Майк и сэр Колин лежали без движения в объятиях гипнотического сна, который мог закончиться только смертью. Алан тщетно пытался разбудить их.

Он выпрямился в темноте, обратившись лицом к невидимой стене, из-за которой появлялось лицо Флэнда. Если он сумеет разбудить Флэнда, то, может быть, барьер вокруг башни исчезнет. А если Носитель Света проникнет сюда и сожрет их всех… Что ж, Чужой так или иначе побеждал, и даже его объятия были предпочтительнее, чем смерть без надежды.

Как там Эвайя вызывала Флэнда в первый раз? Казалось, это было уже давным-давно. Алан осторожно двинулся вперед, протянув руки. Через три

шага он нащупал холодную поверхность стены и слегка нажал на нее. Ничего не произошло. Он сместил ладони и нажал снова: по-прежнему ничего. Может быть, неведомый замок можно было привести в действие лишь с согласия Флэнда? Он попробовал еще раз.

В темноте возникла крошечная светлая щель в форме веретена, постепенно расширяющаяся, как кошачий зрачок. За ней клубился радужный туман, в котором висело огромное лицо Флэнда с закрытыми глазами. Он спал.

Глаза Алана превратились в сверкающие щелочки. Возможно, башня наполнена смертоносной магией — но смерть следовала за ним по пятам. Он вошел в туман и остановился на пороге башни. Лицо по-прежнему висело перед ним, но сила гравитации странным образом изменилась. Алану показалось, что пол ушел у него из-под ног и он падает, все быстрее и быстрее, навстречу этому безмолвному, загадочному, гигантскому лицу в серых сумерках. Им начала овладевать странная, вязкая сонливость; он как будто шел по грудь в воде навстречу приливу.

Теперь он стоял перед самым лицом. Оно нависало над ним, как горный утес. Алан медленно тащился вперед, едва переступая оцепеневши-

ми ногами, борясь с наплывами сна… и прошел насквозь!

Позади снова был серый туман. Сон изнурял его мягкими, оглушающими ударами облачных дубинок. Еще один шаг вперед, еще… вспомни Эвайю…

Лица не было. Может быть, и Флэнд тоже не существует на самом деле? Может быть, все это сон?

Колено Алана уперлось во что-то мягкое и упругое. Двигаясь как одурманенный, он наклонился и с невероятной точностью, возможной только в снах, сомкнул руки на человеческом горле.

Он усилил хватку…

Фиолетовый свет, сочившийся вокруг него, разбудил Алана, освободил его от кошмара, в котором он упирался коленом в мягкую кушетку и душил лежавшее на ней существо. Алан заморгал. Он стоял посреди огромного дождевого шатра. Беззвучные потоки каскадами ниспадали вниз по стенам, через которые просвечивал фиолетовый день Каркасиллы.

Барьер исчез!

Алан посмотрел вниз и понял, что это был не соч. Побагровевшее лицо Флэнда на кушетке жадно хватало ртом воздух — то самое лицо, которое

висело в дверях гигантской иллюзией. Но лицо принадлежало человеку, безупречно сложенному, с мертвенно-бледным телом. Глаза Флэнда широко распахнулись, затуманенные тысячелетними воспоминаниями, но пробуждение все ускорялось, как паводок на реке. Флэнд больше не мог укрыться за своей привычной защитой. Алан держал за горло не бога, а обычного человека.

Лицо Флэнда почернело от прилива крови, на белках выпученных глаз проступили красные прожилки. Он умрет через несколько секунд, если не…

Алан выпустил своего противника и толкнул его обратно на кушетку. Какое-то время Флэнд лежал неподвижно, кашляя и задыхаясь, поглаживая горло мягкими бледными пальцами. Теперь Алан видел, что он не был ни терази, ни каркасиллианцем. Возможно, его раса вымерла тысячелетия назад в каком-нибудь маленьком мире вдоль Тропы Богов. Его тело было совершенным, как у Аполлона Бельведерского, но слабым, невероятно слабым. Алану показалось, что он знает причину. Тысячелетия бездействия и стазиса — должно быть, мышцы Флэнда превратились в воду!

Какой-то звук позади него заставил Алана обер-

нуться. В том месте, откуда он пришел, дождевая завеса оставалась раздвинутой в стороны, открывая вид на Каркасиллу. Сэр Колин входил внутрь, ошарашенно мотая головой; из-за его плеча выглядывал Майк Смит.

— Чужой? — быстро спросил Алан. Сэр Колин покачал головой.

— Я смотрел, — сипло ответил он и откашлялся. — Пока ничего.

Алан рассказал им о случившемся, одновременно разглядывая обстановку башни. Ученый заметно приободрился.

— Вот как? — Он бросил острый взгляд на Флэнда, по-прежнему кашлявшего на кушетке. — Стало быть, он теперь не бог? Интересно…

Он двинулся по полу, напоминавшему неподвижный бездонный омут, чтобы изучить дальнюю стену. Майк, явно нервничая, последовал за ним.

Флэнд перестал кашлять. Теперь он сидел на кушетке. Когда он увидел открытый дверной проем и вид на Каркасиллу, его широко открытые глаза наполнились ужасом. Он понял, что барьер снят.

— Остановите его! — Хриплый крик сэра Колина эхом отдался от дождевых стен. Алан прыгнул вперед, но опоздал на долю секунды. Мягкое пле-

чо Флэнда выбило его из равновесия, и он увидел лишь бледную спину, когда низложенное божество промчалось мимо к выходу из башни. Майк Смит по-волчьи оскалился и устремился вслед за убегающей фигурой. Выбросив руку, он успел ухватить Флэнда за лодыжку, но в следующее мгновение поскользнулся на гладком полу и упал ничком, изрыгая глухие проклятия. Несмотря на свою мягкотелость, Флэнд оказался неплохим бегуном!

Майк поднялся на ноги. Они потеряли несколько драгоценных секунд в дверном проеме, но затем Смит вырвался вперед и запрыгал по ступеням лестницы-водопада, нащупывая пистолет.

— Не стреляй! — крикнул сэр Колин. — Он нам нужен!

Дальше они бежали молча: приходилось беречь дыхание. Спиральная лестница водоворотом уходила из-под ног, пока Алан догонял сэра Колина, проявившего неожиданную прыть. Когда они достигли основания лестницы, Флэнд успел убежать далеко и превратился в маленькую фигурку, мелькающую среди кристаллических зданий. Ее преследовал темный силуэт Майка.

Через пару сотен шагов возраст сэра Колина все-таки начал сказываться. Он перешел на шаг, но

махнул Алану рукой, чтобы тот бежал дальше.

Обогнув край огромного овального купола, Алан увидел, что Флэнд направляется к фонтану. Отсюда уже можно было видеть огромную колонну фиолетового пламени, выраставшую из бассейна. Флэнд и Майк, то появляясь, то исчезая между зданиями, приближались к полупрозрачной многоцветной стене, за которой находилась центральная площадь Каркасиллы.

Флэнд добежал до стены и принялся лихорадочно выводить руками какие-то сложные пассы. Алан мельком увидел его испуганное бледное лицо. Майк Смит мчался вперед, низко наклонив голову, как бык на арене. Затем в стене внезапно возник сводчатый проем футов двадцати высотой, затянутый голубовато-фиолетовым туманом. Алан не мог разглядеть, что находилось внутри.

Он услышал тонкий, надтреснутый вопль отчаяния. Майк прыгнул на Флэнда, выставив вперед руки со скрюченными пальцами. Последовала короткая схватка; затем Алан увидел, что Майк поставил полубога на колени и жестоко выкручивает ему руку. Лицо нациста светилось злобным торжеством. Его губы шевелились, но Алан не мог слышать, что он говорит.

— Полегче, Майк! — крикнул он и со всех ног

припустил вниз по наклонному голубому скату.
— Ты сломаешь ему руку!

— Ну да, и что с того?

Флэнд, стоявший на коленях, бессильно шлепал ладонью по мускулистой руке своего мучителя. В его взгляде застыл слепой, безрассудный ужас, и Алан подумал, что причиной этого ужаса был отнюдь не Майк. Он машинально оглянулся на ворота Каркасиллы, но огромный черный круг в стене оставался пустым.

Сэр Колин подбежал к ним и встал рядом, тяжело дыша.

— Не надо, Майк, — прохрипел он. — Что мы будем делать с этим типом, если он упадет в обморок? Отпусти его, он все равно никуда не убежит!

Майк подчинился, хотя и с явной неохотой. Он рывком поднял Флэнда на ноги, но продолжал крепко сжимать его вялое запястье.

— Я мог бы убить его одной рукой, — презрительно фыркнул он.

— Сейчас в этом нет необходимости, — сказал Алан со странным предчувствием близкой развязки. — Флэнд не может использовать свою магию. Черт возьми, он даже не способен разговаривать мысленно!

И в самом деле: Флэнд заливался испуганными трелями на щебечущем, птичьем языке Каркасиллы. Его лицо утратило все свое невозмутимое спокойствие. Полубог исчез, остался лишь очень испуганный человек. Трудно было поверить, что огромный образ в дверном проеме, наполнявший их благоговением, имел какое-то отношение к лопочущему, жалкому существу в руках Майка.

— Отпустите меня! — кричал он. — Быстрее, быстрее, пока он не пришел!

— Успокойся, — сказал Алан. — Сейчас его здесь нет. Может быть…

— Он придет! Он знает, что силовой барьер снят. Теперь он придет очень быстро!

— Что там находится? — Алан указал на сводчатый проем за стеной Флэнда.

Полубог упрямо отвернулся и промолчал. Майк безжалостно выкрутил его руку. Алан пожал плечами: сейчас не оставалось времени для полумер. Все, что помогало добыть необходимую информацию, было оправданно.

— Остановите его! — пронзительно выкрикнул Флэнд через секунду-другую. — Остановите, я не могу этого вынести!

— Что находится внутри?

— Источник… источник энергии, клянусь! Пу-

стите меня туда!

— Почему?

Флэнд облизнул пересохшие губы.

— Послушайте, — отрывисто произнес он. — Если я скажу вам, если спасу вас от Носителя Света, вы освободите меня? Иначе мы умрем вместе, когда он придет.

— Хорошо, — согласился Алан. — Я слушаю.

— Давайте хотя бы войдем внутрь!

— Мы останемся здесь до тех пор, пока ты не расскажешь все, что мы хотим знать.

Неприятный холодок пробегал по спине Алана при мысли о Носителе Света, с головокружительной скоростью приближающемся к ним по Тропе Богов. Но они не могли доверять Флэнду. Он чуть заметно кивнул Майку, который тут же усилил давление на плечо Флэнда. Тот закричал от боли.

— Я расскажу вам, но только поскорее!

— Что находится внутри?

— Источник энергии, наделивший меня магией, — быстро ответил Флэнд. — Я пришел туда очень давно, когда впервые обнаружил Каркасиллу. Это запретное место. Никто из жителей не осмеливался войти туда, но я осмелился и увидел колыбель фонтана. — Его голос изменился. — Я увидел Источник. Если ты купался в фонтане, то

знаешь, что он может делать. Он исцелил тебя, когда ты умирал, он наделил тебя бессмертием, но я видел сам Источник, я стоял во внешней короне его сияния и купался в великой славе его силы!

Голос Флэнда пресекся, а затем он добавил спокойным, будничным голосом:

— Он сделал меня богом.

— Как? — требовательно спросил Алан.

— Разве вы можете это понять? Я находился ближе к источнику бессмертия, чем любое человеческое существо. Теперь в моем теле и разуме обитает частица его силы. В человеческом мозге есть много потайных уголков, но все замки и запоры слетели под напором великой силы, и я понял… я видел… — Он помолчал и устало вздохнул. — Но сейчас я полностью истощен. Возведение силового барьера оказалось более сложной задачей, чем я предполагал. Я должен снова искупаться в Источнике, восстановить свою силу. Отпустите меня! Отпустите, и я построю силовой барьер вокруг нас!

— О чем он болтает? — спросил Майк.

Алан в сокращенном виде передал им слова Флэнда.

— Источник находится здесь, сомнений нет,

— заключил он. — Но похоже, он слишком опасен для нас. Если даже излучение его внешнего края могло сотворить такое с Флэндом, то к чему приведет контакт с самим…

Тонкий, жалобный вопль Флэнда заставил его замолчать. Все взгляды обратились в том направлении, куда указывал трясущийся палец полубога.

На вершине длинного склона, на фоне города и призрачной Башни Дождя, что-то двигалось. Бесформенная фигура, сотканная из тени и ослепительного сияния, чудовищно изящная в своих быстрых, скользящих движениях… Хотя у существа не было глаз, оно наблюдало за ними.

Реакция Майка была поразительной. Казалось, он превратился в глубокого старика; спазмы ужаса сотрясали его тело, бронзовое лицо обвисло складками и превратилось в маску идиота.

Новый вопль Флэнда вывел их из оцепенения. Он вырвался из ослабевшей хватки Майка и со всех ног побежал к тоннелю.

Его движение произвело на Майка почти гипнотическое воздействие. Нацист расправил плечи и отвернулся от безымянного ужаса, нависшего над ними. Перед ним было слабое, испуганное, убегающее существо, оскорбившее его мужское

достоинство и нуждавшееся в примерном наказании. Издав хриплый боевой клич, он кинулся в погоню за Флэндом.

Алан угадал намерения Майка так же ясно, как если бы прочел его мысли. Флэнд еще не должен умереть! Он прыгнул вбок и всем своим весом навалился на плечо пробегавшего мимо нациста. Тот зашатался и отлетел в сторону, едва сохранив равновесие. Прежде чем Майк успел прийти в себя, Алан уже мчался по тоннелю за убегающим Флэндом.

Тоннель круто уходил вниз. Флэнд был порхающим белым силуэтом на фоне золотистого сияния впереди. Алан слышал топот ног за спиной; на мгновение ему даже показалось, будто он слышит топот Чужого, несущегося за ними на своих неосязаемых конечностях. Бегство от существа, способного передвигаться с невероятной скоростью, было совершенно бесполезной затеей — однако они бежали.

Но затем Алан увидел то, что находилось в противоположном конце тоннеля, и на какое-то время все воспоминания о погоне покинули его, сменившись безмерным изумлением.

Перед ним открылся огромный подземный зал, до краев наполненный сиянием, почти невыно-

симым для человеческих глаз. Нельзя было даже приблизительно определить размер помещения, поскольку расстояния здесь смещались и искажались из-за света, исходившего от Источника огромными пульсирующими волнами.

Чистая энергия так долго впитывалась в стены, что даже камень светился и выглядел полупрозрачным, сплавившись с золотистой сущностью Источника. Стены казались окнами, открытыми в колышущиеся безмерные дали; они были зеркалами, возвращавшими и отражавшими свет. Все помещение как будто плавало в ликующем свете, и бледная фигура Флэнда, продолжавшего двигаться вперед, утопала в огромных волнах сияния, пронизывавшего его насквозь.

В центре зала светоносная корона танцевала вокруг непостижимого ядра Источника. Темный круг, расположенный в потолке прямо над ним, впитывал бурлящие потоки энергии. Должно быть, фонтан бессмертия поднимался прямо над Источником.

Туда-то и устремился Флэнд, борясь с неосязаемыми потоками, как с волнами прибоя или сильным ветром. Волей-неволей ему пришлось замедлить шаг. Он оглянулся через плечо на своих преследователей и на вход в тоннель, где,

возможно, уже маячил силуэт Чужого. Достигнув внешнего края светоносной короны, он остановился в нерешительности: дальше этого места он еще не осмеливался заходить.

Алану показалось, что с лицом Флэнда происходят какие-то перемены. Его взгляд странно углубился, затем засверкал, как будто божественная сила проникала в его мозг прямо из Источника.

Хриплый крик Майка развеял наваждение. Сэр Колин тоже кричал что-то неразборчивое; эхо, многократно отраженное от стен пещеры, заглушало его слова. Майк с воплем промчался мимо. Огромная инерция его движения отбросила Алана в сторону. Не замечая ничего, кроме своей жертвы, нацист бросился к Источнику.

Бессильный крик Алана смешался с отголосками, гулявшими между зеркальными стенами. Майк с низко опущенной головой нырнул в слепящее сияние. Алан видел его силуэт с протянутыми руками, как символ бесцельного, тупого торжества.

Флэнд вскрикнул. Его голос прозвучал гораздо глубже и мощнее, чем раньше. Послышался глухой стук тела, врезавшегося в другое тело. Прищурившись, Алан увидел, как они замерли

на мгновение, сплетенные в объятиях ярости и страха, полупрозрачные, пронизанные потоками света.

Затем Флэнд и Майк Смит упали вместе в самое сердце бурлящего водоворота Источника.

Алан видел, как чистое, яростное сияние поглотило их тела. Они были тенями на фоне этого беспощадного, всепроникающего света. Тени исчезли, но свет даже не мигнул. Его могучие волны продолжали ритмично изливаться из огненного центра.

Алан стоял один в золотистой пещере.

Тяжелые шаги сэра Колина, подбежавшего сзади, немного привели его в чувство. Алан повернулся и посмотрел на ученого невидящими глазами. Его разум словно окаменел, не в силах принять случившееся. Он мог лишь недоверчиво качать головой, поглядывая на могучее сияние, разливавшееся вокруг.

— Боже! — тихо выдохнул сэр Колин. Его лицо залила смертельная бледность. Должно быть, он видел достаточно и понял, что произошло.

Что-то мелькнуло над головой сэра Колина, и Алан невольно отступил в сторону. Отсюда он мог видеть весь тоннель вплоть до отверстия, ведущего в Каркасиллу, за которым была видна

башня Флэнда. Но он видел и что-то еще — что-то мерцающее и клубящееся, как грозовая туча, на пороге тоннеля.

— Сэр Колин! — позвал он. Собственный голос показался ему слабым и бессильным. — Чужой приближается!

Ученый с видимым усилием отвел взгляд от сверкающего великолепия Источника и посмотрел на Алана. Костлявые плечи передернулись, и сэр Колин со свистом втянул в себя воздух.

— Ах да. — Его голос тоже звучал неестественно. — Чужой. И мы не можем бежать дальше. Возможно, Майку повезло больше, чем нам… — Он повернулся. — Да, я вижу его. Но смотри, парень: он не приближается! Любопытно…

Алан заставил себя посмотреть на ужасный бесформенный силуэт. Чужой в непонятном замешательстве остановился у входа в тоннель, двигаясь понемногу то вперед, то назад, словно что-то пугало его.

— Не может ли он бояться Источника? — вслух поинтересовался сэр Колин. — Сомневаюсь, ведь Чужие сами поместили Источник в этом месте. Я бы сказал, что здешняя энергия гораздо опаснее для нас, чем для него. Бедный Майк!

— Забудем о Майке, — отрезал Алан. — Потом у

нас будет время подумать об этом. Но не сейчас.

— Ты прав, парень. — Сэр Колин расправил плечи. Столкнувшись с проблемой, требовавшей немедленного решения, он снова ожил. — В его нерешительности должен быть какой-то скрытый смысл. Но я не думаю, что дело в Источнике. О, если бы у нас только было побольше времени! Этот Источник! С его помощью мы, пожалуй, могли бы потягаться с Чужим. Но нам нужны защитные экраны и специальные инструменты. Эта штука в пламени слишком велика, к ней не подступишься с голыми руками.

— Он приближается, — ровным голосом сообщил Алан.

Действительно, туманный силуэт мало-помалу начал приближаться — осторожно, пожирая их безглазым взглядом, отступая на шаг-другой, а затем скользя вперед с неземной грацией.

— Он боится, — тихо сказал сэр Колин. — Что-то в нас беспокоит его. Но что? Что?

Несмотря на безнадежность их положения, Алан не мог не восхититься выдержкой ученого. Насколько велик должен быть человек, чтобы рассуждать с таким спокойствием, когда сама смерть приближается к нему!

— Думаю, он очень устал. — Сэр Колин прищу-

рился, вглядываясь в тоннель. — Он умирает от голода. Возможно, он слабее, чем мы думаем. Он становится все отчаяннее и в то же время осторожнее. Но что, что…

— Есть! — с внезапной надеждой воскликнул Алан. — Пистолет! Шум выстрелов! Разве вы не помните?

— Да, он боится громких звуков. Но что толку…

— Эта пещера не так уж велика. Но понимает ли Чужой, какое эхо могут вызвать выстрелы? Я помню, как он отступил и замер в ожидании, когда вы выстрелили в него у ворот.

Сэр Колин задумчиво нахмурил кустистые рыжие брови.

— Дай-ка подумать. Чужой состоит из энергии: возможно, это матрица электронных полей, удерживаемых в жестком равновесии. Вибрации нарушают это равновесие. Да, пожалуй, звуковая волна может причинить ему боль. Но он всего лишь отступит и будет ждать нас у входа в тоннель, где эхо не такое громкое.

— Вы думаете, мы не сможем ускользнуть?

— У нас почти нет шансов, парень. Эта тварь чего-то боится; вероятно, звука выстрелов. Но мы не сможем удержать его. Какие только мысли не приходили мне в голову! — Он рассмеялся. — Я да-

же думал, не стоит ли мне искупаться в световой короне у Источника и превратиться в полубога, вроде Флэнда. Но Флэнд боялся Чужого, несмотря на свою магию. Похоже, нам не остается ничего, кроме… — Он многозначительно посмотрел на свой пистолет.

— Я смогу удержать Чужого. — Алан говорил так тихо, что ему пришлось повторить свои слова, прежде чем сэр Колин услышал их. Взгляд маленьких, острых глаз ученого пронзил его насквозь. Шотландец медленно покачал головой и плотно сжал губы.

— Так не пойдет, парень. Лучше уж нам обоим броситься в Источник. Или… — Он снова посмотрел на пистолет.

— Это наш шанс, — упрямо возразил Алан. — Я обязан рискнуть. Мы не можем потерять больше, чем жизнь. Если бы надежды не было, то я бы предпочел сгореть, как Флэнд и Майк Смит. Но она есть! Послушайте, это существо умирает от голода. Дайте изголодавшемуся человеку немного еды, и он будет держаться за нее, даже если вы отхлещете его кнутом. Я однажды видел такое в Сахаре среди бедуинов. На этот раз добычей буду я, но Чужому придется дорого заплатить за то, что он получит.

— Нет, парень. Нет!

— Не забывайте, Чужой уже побывал в моем разуме, и я одолел его с вашей помощью. Возможно, мы сделаем это снова. Не спорьте. Достаньте свой пистолет!

Он повернулся к проходу, где ужасное облако слепящей тьмы продолжало надвигаться на них.

— Я скоро вернусь. Приготовьтесь!

Он побежал по тоннелю длинными легкими шагами, не оглядываясь назад. Все чувства застыли в нем. Они должны были оставаться застывшими до тех пор, пока Чужой не будет уничтожен.

Существо, клубившееся в тоннеле перед ним, внезапно качнулось в его направлении. Движение было столь быстрым, что человеческий взгляд не мог уследить за ним. Ослепительный свет и ослепительная тьма… дыхание голода… осязаемые, чудовищные волны…

Алан не видел, как исчезло разделявшее их расстояние. Одно мгновение Чужой нависал над ним у самого входа в Каркасиллу, а затем его очертания закрыли собой весь мир, окутав Алана черным покрывалом.

Удушающее объятие поглотило его, лишив всех мыслей и чувств. Он мог лишь ощущать, как

жуткие невидимые щупальца снова оплели его разум и душу, вибрируя в ненасытном предвкушении торжества.

В это мгновение он понял, что пропал.

Глава 6 НАСЛЕДНИКИ РАЗРУШЕННОЙ ЦИТАДЕЛИ

Вокруг Алана бушевала и ярилась сила, о существовании которой он недавно не мог и помыслить. Во время их встречи у ворот Каркасиллы Чужой не вводил в бой все свои резервы. Теперь его мощь была так же велика, как светоносная сила Источника, и Алан не мог надеяться, что сможет выстоять против нее. Он имел дело с существом, прилетевшим со звезд, чья раса стерла людей, как паразитов, с лица Земли. Бороться с таким существом было все равно что бросать вызов молнии.

Он не мог победить. Он переоценил свои силы, и теперь ему конец. Сэру Колину тоже конец, и терази, и всему человечеству. Легче было умереть, бросившись во всепоглощающее пламя Источника или выстрелив себе в висок из пистолета.

Его сознание наполнилось раскатами оглушительного грохота. Эхо многократно усиливало звук пистолетного выстрела. Чужой, потрясенный шумом, на мгновение ослабил хватку своих щупалец, и зрение вернулось к Алану. Отрешенно, словно со стороны, он наблюдал за

результатом выстрела. Парящий мост снаружи обрушился; огромный купол взорвался дождем радужных осколков. Потом он увидел, как спиральная лестница, ведущая к башне Флэнда, неожиданно завибрировала. Очертания всей непрочной структуры задрожали и размылись. Снаружи донесся тонкий, пронзительный звук. Медленно, как во сне, спиральная лестница начала рушиться, увлекая за собой огромную башню.

Темнота снова сомкнулась над ним. Он ощущал гнев Чужого, холодный и бесчеловечный, как если бы тот внезапно понял, что случилось и почему.

Бездумно, безнадежно Алан укрепил свою волю перед мощью всепоглощающего желания, сфокусированного на нем, запустившего неодолимые щупальца в его разум. В том уголке сознания, который все еще принадлежал ему, билась мысль, что он должен каким-то образом подтащить этот чудовищный сгусток энергии вниз по тоннелю. Но легче было бы справиться с ураганом.

Воля Алана начала слабеть. Но затем он ощутил приток странной силы извне, как будто у него появилось два сознания одновременно. Он чувствовал, как пустота, существовавшая в нем до сих пор, начинает заполняться.

Ярость сотрясала его — ледяная, нечеловеческая ярость, обращенная против крошечных человеческих существ, борющихся за свою бессмысленную жизнь, не имевшую другой ценности, кроме удовлетворения его потребностей. Его потребностей, его пылающего, ненасытного голода! Он должен как можно скорее покинуть этот тоннель, где болезненная вибрация сотрясает самые основы его существа. Но, несмотря на боль, сейчас нельзя сдаваться. Он уже близок к цели.

Вокруг него вспыхивали радуги ослепительной боли, похожие на расширяющиеся огненные круги. Шум, вибрация! Невероятная усталость на мгновение ослабила его.

Через темный занавес Алан видел тоннель, ведущий к сияющей короне. Сэр Колин с пистолетом в руке вглядывался в полумрак; его лицо мучительно исказилось от страха и напряжения. На одно мгновение их глаза встретились, и Алан снова стал собой. Эхо выстрела еще звучало в коридоре, перекрываемое тонким, почти мелодичным звоном: то рушилась Каркасилла. Алан с внезапной, невыносимой остротой вспомнил Эвайю и снова понял, что пропал.

Они осмелились! Они осмелились угрожать

мне, посланцу могучей расы… Название не имело смысла даже в измененном сознании Алана. Он понял, что Чужой снова завладел его разумом, но теперь это не имело значения. Он знал, что проиграл. Благостное, почти радостное ощущение капитуляции теплой истомой растекалось по его членам. Какая роскошь — прекратить борьбу, отказаться от безнадежной схватки и позволить странной, чуждой красоте затопить свой мозг! Радость, которая за этим последует, слишком велика для слабых человеческих чувств. Голод нужно утолить. А он был голоден — о, как он был голоден!

Время застыло, замедлив свой ход перед последним, завершающим броском.

Но тут снова грянул гром, и радуги боли заплясали вокруг него — неземные цвета, плавившие мозг в его черепе. Темные щупальца отпрянули; Чужой содрогнулся и отступил.

Алан лишь смутно осознавал, что находится в тоннеле, недалеко от Источника. Он безвольно висел в объятиях Чужого. Сэр Колин смотрел на него, подняв пистолет; ужас, отражавшийся в его глазах, был вызван не страхом перед поражением, но более глубоким отвращением, того, что он видел перед собой…

Алану было все равно. Он потерял способность хотеть. Он ждал возвращения Чужого.

Что-то зашевелилось глубоко в его подсознании, в том уголке мозга, который умолк последним и теперь пробуждался первым.

— Убей его! Убей его! Убей его! — снова и снова повторял Майк Смит своим лающим голосом.

Алан понял, что сошел с ума, но это не имело значения. Он не обращал внимания на призраков, даже когда через монотонные заклинания Майка пробился усталый голос Флэнда.

— Да, ты должен убить его, — произнес Флэнд из той невообразимой дали, где он теперь находился. — Ты должен убить его, иначе я никогда не узнаю покоя из-за этого дикаря, который взывает к отмщению.

В расслабленном сознании Алана шевельнулось что-то похожее на любопытство. Он знал, что и Флэнд, и Майк Смит мертвы. Он видел, как они умерли — давным-давно и далеко отсюда.

— Какое это имеет значение? — беззвучно спросил он. — И кому это нужно?

— Мне нужно! — Вопль Майка сотряс тишину.

— Что касается меня, то мне ничего, не нужно, — сказал Флэнд. — Я и пальцем не пошевелю ради спасения человечества. Ваши судьбы мне

безразличны. Если бы не это… это существо, связанное со мной в момент трансмутации, то я бы больше никогда не заговорил. Но в этом вопросе он сильнее меня.

— Почему? — равнодушно спросил Алан. Это не имело значения. Он ждал лишь возвращения Чужого.

— Он подвергся трансмутации, имея лишь одно, но очень сильное желание, — устало ответил Флэнд. — Столь сильное, что оно вытесняет все остальное. Носитель Света должен умереть, иначе он никогда не успокоится. Я могу погасить его, как пламя свечи, обратить…

Тишина снова сомкнулась над Аланом. Его засасывал чудовищный водоворот, в глубинах которого бушевали гнев и презрение. Голоса в его сознании умолкли, но затем откуда-то издалека сквозь тьму начал пробиваться луч света. Он вырос в солнечный диск, окаймленный короной; на пылающем фоне едва заметно мелькала двойная тень.

— Борись с ним, — сказал Флэнд. — Борись с ним, слышишь? Я помогу тебе, потому что должен это сделать.

— Убей его! — выкрикнул голос Майка. — Убей его, Дрейк! Убей его!

Алан почувствовал, как сила медленно, ощупью втекает в его застывший разум. Он не хотел этого. Он даже сопротивлялся ее приходу, но Флэнд был неумолим, а его энергия теперь, казалось, имела неисчерпаемый источник. Флэнд был не человеком, не богом, а яркой точкой, сверкающей в сознании Алана, как сверхновая в звездном небе. Непреодолимая сила затопила мозг Алана, и он почувствовал, как запертые двери распахиваются настежь перед этим сияющим потоком.

Грохот выстрела заполнил пространство вокруг него. Весь мир задрожал от звука. Но на этот раз боли не было: Чужой убрался из сознания Алана вместе со своими ощущениями. Когда чуждое Присутствие отступило, потрясенное и содрогающееся от шока, он заморгал невидящими глазами. Но и глаза, и мозг снова принадлежали ему.

Теперь он отделился от Чужого. Он превратился в сверхплотное, неподвижное ядро, способное выстоять перед натиском засасывающей силы. Он знал это вне мыслей и чувств, не стремясь к этому, но и не сопротивляясь неизбежному.

Чужой тоже почувствовал перемену. Он налетел внезапно, как смерч, беззвучно завывая от ярости и неутоленного желания. Он еще не был побежден. Теперь он боролся с двумя против-

никами, но у него еще оставалось оружие для сражения с новым сияющим врагом, наполнившим мозг его жертвы своей силой.

Алан чувствовал, как Вселенная вращается вокруг него. Тоннеля больше не было. Мир распался. Головокружение, более ужасное, чем может представить себе любой человек, с тошнотворной силой охватило его, когда земля ушла из-под ног, и перед его взором возникли безличные глубины межзвездных пространств, пронизанные иглами звезд.

Флэнд отступил, но совсем чуть-чуть. Это зрелище не могло поколебать его решимость. Теперь Флэнд обладал могуществом, для которого не было необходимости в телесной оболочке. Чужой снова зашелся в приступе леденящего гнева, и глубины космоса исчезли, как наваждение.

Теперь они проносились по невероятному городу, где чудовищные цитадели плавали по озерам живого пламени. Существа, подобные Чужому, мелькали вокруг, лишенные светоносных одежд, скрывавших их от человеческих взоров.

Алан не мог видеть их, даже если бы и захотел. Но Флэнд увидел и дрогнул, потрясенный до глубины души. Однако даже это зрелище не смогло сломить его, и схватка продолжала бушевать.

Алан был ее безгласным центром, сосудом неисчерпаемой силы Источника.

Снова выстрелы. Чужой замкнулся в себе и отступил, накапливая силы. Алан потерял всякую связь с внешним миром. Он мог видеть лишь огромную светоносную корону с образом Флэнда, запечатленным на ее поверхности.

Когда Чужой с беззвучным ревом устремился в новую атаку, Алан ощутил зарождающееся отчаяние в глубине его энергетической воронки. Но решимость Носителя Света лишь окрепла, и он обрушил на них последний жестокий шквал из глубин своего бытия. Вокруг Алана снова разгорелась битва.

Он не видел того, что мог видеть Флэнд, когда Чужой тащил их обоих по темным коридорам своей памяти. То были зрелища, не предназначенные для человеческих чувств, и это спасло Алана. Если бы он видел… Но он висел без движения в центре воронки и ждал. Ждал следующего выстрела, который сотряс бы Чужого до самого основания его существа.

Победа пришла внезапно. Алан был выброшен из пассивного состояния ощущением неописуемой утраты, возникшим в огромном смерче, все еще обволакивавшем его. Этот жуткий тайфун

наконец исчерпал свои силы. Он убегал. Он был разбит.

Первый представитель великой расы, пришедшей на Землю, и последний представитель этой расы, оставшийся на Земле, внезапно понял, что его час пробил и великая миссия так и останется невыполненной. Невыразимая печаль пронизала слепящую тьму, окутавшую Алана. Он разделял нечеловеческое горе этого потомка могущественной расы, чье имя человечество никогда не узнает, чья красота была слишком ослепительна для человеческих глаз, а жуткая, неземная фация вселяла ужас в души людей. Умирая, Чужой унесся подземными тропами обратно в цитадель, воздвигнутую его великими сородичами на чужой планете. Алан видел, как он уходит. Он видел величественные асимметричные очертания цитадели на фоне огромной луны: непроницаемые, загадочные, впитывающие бледный свет.

Цитадель не имела входа. Но Чужой вошел в нее — и на короткое мгновение, вслед за исчезающей нитью памяти, Алан тоже побывал там.

Давным-давно он гадал, какие огромные залы и длинные сводчатые коридоры могут находиться внутри. Теперь он знал. Там не было ни залов, ни коридоров. Цитадель представляла собой сплош-

ную плотную массу от одной стены до другой, насколько позволяли возможности человеческого восприятия.

Чужой направился сквозь нее по маршруту, известному лишь ему одному. Он пролетал мимо мемориалов своей безымянной расы, правившей и сгинувшей здесь; мимо гробниц тех, кто пришел на Землю после него и умер до его пробуждения. В одном коротком странствии — квинтэссенции своей печали, одиночества и утраты — Чужой обозрел историю, неведомую человечеству, и навсегда попрощался со своими славными предшественниками.

Там, в недоступном сердце цитадели, окончилось его странное существование…

— Проснись, парень! — бормотал чей-то голос, знакомый по давно минувшей эпохе.

Алан открыл глаза. Его окружали сияющие стены, в лицо бил могучий свет Источника. Но на пляшущей поверхности светоносной короны больше не было тени. Флэнд исчез.

Должно быть, он видел все это во сне, подумал Алан. Этого не могло быть на самом деле. Он поднял голову и посмотрел на морщинистое кирпично-красное лицо пожилого шотландца, словно пытаясь найти поддержку и утешение.

Сэр Колин улыбнулся.

— Мы победили, парень, — хрипло произнес он. — Мы сделали это! Хотя на какое-то мгновение мне показалось… ладно, теперь это не важно. Я видел, как он уходит… — Его голос понизился до шепота. — Но черт меня побери, если я знаю, почему это случилось!

Тонкий, мелодичный звон заставил Алана обернуться. То, что он увидел за выходом из тоннеля, потрясло его больше всего остального.

Грохот падения башни Флэнда вызвал отголоски по всему городу. Одно за другим хрупкие строения начинали вибрировать. То здесь, то там, далеко и близко — парящие купола и бульвары входили в резонанс, затем взрывались под аккомпанемент нежных, почти музыкальных аккордов и дождем осыпались вниз, пробуждая новые отголоски и навлекая гибель на новые башни и мосты.

Впервые со дня основания Каркасиллы звук вошел в ее пределы как вестник грядущего рока. Алан прислушивался к хрупким, звенящим аккордам рушащихся зданий. Он думал об Эвайе. Он знал, что победил — и возможно, уже сейчас настоящая Эвайя приближается к нему по Тропе Богов. Жизнь снова сияет в ее чертах, прекрасных

и изысканных, как у резной статуэтки из слоновой кости, тонкие волосы волнами плывут за нею в сумрачном воздухе.

Эвайя возвращается в разрушенную Каркасиллу.

Да, он победил. И проиграл. Человечество получило свой шанс. Источник фонтана, наделявшего жителей Каркасиллы бессмертием, отправится на Венеру в ожидающем взлета корабле. Сэр Колин полетит туда. И Карен, и терази. Там снова будет зеленый мир, красочный и благоуханный, сверкающий росой и переливающийся радугами.

Но он никогда не увидит этого мира. Он будет ждать Эвайю, которая не уйдет отсюда. А потом он будет ждать вместе с нею здесь, на руинах Каркасиллы, пока сияние умирающего фонтана не померкнет и над Землей навеки не сомкнется тьма.

Сэр Колин задумчиво покусал кончик своей необыкновенной самодельной ручки. Потом он обмакнул перо в чернила — сок, выжатый из ягод, никогда не произраставших на Земле, — и продолжил работу.

«…поэтому мы оставили их там, — написал он. — Путешествие было очень долгим; я уже стар и

сомневаюсь, что когда-нибудь узнаю об их судьбе. Но я знаю Алана Дрейка и знаю, что с ним произошло. По крайней мере, частично — о его долгой схватке с Чужим, на самом деле длившейся лишь несколько мгновений, пока я выпустил пять пуль из пистолета, одну за другой. Он рассказал мне о Флэнде, открывшем яркие двери в его сознании, наделившем его светом негасимого Источника.

Этот свет сделал Флэнда полубогом. Алан Дрейк никогда не претендовал на подобную роль, зато он обладал изрядной долей обычного здравомыслия. И я полагаю, этого достаточно. Несмотря ни на что, я свято верю, что человечество все еще живет на Старой Земле.

Если какой-нибудь человек и может сохранить его, то это Алан Дрейк. Я оставляю эти записи для нового поколения терази, для их детей и внуков.

Когда-нибудь, как-нибудь — клянусь вам! — голоса ваших земных родичей зазвучат на Венере. И эти голоса произнесут имя Дрейка.

То, что мы оставили для них, будет легендой к тому времени, когда ваше поколение прочтет эти записи. Вы услышите о сияющей комнате, откуда мы взяли Источник; камни продолжали светиться и после того, как он исчез. Он так долго питал своей энергией эти стены, что она живет в них, и

надеюсь, будет жить еще достаточно долго.

Достаточно долго, чтобы привести в действие механизмы, которые понадобятся людям. Хрупкие каркасиллианцы сложены гораздо крепче, чем можно предположить с первого взгляда. Алан бы не рассказал мне о стальной, упругой силе тела Эвайи, которое он держал в своих объятиях, если бы не понимал, каким важным будет это знание для будущего человечества на Старой Земле.

Итак, мы знаем, что каркасиллианцы сильны. Мы знаем, что они имеют ограниченный запас энергии, чтобы завести механизмы, оставленные в пещерах терази. Мы знаем и еще кое-что, хотя в то время мы слишком торопились, чтобы подумать об этом. На Старой Земле существует другой источник энергии: мощнейшая приливная волна, огибающая планету следом за Луной по огромной расщелине в ложе океана. Если каркасиллианцы с их механизмами и силой смогут обуздать эту мощь — кто знает, возможно, Старая Земля снова возродится!

Я верю, что они смогут это сделать. Я верю, что Алан Дрейк, с его познаниями и могуществом, полученным в наследство от Флэнда, сможет спасти свою любимую, ее народ и весь мир, где

он предпочел остаться из-за нее.

Фонтан бессмертия погиб, но каркасиллианцы продолжают жить. Я буду верить в это до тех пор, пока не умру. И в один прекрасный день вся Венера услышит великую историю, о которой я сейчас могу только догадываться, — историю, которую я никогда не узнаю».

Генри Каттнер. Из глубины времен

Роман

Генри Каттнер

ИЗ ГЛУБИНЫ ВРЕМЕН

роман

Глава 1 НАЧАЛО

Ардах открыл глаза, пытаясь вспомнить, откуда взялась ослепительная боль, пульсирующая под черепной коробкой. Над ним нависала изогнутая балка из желтого металла, за которой виднелась внутренняя переборка космического корабля. Что произошло?

Казалось, лишь секунду назад на корабле кипела жизнь. Вокруг сновали люди, звучали громкие команды, и раскаленные облака атмосферных газов проносились мимо спускающегося звездолета. Затем был чудовищный удар — и темнота. А теперь?

С мучительным усилием Ардах распрямил свое легкое, хрупкое тело. Его окружали смерть и разрушения. Повсюду в разных позах лежали трупы — тела тех, кто не пережил ужасного столкновения. То были изящные и стройные люди, чью кожу покрывал темный загар долгих космических странствий. Ардах с надеждой огляделся по сторонам; ему показалось, что один из них пошевелился и слабо застонал.

Терон! Командиру корабля, старшему по званию и мудрейшему из всех, удалось выжить!

Теплое чувство благодарности волной нахлынуло на Ардаха. Значит, он не останется один в этом новом, неизведанном мире. Он поспешно отыскал стимуляторы и склонился над оживающим человеком.

Посеревшее безбородое лицо Терона исказилось от боли. Его бледно-голубые глаза медленно приоткрылись.

— Ардах... — прошептал он, с усилием приподнял руку и прикоснулся к своей лысой голове.

Глухой удар прокатился по кораблю и стих в отдалении.

— Кто еще жив? — Слова давались Терону с трудом.

— Не знаю, командир, — тихо ответил Ардах.

— Выясни.

Ардах осмотрел все помещения огромного золотистого корабля. Когда он вернулся, на его узком смуглом лице застыло выражение отчаяния и безнадежности.

— Мы с тобой — единственные, кто остался в живых, Терон.

Командир пожевал губами.

— Вот оно как. А я умираю... — Он слабо отмахнулся от протестов своего подчиненного. — Это правда, Ардах. Ты не знаешь, как я стар. Много

лет мы провели в космосе, и ты самый младший из нас. Ты родился на борту корабля. Подними штору иллюминатора; я хочу посмотреть, где мы находимся.

— На третьей планете этой звездной системы, — сказал Ардах.

Он нажал кнопку, и штора ближайшего иллюминатора медленно поползла вверх. Сначала они не увидели ничего, кроме темноты. Потом их глаза постепенно привыкли к полумраку.

Корабль лежал на мелководье возле пустынного берега. Незнакомый мир, освещенный слабым красноватым сиянием, сочившимся из-за плотной пелены облаков, выглядел мрачным и уфожающим. Шел мелкий дождь.

— Проверь состав атмосферы, — распорядился Терон.

Ардах подчинился. Спектроскопический анализ, проведенный из космоса, показывал, что атмосфера пригодна для дыхания, и химический анализ лишь подтвердил это. По просьбе Терона Ардах открыл воздушный шлюз.

В воздухе, заполнившем помещения корабля, ощущался неприятный привкус серы и аммиака. Поначалу оба закашлялись, но через несколько минут привыкли к странным запахам.

— Вынеси меня наружу, — тихо сказал командир.

Их взгляды встретились. Молодой человек заколебался.

— Я скоро умру, — настойчиво продолжал Терон. — Но сперва я должен... должен узнать, что мы достигли цели.

Ардах молча поднял на руки легкое тело командира. Расплескивая теплую воду, он добрел до берега и осторожно уложил Терона на каменистый пляж. Солнце, скрытое за плотным покровом облаков, поднималось на востоке; это был первый рассвет в жизни Ардаха.

Серое небо и море, темный берег — вот и все, что он видел. Иногда под ногами пробегала легкая дрожь: юный мир содрогался в вулканическом пламени первичного творения. Дожди и приливы еще не успели подвергнуть эрозии скальные выходы, превратив их в песок и почву. Растительность отсутствовала. Ардах не знал, находятся ли они на острове или на континенте. Сразу за пляжем местность круто поднималась к зубчатой линии горных вершин на горизонте.

Терон вздохнул. Его тонкие пальцы вслепую ощупали каменистую поверхность, на которой он лежал.

— Ты родился в космосе, Ардах, — с мучением в голосе произнес он. — Ты еще не можешь понять, что лишь на планете человек обретает свой дом. Но я боюсь...

Его голос ненадолго умолк, но затем зазвучал с новой силой.

— Я умираю, но сначала мне нужно кое-что сказать тебе. Слушай, Ардах... Ты никогда не видел Кирии, своей родной планеты. Она находится в сотнях световых лет от этого мира. А может быть, ее уже нет. Несколько веков назад мы поняли, что Кирия обречена. Ее орбита пересекалась с курсом крупного астероида из межзвездного пространства; столкновение означало полное уничтожение нашей цивилизации, а возможно, и разрушение самой планеты... — Помолчав, он добавил: — Кирия была прекрасным миром, Ардах.

— Знаю, — прошептал Ардах. — Я просматривал видеозаписи.

— Ты видел наши огромные города, зеленые леса и поля... — Терон зашелся в приступе мучительного кашля и торопливо продолжал: — Мы решили спастись. Группа избранных построила этот космический корабль и покинула Кирию в поисках нового дома. Но из сотен планет, которые мы посетили, ни одна не оказалась пригодной

для обитания. Эта третья планета желтого солнца — наша последняя надежда. Топливо почти на исходе. Слушай меня, Ардах: ты должен сделать так, чтобы цивилизация Кирии не исчезла вместе с нами!

— Но это мертвый мир, — возразил молодой человек.

— Это юный мир, — поправил Терон.

Он помедлил, а затем поднял руку, указывая на море. Ардах посмотрел на медленные, тяжелые волны прибоя, накатывавшие на берег. Вода ненадолго отхлынула, и он заметил на каменистом склоне какой-то предмет. Это был всего лишь небольшой комок слизи, влажный и отвратительный, — но он, несомненно, существовал, предвещая грядущий расцвет органической жизни!

Ардах понимающе кивнул. Следующая волна смыла блестящий комок протоплазмы обратно в море, и Терон через силу улыбнулся.

— Жизнь! Здесь уже есть жизнь, Ардах, и лучи желтого солнца поставляют энергию для эволюционного развития. Пройдут бессчетные годы, прежде чем здесь появятся человеческие существа, но они обязательно появятся! Наши исследования на множестве других планет поз-

воляют предсказать ход здешней эволюции. Из одноклеточных существ разовьются водоросли и амебы, потом появятся рыбы, амфибии и рептилии. Летающие рептилии и сухопутные динозавры станут предками теплокровных животных. И наконец, появятся человекообразные обезьяны, которые со временем превратятся в настоящих людей!

— Но на это уйдут многие миллионы лет!

— Ты обязан остаться здесь, — твердо сказал Терон. — Ты должен ждать, Ардах, даже миллионы лет, если это будет необходимо. Стазисный луч останавливает жизненные процессы, пока мы путешествуем в космосе. Выведи корабль за пределы атмосферы. Настрой приборы на вращение по геостационарной орбите вокруг планеты. Установи время действия луча таким образом, чтобы периодически выходить из стазиса и изучать эволюционные процессы на поверхности. Да, тебе придется ждать очень долго... но в конце концов ты найдешь людей.

— Таких же людей, как мы?

Терон с сожалением покачал головой:

— Нет. Суперментальность — это результат тщательно разработанной евгенической программы. Конечно, гении рождаются и в есте-

ственных условиях, но очень редко. На Кирии мы занимались отбором и скрещиванием таких людей, пока наконец их потомство не заселило всю планету. Тебе придется проделать то же самое в этом мире.

— Хорошо, — согласился Ардах. — Но как...

— Ищи в будущих эпохах. Не останавливайся, пока ты не обнаружишь одного из гигантов мысли. Его будет легко определить, поскольку он уже с детства будет далеко опережать своих современников. Он отдалится от них, обратившись к поискам знаний. Он станет творцом многих великих изобретений своего времени. Возьми этого человека — мужчину или женщину — и отправляйся вперед во времени, пока не найдешь гения противоположного пола.

Ты никогда не сможешь вступить в брак с женщиной из этого мира, Ардах. Поскольку ты из другой звездной системы, такой союз невозможен с биологической точки зрения. Он будет бесплодным. Твой долг — найти гения, изъять его из своего времени и подыскать для него подругу в более отдаленном будущем. Из этого союза возникнет раса сверхлюдей, равных кирианам. В некотором смысле ты будешь их приемным отцом.

Терон вздохнул, повернул голову и прижался щекой к мокрому камню.

— Да благословит тебя Великий Архитектор, Ардах, — тихо добавил он.

Его глаза закрылись. Терон был мертв.

Серые волны шептали над ним свой несмолкаемый реквием. Ардах стоял в молчании, глядя на усталое, изможденное лицо командира, на которое наконец снизошел смертный покой. Он остался один, бесконечно далеко от других человеческих существ.

Затем его пронзило новое чувство. Он внезапно осознал, что перестал быть бездомным космическим бродягой.

Никогда еще Ардаху не приходилось стоять на поверхности планеты. Другие члены команды рассказывали ему о Кирии, а в библиотеке хранились видеозаписи чудесных пейзажей и городов давно покинутой родины, наполнявшие сердце мучительной тоской. Ардах научился бояться необъятности межзвездных пространств, ненавидеть их холодную, вечную неизменность. Ему снились зеленые холмы и залитые солнцем равнины...

Все это еще придет. Терон был прав: однажды на том месте, где он сейчас стоит, вырастут хво-

щи и папоротники. Из воды выползут первые амфибии; их развитие будет медленным, но неуклонным. Тем временем он будет ждать. Времени у него достаточно.

Сначала, однако, ему понадобится энергия. Могучие термоядерные двигатели корабля исчерпали запасы топлива и сейчас были бесполезны.

Атомная энергия напоминала динамит в том отношении, что для запуска реакции требовался какой-нибудь внешний источник. Для динамита нужен взрыватель; двигатели золотистого корабля нуждались в питании. Солнечная энергия? У Ардаха не было материала для создания больших солнечных батарей. Кроме того, плотный облачный слой, задерживавший большую часть излучения, казался непреодолимым препятствием. Уголь? Он появится здесь лишь через миллионы лет.

Почва под ногами слегка задрожала, и Ардах задумчиво кивнул. Под корой планеты действовали мощные силы, огромные давления и температуры, расплавлявшие горные породы. Можно ли обуздать эту мощь?

Пар... гейзеры! Возможно, энергии гейзеров будет достаточно, чтобы запустить двигатели. После этого можно будет подумать о следующих

шагах.

Бросив последний печальный взгляд на мертвого Терона, Ардах отправился исследовать этот дикий, юный мир.

Его поиски продолжались несколько суток, и он уже падал с ног от усталости. Наконец он обнаружил район вулканической активности, где за нагромождением лавовых потоков прятались несколько действующих гейзеров. Струи пара с шипением вылетали из-под земли, а серые облака на севере были подсвечены зловещим красноватым сиянием.

Некоторое время Ардах наблюдал за природными процессами. Он нашел то, что нужно. Впереди предстояли недели кропотливой работы, но теперь он не сомневался в конечном успехе. Энергии гейзеров будет достаточно для запуска силовой установки. После этого он займется добычей руд и выделением необходимых химических веществ. Но потом?

Корабль нужно снова сделать пригодным для космических полетов, хотя и не для долгих путешествий. Такая задача бесполезна: из всех планет, исследованных кирианами, лишь на этой условия оказались благоприятными для развития органической жизни.

Пока что здешние океаны наполнены лишь клетками примитивной протоплазмы, но этим клеткам предстояло превратиться в более совершенные организмы. Эволюционный рост неудержим. Через сотни миллионов лет в этом мире появятся разумные существа, похожие на людей. Затем, в один прекрасный день, родится гений, и Ардах найдет этот родственный разум. Он возьмет гиганта мысли с собой в будущее и подыщет ему достойного партнера. Через сотни поколений здесь возникнет цивилизация, способная посоперничать с кирианской, бесследно исчезнувшей в космическом катаклизме.

Ардах работал, не замечая времени. Он выжег бластером могилу для Терона на том берегу, где умер старый кирианин. Он чинил золотистый корабль. Он трудился без устали.

Пять месяцев спустя корабль стартовал в космос с единственным пассажиром на борту, вышел на стационарную орбиту и превратился в крошечный спутник, вращающийся вокруг планеты.

Внутри включилась автоматика, поддерживавшая системы жизнеобеспечения. Невидимый луч коснулся тела человека, вытянувшегося на низком ложе.

Сознание мало-помалу покинуло Ардаха. Атомарная структура его тела неуловимо изменилась, электроны замедлили вращение на своих орбитах. Жизненная энергия Ардаха застыла в полной неподвижности стазиса. Ни живой, ни мертвый, он спал.

Луч исчез. Когда Ардах проснется, он увидит другой, постаревший мир. Возможно, уже тогда этот мир будет населен разумными существами.

Корабль продолжал безмолвно вращаться в космосе. Далеко внизу планета содрогалась в титанических муках рождения новой жизни. Бесконечные дожди, приливы и отливы ускоряли процессы эрозии, готовя почву для будущих растений. Облачная вуаль окутывала мир, который впоследствии назовут Землей. Там, в грохоте и пламени, поднимались новые земли, формировались континенты.

Жизнь — слепая, ищущая и голодная — выползала из вод и цеплялась за сушу, отвоевывая себе все новые пространства.

Глава 2 ЮНОСТЬ

7 августа 1924 года восьмилетний мальчик вызвал панику среди посетителей театра «Де Мойн».

Мальчика звали Стивен Корт. Он родился в семье актеров средней руки, именовавших себя в афишах «Безумными Кортами». Их представления были сочетанием анекдотов, танцевальных номеров и юмористических песенок. Стивен путешествовал вместе со своими родителями, выступая в маленьких городках и нигде не задерживаясь больше чем на одну-две ночи. В 1924 году жанр водевиля еще не погиб под безжалостным напором кинофильмов. То было начало Эпохи Джаза.

С раннего детства Стивен отличался такими выдающимися способностями, что для него специально придумали роль «маленького волшебника». Он облачался в шутовскую мантию и выходил на сцену в конце представления.

— Любую дату — друзья мои, спросите у него любую историческую дату, и он вам ответит! Итак, джентльмен в третьем ряду: что бы вы хотели узнать?

Когда Колумб открыл Америку? Когда была подписана Хартия вольностей? Когда произошла битва при Гастингсе? Когда родился Лафайет? Стивен отвечал безошибочно.

— Теперь математические вопросы. Спрашивайте, не стесняйтесь...

И Стивен отвечал. Ни арифметика, ни алгебра не были загадкой для него. Значение числа «пи»? Он знал его с точностью до двенадцатой цифры после запятой. Формулы и уравнения отскакивали у него от зубов. Он стоял на сцене в свете рампы — маленький темноволосый мальчик с бесстрастным лицом и странно поблескивающими карими глазами.

Он с жадностью прочел все книги, до которых смог добраться. Его холодные, отстраненные манеры сильно расстраивали мать, но он хорошо умел скрывать свои чувства.

Однажды, теплым августовским вечером, его жизнь внезапно изменилась.

Представление почти закончилось; публика бешено аплодировала. Родители Стивена, стоявшие по обе стороны от него, кланялись зрителям. Но мальчик оставался неподвижным. Его странные, сверкающие глаза вглядывались в сумрак зала.

— Кланяйся, парень! — прошипел Корт-стар-

ший уголком рта.

Мальчик не ответил. В его напряженной позе ощущалась странная жесткость, лицо застыло, как посмертная маска. Жили лишь его глаза, пылающие ужасным огнем.

По рядам зрителей пробежал шепоток. Аплодисменты смолкли. Затем шепот перерос в сдержанный рев, и наконец кто-то завопил:

— Пожар!

Корт-старший быстро огляделся, но нигде не заметил признаков дыма или пламени. Он подал знак, и оркестр заиграл веселую мелодию. Мужчина и женщина начали отплясывать чечетку.

— Стив, присоединяйся к нам! — позвал отец.

Но Стивен продолжал стоять на месте. Зрительный зал огласился паническими воплями: публика больше не наблюдала за представлением. Люди вскакивали с мест и бежали к выходам, ругаясь и сталкиваясь друг с другом.

Ничто не могло остановить хаос. По чистой случайности никто не погиб, но за десять минут театр опустел. Внутри по-прежнему не было никаких намеков на пожар.

Когда они остались в гримерной, Корт-старший испытующе взглянул на своего сына.

— Что с тобой стряслось сегодня вечером, па-

рень? — спросил он, смывая остатки грима с лица холодными сливками.

— Ничего, — рассеянно ответил Стивен.

— Во всем этом есть что-то чертовски странное. Пожара-то не было!

Стивен опустился на стул и поболтал ногами.

— Тот фокусник, с которым мы выступали на прошлой неделе... — начал он.

— Да?

— Я позаимствовал у него кое-какие идеи.

— Ну и?.. — настаивал отец.

— Я наблюдал за ним, когда он загипнотизировал одного из зрителей. Сегодня вечером я загипнотизировал весь зрительный зал.

— Кончай трепаться, — усмехнулся Корт-старший.

— Но это правда! Условия были очень подходящими. Все внимание зрителей сосредоточилось на мне, и я заставил их думать, что в зале начался пожар.

Корт-старший повернулся и внимательно посмотрел на мальчика. У него возникло странное ощущение, что это не его сын. Округлое лицо принадлежало ребенку... но не глаза. Глаза были холодными, внимательными и безжалостными.

Корт рассмеялся без особой убежденности.

— Ты сошел с ума, — заявил он, повернувшись к зеркалу.

— Может быть, — легко согласился Стивен. — Я хочу учиться в школе. Вы устроите меня в школу?

— Мы не можем себе этого позволить. Кроме того, твои выступления пользуются большим успехом. Может быть, попозже...

Стивен не стал спорить. Он встал и направился к гримерной своей матери, но не зашел туда. Вместо этого он повернулся и вышел из театра.

Он решил сбежать от родителей.

Стивен уже знал, что его интеллект значительно превосходит способности среднего человека. Но разум еще не сформировался: для его развития требовались знания и соответствующая тренировка. Всего этого он не мог получить от родителей. Покидая их, он не чувствовал ни печали, ни жалости. Холодный интеллект в сочетании с природной детской жестокостью сделал его бесстрастным, неумолимо логичным.

Но Стивен нуждался в деньгах, и тут его юный возраст был существенным недостатком. Никто не возьмет на работу ребенка, разве что разносчиком газет. Более того, ему предстояло перехитрить своих родителей, которые обяза-

тельно начнут искать пропавшего сына.

В маленькой фигурке Стивена, бредущей по темной улице, не было ничего патетичного. Железная решимость придавала ему определенное, пусть даже и неуместное достоинство. Он быстро шел к железнодорожной станции.

По дороге он миновал таверну. В канаве неподалеку от входа валялся мужчина — небритый алкоголик с опухшим лицом. Он мычал что-то неразборчивое и безуспешно пытался встать.

Стивен остановился и стал смотреть. Почувствовав на себе чей-то взгляд, мужчина в конце концов поднял голову. Когда их взгляды встретились, бледное лицо мальчика превратилось в застывшую маску.

— Выпить бы... — пробубнил пьяный. — Надо бы... да они не дают старому Сэмми...

Глаза Стивена засияли. Они словно впивались взглядом в водянистые глаза алкоголика — испытывая, пробуя, приказывая.

— А? — тупо спросил мужчина.

Голос Сэмми замер в нерешительности. Шатаясь, он поднялся на ноги. Стивен крепко взял его за руку, и странная пара пошла дальше по улице. Они остановились в темном закоулке.

Затуманенный, наполовину разрушенный

мозг алкоголика не мог противостоять гипнотической силе Стивена. Мальчик говорил, а Сэмми слушал.

— Мы уедем из города на товарном поезде. Ты возьмешь меня с собой. Понимаешь?

— А? — повторил Сэмми.

Монотонным голосом мальчик повторил свои распоряжения. Когда мужчина наконец понял его, они направились к железнодорожной станции.

У Стивена созрел план. По всем статьям, он оставался обычным ребенком и не мог в одиночку добиться желаемого. Власти вернут его к родителям или направят в приют для бездомных. Какой человек может распознать гения в девятилетием мальчике? Незрелость Стивена серьезно мешала развитию его интеллекта.

Чтобы преодолеть социальные предрассудки, он нуждался в опекуне, хотя бы чисто номинальном. Он сможет действовать через Сэмми. Сэмми будет его голосом, его руками, его юридическим представителем. Люди, которые поднимут на смех ребенка, согласятся вести дела с Сэмми. Но сперва алкоголика следует обработать, превратив его в «добропорядочного гражданина».

Той ночью они уехали на восток в холодном

товарном вагоне. Час за часом Стивен работал над мозгом своего пленника. Вскоре ему удалось выяснить, что когда-то Сэмми работал механиком. Поезд мчался в ночи, колеса выстукивали свою бесконечную песню на стыках рельсов.

Задача оказалась непростой: глубоко укоренившиеся привычки сильно ослабили тело и разум Сэмми. Он был убежденным бродягой, ленивым и готовым довольствоваться любыми крохами, перепадавшими с чужого стола. Но Стивен постоянно был начеку — споря, убеждая, приказывая. Гипноз играл главную роль в конечном успехе его предприятия.

Против своего желания, Сэмми получил работу и стал мыть тарелки в дешевом ресторанчике. Он начал бриться ежедневно и значительно снизил потребление спиртного. Тем временем Стивен ждал, но его ожидание не было праздным. Он тратил большую часть времени на посещение автомобильных агентств и изучение механизмов. По ночам он трудился в дешевой комнатке, которую они с Сэмми снимали неподалеку от работы. Из-под его рук выходили бесчисленные чертежи и наброски.

Наконец он решил поговорить с Сэмми.

— Я хочу, чтобы ты получил другую работу. —

Он следил за реакцией своего подопечного. — Ты станешь механиком на автомобильном заводе.

— Но я не могу, Стив! — запротестовал Сэмми. — Они меня и на порог не пустят. Давай лучше куда-нибудь поедем, а?

— Покажи им это, — распорядился Стивен, протянув ему пачку мелко исписанных листов и рисунков. — Они дадут тебе работу.

Сначала прораб посоветовал Сэмми убираться вон, лишь взглянув на его одутловатое лицо, мешки под глазами и нос в лиловатых прожилках. Но бумаги оказали магическое действие. Прораб полистал их, ошарашенно поглядывая на Сэмми, и пошел посоветоваться с одним из управляющих.

— Просто чудо какое-то! — выпалил он. — Парень выглядит как последний бродяга, но он превосходный механик, как раз такой, какой нам нужен. Взгляните-ка на его изобретения! Это изменение в системе проводки сэкономит нам тысячи долларов ежегодно. А этот принцип коробки передач выглядит необычно, но должен работать. Я думаю...

— Приведите его ко мне, — торопливо сказал управляющий.

Так Сэмми получил работу. Естественно, он не блистал своими познаниями, но каждый месяц

показывал начальству какую-нибудь неожиданную рационализаторскую новинку и в результате получал повышение вместо увольнения.

Стивен проследил за тем, чтобы они переехали в более пристойную квартиру. Теперь он наконец мог поступить в школу. Почти не нуждаясь в сне, он полностью посвятил себя занятиям. Так много нужно было узнать, а времени так мало! Чтобы приобрести необходимые знания, ему требовалось все больше денег на оплату частных педагогов и оборудования.

Прошло два года. Сэмми теперь пил совсем мало и проявлял неподдельный интерес к своей работе. Но сердцем он по-прежнему оставался бродягой, вечно тоскующим по открытой дороге. Иногда он пытался улизнуть, но Стивен каждый раз оказывался начеку.

Наконец мальчик решил, что настало время для следующего шага. Это было в начале 1927 года. После нескольких месяцев кропотливого труда он завершил работу над несколькими изобретениями, которые казались ему весьма ценными. Он заставил Сэмми запатентовать их, а затем продать тому, кто больше заплатит.

В результате Стивен получил даже больше денег, чем ожидал. Он предложил Сэмми уйти

на покой, и они переехали в загородный дом. Стивен нанял опытных специалистов и устроил в одной из комнат небольшую, но современную лабораторию. Когда требовались новые затраты, он уединялся на некоторое время и каждый раз выдавал новое изобретение, увеличивавшее и без того немалый ежегодный доход.

По мере того как Стивен взрослел, менялись и его учителя. Он провел один год в колледже, но обнаружил, что может лучше прилагать накопленные знания в домашней обстановке. Вскоре ему понадобилось помещение большего размера, поэтому они переехали в Висконсин и купили огромный старый особняк, который Стивен перестроил согласно своим нуждам.

Его жажда знаний казалась неутолимой, но он не пренебрегал и своим здоровьем. Он много гулял и занимался физическими упражнениями. Вступая в расцвет молодости, он являл собой великолепный образец всесторонне развитого человека — умного, сильного и красивого. Но за исключением нескольких досадных срывов, он всегда оставался холодным и бесстрастным.

Однажды он нанял детективов, определивших местонахождение его родителей, и анонимно организовал для них крупную пожизненную

ренту. Но он отказывался встретиться с отцом или матерью.

— Для них это будет сильным эмоциональным потрясением, — объяснил он Сэмми. — Начнутся ненужные разговоры. Кроме того, прошло много времени, и они уже успели забыть меня.

— Ты так думаешь? — проворчал Сэмми, жевавший черенок своей старой трубки. Его коричневое, изрезанное морщинами лицо под коротко остриженными седыми волосами приняло озадаченное выражение. — Что ж, я никогда не считал тебя обычным человеком, Стиви.

Он покачал головой, убрал трубку и направился к бару с коллекцией редких напитков. Стивен вернулся к своей работе.

В чем заключалась цель его неустанного образования? Он едва ли мог ответить на этот вопрос. Его разум был сосудом, который следовало наполнить чистым, бодрящим эликсиром знаний. Как организм Сэмми требовал алкоголя, так и мозг Стивена жаждал мудрости. Исследования и эксперименты наполняли его восторгом, близким к настоящему экстазу. Как спортсмен получает удовольствие от движений своего хорошо тренированного тела, так и Стивен наслаждался работой своего ума.

В давно прошедшую эпоху, в бурлящих океанах юной планеты примитивные существа утоляли свой ненасытный, слепой голод. То был аппетит плоти.

Голод Стивена был аппетитом разума. Но этот голод в определенном смысле тоже ослеплял его. Он был во многом подобен божеству, но лишен обычных человеческих черт.

К 1941 году он стал величайшим ученым в мире.

Глава 3 РОЖДЕННЫЙ НА ЗЕМЛЕ

До того, как человек создал богов, был Ардах. Он спал в своем корабле, безмолвно вращавшемся вокруг планеты, пока внизу проходили бессчетные годы...

Время от времени он просыпался и искал разумную жизнь на Земле, но каждый раз его усилия оказывались тщетными. Путь эволюции был долгим и кровавым.

Тяжелая усталость охватывала Ардаха, когда он видел безмозглых исполинов и стремительных хищников, населявших океаны. В болотах плескались и чавкали другие монстры; земля содрогалась под тяжелой поступью гигантских ящеров. Бронтозавры и птеродактили жили, питались и умирали.

Потом появились млекопитающие: трехпалый индикотерий и крошечный марципал, в котором слабо тлел крошечный огонек разума. Но Землей по-прежнему правили гигантские рептилии. Млекопитающие не могли развиваться в этом диком, грохочущем мире.

Плауновые и бамбуковые леса покрывали тропическую зону, распространявшуюся почти до

полюсов. Ардах размышлял, проводил опыты в своей лаборатории — и вот пришла ледниковая эпоха.

Был ли Ардах каким-то образом причастен к этому? Не исключено. Его наука не имела сходства с земной, а возможности были поистине невообразимыми.

Ледяные горы поползли вперед, распространяя дыхание вечной зимы на тропические леса и гигантских ящеров. Настал Судный день для безмозглых колоссов, слишком долго владычествовавших на планете.

Но млекопитающие выжили. Отступив за пределы узкого экваториального пояса, они голодали и боролись за существование. Тем не менее они жили и развивались, пока Ардах спал в своем корабле на орбите...

Проснувшись в следующий раз, он обнаружил первобытных людей, свирепых и волосатых. Они жили небольшими племенами под руководством вождей, доказавших свое превосходство в силе и смекалке.

Ардах нашел одного, поумнее остальных, и научил его пользоваться огнем. Затем инопланетянин пламенной стрелой послал свой корабль в небеса под испуганные крики пещерных жи-

телей. Эта история передавалась из поколения в поколение короткими фразами и языком жестов. В последующие эпохи люди будут рассказывать легенду о Прометее, укравшем огонь у небесных богов.

Фольклор полон историй о людях, навещавших жилища богов — Маленького Народа, или Обитателей Неба, — и возвращавшихся со странными дарами силы и знания. Копья и стрелы, выплавка металла, обработка зерна... Кто знает, сколько этих открытий можно отнести на счет Ардаха?

Он снова заснул на долгое время, а затем проснулся.

В городе было темно. Многочисленные факелы горели как светляки на темных улицах. Метрополис напоминал диковинное морское чудище, распластавшееся на берегу — огромный конгломерат зданий и башен из грубо обтесанного камня.

Корабль Ардаха парил высоко над городом, невидимый в ночной темноте. Сам Ардах был занят в своей лаборатории: он работал с небольшим устройством, измерявшим частоту излучения человеческого мозга и степень его умственного развития. Мысль порождала импульсы электрической энергии, и прибор Ардаха регистрировал

эту энергию. Закончив работу, он послал невидимый узкий луч в направлении города, лежавшего далеко внизу.

Стрелка на приборной шкале ползла вверх, останавливалась, опускалась до нулевой отметки и снова двигалась вверх неуверенными толчками. Ардах изменил масштаб измерений. Теперь на Земле обитали разумные существа, но их интеллект совершенно не удовлетворял его требованиям. Он искал более высокий уровень.

Стрелка оставалась неподвижной, пока Ардах прочесывал город своим лучом. Бесполезно: нитевидный указатель даже не шелохнулся. Внизу не нашлось ни одного интеллектуального гиганта, хотя то был величайший город древнего мира, столица могущественного царства.

Внезапно стрелка слегка дрогнула. Ардах зафиксировал положение луча и повернулся к видеоэкрану. Воспользовавшись лучом как несущей частотой для передачи изображения, он вывел на экран сцену того, что сейчас происходило внизу.

Он увидел трон из черного камня, на котором сидела женщина — высокая и величественная, амазонка лет сорока или немногим больше, с суровым неподвижным лицом, облаченная в

одежды из грубо выделанной кожи.

По обе стороны от нее возвышались стражники, чернобородые силачи, вооруженные длинными копьями. Перед троном стоял человек, к которому сейчас было приковано внимание Ардаха.

Уже много месяцев кирианский корабль бороздил небесные просторы, пролетая над джунглями и пустынями. На всей планете существовало лишь несколько городов. В северной тундре звероподобные люди по-прежнему жили в пещерах и сражались с мамонтами. Но и они, и мамонты постепенно вымирали. У горных озер появились деревни, построенные на сваях, но их населяли примитивные племена. Лишь на этом большом острове существовала цивилизация и тлел огонек настоящего человеческого разума, хотя и несравнимого по силе с интеллектом Ардаха.

Пришелец из космоса наблюдал за мудрейшим из людей на Древней Земле.

Опутанный цепями, землянин стоял перед черным троном. Он был огромным, плотно сложенным, с бронзовой волосатой кожей, просвечивавшей через лохмотья. Его лицо искажала гримаса животной ярости, янтарные кошачьи глаза свирепо глядели из-под нависавших бровей. Жесткая борода закрывала большую часть

его лица и курчавилась вокруг приплюснутого носа с вывернутыми ноздрями, напоминавшего свиное рыло.

Однако Ардах знал, что в этом грубом теле обитает поразительный разум. Жуткий облик служил хорошей маскировкой для хитроумия и изобретательности.

А как же королева? Ради интереса Ардах проверил ее своим лучом. Она тоже была значительно умнее, чем большинство варваров. «Это два смертельных врага, — подумал Ардах. — Насколько я понимаю, мужчине угрожает опасность. Но какое значение это имеет для меня? Я все равно не смогу жить в варварской эпохе. Будет лучше, если я снова погружусь в сон».

Однако он медлил, положив руку на приборную панель, легкое прикосновение к которой могло послать корабль обратно в космос. Пустота и одиночество, неисчислимые века безысходного сна — все это ледяными щупальцами вползало в сознание Ардаха. Он думал о бесконечно далеком, непредсказуемом будущем. «А если я засну и проснусь в мертвом мире? Это может случиться — ведь моя родная планета погибла в космическом катаклизме. Выдержу ли я новые поиски в космосе? Раньше я мог общаться с Тероном и с

остальными...»

Ардах повернулся к экрану и снова посмотрел на двоих людей. «На свой манер, они разумны и могут стать неплохими спутниками. Если я возьму их на корабль, они станут родоначальниками новой расы, а я буду генетически контролировать ее развитие в нужном направлении».

Решение было принято. Ардах снова погрузится в сон на борту корабля, но на этот раз он будет не один.

Кирианин взглянул на экран, и его глаза удивленно распахнулись. Дело принимало неожиданный оборот. Он поспешно потянулся к прибору, стоявшему справа от сиденья...

Тордред-узурпатор с застывшим лицом стоял перед троном своей королевы. Безоружный, скованный по рукам и ногам, он тем не менее с неумолимой яростью глядел на женщину, разрушившую его планы.

Зана холодно встретила его взгляд. Резкие черты ее грубо вылепленного лица дышали непреклонной решимостью.

— Ну? — спросила она. — Ты можешь что-нибудь сказать мне?

— Ничего, — проворчал Тордред. — Мне не повезло, вот и все.

Его слова зловещим эхом отражались под сводами огромного полупустого зала.

— Да, тебе не повезло, — отозвалась королева. — Есть лишь одна участь, которая ждет мятежников, потерпевших поражение. Ты пытался свергнуть меня с трона, а вместо этого стоишь в цепях передо мной. Ты проиграл, а потому должен умереть.

Тордред ухмыльнулся, глумясь над ее спокойствием.

— И нашей землей снова будет править женщина? Никогда еще наш народ не подвергался подобному позору. Нами всегда управляли мужчины, воины!

— Ты называешь меня слабой? — усмехнулась Зана. — Клянусь богами, ты наглец, Тордред. Ты хорошо знаешь, что я никогда не уклонялась от битвы, и мой меч не уставал разить врагов. Я сильна, как мужчина, и гораздо умнее тебя.

— Однако ты остаешься женщиной, — дерзко возразил Тордред. — убей меня, если хочешь, но ты не сможешь изменить свой пол.

Глубокая тень омрачила лицо Заны. Она с ненавистью воззрилась на обидчика.

— О да, я убью тебя, — сказала она. — Убью так медленно, что ты будешь умолять о милосердной

смерти. А потом стервятники дочиста обклюют твой скелет на Горе Богов.

Неожиданно Тордред поднял голову и разразился смехом.

— Избавь меня от своего красноречия, девка! Очень похоже на женщину — угрожать словами! Мужчина мстит своим оружием, быстро и неумолимо. Я...

Он замолчал, и его янтарные глаза хищно блеснули. Мощное тело, опутанное цепями, заметно напряглось. Тордред прислушивался.

В отдалении послышался неясный рокот, похожий на морской прибой. Он становился все громче и внезапно ворвался в тронный зал.

Зана вскочила на ноги. Ее рот приоткрылся от изумления.

Огромные двери в дальнем конце зала распахнулись настежь. В портал ворвалась вопящая толпа.

— Тордред! — кричали люди. — Хо, Тордред!

Гигант победоносно улыбнулся Зане.

— Похоже, кое-кто остался верен своему господину. Они предпочитают видеть на троне настоящего мужчину, а не...

С губ Заны сорвалось глухое проклятие. Она выхватила копье у одного из стражников и в

ярости замахнулась на пленника. Но Тордред со смехом отпрыгнул в сторону. Под его дубленой кожей перекатывались могучие мускулы.

Он уперся ногой в звенья цепи, связывавшей его запястья. Его тело изогнулось, как натянутый лук. Раздался треск, цепь лопнула, и Тордред-узурпатор оказался на свободе.

Стражники, стоявшие возле трона, бросились к нему. Тордред нырнул под выставленное копье, и в следующее мгновение его кулак превратил лицо ближайшего противника в кровавое месиво. Затем толпа окружила его, подняла на руки и понесла к выходу.

— Убейте его! — завывала Зана. — Убейте!

Толпа отступала из зала. Люди выбегали на улицу через распахнутые ворота. Но крики Заны были услышаны: из порталов появились вооруженные солдаты. Они устремились в погоню за пленником, и королева бесстрашно вела их за собой.

Солнце садилось. Небо на западе окрасилось кровавым багрянцем. Толпа отхлынула вниз по улице и остановилась на широкой центральной площади. Торжествующие крики смолкли: восставшие приготовились стоять насмерть во главе со своим вождем. Тордред на целую голову

возвышался над окружающими; порванные цепи все еще свисали с его запястий и лодыжек.

Сторонники Заны выстроились в боевой порядок, перегородив улицу. В толпу полетели стрелы, упали первые убитые люди. Но над городом уже разрастался глухой, угрожающий ропот. Сотни и сотни голосов сливались в едином крике:

— Тордред! Тордред!

Это было начало гражданской войны.

Но противоборствующие силы еще не столкнулись друг с другом. Их разделяло небольшое расстояние, пересекаемое лишь копьями и стрелами.

— В атаку! — крикнула Зана. — Убейте их всех!

Ухмыляясь, Тордред поднял копье и потряс им в знак вызова. Войско королевы тронулось с места и поползло вперед, как грозовая туча. Движение неотвратимо ускорялось, и вот уже к площади устремилась приливная волна, ощетинившаяся стальными колючками. Топот ног, обутых в сандалии, сотрясал мостовую. Впереди мчалась Зана с искаженным от ярости лицом.

Тордред бросил копье, но промахнулся. Его взгляд невольно скользнул дальше, над атакующей армией, и поднялся к западному краю неба. Он приоткрыл рот от изумления, и на его лице

впервые отразился страх.

— Демоны! — пронзительно закричал кто-то из толпы. — Демоны идут!

Атака замедлилась; один за другим солдаты начали останавливаться. Охваченные благоговейным ужасом, люди обращали взоры на запад. Там в кроваво-красных лучах заката маячили настоящие демоны!

То были великаны ростом в десятки метров, титаны, чьи головы возвышались над городскими стенами. Целая армия монстров появилась из ниоткуда в багровеющих небесах. Косматые, с покатыми плечами, больше похожие на людей, чем на обезьян, но чудовищные в своем уродстве, они нависали над городом. Их огромные пасти алчно раскрывались в предвкушении добычи. Они двинулись вперед...

Никто не заметил, что их продвижение было совершенно бесшумным. Толпу охватила паника. Обе стороны побросали оружие; люди разбегались в разных направлениях.

В небе появился огромный сияющий шар. Он медленно опустился и завис над площадью, затем оттуда ударили два луча яркого света. Один луч поразил Тордреда, окутав его золотистым сиянием, другой настиг Зану.

Ни он, ни она не могли сопротивляться. Парализованные и беспомощные, они поднялись в воздух, приблизились к огромному шару и как будто растворились в нем. Шар набрал скорость, быстро превратившись в крошечную точку в небе, и исчез.

Как ни странно, демоны тоже исчезли.

Ардах проверил показания приборов и со вздохом встал с кресла. Корабль вернулся на орбиту вокруг Земли. Теперь он не отклонится от своего курса хоть миллион лет, до того момента, пока место за пультом управления не займет капитан.

Ардах взял небольшую металлическую коробочку, вышел и закрыл за собой дверь. На полу у его ног лежали бесчувственные тела Заны и Тордреда.

Устройство было новым, еще ни разу не испробованным. Ардах не говорил на языке землян, и они, разумеется, не знали его языка. Но знание можно передавать от одного мозга к другому. Мысленные импульсы являлись разновидностью энергии, а потому могли перемещаться как матрица, печатающая дубликаты. Сначала мужчина.

Ардах открыл коробочку, достал металлическую ленту, соединенную в виде обруча, и

закрепил ее на голове Тордреда. Затем он проделал такую же процедуру со своей головой. Передвинув рычажок, он ощутил слабое щекочущее покалывание под черепом.

Он снял металлические ленты, убрал их на место и стал ждать. Удался ли эксперимент? Губы Ардаха шевельнулись, произнося незнакомые слова. Он усвоил язык Тордреда, но сможет ли неразвитый мозг землянина проявить такую же восприимчивость?

Тордред застонал и открыл глаза. Он сразу же увидел Ардаха. Взгляд землянина выдавал изумление и определенное любопытство, но никак не страх.

— Ты не ранен, — сообщил Ардах на резком, примитивном наречии Тордреда. — Тебе не причинят вреда.

Землянин с трудом выпрямился. Его грудь тяжело поднималась и опускалась. Он сделал неуверенный шаг вперед, споткнулся и с грохотом рухнул на аппарат для передачи мыслей.

Лицо Ардаха осталось бесстрастным, хотя он только что видел, как пропало несколько недель кропотливой работы. Прибор можно сделать заново, хотя он не думал, что в этом возникнет необходимость. Но как узнать, удачно ли прошел

эксперимент?

Тордред вздрогнул всем телом и перекатился на бок. Медленно, мучительно он снова поднялся на ноги и прислонился к стене. Его янтарные глаза озадаченно глядели на Ардаха, когда он задал вопрос по-кириански, звучавший хрипло и гортанно в его луженой глотке.

— Кто ты, бог или демон?

Ардах удовлетворенно улыбнулся. Значит, удача! Теперь нужно все объяснить этому землянину, чтобы успокоить его страхи. Потом он восстановит прибор и обучит Зану своему языку, и все трое погрузятся в сон на долгие тысячелетия.

Но Ардах не знал, насколько хорошо сработало его устройство. Оно не только научило Тордреда кирианскому языку, но сделало нечто гораздо большее. Все знания Ардаха переместились в разум землянина! Начиная с этого момента интеллект Тордреда не уступал умственным способностям инопланетянина. Хотя он не обладал потенциалом Ардаха, в клетках его мозга запечатлелась неземная мудрость. Тордред разбил прибор не случайно, а руководствуясь холодным логическим расчетом. Он не хотел, чтобы Зана тоже овладела мудростью Ардаха.

Тордреду без особых усилий удавалось поддерживать на лице выражение туповатой заинтересованности. Ардах не должен заподозрить, что другой человек владеет его секретами.

Кирианин обратился к своему пленнику с длинной речью, объясняя Тордреду все, что тот уже и так знал. Тордред делал вид, что внимательно слушает, а сам быстро обдумывал варианты возможных действий. Разумеется, Зана должна умереть. Перспектива проспать много веков не слишком прельщала его, но, по-видимому, с этим придется смириться. Затем он убьет Ардаха и вернется на Землю с новыми знаниями.

— Гиганты, которых ты видел в небе, на самом деле не существуют, — объяснил Ардах. — Это были трехмерные проекции, увеличенные моим аппаратом. Я заснял их на видеопленку в ту эпоху, когда они действительно существовали и сражались с пещерными медведями и саблезубыми тиграми.

Да, то были всего лишь изображения, но люди видели их и хорошо запомнили. Паника в городе постепенно улеглась. Вскоре ее место займет суеверный ужас, подпитываемый жрецами. Дни проходили за днями, но ни Зана, ни Тордред так и не вернулись. На черном троне воссел новый

правитель.

На Горе Богов под бичами надсмотрщиков трудилось множество рабов. Жуткие фигуры, высеченные в камне, поднимались к небу — грубые подобия демонов, явившихся с небес.

— Демоны могут вернуться, — предупреждали жрецы, — но каменные великаны на горном склоне отпугнут их. Они будут охранять наш город.

Слепые каменные лица статуй были обращены на запад. Проходили века и тысячелетия. Континенты рушились, и на их месте плескались новые моря, омывавшие иные берега. Но слепые божества по-прежнему охраняли то, что более не нуждалось в охране. Они и поныне несут стражу — эти странные и зловещие исполины на острове Пасхи.

Глава 4 ЗРЕЛОСТЬ

Новогодний вечер 1940 года был переломным в жизни Стивена Корта. Большую часть декабря он провел в своей лаборатории, погруженный в исследования, суть которых он никому не объяснял. Огромный висконсинский особняк, где он жил со своим персоналом, превратился в настоящий бастион науки, хотя снаружи напоминал старинное обветшавшее здание. Местные жители с подозрением следили за бурной деятельностью, окружавшей жилище Корта.

Почтовое отделение было завалено письмами и посылками. В любое время суток в поместье прибывали автомобили, привозившие загадочные грузы для Корта.

Горожане расспрашивали Сэмми, часто заходившего на почту и в местный бар, чтобы посидеть у камелька, попыхивая своей видавшей виды трубкой. Сэмми не слишком изменился с годами. Его волосы совсем поседели, на дубленом коричневом лице прибавилось немного морщин. После переезда в Висконсин Стивен отменил запрет на алкоголь, но Сэмми уже усвоил ценность воздержания и умеренности.

— Что там у вас творится? — поинтересовался бармен, протянув ему рюмку.

Сэмми осушил рюмку двумя точно отмеренными глотками и промокнул губы носовым платком.

— Бог его знает, — вздохнул он. — Я в этих делах не смыслю. Но Стив — башковитый парень, можете не сомневаться.

— Точно! — сердито фыркнул кто-то. — И холодный, как рыба, — словно и не человек вовсе. У него ледяная вода в жилах вместо крови. Пройдет мимо, так даже не поздоровается, а зыркнет на тебя, как на пустое место.

— У него голова другим занята, — невозмутимо возразил Сэмми. — Наш Стив в последнее время много думает. Он и спит-то всего два часа в сутки.

— А чем он занимается?

— Не знаю, — признался Сэмми. — Наверное, что-нибудь изобретает.

— Скорее всего, в один прекрасный день мы все взлетим на воздух с его изобретениями, — проворчал бармен. Завсегдатаи, сидевшие вокруг камина, согласно закивали. — Поезд подходит, слышите?

Сэмми поудобнее устроился за стойкой.

— Значит, для Стива приехала новая посылка.

Так оно и оказалось. Старик взял пакет и вышел из здания вокзала. Он немного постоял, наблюдая за тем, как поезд исчезает вдали. Призывная песня паровозного гудка пробудила ностальгию в чахлой груди Сэмми. Он вздохнул, вспоминая былые деньки беззаботных скитаний, голода и случайных попоек. Что ж, сейчас он устроился получше. Его хорошо кормят, заботятся о нем — одним словом, никаких хлопот. Но приятно было хоть раз в неделю снова слышать паровозный гудок...

Сэмми уселся в обшарпанный автомобиль и покатил к особняку. Через десять минут он вошел в прихожую, где его встретила серьезная девушка в белом халате.

— Посылка пришла? — спросила она.

— Конечно, Марион. Вот она.

Сэмми протянул девушке запечатанный пакет. Она повернулась и торопливо пошла на второй этаж.

За три года, проведенные здесь, Марион Бартон стала неотъемлемой частью дома. Сперва ее наняли как временную ассистентку в лабораторию, пока отсутствовала постоянная сотрудница. Но она заинтересовала Корта, разглядевшего в ней

немалые потенциальные способности.

Тот факт, что Марион была очень привлекательной — стройной, кареглазой, с персиковым цветом лица и губами, словно созданными для поцелуя, — абсолютно ничего не значил для Корта. Он просто занес ее в свой каталог как превосходный образец человеческой личности противоположного пола и сосредоточился на гораздо более интересном деле: исследовании ее разума. Успехи Марион радовали его.

— Она умна, — говорил он Сэмми. — Умна и чрезвычайно аккуратна. Я ни разу не видел, чтобы она допустила ошибку при проведении эксперимента. Она как будто точно знает, что я хочу, когда нужно подать мне скальпель или протереть линзы. Но самое главное — она совершенно лишена эмоций. Я буду держать ее при себе, Сэмми, и сделаю из нее настоящего ученого.

— Угу, — с глубокомысленной миной буркнул старик. — Значит, она делает все так, как тебе хочется? И при этом совершенно лишена эмоций, так? Может быть, может быть. Но уверен ли ты, что она не влюблена в тебя, Стив?

— Чушь! — отрезал Корт, но на всякий случай решил предупредить Марион. Скоро ему представилась такая возможность.

— Я хорошо плачу вам, — обратился он к ней. — Работая со мной, вы приобретаете бесценный научный опыт. Но у меня нет времени на эмоциональные переживания. Я не позволяю себе отвлекаться на что-либо иное, кроме работы. Вы меня понимаете?

— Вполне, — натянутым тоном отозвалась Марион. — Если хотите, я буду носить очки в роговой оправе и платья до щиколоток, чтобы мои ноги не отвлекали вас.

— Дело не в этом. Я хочу, чтобы вы поняли: между нами не может быть никаких, э-э-э... увлечений.

Марион немного помолчала, хотя ее глаза опасно сверкали.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Я не стану влюбляться в вас, мистер Корт. Такая формулировка вас устраивает?

— Разумеется, — ответил Корт.

Он отвернулся и тут же забыл о разговоре, в то время как Марион сверлила гневным взглядом его спину...

Она вспомнила эту сцену сейчас, когда вошла в лабораторию. Корт склонился за столом, приблизив один глаз к окуляру микроскопа и плотно сжав губы. Марион терпеливо ждала, когда он

закончит свое занятие. Выпрямившись, Корт заметил ее.

— Получили? — спокойно спросил он. — Хорошо.

Он вскрыл пакет, вынул маленькую записную книжку в кожаной обложке и торопливо перелистал страницы. Его сильное загорелое лицо посуровело.

— Подождите, Марион, — окликнул он девушку, когда та направилась к выходу. — Я хочу поговорить с вами.

— Да? — Она остановилась.

— М-м-м... я знаю, что сейчас канун Нового года. У вас есть какие-нибудь планы на сегодняшний вечер?

Глаза Марион изумленно распахнулись. Секунду-другую она смотрела на Корта, не в силах осмыслить услышанное. Неужели он хочет назначить ей свидание?

— Вообще-то я собиралась...

— С вашей стороны было бы очень любезно, если бы вы остались здесь и помогли мне с работой, — перебил он без тени смущения. — Мне жаль, что так вышло, но это очень важно. Я хочу подтвердить результаты определенных анализов.

— Я останусь, — сухо сказала Марион и почув-

ствовала, как кровь прихлынула к ее щекам.

— Хорошо. Пожалуйста, подготовьте эти предметные стекла.

В течение нескольких часов они работали в молчании: Корт сидел за микроскопом, а девушка деловито подкрашивала образцы специальным раствором. Наконец Корт откачал воздух из небольшой камеры и продолжал эксперименты в созданном им вакууме.

Время тянулось медленно. В огромном старом доме все стихло. Морозная висконсинская зима окутала дом снежным покрывалом и начертила узоры из инея на оконных стеклах. В комнате было достаточно тепло, хотя снаружи бушевала метель.

Марион потихоньку вышла из лаборатории и вернулась с кофе и сандвичами. Она поставила поднос на стол и покосилась на Корта. Он стоял у окна и неторопливо курил сигарету.

— Мистер Корт...

— Что такое? — Корт даже не оглянулся. Не ожидая ее ответа, он тихо позвал: — Подойдите сюда, Марион.

Девушка подчинилась. Она была изумлена, увидев, что лицо Корта потемнело и осунулось, а в уголках губ залегли глубокие складки. Но глаза

ученого лихорадочно блестели.

— Вон там, наверху, — указал он. — Вы что-нибудь видите?

Звезды холодно поблескивали в черной пустоте. Казалось, будто в комнату проникает леденящее дыхание неведомого из безвоздушных пространств между планетами. Марион поежилась.

— Я не вижу ничего необычного, — призналась она.

— Естественно. Этого не увидишь невооруженным взглядом. Однако... — Корт устало потер лоб. — Не могу поверить, что мои эксперименты дали неверный результат.

— Выпейте кофе, — предложила Марион.

Корт последовал за ней к столу и сел. Пока девушка разливала по чашкам дымящуюся жидкость, он не сводил серьезного взгляда с ее лица.

— Вы согласитесь полететь со мной в Канаду? — неожиданно спросил он.

— Да. Когда?

— Как только все будет готово. Там есть человек, которого я должен повидать... пациент местной клиники.

Он проглотил кофе, не распробовав напиток, и устало заморгал.

— Вам следовало бы немного поспать, — тихо сказала Марион.

— Еще нет. Я не уверен... — Казалось, он принял какое-то решение. — Марион, вы не знаете, какова цель моих экспериментов. Этого никто не знает, кроме меня. Данные, которые я собираю и обрабатываю последнее время, необходимы для решения определенной задачи. Вы не имеете представления, в чем заключается эта задача, не так ли?

— Ни малейшего, — согласилась девушка.

— Ну что ж... — Голос Корта оставался спокойным, но в нем послышались зловещие нотки. — Видите ли, я имею основания полагать, что в ближайшем будущем человечество на Земле подвергнется полному уничтожению. Подождите, — торопливо добавил он, заметив, что Марион собирается перебить его. — Возможно, мне не следовало упоминать об этом до тех пор, пока нет абсолютной уверенности. Но мне хочется с кем-нибудь поговорить.

Тщательно скрываемое одиночество на мгновение проступило наружу. Но потом Корт овладел собой, и его лицо снова стало бесстрастным.

— Наша планета столкнется с чумой, которая уничтожит цивилизацию. По крайней мере, в

этом я уверен.

— С чумой? — выдохнула она.

— Я называю так это бедствие за отсутствием лучшего термина. Каждое живое существо на Земле будет беззащитно перед ним.

Марион внимательно смотрела на него. Она прищурилась.

— Беззащитно? Вы хотите сказать, что люди будут уничтожены?

Корт отодвинул свой стул и встал.

— Нет, — прошептал он. — Я так не думаю. Идите сюда, Марион. Взгляните на это.

Он подошел к встроенному в стену сейфу, открыл дверцу и достал продолговатый свинцовый ящик. В крышку ящика был вмонтирован прозрачный диск.

— Посмотрите через линзы, — распорядился он. — Но не наклоняйтесь слишком близко.

Марион подчинилась. За крошечной панелью она разглядела комочек какого-то светящегося вещества — не крупнее, чем ноготь ее большого пальца.

— Оно фосфоресцирует, — пробормотала девушка. — Что это, радиоактивная руда?

— Это образец плоти, взятой из бедра человека по имени Пьер Лосиколь, француза канадского

происхождения. — Корт убрал коробку в сейф.

— Плоти? — недоверчиво повторила Марион. — Он получил большую дозу радиации?

— Нет, ничего подобного. Лосиколь жил в маленькой деревушке, в канадской глуши. Месяц назад он добрел до ближайшего города — истощенный и практически умирающий. Его рассказ звучал неправдоподобно. Он утверждал, что однажды утром долину окутал тяжелый, неестественно плотный туман, особым образом повлиявший на ее обитателей. Они начинали испытывать чудовищный голод и ели все, что попадалось под руку. Их кожа становилась горячей на ощупь, как при жестокой лихорадке, и они старились с такой быстротой, что большинство из них умерло в первые дни. Лосиколь пошел за помощью, но никто не узнал его, когда он появился в городе. Он выглядел на тридцать лет старше. Это вам ни о чем не говорит, Марион?

— Ускоренный метаболизм, — без промедления ответила она.

— Совершенно верно. Итак, в долину был послан спасательный отряд. Они нашли дюжину трупов очень старых людей без признаков насильственной смерти. Туман исчез. К счастью, Лосиколя вовремя поместили в клинику и на-

дежно изолировали. Он ел так, что за ушами трещало. Было замечено, что его кожа испускает какое-то излучение. Его тело буквально светилось в темноте.

Корт закурил сигарету и несколько раз затянулся, прежде чем продолжить.

— Вскоре заразилась его сиделка. Она покончила с собой. Сейчас Лосиколь находится в полной изоляции, и никто из врачей не осмеливается приблизиться к нему. Когда доктор Грейнджер телеграфировал мне, я предложил надевать свинцовый костюм для контактов с больным и сбора образцов для анализа. Теперь я хочу сам повидать Лосиколя и подвергнуть его некоторым экспериментам.

Марион нахмурилась.

— У вас, разумеется, есть другие свидетельства?

— Естественно. Я собрал все материалы, где описаны сходные симптомы. Это началось не сегодня. Помните, около семи лет назад в газетах писали о плотном тумане, убившем жителей целой долины во Франции? Тогда речь шла о ядовитом газе. А остров в Вест-Индии, где вся жизнь бесследно исчезла за одну ночь? Снова пошли разговоры о вулканических газах. Мои ар-

хивы полны подобных заметок, на первый взгляд никак не связанных между собой. Странные мутации у людей и животных. Так называемые истории о призраках, светящихся в темноте. Есть десятки других примеров.

Девушка зябко передернула плечами, вспомнив жуткий комок светящейся плоти.

— Вы полагаете, это начало чумы?

— Мои расчеты и графики показывают неуклонный рост заболеваемости. Со временем число случаев увеличивается, значит, источник болезни становится все более мощным.

— Но что может вызвать такую заразу? — спросила Марион. — Неужели вирусы...

— Только не вирусы. Ни один вирус, фильтрующийся или нет, не может вызвать клеточную радиоактивность. Эта угроза — для краткости назовем ее Икс — остается совершенно неизвестной. Я не знаю ее природы или источника и ничего не смогу поделать, пока не соберу больше информации.

— Может быть, это биологическое оружие? — предположила Марион.

— Вы хотите сказать... нет, едва ли. Однажды начавшись, процесс становится совершенно неуправляемым. Икс не создан человеком, по-

скольку упоминания о нем встречаются задолго до начала технологической эпохи. Это естественный феномен. И единственным ключом к нему сейчас является туман.

— Газ?

Корт кивнул. Его взгляд затуманился, когда он погрузился в размышления.

— Откуда он появляется — из-под земли? Возможно, но практически все описанные случаи происходили в стабильных областях, где не наблюдается вулканической активности. Я думаю, Икс появляется из межзвездного пространства.

В широко распахнутых глазах Марион отразился ужас.

— Поэтому вы запрашивали данные из обсерватории, фотографии и спектральные анализы?

Корт недовольно фыркнул.

— Все впустую, и как раз это мне непонятно.

— Может быть, условия были неблагоприятными? — предположила Марион. — Фосфоресценцию нельзя увидеть при дневном свете. Возможно, Икс остается невидимым в космическом пространстве.

Корт не пошевелился, но сигарета в его пальцах разломилась на две половинки.

— Что? — резко спросил он.

Прежде чем девушка успела ответить, он присвистнул и повернулся к окну.

— Ну конечно же катализатор! Некий элемент в земной атмосфере делает Икс видимым, а возможно, и опасным. В космосе его нельзя заметить, но когда он вступает в контакт с этим элементом... Думаю, вы правы, Марион.

Он снова уставился в темное небо.

— Там, наверху, оно невидимо. Возможно, это огромное газовое облако, вечно дрейфующее в межзвездном пространстве. Сейчас мы находимся на его внешней окраине, и на Землю проникают лишь крошечные порции вещества Икс. Но когда планета попадет в центр облака...

Корт поднял сжатый кулак в бессильной ярости перед угрозой, наступавшей из хаоса космических пространств.

— Это вещество настолько чуждо нам, что мы даже не подозреваем о его существовании. Мы можем лишь наблюдать его воздействие здесь, на Земле. Но что это такое? Какие физические законы управляют им, да и вещество ли это, в нашем понимании?

Внезапно он отвернулся от окна. Его взгляд стал жестким и решительным.

— Мы отправляемся в Канаду. Я сам поведу

самолет и соберу снаряжение, которое нам понадобится.

Марион помедлила у двери.

— Мистер Корт... — неуверенно начала она.

— Что?

Однако ей почему-то не удалось найти нужнее слова. В ее сознании ярко запечатлелась картина: Корт, вскинувший руку у окна и вызывающий Вселенную на поединок. Избранник человечества, он совершил великолепный жест, мужественно встретив свою судьбу.

Но потом Марион встретилась с его холодным взглядом. У нее вытянулось лицо, когда она осознала, что Корту нет дела до человечества. Он руководствовался чисто эгоистическими мотивами. Он был не избранником, а ученым — холодным, расчетливым, эгоцентричным. Сейчас он бросил вызов оппоненту, который посмел угрожать его существованию.

Слова, которые она собиралась произнести, замерли у нее на губах, и что-то умерло в ее сердце. Она вышла из комнаты и тихо закрыла за собой дверь.

Глава 5 ДЖЕНИСЕЙЯ

В лесу царил полумрак; солнечные лучи почти не проникали через густой лиственный покров. Земля воистину изменилась с тех пор, как Ардах впервые ступил на ее поверхность.

Сейчас, шагая рядом с Тордредом, он ощущал смутное недовольство. Ему казалось, что этот мир не может быть достойным местом для обитания. Прошло несколько тысяч лет с тех пор, как кирианин забрал Тордреда из его времени, и на Земле возникли новые цивилизации, но почему-то Ардах не чувствовал себя дома ни в этом месте, ни в этом времени. Даже в воздухе ощущался какой-то странный привкус.

Ардах устало вздохнул. Его планы пошли прахом. Смерть Заны, королевы древнего народа, застала его врасплох. Он надеялся сохранить ее как будущую супругу для Тордреда, но без всякой видимой причины сон женщины перешел в смертное оцепенение. Мимолетное подозрение пало на Тордреда, но оно ничем не подтверждалось. Хотя в лаборатории Ардаха было несколько ядов, способных вызвать быструю и безболезненную смерть, Тордред не мог знать ни об их

существовании, ни о том, как использовать их. Ни словом, ни жестом Тордред не намекнул на то, что в его мозгу содержатся знания, ранее принадлежавшие только Ардаху.

Они отправились изучать новую цивилизацию, надежно спрятав корабль в густом лесу. Незадолго до этого они захватили двух туземцев, выучили их язык с помощью прибора для передачи мыслей и забрали их одежду. После того как Ардах стер из их разума все воспоминания о встрече, туземцы были отпущены.

— Народец нынче измельчал, — проворчал Тордред, и его губы изогнулись в жестокой усмешке, когда он натянул позаимствованный плащ на свои широкие плечи. — Эти тряпки едва прикрывают меня.

— Наша одежда могла бы вызвать подозрения, — объяснил Ардах. — Будем надеяться, что из-за твоего роста нас не примут за чужаков.

Тордред презрительно сплюнул.

— Я не боюсь этих заморышей! Но почему мне нельзя носить оружие, повелитель?

— Я вооружен, — тихо ответил Ардах.

Огромный землянин промолчал. Он не хотел сопровождать Ардаха в этой экспедиции. Если бы Тордред остался на борту корабля, он получил бы

свободный доступ к лаборатории и тогда мог бы не бояться инопланетянина, а тем более местных жителей. Но просьба Ардаха больше напоминала приказ, и он не посмел возражать.

Вскоре двое мужчин вышли на поляну, залитую ярким солнечным светом. У их ног начинался пологий склон, ведущий в плодородную зеленую долину, посреди которой раскинулся город. На севере горизонт закрывала зубчатая гряда горных пиков. Очевидно, там находились действующие вулканы: клубы дыма лениво валили из одного из конусов и расползались темным облаком на фоне голубого неба.

— Это их столица, — пояснил Ардах. — Помни, если кто-нибудь спросит — мы фермеры из отдаленной провинции.

Тордред кивнул, усмехаясь в бороду. Фермеры! Его могучие руки привыкли к рукояти меча, а не к сошнику плуга, но он не стал возражать.

Город не был обнесен стеной. К нему вело несколько немощеных, но хорошо наезженных дорог, по которым в разных направлениях тянулись цепочки крытых повозок и телег. Большинство зданий было построено из дерева, но попадались и каменные. Несколько мраморных дворцов, по-видимому, служили храмами.

Шумные толпы заполняли улицы. Сразу же бросалось в глаза различие между двумя основными типами людей: бедно одетые, загорелые крестьяне шли пешком или толкали свои тележки, в то время как бледные аристократы путешествовали в паланкинах. Здесь были и солдаты, вооруженные мечами и копьями, верхом на лошадях — но никто из них не мог похвастаться богатырским телосложением Тордреда.

— Сюда, — Ардах кивком указал на низкую деревянную дверь. — В таверне можно узнать все местные новости.

Они вошли в просторное длинное помещение с низким потолком. В спертом воздухе висела вонь дешевого пива и немытых тел. За грубо сбитыми столами сидели люди, распивавшие вино и пиво, — хохочущие, мирно беседующие, яростно спорящие друг с другом. Два бородатых моряка играли в кости на грязном полу.

— Дайте нам чего-нибудь выпить, — обратился Ардах к трактирщику, который тут же появился перед ними, словно выпрыгнул из-под земли.

Он не стал пить вино из кружки, поставленной перед ним, зато Тордред осушил свою одним глотком и потребовал еще.

— Вы чужестранцы? — спросил трактирщик.

Он взял монеты, протянутые Ардахом: маленькие бронзовые диски с выгравированным изображением креста внутри круга. Монеты достались Ардаху от туземцев, которых они поймали в лесу.

— Да, мы здесь впервые.

— Собираетесь заняться торговлей?

— Нет, — ответил Ардах. — Мы пришли, чтобы посмотреть на женщину, чья слава достигла самых отдаленных провинций. Люди говорят, что ее красота ослепительна.

— Вот как? — трактирщик удивленно приподнял брови. — Как же ее зовут?

— Я не знаю ее имени, — признался Ардах, — но могу изобразить ее черты.

Он вынул из кармана стило собственного изготовления и быстро набросал контуры лица на досках стола. Сходство было настолько полным, что трактирщик мгновенно узнал его.

— Клянусь богами, ты великий художник! Это Дженисейя, одна из жриц храма Дагона. Да, она чрезвычайно красива — по крайней мере, так говорят, — но ты не сможешь увидеть ее. Жрицы Дагона не покидают пределов своего храма, а мужчины могут участвовать в богослужении лишь во время Морского Праздника. Тебе придет-

ся ждать еще десять месяцев.

— Ясно. — Лицо Ардаха горестно исказилось. — А где находится этот храм?

Внимательно выслушав объяснения, они вышли из трактира.

— Зачем тебе понадобилась эта девка? — буркнул Тордред.

— Она мудрейшая из людей своего времени, — ответил Ардах. — Я узнал об этом еще до того, как мы приземлились здесь.

Пролетая над планетой, он засек местонахождение Дженисейи поисковым лучом и отметил ее мощный интеллект. Неожиданная смерть Заны все еще угнетала его. Он был преисполнен решимости найти замену погибшей королеве, и Дженисейя казалась наиболее логичным выбором. Она будет сопровождать Ардаха и Тордреда в странствиях по времени; он решил не останавливаться на этой цивилизации, не удовлетворявшей его требованиям.

Двое мужчин достигли окрестностей храма. У Ардаха пока что не было определенного плана; он знал лишь, что должен найти жрицу.

— Подожди здесь, — распорядился он. — Оставайся на месте до моего возвращения.

Великан отступил в густую тень ближайшего

дерева, наблюдая за тем, как Ардах пересекает площадь и направляется к воротам, где стоял стражник, опиравшийся на длинное копье.

Стражник выпрямился, готовый дать отпор дерзкому чужеземцу. Но когда он встретился взглядом с Ардахом, его лицо внезапно приобрело отсутствующее выражение, глаза потускнели. Обычный гипноз хорошо действовал на этих людей, чей разум отягощали многочисленные суеверия.

Ардах прошел за ворота. Перед ним высилась громада храма, построенного из оникса, порфира и розового мрамора. Несмотря на колоссальные размеры, здание было построено великолепно и напоминало прекрасную симфонию в камне. Широкая мраморная лестница вела к бронзовым воротам с часовыми по обе стороны от входа.

Ардах невозмутимо шел вперед. Часовые застыли неподвижно, испытав на себе гипнотическую силу его взгляда.

Он вошел в храм и оказался в громадном зале со сводчатым куполом. Воздух был пропитан ароматом ладана и других благовоний. Зеленовато-голубой мраморный пол создавал впечатление морского простора, алтарь с плоской вершиной в центре зала отливал зеленью.

За алтарем поднимался священный трезубец, обвитый кольцами дыма из курильниц на высоких треножниках. Бритоголовый жрец с одутловатым лицом оторвался от своего занятия и вышел навстречу Ардаху.

— Ты пришел, чтобы принести жертву Дагону, — скорее утвердительно, чем вопросительно произнес он. — Где же твои дары? Неужели ты пришел с пустыми руками?

Ардах решил изменить тактику. Он зафиксировал взгляд на глазах жреца, призвав на помощь всю силу своей воли. Человек заколебался, сдавленно пробормотал несколько слов и отступил.

— Ты... ты выглядишь странно. — Его голос дрожал. — Твоя форма меняется.

Загипнотизированному жрецу показалось, будто вокруг тела Ардаха собрался легкий туман. Потом туман уплотнился, по нему пробежала рябь, и внезапно перед потрясенным человеком предстала совсем другая фигура. Это был Дагон, морской бог — такой, каким жрец представлял его в своем воображении!

Лицо несчастного стало белым как мел. Он рухнул на колени, обессилев от страха и потрясения, близкий к обмороку.

— Ты знаешь меня, — тихо произнес Ардах.

— О, великий хозяин, простишь ли ты своего слугу? — Жрец забормотал бессвязные молитвы.

— Приведи ко мне жрицу Дженисейю, — приказал Ардах.

— Будет сделано! — Человек попятился к одному из выходов, завешенному портьерой, и исчез. Ардах иронически приподнял бровь: все получалось слишком просто. Он обшарил свои карманы и удовлетворенно кивнул. Гипноз работал, но, в отличие от оружия, на него нельзя было полностью положиться.

Вскоре жрец вернулся. Он вел за собой изящную невысокую женщину, чье лицо было скрыто за темной вуалью. Оба упали на колени и поклонились своему божеству.

Ардах помог девушке встать. Он откинул вуаль и убедился, что это действительно жрица Дагона, прекрасная Дженисейя...

Глава 6 НЕЗАБЫВАЕМАЯ ЗЕМЛЯ

Она была ошеломительно прекрасна — с детскими, эльфийскими чертами лица, в которых отражалась вековая мудрость с легким намеком на врожденную, дремлющую жестокость. Ее волосы имели медно-золотистый оттенок, глаза отливали морской зеленью. Хотя она была маленькой, как нереида, ее стройная, пропорционально сложенная фигура ничуть не напоминала детскую.

Она приблизилась к Ардаху. Внезапно его руку обожгло острой болью, и он невольно отпрянул.

— Это не бог! — воскликнула Дженисейя, и ее голос зазвенел как серебряные колокольчики. — В его жилах течет горячая кровь. Это самозванец!

Она отступила, сжимая в руке маленький кинжал. Ардах с недоумением смотрел на длинный порез, пересекавший его запястье.

Словно по волшебству, зал храма наполнился бритоголовыми жрецами. Они выбегали из сводчатых проходов, выходили из тайных ниш в стенах, замаскированных гобеленами. В мгновение ока вокруг Ардаха образовалось кольцо вооруженных людей, чьи глаза поблескивали так

же холодно, как и их клинки.

— Мы тоже кое-что знаем о гипнозе, — презрительно бросил один из них. — Даже боги могут подвергаться испытанию!

Ардах лихорадочно размышлял. Его врагов было не меньше двух десятков. Гипноз утратил свою силу, но у него имелось другое оружие. Он почти незаметно шевельнул рукой, скрытой в складках плаща. Крошечный кристаллический шарик упал на пол, и Ардах прикрыл его ногой, обутой в сандалию.

— Ты сдаешься? — спросил главный жрец.

Ардах сделал глубокий вдох, раздавил шарик пяткой сандалии и задержал дыхание.

Зал мгновенно наполнился газом, не имевшим цвета и запаха. Священники больше не могли двигаться. Они стояли как статуи, схватившись за свое оружие и слепо глядя прямо перед собой. Активное вещество газа невероятно обострило их ощущение времени и в той же степени замедлило их реакцию. С их точки зрения, Ардах просто исчез, отступив в сторону.

Кирианин торопливо огляделся, по-прежнему сдерживая дыхание. В зале стояла тишина, новые противники не появлялись. Ардах выхватил меч у неподвижного священника, подошел к жрице

и взвалил ее на плечо. Он был невысок, но его жилистое тело отличалось невероятной выносливостью, а Дженисейя весила совсем немного. Поддерживая одной рукой обмякшую пленницу, он поспешно вышел из храма.

Часовые не двинулись с места. Они оставались пассивными, пока Ардах спускался и выходил на улицу через внешние ворота. Стражник, стоявший там, тоже не пошевелился и не проронил ни слова. Но за спиной Ардаха уже слышались крики и лязг оружия.

Тордреда нигде не было. Либо великан не стал ждать, либо его захватили в плен. Ардах решил вернуться к кораблю. Там он может выяснить все необходимое с помощью следящей аппаратуры, а затем предпринять меры для спасения Тордреда. Но сейчас медлить было нельзя.

Низко пригнувшись, Ардах побежал по улице. Шум погони следовал за ним, но отдаленные выкрики внезапно стихли в грохоте тяжелых подков. К кирианину подъехал всадник в сияющих доспехах. Меч в его руке угрожающе нацелился на Ардаха.

Из ворот храма выбегали жрецы.

— Убей его! — кричали они. — Убей на месте!

У Ардаха не оставалось времени, чтобы вос-

пользоваться любым иным оружием, кроме меча в правой руке. Он отбросил Дженисейю на обочину, подальше от опасности, и быстро перехватил клинок, взяв его за лезвие. Когда всадник занес руку для удара, он швырнул меч, как дубинку.

Улица вокруг него взорвалась криками. Ардах едва успел уклониться, когда над ним мелькнули подкованные копыта. Меч с угрожающим свистом рассек воздух, но снаряд Ардаха нашел свою цель. Тяжелая рукоять ударила всаднику в лоб, и человек осел в седле, потеряв сознание. Вес меча потянул его вбок.

Ардах мгновенно подхватил поводья. Он столкнул всадника на дорогу, легко вскочил в седло и развернул лошадь. Потом он низко наклонился в седле, подхватил Дженисейю и быстро, но осторожно положил ее обмякшее тело перед собой. Лошадь сорвалась с места и поскакала по улице; вопящие священники разбегались из-под копыт.

Никогда раньше Ардах не ездил верхом и даже не видел настоящих лошадей. Но миллионы лет назад, в миоценовую эпоху, он изучал повадки маленьких осторожных гиппарионов и сразу же уловил сходство между двумя видами. Животные не боялись Ардаха и доверяли ему: он слишком хорошо понимал их. И сейчас лошадь послушно

реагировала на малейшее прикосновение его рук и коленей.

Погоня продолжалась. Трижды Ардаху пришлось воспользоваться мечом, но лишь для того, чтобы обезоружить противника. В убийстве не было необходимости. Затем город внезапно остался позади, и он поскакал к лесу по склону холма.

Уже наступил вечер. Деревья отбрасывали на траву длинные темные тени. Ардах оглянулся через плечо и увидел группу всадников, во весь опор скачущих по дороге. Он с безразличным видом пожал плечами и посмотрел на Дженисейю. Девушка безмятежно спала. Ардах внимательно изучил ее лицо и нашел его безупречно прекрасным, хотя в изгибе тонких губ было что-то надменное, даже жестокое. Впрочем, он не сомневался, что надлежащее обучение и воспитание могут устранить такие недостатки.

Но что случилось с Тордредом? Ардах начинал беспокоиться. Тем не менее он ничего не мог поделать, не добравшись до корабля.

Солнце закатилось за горизонт, когда он прибыл на место. Колоссальная сфера, лежавшая на поляне, возвышалась над верхушками деревьев. Входной люк был открыт, как Ардах и оставил

его, но проем затягивала тонкая паутина белого сияния.

Ардах натянул поводья и спрыгнул на землю.

— Тордред! — позвал он, взяв на руки Дженисейю.

Гигант сразу же вышел из зарослей кустарника. Его грубо вылепленное лицо хранило непроницаемое выражение.

— Следуй за мной, — коротко приказал Ардах и пошел к кораблю.

Когда он приблизился к люку, мерцающий занавес исчез. Он вошел внутрь со своей ношей, и Тордред последовал за ним.

Ардах обернулся. Лошадь мирно паслась там, где он оставил ее. Издалека доносились постепенно приближавшиеся крики.

Кирианин вздохнул. Он положил Дженисейю на пол и закрыл люк. Затем, без спешки устроившись за приборной панелью, заставил корабль стрелой взмыть в небеса. Когда золотистая сфера неподвижно повисла в воздухе, паря на большой высоте, Ардах повернулся к Тордреду.

— Ты пытался войти внутрь, — тихо сказал он. — Я запретил это делать. Почему ты ослушался?

Тордред вспыхнул, пытаясь уклониться от пронзительного взгляда инопланетянина.

— Я дошел почти до дверей храма. Когда я увидел, что жрецы окружили тебя, то подумал, что тебе не уйти. Я был безоружен, поэтому вернулся сюда, чтобы найти какое-нибудь оружие и вызволить тебя.

Бесстрастный взгляд Ардаха скользнул по лицу гиганта. Тот напрягся, готовый к худшему.

— Никто не может войти сюда против моей воли, — произнес Ардах. — Ты очень обяжешь меня, если в дальнейшем будешь четко выполнять мои распоряжения.

Тордред кивнул и поспешил сменить тему.

— Девушка просыпается, — сказал он.

Зеленые глаза Дженисейи медленно открылись. Когда она увидела Ардаха, в ее взгляде засверкала ненависть. Потом она посмотрела на огромного Тордреда. Внезапно и безошибочно землянин понял, что он обрел союзницу в борьбе против Ардаха. Но он промолчал. Он ждал, неподвижный и пассивный, пока Ардах говорил с Дженисейей на ее родном языке.

Она внимательно слушала, и кирианин понимал, что она не считает его богом или демоном. Опасность, которой он подвергался, окупилась сторицей: Дженисейя была самым умным человеком своей эпохи.

Солнце снова взошло, когда Ардах завершил свои эксперименты. На видеоэкране они видели зеленую, прекрасную землю, расстилавшуюся под ними. Над вулканическим хребтом на горизонте курились черные дымы. Город казался крошечным с огромной высоты.

— Вы собираетесь погрузить меня в сон? — недоверчиво спросила Дженисейя. — На тысячу лет?

— На тысячу или больше, — ответил Ардах. — Ваша цивилизация не отвечает моим требованиям. Неужели вы так сильно любите ее, что готовы отказаться?

— Нет, — прошептала она. — Вернуться, чтобы снова оказаться в заключении в храме Дагона? Нет, я рада, что стала свободной, но навсегда покинуть свое время...

— Королевства рождаются и умирают, — заметил Ардах. — Цивилизации исчезают как тени. Возможно, когда мы проснемся, ваша страна будет существовать лишь в легендах.

— Вы ошибаетесь, — с жаром возразила Дженисейя. — Я ваша пленница и должна подчиниться, потому что у меня нет иного выбора. Однако даже если мы проспим сто тысяч лет, люди не забудут наше могущественное царство. Наши корабли развозят свои чудесные товары по всем

морям и океанам. Наша культура — величайшая в мире. Она не может зачахнуть или умереть; она будет развиваться, от века к веку становясь все более прекрасной. Боги хранят эту землю. Даже Дагон, владыка моря, не в силах уничтожить Атлантиду!

Глава 7 ВЕСТНИК РОКА

2 января 1941 года Стивен Корт вылетел в Канаду. Его небольшой самолет вмещал двух пассажиров и около тонны различного оборудования. Он взял с собой Марион Бартон и после долгих уговоров разрешил Сэмми отправиться с ними. Старик изменился во всех других отношениях, но жажда странствий так прочно въелась в его душу, что могла исчезнуть лишь после смерти.

— Я не причиню тебе беспокойства, Стив, — заверил он. — В это время года у меня всегда чешутся пятки, и кроме того, я никогда не летал на самолете.

Его водянистые глаза лукаво прищурились.

— Тебе ведь понадобится посыльный для мелких поручений, верно? Я могу помочь тебе с распаковкой оборудования и так далее.

Корт согласился, чтобы не тратить время на дальнейшие споры. Стоял ясный морозный день, когда самолет поднялся в воздух с летного поля висконсинского аэродрома. Метеорологи давали благоприятный прогноз. Корт мог не опасаться снегопада, но все же вел машину на небольшой высоте, чтобы избежать намерзания льда на

плоскостях крыльев.

Восторженное ощущение от управления самолетом на большой скорости сделало его необычно разговорчивым. Его щеки раскраснелись, в оживленном голосе проскальзывали теплые, человечные нотки. Сэмми почти не говорил, но внимательно слушал и время от времени задавал вопросы.

— Чума, вот оно как? — задумчиво протянул он. — Однажды я был на юге, когда там разразилась чума. Врагу такого не пожелаешь. Мы едва успевали хоронить детей и женщин. Надеюсь, эта новая зараза не такая страшная.

— Посмотрим, — отозвался Корт. — Я мало что могу сделать, пока не обследую Лосиколя. Кстати говоря... — Он нахмурился, размышляя. — Нашего оборудования недостаточно для серьезного обследования, поэтому придется перевезти Лосиколя в мою лабораторию.

— Но вы же говорили, что болезнь очень заразна! — возразила Марион. — Как он может путешествовать?

— Все предусмотрено. Я уже распорядился о подготовке спецавтомобиля: салон будет обшит изнутри толстым слоем свинца, достаточным, чтобы обеспечить полную безопасность. Сразу

же по окончании отделочных работ автомобиль прибудет в Канаду грузовым рейсом.

— О! — только и вымолвила Марион. Потом она замолчала, наблюдая за горными хребтами и озерами, проплывавшими внизу.

— Я столкнулся с одним интересным фактом, — заговорил Корт через некоторое время. — Ко мне уже довольно давно поступают фотографии из ведущих обсерваторий. Хотя мне не удалось обнаружить следы вещества Икс в космосе, я кое-что обнаружил: спутник, вращающийся вокруг Земли по эллиптической орбите. До сих пор его никто не заметил, поскольку он имеет крошечные размеры и движется с большой скоростью. Но похоже, он состоит из металла.

— Железный метеорит?

— Гладкая металлическая поверхность, Марион, и правильная сферическая форма, нехарактерная для астероидов. Он сделан из чистого золота или из какого-то неизвестного металла, внешне напоминающего золото.

Девушка впилась взглядом в ученого.

— Космический корабль?

— Возможно. Но если это корабль, то почему он не совершает посадку? Как долго он кружит вокруг Земли?

— У вас есть догадки относительно его происхождения?

— Какая-то древняя цивилизация могла овладеть секретом космических путешествий, хотя я в этом сомневаюсь. Если это космический корабль, то он скорее всего прилетел из другой звездной системы.

— В исторических летописях нет упоминаний об этом.

— Зато есть масса свидетельств в мифологии и фольклоре, — возразил Корт. — Разумеется, это лишь предположение, но я хочу проверить его.

— Как вы собираетесь добраться до него? — зачарованно спросила Марион.

— Это кажется невозможным, — признал он. — До сих пор человечество еще не нашло способа, позволяющего выходить в космос. Но потому-то я и... Видите ли, Марион, если это действительно космический корабль, он может означать спасение для всей Земли. Рассуждая беспристрастно, мы должны учитывать тот факт, что «чума» может оказаться неизлечимой. Если это космический корабль, мы сможем отправиться на нем к другой планете или вообще покинуть Солнечную систему.

— Во всяком случае, стоит попробовать, — с

надеждой сказала Марион.

— Задача невероятно сложная, и потому я сейчас хочу узнать как можно больше о веществе Икс. Нельзя ставить все на один-единственный бросок костей. Когда я осмотрю Лосиколя...

Время тянулось медленно. Сэмми задавал вопрос за вопросом, но потом исчерпал свое любопытство и потихоньку заснул. Самолет пересек американскую границу и полетел над Канадой.

Был ранний вечер, когда они совершили посадку на аэродроме. Один автомобиль ожидал Корта и Марион, чтобы отвезти их в город, другой поехал следом вместе с Сэмми и научным оборудованием. В клинике их приветствовал доктор Грейнджер — сморщенный престарелый гном в белом халате, с жидкими прядями седых волос, едва прикрывавших его лысый череп.

— Корт! — облегченно воскликнул он. — Как я рад, что вы приехали! Вы голодны?

— Нет. — Одной из характерных черт Корта было то, что он не тратил времени на светские беседы. — Где пациент?

— Он в левом крыле здания. Мы перевели всех больных в другие отделения. Вам придется надеть свинцовый костюм; к сожалению, у нас имеется только один комплект.

Движения Корта были четкими и быстрыми, как у хорошо отлаженного автомата. Он проворно облачился в облегающий костюм со множеством вшитых свинцовых пластинок, закрывающих тело и конечности. Когда они с Грейнджером подошли к двери, ведущей в левое крыло клиники, врач замешкался.

— Я лучше не пойду туда. Не знаю, как далеко распространяется излучение.

Корт кивнул, выслушал его инструкции и открыл дверь. Он прошел по коридору к палате, где лежал пациент. Любой другой человек помедлил бы, прежде чем войти, но Корт не был обычным человеком. Не останавливаясь, он распахнул дверь.

Просторная белая палата сияла стерильной чистотой. На столе лежала коробка с медицинскими инструментами и шприц для подкожных инъекций. На кровати распростерлось человеческое тело, прикрытое тонким одеялом.

Вглядываясь через очки с освинцованными стеклами, Корт подошел ближе. Лосиколь был без сознания... нет, он спал. На его высохшем костяке почти не осталось плоти, и очертания тела под одеялом лишь отдаленно напоминали человеческие. На подушке покоилась морщинистая,

похожая на череп голова невероятно старого человека.

Лосиколю было всего лишь двадцать три года.

В его рту совсем не осталось зубов; отвисшая челюсть обнажала безобразные, почерневшие десны. Все волосы выпали, уши уродливо разрослись, нос тоже гротескно увеличился в размерах. Отвратительная сероватая кожа свисала свободными морщинистыми складками.

Корт подошел к окну и закрыл шторы. В полумраке сразу же замерцало серебристое сияние. Оно исходило от лица пациента!

Корт откинул одеяло, обнажив истощенное жилистое тело Лосиколя. Как и ужасное лицо, оно испускало ровное серебристое сияние.

— Лосиколь! — громко позвал Корт и потряс его за узкое плечо. Пациент вздрогнул; его глаза медленно открылись. То были не человеческие глаза, а два озерца бледного сияния в запавших глазницах.

— Лосиколь, вы меня слышите? — спросил Корт.

С бескровных губ сорвался свистящий шепот:

— Да, мсье.

— Вы видите меня?

— Я могу... нет, мсье, только не глазами. Я слеп,

но каким-то образом вижу вас.

Корт озадаченно нахмурился, обдумывая странный ответ.

— Что вы видите?

— Вы закрыты какой-то броней... не знаю, откуда это мне известно.

— Я врач, — пояснил Корт. — Если слова не причиняют вам боли, я хочу, чтобы вы ответили на некоторые вопросы.

— Qui, m'sieu. Bien.

— Вы испытываете боль?

— Нет... да. Я голоден. Как странно! Я голоден и хочу пить, но мне нужна не обычная еда. Не понимаю...

Корт терпеливо ждал продолжения. Увидев, что Лосиколь снова собирается заснуть, он сменил тему:

— Расскажите мне об этом тумане.

— Тут почти нечего рассказывать, — шелестящим шепотом отозвался Лосиколь. — Я вышел из дома и заблудился. Туман был таким плотным... и его запах показался мне очень странным.

Глаза Корта сверкнули интересом за толстыми стеклами очков.

— Какой запах? Он вам что-то напоминал?

— Не знаю... подождите! Однажды я был в зда-

нии большой электростанции у дамбы, и там пахло так же.

Озон? Корт покачал головой.

— А дальше? — настойчиво спросил он.

— Сначала туман был холодным, а затем как будто потеплел. У меня возникло странное чувство, как будто он проникает в тело. Легкие жгло огнем, сердце забилось быстрее. Я ужасно проголодался, хотя недавно поел. Доктор... — Лицо Лосиколя мучительно исказилось. — Я меняюсь, все больше и больше. Когда это началось, я долго оставался почти таким же, но теперь во мне как будто появилось что-то нечеловеческое. Вы слышите мой голос?

— Конечно, — заверил Корт.

— Странно. Мой разум совершенно ясен, но чувства... Мне кажется, я слышу не ушами и говорю без помощи языка. Однако я чувствую себя необычайно сильным. Хочется есть...

Уродливая безволосая голова склонилась на грудь. Лосиколь потерял сознание.

Тихо насвистывая, с мрачным выражением на лице Корт вернулся в центральное крыло клиники, где ждали остальные.

— Болезнь прогрессирует, не так ли? — обратился он к Грейнджеру. — Излучение становится

сильнее?

— В общем-то да, — признал врач. — Но это неравномерный процесс. Лосиколь испытывал чудовищный голод. Его метаболизм невероятно ускорился, и излучение усиливалось после каждого приема пищи. Однако вчера он отказался от еды.

— Но он голоден! — возразил Корт.

— Он так утверждает — и все-таки не может есть. Сейчас излучение стало заметно слабее.

— Понятно, — пробормотал Корт. — Будьте добры, достаньте мне морскую свинку; в крайнем случае кролик тоже сойдет. Я хочу провести один эксперимент.

Через десять минут, держа в руке брыкающуюся морскую свинку, он вернулся в палату. Лосиколь по-прежнему лежал без сознания. Корт впервые помедлил, глядя на бледную ауру, окружавшую тело пациента. Затем он медленно протянул морскую свинку и прикоснулся ею к руке Лосиколя.

Слабые костлявые пальцы шевельнулись. Они сжали крошечное животное, не причиняя ему вреда, хотя свинка лихорадочно пыталась вырваться. Затем тельце зверька бессильно обмякло. Фосфоресцирующее сияние, окружавшее Лосиколя, стало заметно ярче.

— Значит, вот в чем дело, — сквозь зубы пробормотал Корт. Он вынул морскую свинку из пальцев больного и осмотрел животное. Как он и ожидал, свинка была мертва. Качая головой, Корт вернулся к остальным.

— Вы неправильно кормили его, — объяснил он. — Лосиколь меняется — медленно, но неуклонно. Он превращается в некую форму жизни, отличающуюся от человека. Сперва он ел нормально, хотя и в огромных количествах. Когда структура его тела изменилась, Лосиколь утратил способность усваивать пищу через желудочный тракт, как мы с вами. Он получает энергию непосредственно. Выражаясь мелодраматически, он стал вампиром. Он убьет любое живое существо, которое прикоснется к нему.

— Боже милосердный! — потрясенно воскликнул Грейнджер. — Мы не можем оставить его в живых, мистер Корт!

— Нам придется это сделать, потому что я нуждаюсь в нем. Я должен изучить процесс болезни в ее естественном развитии. Лосиколя будут кормить той пищей, в которой он теперь нуждается: кроликами, морскими свинками и так далее. Как только приедет спецавтомобиль, я отвезу его в свою лабораторию.

Сэмми шаркающей походкой подошел к ним. Его глаза расширились от страха, но голос звучал твердо и решительно.

— Стив, не стоит так рисковать, — попросил он.

Корт не обратил внимания на старика; впрочем, он не слушал никого, когда его разум был увлечен решением новой проблемы.

— Марион, распакуйте мое снаряжение. Спецмашина должна прибыть завтра или послезавтра, а тем временем я хочу провести ряд опытов. Обеспечьте достаточный запас мелких животных для пациента. Не знаю, как много энергии ему потребуется, но излучение усиливается в геометрической прогрессии.

Грейнджер, неуклюже двигавшийся в свинцовом костюме, уже вышел из комнаты. Корт взглянул на часы.

— Хорошо, что я успел вовремя. Если бы Лосиколь умер...

— Вы можете спасти его? — с надеждой спросила Марион.

— Разумеется, нет. Да и не захотел бы, если бы мог. Я хочу остановить «чуму», а для этого мне нужно наблюдать ее развитие на подопытном экземпляре. Лосиколь — единственный, кто

имеется в нашем распоряжении. В любое время могут появиться новые больные, но я не имею права ждать. Если разразится эпидемия, будет уже слишком поздно что-либо предпринимать.

— Что вы собираетесь делать? — спросила Марион, тщетно пытаясь скрыть свое разочарование.

— Я отвезу Лосиколя в наш особняк, помещу в изолированную комнату и буду кормить его. Болезнь должна пройти все стадии, до конца. Возможно, он и не умрет сам, но тогда нам придется уничтожить его.

Дверь с треском распахнулась. Грейнджер ворвался в комнату и начал стаскивать с себя свинцовый костюм. Его гномье лицо посерело от ужаса.

— Лосиколь умер!

— Что? — Корт лихорадочно огляделся. — Нет, не может быть! Наверное, потерял сознание...

Он уже рвал костюм из рук Грейнджера.

— Дайте мне адреналин, быстро, и еще одну морскую свинку!

Все забегали вокруг, выполняя его распоряжения. Не прошло и минуты, как он умчался в левое крыло клиники.

Потянулись минуты мучительного ожидания.

Наконец Корт вернулся; его лицо казалось постаревшим, плечи устало поникли.

— Вы правы, Грейнджер, — глухо произнес он. — Лосиколь умер. Значит, я действительно опоздал.

— Вы... — Врач помедлил, беспомощно покусывая нижнюю губу. — Вы хотите провести вскрытие?

— Нет, это бесполезно. Я должен наблюдать за развитием болезни на живом существе, а труп не годится для моих целей. Придется подождать. Возможно, будет еще один случай... не знаю.

Корт подошел к окну и встал там, не глядя на остальных.

— Примите меры предосторожности при переноске тела, — продолжал он через некоторое время странным, напряженным голосом. — Зараза еще может распространиться. Никто не должен приближаться к трупу без свинцового костюма. Разумеется, его придется кремировать.

Марион пересекла комнату и остановилась рядом с ним.

— Вы не собираетесь сдаваться, правда? — прошептала она.

— Нет, но сейчас я в тупике. Каждый час отсрочки может означать...

Остальные мало-помалу потянулись к выходу.

— Значит, мы летим назад? — тихо спросила Марион.

— Я возьму несколько образцов тканей Лосиколя, но пользы от этого не будет. Мертвые не оживают. Черт бы его побрал! — с неожиданной яростью выкрикнул Корт. — Зачем ему понадобилось умереть сейчас?

Губы Марион задрожали, и она отвернулась. После короткого раздумья Корт надел шлем с забралом из освинцованного стекла и вернулся в палату. Он открыл дверь... и застыл на месте, затаив дыхание. Кровь разом отхлынула от его лица. Неуверенно, как слепой, он сделал шаг вперед, затем другой.

— Сэмми, — прошептал он. — О Боже, что ты наделал!

Старик стоял у кровати Лосиколя. В полумраке трудно было разглядеть черты его лица. Его редкие седые волосы поблескивали, как живое серебро.

— Привет, Стив, — сказал он. — Только не сходи с ума. В конце концов, я уже не молод, а тебе нужен подопытный экземпляр для экспериментов. Если «чума» такая свирепая штука, как ты говорил, то, думаю, теперь я уж точно заразился.

— Сэмми... — пересохшими губами прошептал Корт. — Но почему...

Он не мог продолжать.

— Почему? — Старик пожал плечами. — Сам толком не знаю. Помнишь, я рассказывал тебе о той чуме на юге, когда женщины и дети умирали тысячами. Я знаю, что это такое. Если я смогу помочь тебе спасти женщин и детей, то, думаю, я не зря жил на этом свете. Теперь дело за тобой, мой мальчик. Все зависит от тебя.

Глава 8 ЗАГАДКА ДРО-ГХИРА

Ардах беспокоился. После долгих размышлений в своей лаборатории на борту корабля он чувствовал, что немного приблизился к цели. Орды варваров, населявшие Землю в эту эпоху, едва ли могли способствовать его планам. Лишь на восточной окраине огромного континента тлел слабый огонек цивилизации.

Но увенчаются ли его поиски успехом? Найдет ли он человека, достойного для перемещения в будущую эпоху, или придется ждать снова?

У него имелись и другие причины для беспокойства. Интеллектуальное развитие Тордреда и Дженисейи оказалось не таким высоким, как он ожидал. Временами Тордред казался почти тупым, несмотря на его стремление учиться. У Ардаха зародилось смутное подозрение. Может быть, Тордред лишь симулирует глупость?

Но зачем ему это нужно? Такой вопрос был трудным для Ардаха, непривычного к обману и коварству. Он спас жизнь Тордреду, но психология землян оставалась совершенно чуждой ему, посланцу невообразимо далекой планеты. Он не понимал, что люди иногда ненавидят чу-

жое величие и страшатся силы, которая хоть и благосклонна к ним, но в любой момент может уничтожить их. Но он знал о непомерном честолюбии Тордреда: одна попытка свергнуть Зану с королевского трона уже говорила о многом.

Ардах встал с кресла и нажал кнопку. Вуаль мерцающего света, загораживающая дверной проем, мгновенно исчезла. Он вышел за порог, и светоносный барьер тотчас же снова замерцал за его спиной. Некоторое время он наблюдал за Тордредом и Дженисейей, сидевшими у видеоэкрана и разглядывавшими земные пейзажи.

Ощутив присутствие Ардаха, Тордред повернулся к инопланетянину. На его лице застыло выражение стервятника, терпеливо ожидающего своего часа.

— Ничего нового, повелитель, — проворчал он.

Ардах сокрушенно улыбнулся и покачал головой.

— Сколько раз я должен повторять тебе, чтобы ты не называл меня повелителем? То, что мои знания превосходят твои, еще не означает, что ты должен стать моим рабом. Это вечное стремление землян поработить человеческий дух...

Он пожал плечами и отвернулся. Мысленно он вернулся на свою родную планету Кирию, давно

превращенную в космическую пыль. Ему часто снился этот мир, знакомый лишь по старым видеозаписям, но каждый раз он просыпался на варварской планете, где люди ненавидели друг друга, сражались и умирали из-за ничтожных причин.

Воистину путь цивилизации был долгим и тернистым!

Однако он знал, что когда-нибудь этому наступит конец. Даже здесь, в этой темной варварской эпохе, нашлось нечто, укреплявшее его уверенность.

— Тордред, — медленно произнес он. — И ты тоже, Дженисейя... Я должен буду на некоторое время покинуть вас.

Погруженный в свои мысли, Ардах не заметил, как земляне обменялись друг с другом быстрыми взглядами.

— Есть человек, с которым я должен познакомиться, и загадка, которую нужно решить, — продолжал он. — Эта земля завоевана ордами варваров — огромных волосатых великанов с Севера. Они лишь немногим отличаются от животных, но их ведет вождь по имени Дро-Гхир. Он озадачивает меня. Его поступки мудры, однако его сознание наполнено жестокими эмоциями

дикаря. Это парадокс.

Дженисейя недоверчиво прищурилась.

— Вы говорите, что должны покинуть нас?

Ардах кивнул.

— Оставайтесь на корабле до моего возвращения. Здесь достаточно еды, и вам не угрожает никакая опасность. Но хочу предупредить: не пытайтесь войти в лабораторию. — Он улыбнулся какой-то своей мысли. — Вы все равно не разберетесь в аппаратуре, однако можете случайно причинить себе вред, если включите ее.

— Мы не пойдем туда, — хрипло заверил Тордред. Его лицо оставалось неподвижным, как маска, лишь глаза возбужденно блестели.

Сборы заняли совсем немного времени. Открыв внешний люк, Ардах обернулся. Он внимательно посмотрел на Тордреда, и на мгновение в его взгляде мелькнула странная насмешка.

— Итак, до встречи. Скоро я присоединюсь к вам.

Он вышел, больше не оглядываясь. Девушка вскочила с места, но Тордред предупреждающе поднял огромную руку.

— Подожди, — прошептал он.

Несколько минут они ждали в напряженном молчании. Наконец Тордред встал и подошел к

двери, ведущей в лабораторию. Он провел рукой по стене, и мерцающая вуаль исчезла. Губы великана растянулись в презрительной улыбке.

— Ардах — глупец, — прогудел он. — Иначе он не оставил бы свою лабораторию без надежной охраны, хотя он и не знает, что мне известны секреты его мозга.

— А это действительно так? — спросила Дженисейя. Она стояла за спиной Тордреда и пыталась заглянуть в лабораторию через его плечо. — Тебе неизвестно, о чем он думает, а знания, извлеченные из его разума, могли устареть.

— Я знаю достаточно, — отрезал Тордред, пожирая глазами аппаратуру. — Достаточно, чтобы уметь обращаться с его оружием, когда оно у меня будет. Мы последуем за Ардахом и убьем его, а потом завоюем этот мир!

— Мне страшно, — пожаловалась девушка. — Не пытайся убить Ардаха. Что-то в выражении его глаз наполняет меня ужасом. Давай лучше убежим туда, где он не сможет найти нас.

— Пока он жив, нам не будет покоя, — прорычал Тордред. — Пошли!

Он шагнул вперед... и с грохотом отлетел назад! В дверном проеме воздвиглась стена голубого пламени. Странная завеса гудела и слегка потрес-

кивала, по ней пробегала едва заметная рябь.

Тордред с трудом встал, потирая ушибленную руку и бок. Дженисейя испуганно забилась в дальний угол комнаты.

— Он следит за нами! — простонала девушка. — Раньше я так не думала, но теперь знаю, что он демон!

Лицо Тордреда приобрело пепельно-серый оттенок под дубленой кожей. На его скулах играли желваки. Он нагнул голову, как разъяренный бык, вытянув могучие руки и сверля взглядом сияющий портал.

— Тихо! Никто за нами не следит. Ардах умен, вот и все.

— Но я не понимаю...

— Один замок на двери — хорошо, а два — лучше. Должно быть, он так подумал. — Тордред издал сдавленное рычание. — Неужели он заподозрил меня? Если это так... — Он покачал косматой головой. — Нет, это больше похоже на обычную предусмотрительность. Давай-ка посмотрим...

Он подошел ближе и осторожно прикоснулся к сияющей голубой поверхности. Она была сплошной и твердой, как металл.

— Какой-то новый трюк, — злобно произнес он. — Я знаю много секретов Ардаха, но не все.

Пожалуй, я смогу убрать этот барьер до его возвращения.

Дженисейя задрожала от страха.

— Если ты этого не сделаешь, он убьет нас. Поторопись, Тордред!

— Не стоит спешить. Так, попробуем...

Великан начал ощупывать стену рядом с дверью. Его янтарные кошачьи глаза остро поблескивали под нависающими бровями. От напряжения по его лицу поползли струйки пота, исчезавшие в густой черной бороде.

Тем временем Ардах быстро шел по лесу и думал о своем. Кирианин уже забыл о Тордреде и Дженисейе. Он размышлял о загадке личности вождя варваров Дро-Гхира, который время от времени совершал гениальные поступки, но в остальном ничуть не напоминал сверхчеловека. В более позднюю эпоху Чингисхан и царь гуннов Атилла будут опустошать целые страны точно так же, как сейчас это делал Дро-Гхир. Пройдут века, и укрепленные города Китая снова попадут под пяту завоевателей, как это бывало и до Дро-Гхира. Орды варваров, пришедших из северной тундры, карающим бичом обрушились на плодородные земли Юга. То были огромные волосатые кочевники, ездившие на крепких низкорослых

лошадях. Они жили в куполообразных хижинах, покрытых грубо выделанными шкурами и называемых юртами.

На востоке завоеватели опустошили холодные побережья, где жили примитивные племена рыболовов и охотников, и глубоко проникли в земли Китая. На западе их продвижение было временно приостановлено огромным горным хребтом, чьи вершины упирались в небеса. На юге они заполонили страну тропических джунглей и резных каменных храмов, где люди молились Шиве и многорукой Кали.

Подобно горному обвалу, копыта их лошадей сотрясали многострадальные земли.

— Убивай! — кричали они.

Их кривые мечи поднимались и опускались, бунчуки из лошадиных хвостов развевались на холодном ветру, сопровождавшем их путь. Их копья вонзались глубоко в тела жертв и выдергивались, окрашенные свежей кровью. Огромные звероподобные великаны, скакавшие как кентавры и сражавшиеся как демоны, они залили землю потоками крови.

Убивать! Не показывать жалости! Пленные ропщут и бунтуют, поэтому не брать пленных. Только убивать.

И этими варварами правил Дро-Гхир.

По данным слежения Ардах знал, что Дро-Гхир с немногочисленным войском встал лагерем неподалеку от места посадки. Но ночь пала на землю, прежде чем он достиг линии сторожевых постов и был остановлен суровым окриком часового.

В лунном свете лицо стражника напоминало морду средневековой химеры. Он поднял копье... и застыл, когда его взгляд встретился со взглядом Ардаха. Между двумя мужчинами вспыхнула яростная безмолвная схватка.

Когда воля сильнейшего возобладала, часовой повернулся и повел кирианина к группе юрт, обтянутых козлиными шкурами. Они остановились перед входом в самую большую юрту. Поблизости горел костер, вокруг которого сидело несколько солдат. Они с любопытством взглянули на незнакомца, но не стали вмешиваться.

Стражник поднял входной клапан, и Ардах вошел внутрь. Оказавшись лицом к лицу с недоумевающим Дро-Гхиром, он непроизвольно напрягся.

Юрта освещалась несколькими светильниками в виде глиняных плошек с фитилями, плававшими в вонючем растопленном жире. На полу в беспорядке валялись мохнатые шкуры. В даль-

нем углу юрты на куче грязных скатанных шкур возлежал человек, резко вскинувший голову при появлении незнакомца.

Дро-Гхир был великаном, ростом и шириной плеч не уступавшим Тордреду. Он носил мешковатый балахон с широким вырезом, оставлявшим открытой его косматую грудь. Его густая черная борода, смазанная маслом, ярко блестела, длинные усы были заплетены в две косички и перевиты золотой проволокой. Круглую голову венчала меховая шапка. Лицо Дро-Гхира напоминало морду тупого хищного животного: низкий скошенный лоб, толстые отвисшие губы, из-за которых выглядывали желтоватые клыки. В глубоко посаженных глазках почти не было признаков разума.

Ардах озадаченно нахмурился. Неужели это тот самый гений, которого он ищет?

Глава 9 ЛИ ЯНЬ

Дро-Гхир вскочил одним быстрым движением и выхватил из-за спины короткое метательное копье, нацелившись в грудь Ардаха.

— Ли Янь! — проревел он. — Поди сюда!

Ардах взял на себя труд выучить язык северных варваров.

— Я пришел с миром, — начал он. — Я всего лишь хотел...

— Не убивай его, повелитель, — послышался чей-то голос, — Он безоружен.

В глубокой тени за спиной Дро-Гхира находился кто-то еще. Ардах напряженно вгляделся в сумерки. Он увидел невысокого, невероятно толстого китайца, сидевшего на полу юрты со скрещенными ногами. Проницательные черные глаза, почти скрытые под набрякшими веками на круглом, одутловатом лице, смотрели на Ардаха. Крошечные алые губы по-детски улыбались. Куполообразный лысый череп мягко сиял в полумраке. Ли Янь тоже носил просторный балахон, перевязанный золотым шнуром вокруг его необъятной талии.

Дро-Гхир повернулся и вопросительно посмот-

рел на китайца.

— Выслушай его, — посоветовал Ли Янь и поднял маленький, похожий на лютню инструмент, лежавший сбоку от него. — Слова подобны воде, — продолжал он, легко перебирая струны. — Они не причиняют вреда, пока не подкреплены делами.

Но Дро-Гхир не выпустил копье. Он стоял, широко расставив ноги и настороженно наблюдая за Ардахом.

— Ну? — промычал он.

Кирианин умоляюще развел руки.

— Я пришел с миром, — повторил он.

— Как тебе удалось миновать часовых?

— Это не имеет значения. У меня есть послание для вас.

Дро-Гхир грубо выругался и сплюнул на пол.

— Позволь ему говорить, повелитель, — прошептал Ли Янь.

— Тогда пусть говорит, но побыстрее!

Ардах торопливо поведал свою историю. Он все еще был озадачен, и его беспокойство лишь возрастало, пока он всматривался в злобные, тускло блестевшие глаза вождя. В них ни разу не вспыхнула искра понимания, но Ардах продолжал говорить, объясняя свою задачу и предлагая

Дро-Гхиру присоединиться к путешествию во времени.

Наконец он замолчал. Наступила напряженная тишина, лишь фитили в глиняных плошках зловеще потрескивали и плевались жиром.

— Каков будет ваш ответ? — спросил Ардах.

Дро-Гхир задумчиво подергал себя за бороду. Его глаза сузились.

— Повелитель, я думаю, этот чужеземец владеет странными силами, — вмешался Ли Янь. — Он может нам пригодиться.

Китаец поднялся на ноги, словно массивный бегемот, восставший из илистого пруда. Его пухлая рука сделала быстрый жест в сторону Дро-Гхира. Вождь варваров помедлил; затем его лицо расплылось в хищной улыбке.

— Хорошо. Мы не враги, я и ты. Преломи хлеб вместе со мной.

Шаркая ногами, Ли Янь вышел вперед и сунул Дро-Гхиру толстую лепешку из пресного теста. Вождь разломил лепешку пополам и протянул половину Ардаху, запихав другую в свою огромную пасть. Упавшие крошки запутались в его жирной бороде.

Кирианин покорно принялся жевать лепешку. Происходило нечто странное, но он никак не мог

разобраться, в чем дело.

— Ты пойдешь со мной? — наконец спросил он. — Я устал применять силу. Если ты откажешься, я уйду и продолжу свои поиски.

— Пей! — рявкнул Дро-Гхир. Он взял у Ли Яня рог с вином и протянул Ардаху. Китаец подал ему другой кубок. Вино было подогрето и щедро приправлено пряностями.

— Пей за дружбу! — Вождь варваров поднял кубок и одним глотком осушил его. Ардах с некоторым трудом последовал его примеру.

Ли Янь вернулся в свой угол и снова заиграл на лютне, а затем запел монотонным голосом:

— Все люди видят, как облетают лепестки розы, как блекнет жасмин, как вянет лотос...

Дро-Гхир замер неподвижно. Его огромная рука внезапно стиснула костяной кубок, треснувший посередине. Он разинул рот, словно собираясь закричать, но из его горла вырвался лишь хриплый клекот.

— Но никто из людей не прозревает свою судьбу в облетающих лепестках розы...

Тело Дро-Гхира выгнулось дугой, лицо перекосила гримаса мучительной боли. Он схватился руками за горло. Потом он рухнул, как подрубленное дерево, и вытянулся на грязной медвежьей

шкуре. По его огромному телу пробежала волнообразная судорога, и все стихло.

Ардах затаил дыхание и вопросительно посмотрел на китайца. Ли Янь поспешно встал.

— Мы должны уйти до того, как обнаружат труп Дро-Гхира, — сказал он. — Большинство солдат находится в пьяном ступоре, как обычно бывает после победы. Поторопись!

— Подожди, — возразил Ардах. — Я не понимаю.

Круглое лицо китайца осталось бесстрастным, но его черные глаза сверкнули злобным весельем.

— Дро-Гхир дал мне знак, чтобы я протянул тебе кубок с отравленным вином. Вместо этого я угостил его «зельем вечного покоя». Слушай, Ардах, если это твое настоящее имя. Твои слова предназначались не этому варвару. Уже много лет с тех пор, как Дро-Гхир взял меня в плен, я служу ему своей мудростью. Он сохранил мне жизнь, потому что я давал ему разумные советы.

Ардах широко раскрыл глаза, пораженный простым объяснением. Ли Янь был силой, стоявшей за троном Дро-Гхира!

— Я устал от рабского существования, — откровенно рассказывал Ли Янь. — В конце концов,

Дро-Гхир все равно усомнился бы в моей мудрости и убил меня. Кроме того, мне не нравится этот варварский мир. Позволь мне отправиться с тобой в будущее! — Он покосился на грязные шкуры. — Может быть, там, по крайней мере, придумают более удобные лежанки.

Несмотря на серьезность положения, Ардах невольно улыбнулся. Ему пришелся по душе этот вкрадчивый китаец, одной рукой наигрывавший тихую мелодию, а другой протягивавший кубок с ядом своему господину.

— Хорошо, пойдем, — согласился он. — Но как насчет часовых? Мы сможем миновать сторожевые посты?

— Если к тому времени тело Дро-Гхира не будет обнаружено. В противном случае даже я окажусь под подозрением, поэтому нам следует поторопиться.

Ардах с китайцем незаметно выскользнули из юрты и пошли через лагерь, залитый призрачным лунным сиянием. Лишь когда огни сторожевых постов остались далеко позади, они смогли облегченно вздохнуть.

Ли Янь указал на клубы дыма над лагерем, закрывавшие бледный лунный диск.

— Дым варварских костров оскверняет све-

тильник Луны, — тихо произнес он. — Но этот дым скоро рассеется. Хотя в будущем, полагаю, появятся новые варвары.

Ардах не ответил: он сосредоточился на ментальном сканировании мозга человека, шагавшего рядом с ним. Наконец он покачал головой и вздохнул с чувством, близким к отчаянию. Его поиски не закончились. Ли Янь далеко опередил свое время, но все же не был тем гением, которого искал Ардах. Поиск во времени будет продолжаться, но Ли Янь может стать приятным спутником, несмотря на свои недостатки.

Через некоторое время они приблизились к кораблю. Губы китайца слегка дрогнули, хотя его лицо осталось бесстрастным.

— Эта колесница в самом деле летает? — благоговейно спросил он. — Тогда это настоящее чудо, вроде знаменитого дракона Яо.

У входа в корабль Ардах на мгновение помедлил. Его взгляд скользнул по голубому занавесу, закрывавшему дверь лаборатории. Затем он резко повернулся к Тордреду и Дженисейе, которые, как по команде, вскочили со своих мест.

Тонкое эльфийское лицо Дженисейи хранило безмятежное выражение, хотя в ее глазах цвета морской волны затаился страх. Тордред раздра-

женно выпятил бороду.

— Вы вовремя вернулись, — проворчал он. — Смотрите! — Он протянул руку, указывая на дверь лаборатории.

Ардах молча вошел, Ли Янь последовал за ним. Несмотря на явный интерес землян к новому спутнику, кирианин вопросительно поднял брови.

— Враги! — сердито прорычал Тордред. — Они вышли из леса. Я... — он невольно отвел глаза, — я открыл входной люк. Признаюсь, я был не прав, но мне стало любопытно...

— Продолжай, — ровным тоном скомандовал Ардах.

— Варвары увидели нас. Они бросились к кораблю, вопя и швыряя копья. Я закрыл люк и запер его, но они так колотили по металлу, что казалось, вот-вот ворвутся внутрь.

— Никакое копье не может пробить корпус корабля, — тихо сказал Ардах.

— Дженисейя очень испугалась, а я был безоружен. Я подумал, что смогу найти оружие в твоей лаборатории. Но когда я попытался войти... — Он сделал быстрый, сердитый жест в сторону двери. — Ты не доверяешь нам!

— Ошибаешься. — Ардах внезапно улыбнулся.

— Я предпринял меры предосторожности против возможного вторжения, но ты не враг мне, Тордред. Варвары бежали?

— В конце концов им надоело стучать по корпусу, — поспешно сказал Тордред. — Но если бы они ворвались сюда, то убили бы нас, как загнанных зверей.

Ардах с безразличным видом пожал плечами.

— Забудь об этом. У нас появился новый спутник, и вскоре мы опять погрузимся в сон на несколько веков... или тысячелетий.

Тордред промолчал. Его глаза были прикрыты тяжелыми веками, но в них бушевала медленная ярость. Он снова потерпел неудачу, хотя и не окончательно. Ардах ничего не заподозрил.

Великан тайком сжал кулаки. В следующий раз ошибки не будет!

Глава 10 ЖИВАЯ СМЕРТЬ

Стивен Корт вернулся в свой дом-лабораторию вместе с Марион и Сэмми и сразу же приступил к серии экспериментов. Медленно, мучительно он все же продвигался вперед.

— У нас есть две цели, — обратился он к Марион, и его темные глаза блеснули из-под тяжелых век, покрасневших от бессонницы. — Во-первых...

— Во-первых, вы должны что-нибудь поесть, — перебила девушка.

Она поставила поднос с едой на рабочий стол Корта. Он кивком поблагодарил ее, сунул в рот сандвич, не чувствуя вкуса, и продолжал говорить с набитым ртом:

— Помните, я рассказывал вам о золотистом космическом корабле, вращающемся по орбите вокруг Земли? Новые наблюдения подтвердили эту информацию, и она может иметь для нас огромное значение.

— Почему вы так думаете? — Марион примостилась на краешке стола, покачивая стройными ногами под белым лабораторным халатом.

— Очевидно, этот корабль создан цивилизацией, далеко опередившей нашу. Это означает,

что их наука намного превосходит современную. Возможно, попав на корабль, я найду оружие... какое-нибудь средство, которое поможет мне победить «чуму». Или хотя бы выйду на верный след.

Марион машинально поправила выбившуюся прядь темных волос, хотя совсем недавно она хвалилась, что избавилась от глупых женских привычек.

— Но как вы попадете на корабль? Ведь космические путешествия еще невозможны.

Корт улыбнулся.

— Они кажутся невозможными, так как до сих пор не создано подходящего ракетного топлива. Но есть способ преодоления гравитации.

— Боже милосердный! — Марион легко спрыгнула со стола и встала, глядя на него широко раскрытыми глазами. — Вы имеете в виду...

— Минутку. Я еще ничего не сделал, лишь провел спектроскопический анализ. Марион, этот корабль сделан не из золота. Я еще не закончил обрабатывать результаты анализов, но знаю, что там присутствует магний и другие элементы. Основное качество этого сплава заключается в том, что, будучи особым образом намагниченным, он может нейтрализовать гравитацию.

— Но как? — потрясенно спросила она.

Корт побарабанил пальцами по крышке стола.

— Пока что это лишь теория, хотя я совершенно уверен в своих выводах. Как вам известно, Земля представляет собой гигантский магнит. Одноименные полюса магнита отталкиваются, противоположные притягиваются друг к другу. Если мы сумеем создать магнитное поле, абсолютно идентичное полю Земли, то появится возможность использовать этот принцип. До сих пор ничего подобного не делалось, но само существование корабля подтверждает мою догадку. Если я смогу скопировать сплав — полагаю, это возможно — и зарядить его необходимой энергией, то мы получим космический корабль.

— О! — выдохнула Марион. — И тогда вы отправитесь за...

— За кораблем пришельцев? Да. Разумеется, это рискованно, но игра стоит свеч. Я могу обнаружить там научные знания, необходимые для борьбы с «чумой».

Девушка отвернулась с такой поспешностью, что это не ускользнуло от внимания Корта.

— В чем дело? — резко спросил он.

Марион молча покачала головой. Корт встал и развернул ее лицом к себе. Ее чудесные карие

глаза наполнились слезами.

— Скажите мне, что случилось! — потребовал он.

Девушка закусила губу.

— Вы примете меня за дурочку.

— Тем не менее я жду ответа.

— Можете считать это суеверием, но у меня вдруг возникло очень странное чувство, как будто... как будто...

— Ну! — Он нетерпеливо встряхнул ее за плечи.

— Этот корабль опасен, — прошептала Марион. — Опасен для вас, Стивен. Он как будто ждет вас — может быть, уже тысячи лет, — ждет того момента, когда вы войдете внутрь.

Корт иронически улыбнулся и опустился на свое место. Прихлебывая молоко, он рассматривал смущенную девушку.

— Проклятие древних! — поддразнил он. — Вы находитесь под большим нервным напряжением, Марион. Впрочем, как и все мы. — Он помрачнел. — И боюсь, причин для этого более чем достаточно.

Наступило тяжелое молчание. Оба думали о человеке, лежавшем наверху в запертой комнате, обшитой свинцовыми пластинами. Чудовищная

болезнь, занесенная из космоса, уже изменила облик Сэмми.

Корт встал и решительно расправил плечи.

— Я не отступлюсь от своего и, во всяком случае, не буду сражаться с тенями. Принесите мой костюм, Марион. Пришло время проверить Сэмми.

Заметно нервничая, девушка помогла Корту облачиться в свинцовый костюм.

— В городке творится что-то странное, — сообщила она. — С тех пор как сообщения о «чуме» появились в газетах, жители сильно напуганы.

— С какой стати? — спросил Корт, надевая перчатки. — В Соединенных Штатах пока был только один случай, в Джорджии. Европа, Африка, Китай? Разумеется, но...

— Кто-то проболтался. Они знают о Сэмми. Теперь они утверждают, что вы подвергаете людей смертельной опасности, удерживая его здесь.

— Проклятые идиоты! — Корт нетерпеливо взмахнул рукой. — Сэмми полностью изолирован. Никакой опасности нет.

— Они не ученые, — возразила Марион. — Это обычные люди, в основном необразованные. Но у них есть семьи, и... в общем, я боюсь.

— Полиция не станет меня беспокоить.

— Дело не в этом. — Девушка прикусила губу

и нахмурилась. Затем она пожала плечами. — Впрочем, не важно. Надеюсь, ничего страшного не произойдет.

— Все будет в порядке, — заверил Корт.

Он прошел по длинному коридору и остановился перед дверью, обитой свинцом. Убедившись, что в свинцовых доспехах нет ни малейшей щели, он открыл дверь своим ключом и вошел в комнату.

Это было просторное помещение, заставленное разнообразными приборами и аппаратами. Свинцовая обшивка тускло поблескивала в свете ламп. На единственном столе рядом с больничной койкой лежали радиометры, медицинские инструменты и другие устройства странного вида.

Человек, лежавший на постели, изменился до неузнаваемости. Метаморфоза произошла так быстро, что Сэмми почти утратил человеческий облик. От его кожи исходило серебристое сияние, лицо превратилось в мешок морщинистых складок, отвратительно свисавших вокруг костлявого носа. Бескровные губы были сжаты в тонкую линию, ослепшие глаза казались двумя комочками тускло светящегося газа. Корт с трудом подавил приступ тошноты, перевернувший

его внутренности. Он не осмеливался проявлять сентиментальные чувства и даже признать их существование. Перед ним был подопытный экземпляр, лабораторный объект, не более того. Он должен забыть о том, что когда-то знал этого человека, что этот бродяга когда-то был его единственным другом, единственным близким человеком.

— Привет, Сэмми. — Его голос звучал немного сдавленно. — Как ты себя чувствуешь?

Изможденное тело, лежавшее на кровати, зашевелилось. Сэмми ответил на удивление ясным голосом:

— Привет, Стив.

— Есть какие-нибудь перемены?

— Нет. Я снова голоден.

Корт взял кролика из обитой свинцом коробки, стоявшей рядом с кроватью, и осторожно поднес зверька к жутким когтистым пальцам Сэмми. Все произошло мгновенно. Маленькое животное судорожно дернулось и обмякло; сияние, исходившее от тела Сэмми, немного усилилось.

— Так лучше?

— Да. Спасибо, Стив.

Корт пододвинул стул и неуклюже сел. Не снимая перчаток, он настроил приборы и тщательно

снял показания с нескольких датчиков.

— Изменения прогрессируют, — пробормотал он себе под нос.

Он взял образцы клеток кожи у пациента, подошел к микроскопу и всмотрелся в окуляр.

— Да, энтропия... Невероятно! Но я все еще не могу понять суть процесса...

— Что там такое, Стив? — слабым голосом спросил Сэмми.

— Пока ничего нового, но я найду лекарство. Ты можешь положиться на меня, старина.

Морщинистые складки на лице Сэмми растянулись в жутком подобии улыбки.

— Твое лекарство мне не поможет. Я опять голоден.

Корт скормил старику еще одного кролика. Затем он взял бумагу и карандаш, поставил на стол хронометр и приступил к тесту на словесные ассоциации. Несмотря на простоту, тест уже доказал свою эффективность при проверке изменения ментальных процессов пациента.

Но на этот раз Корта ждал сюрприз. Сэмми отвечал без промедления, хотя после двух слов, «человек» и «жизнь», последовала заметная пауза. Затем Корт произнес «пища», и Сэмми немедленно ответил «человек».

Лишь огромным усилием воли Корту удалось совладать с волнением. Он начал произносить какие-то другие слова, но почти не слышал ответов Сэмми. Он ожидал чего-то подобного, но все же услышанное потрясло его. Сэмми поглощал жизненную энергию из живых существ, а в человеческом мозге содержалась наивысшая форма такой энергии. Но каков будет результат?

Сэмми отвечал все тише; он заметно слабел. Наконец Корт оставил его в покое, пробормотал несколько слов утешения и вышел из комнаты. Его лицо было еще более угрюмым, чем обычно.

Солнце уже зашло за горизонт, когда он включил свет в своей лаборатории. Сняв свинцовый костюм, он опустился в кресло и задумался. Сэмми больше не был человеком в общепринятом смысле этого слова. Перемены происходили с устрашающей скоростью. Корт обнаружил, что само вещество его тела изменилось.

— Энтропия, — прошептал он, нервно сплетая и расплетая пальцы. — Вот и ответ! Но это означает...

Энтропия, замедление энергетических процессов во Вселенной. Человеческое тело состоит из атомов, как и весь окружающий мир. Если процесс энтропии в живом организме ускоряется, то

что происходит в результате?

Корт сердился на себя, потому что не знал точного ответа. «Сэмми определенно превращается в иную форму жизни, — думал он. — Он поглощает энергию через непосредственный физический контакт. Я должен усилить меры безопасности, иначе может случиться катастрофа».

Внезапно дверь распахнулась настежь, и Марион вбежала в лабораторию. Ее каштановые волосы выбились из-под белой шапочки и в беспорядке рассыпались по плечам.

— Стивен! — воскликнула она. — По дороге идут люди!

— Ну и что? — спросил он без особенного интереса.

— Много людей из города. Они несут факелы! Я боюсь...

— Проклятые болваны! — отрезал Корт. — Разбуди людей, пусть вооружаются. Скажи им, чтобы они заняли позиции у окон второго этажа и держали двор под прицелом. Стрелять только по моему приказу.

Марион в ужасе уставилась на него.

— Вы... вы собираетесь убивать людей?

Корт ответил ей ледяным взглядом.

— Почему бы и нет? Сейчас они трясутся за свои

драгоценные шкуры. Они готовы сжечь дом и убить Сэмми. Хорошо, что я вовремя предусмотрел такую возможность. Делай, что я сказал!

Последние слова были произнесены таким тоном, что Марион опрометью выбежала из комнаты.

Выругавшись сквозь зубы, Корт спустился к парадной двери. После секундного колебания он открыл дверь и вышел на крыльцо. Ночной пейзаж купался в ярком лунном свете. Дорога, подходившая к дому, круто спускалась к огням маленького городка внизу. Деревья, обступавшие ее, казались темными пятнами.

На дороге мелькали огоньки факелов. Двадцать пять или тридцать человек приближались в угрожающем молчании.

Корт прислонился спиной к двери и стал ждать. Невежественные болваны! Они не знают, что он пытается спасти их.

Толпа быстро сформировала полукруг перед крыльцом. То были в основном фермеры и мирные обыватели, которые при других обстоятельствах никогда бы не решились на столь рискованный поступок. Но сейчас их обветренные лица были суровыми, а глаза сверкали гневной решимостью.

Корт поднял руку. Хотя он не достал оружие, толпа немного раздалась в стороны. Затем вперед вышел один человек — высокий старик с копной седых волос на голове.

— Что вам нужно? — спокойно спросил Корт.

— Мы хотим, чтобы вы ответили на несколько вопросов, мистер Корт. Вы занимаетесь исследованием «чумы»?

— Да. — Слово упало как камень в стоячую воду. По толпе пробежал шепоток.

— Полагаю, вы знаете, что эта штука очень заразна. Ее ничто не остановит.

— Опасности заражения нет, — ответил Корт. — Я позаботился об этом. — Он указал на колеблющиеся огни факелов. — Чего вы хотите — убить моего пациента?

— Нет, — заверил оратор. — Мы хотим, чтобы вы увезли его отсюда в больницу. В газетах сказано, что пока никто не знает, как остановить «чуму». У меня двое сыновей и пять внуков, мистер Корт, и у всех остальных тоже семьи. Как бы вам понравилось, если...

— Говорю вам, никакой опасности нет! — рявкнул Корт. Его нервы, уже напряженные от постоянной работы и бессонницы, были на пределе. — Убирайтесь отсюда, иначе вы пожалеете

об этом!

Толпа угрожающе взревела. Люди устремились вперед и остановились лишь после того, как Корт вскинул руки над головой.

— Стойте! У окон в доме — десять человек, и сейчас они держат вас под прицелом. Они вооружены винтовками, у некоторых есть автоматы. Мы можем защитить себя от закона Линча.

Толпа заколебалась.

— Мы не линчеватели, мистер Корт, — возмущенно выкрикнул пожилой оратор. — Мы уважаем закон, но тоже хотим защитить свои семьи. Мы приготовили автомобиль и собираемся отвезти вашего больного в безопасное место.

Корт презрительно рассмеялся.

— Боже мой, какие идиоты! Вы же сами только что сказали, что «чума» очень заразна.

— Само собой, — согласился фермер. — Но у нас есть резиновые перчатки и марлевые повязки, пропитанные антисептиком. А потом мы вымоемся карболкой с ног до головы. Мы не хотим рисковать.

— Резиновые перчатки! — фыркнул Корт. — Лишь толстый слой свинца может защитить от «чумы»! Если вы не уйдете сейчас, мы убедим вас уйти силой оружия. Предупреждаю вас: я не

замедлю это сделать, если вы вынудите меня.

— Он не блефует, — нервно произнес кто-то. — Я видел ствол в верхнем окне.

— Не дергайся, — проворчал оратор. — Значит, так, мистер Корт: если вы не отдадите больного, мы войдем в дом. Вот и все дела.

Он двинулся вперед.

Корт выхватил пистолет и прицелился в старика.

— Только поставь ногу на первую ступеньку — и получишь пулю в лоб, — процедил он сквозь зубы.

Тот начал медленно подниматься по ступеням. Остальные потянулись за ним. Палец Корта напрягся на спусковом крючке, однако он не выстрелил. Его лицо ужасно исказилось от противоречивых чувств, бушевавших в его душе. Стивен Корт, человек, сделанный из стали и льда, мучается дурацкими эмоциями? Стреляй! Это был самый логичный выход. Нужно стрелять, чтобы спасти Сэмми, спасти эксперимент от невежественных обывателей.

Но они не хотели убивать. Корт знал, что это были честные, трудолюбивые люди, души не чаявшие в своих близких и стремившиеся любой ценой защитить их от опасности.

Ближайший человек был лишь в нескольких шагах от него, но Корт не стрелял и не подавал знака, который мог бы обрушить на головы людей ураганный огонь из верхних окон. Его губы скривились в мучительной нерешительности.

Из дома донесся пронзительный крик. Дверь распахнулась, и Марион Бартон с побелевшим лицом выбежала наружу.

— Стивен! Скорее!

Корт развернулся, не обращая внимания на осаждающих.

— Что случилось?

— Сэмми появился в лаборатории. Он был...

Толпа за его спиной дружно ахнула. Люди попятились, охваченные ужасом. Обхватив Марион за талию, Корт оттащил ее в сторону. В следующее мгновение нечто вышло из дома и остановилось в дверном проеме.

Корт знал, что это Сэмми, но изменения, происходившие с его пациентом, невероятно ускорились. Теперь Сэмми не напоминал даже то чудовище, которым он был лишь полчаса назад. На пороге покачивалась белая тень с мерцающими тонкими краями. Бледное свечение, исходившее от плоти Сэмми, стало таким ярким, что полностью скрывало остатки тела. Смотреть

на него было все равно что смотреть на нить электрической лампочки, горящей вполнакала.

Сияющий силуэт со смутно человеческими очертаниями стоял на пороге. Потом послышался шепот — странный бессловесный шелест, похожий на гудение электрических проводов под высоким напряжением.

Тень качнулась вперед, и ее мерцающие руки сомкнулись вокруг пожилого человека в комбинезоне. Тот завопил так, словно его душа разлучалась с телом. Потом он упал и остался лежать неподвижно. Его тело странно съежилось, бледное и безжизненное.

Толпу охватила паника. Люди разбегались в разных направлениях. Существо, которое когда-то было Сэмми, заскользило вниз, преследуя их.

— Боже мой! — прошептал Корт. Его лицо исказилось от боли, но он медленно поднял пистолет и прицелился. — Сэмми!

Грохот выстрела гулко раздался в ночи, но сияющая фигура осталась невредимой. С бешено бьющимся сердцем Корт всаживал в нее пулю за пулей, однако та лишь покачивалась и скользила дальше, вслед за убегающими людьми.

— Бесполезно! — Корт скрипнул зубами. — Оно поглощает все виды энергии, включая кинети-

ческую.

Наверху распахнулись окна. Застрекотали автоматные очереди, грохнули ружейные выстрелы, и град пуль обрушился на светящийся ужас, скользивший к дороге. Силуэт мелькнул за деревьями и исчез.

Марион изо всех сил сжала руку Корта.

— Бедный Сэмми! Мы отправимся за ним?

— Это не Сэмми, — мрачно ответил ученый. — Это живой кошмар, чуждое существо — быть может, из другой Вселенной. Да, Марион, я собираюсь за ним, но сначала мне нужно надеть свинцовый костюм. Впрочем, я не уверен, что смогу изловить его, даже защитившись от излучения.

Он сунул бесполезный пистолет в карман пиджака.

— Существо, чье прикосновение означает мгновенную смерть, свободно разгуливает по улицам, а я даже не знаю, можно ли убить его!

Глава 11 ЧЕЛОВЕК ИЗ КАРФАГЕНА

Сципион Агрикола сидел в темнице под цирковой ареной. Глядя через решетчатый настил, он наблюдал, как один гладиатор выпускает кишки другому. Хороший удар, подумал он, быстрый и чистый. Галльские рабы дрались как загнанные волки, но не продлевали мучения побежденных противников. Сципион надеялся, что его выставят против одного из них, а не скормят львам и не затопчут слонами на арене. В лязге сталкивающихся мечей есть нечто, вселяющее мужество даже в сердца обреченных.

Вооруженный стражник протопал по коридору и распахнул дверь камеры Сципиона. На его ястребином лице заиграла улыбка.

— Скоро твоя очередь, — сообщил он.

— Вот и хорошо, — с приятной улыбкой отозвался Сципион. — Я устал воевать с блохами.

Стражник хохотнул и наклонился, чтобы поправить ремешок сандалии.

— Клянусь Ларами, ты храбрый человек! Жаль, что твоим мечтам не суждено сбыться. Я бы не возражал служить под началом такого полководца, как ты.

— Я потерпел поражение потому, что мои люди были трусливы, как кролики. — Сципион с отвращением сплюнул на пол. — Иначе мы могли бы взять Карфаген почти без кровопролития.

— Да, если бы твоя армия не бежала, оставив тебя одного сражаться с имперской стражей. — Солдат покачал головой и усмехнулся. — С тех пор как ты вернулся в Африку, Сципион, начались сплошные неприятности. Когда эти проклятые римляне вопят: «Карфаген должен быть разрушен!» — это уже достаточно плохо, но они, по крайней мере, не пытаются его разрушить. А что сделал ты?

Глаза Сципиона зловеще вспыхнули. Он был громадным темнокожим мужчиной с иссеченным шрамами жутковатым лицом средневековой горгульи. Его нос был неоднократно сломан, на голове курчавились завитки жестких черных волос.

— Что я сделал? — спросил он. — Сказать по правде, пытался служить твоему правителю, но он мне не позволил.

Стражник задохнулся от возмущения.

— Клянусь Юпитером! Ты напился и затащил правителя в какой-то низкопробный игорный притон. Неудивительно, что после этого тебе

пришлось бежать в горы. Потом ты увлекся безумной идеей создания независимого города. Возможно, тебе удалось бы осуществить ее, если бы ты удалился в нубийскую пустыню вместе со своими последователями, но ты решил завоевать Карфаген. Карфаген!

Стражник согнулся пополам и натужно взревел от хохота.

— Подойди ближе, чтобы я мог дотянуться до тебя, — любезным тоном предложил Сципион. — Я оторву тебе башку, а потом тоже посмеюсь от души.

— Побереги свои силы для арены. — Стражник немного отступил назад. — Сегодня глашатаи объявят о кончине доблестного Сципиона Карфагенского. Впрочем, ты не настоящий карфагенянин, не так ли?

— Почему бы и нет? — Сципион пожал плечами. — Рим напоминает кипящий котел. В моих жилах течет кровь дюжины рас. Сейчас я гражданин Карфагена — по крайней мере, на некоторое время. Кстати, как я умру?

— Слон, — с довольным видом сообщил стражник. — Они подготовили одного, с огромными бивнями, обезумевшего от голода и ярости. Ты встретишься с ним на равных: вы оба будете

безоружны.

Он огляделся по сторонам и приглушенно добавил:

— Я буду сопровождать тебя до ворот арены. Если тебе случайно удастся выхватить мой меч и взять его с собой... что ж, такие вещи иногда случаются.

Сципион кивнул.

— Очень жаль, что у тебя нет длинной пики, но меч тоже сгодится. По крайней мере, я пролью кровь этого чудовища, прежде чем оно затопчет меня. Спасибо, солдат. Если бы ты помог мне сбежать, я сделал бы тебя принцем в новой империи, которую собираюсь основать.

— Только послушайте этого лунатика! — В голосе стражника звучало невольное восхищение. — В кандалах, без гроша за душой, и предлагает сделать меня принцем! Принцем снов — может быть. Но так или иначе, я клялся в верности Цезарю, а не какому-то другому повелителю. Поэтому ты останешься пленником.

Грязная солома зашуршала под Сципионом. Он с безразличным видом пожал плечами. С арены донесся предсмертный крик человека и торжествующий рев какого-то крупного хищника.

— Ну вот, — сказал стражник. — Твое время

пришло.

— Забавно. — В глубоко посаженных глазах Сципиона мелькнула искорка интереса. — В последнее время я испытываю странное чувство, как будто боги наблюдают за мной. Возможно...

Он не успел договорить. Подошли новые стражники; карфагенянина освободили от кандалов и повели по подземному коридору. Он был почти обнажен, и его жилистое тело блестело в солнечных лучах, проникавших через решетку, как полированное красное дерево. Затем впереди открылась арена, и Сципиона толкнули к выходу. Он увидел, как дружелюбный стражник повернулся боком, как бы невзначай показав рукоять меча.

Сципион ухмыльнулся и одним быстрым движением вытащил оружие из ножен. Прежде чем ошарашенные стражники успели пошевелиться, он выбежал на раскаленный песок арены.

Яростное африканское солнце заливало все вокруг слепящей белизной. Сципион лишь смутно видел ряды зрителей, заполнявших амфитеатр. Он не различал отдельных людей, но ощущал их как одну огромную сущность — наблюдающую, перешептывающуюся, окружавшую его со всех сторон, — а во главе этой сущности возвышалась

крытая ложа повелителя Карфагена.

Сципион поудобнее перехватил рукоять меча. Он смахнул пот со лба и выпрямился, слегка перекатываясь с носков на пятки. Обезумевший слон, вот как? Что ж, ни один человек не в силах противостоять такому врагу. Однако мужчина может умереть в сражении.

— Увы моим мечтам об империи! — пробормотал карфагенянин и кривовато иронически усмехнулся. — Если бы мне дали достаточно времени, я мог бы править миром, но теперь придется поливать песок своей кровью.

Он повернулся к императорской ложе и вскинул руку в гладиаторском салюте. Император кивнул, ожидая услышать обычное: «Те, кто идет на смерть, приветствуют тебя...»

Сципион разочаровал своих зрителей. Он набрал в грудь побольше воздуха и завопил что было мочи:

— Карфаген должен быть разрушен!

Трибуны ахнули. Вокруг арены пронеслась волна ярости и негодования. Император сделал быстрый сердитый жест. Улыбаясь, Сципион повернулся к решетчатым воротам в дальнем конце песчаной арены. Они медленно поднимались.

На время, равное нескольким ударам сердца,

над ареной воцарилась тишина. Солнце палило нестерпимо. От кровавых пятен на песке поднимался пар.

Затем слон с топотом выбежал на арену. Серый, громадный, живое воплощение тупой жестокости, он вырвался на свободу и встал неподвижно; лишь маленькие, налитые кровью глазки сверкали ненавистью, да кончик хобота слегка подергивался взад-вперед.

На арену легла тень, как будто легкое облачко закрыло солнце. В следующее мгновение тень исчезла.

Сципион крепко сжал рукоять меча. Это было оружие с коротким клинком, бесполезное в такой схватке. Меч был слишком широким даже для того, чтобы пронзить глаз слона — наиболее уязвимое место чудовища. Сципион быстро обдумал возможность обрубить хобот так высоко, насколько он сможет дотянуться. Но у слона все равно останутся бивни и могучие ноги, подобные древесным стволам и способные в считанные мгновения превратить человека в кровавую кашу.

— Что ж, — с мрачным весельем пробормотал Сципион. — По крайней мере, им пришлось выпустить своего самого большого слона, чтобы

покончить со мной.

Его губы растянулись в улыбке. В ослепительном свете он напоминал статую из тикового дерева. Слон медленно двинулся вперед. Его подслеповатые глаза обшаривали арену, пока не остановились на Сципионе. Животное помедлило, затем подняло змееподобный хобот и сердито затрубило.

На арену снова легла тень, но на этот раз она никуда не исчезла.

У карфагенянина не было времени смотреть вверх. Он слегка согнул ноги в коленях и подался вперед, держа меч как метательное копье.

Слон перешел на прихрамывающую рысь. Он неотвратимо приближался к одинокой человеческой фигурке.

Мельком, словно со стороны, Сципион увидел монстра: хлопающие уши, воинственно поднятый хобот, огромные блестящие бивни. Топот становился все громче, эхом отдаваясь во всем теле.

Внезапно с небес грянула молния. Ослепительно белый разряд ударил в бегущего слона и окутал его плотным сиянием. В следующее мгновение слон исчез!

Животное исчезло бесследно. Глубокие вмя-

тины в песке, оставленные им на бегу, заканчивались лишь в нескольких метрах оттого места, где стоял потрясенный Сципион. Зрители взревели от растерянности и недовольства, а затем от ужаса.

На арену опускался золотистый шар колоссальных размеров. Он приземлился легко, как перышко. В его корпусе открылся люк.

Сципион увидел худого, бледного человека с аскетическим лицом Цезаря. Человек носил странную одежду, но его жесты не оставляли сомнений: он настойчиво манил гладиатора к себе. За его спиной Сципион разглядел толстого человека с раскосыми глазами — его отвисшие щеки подрагивали от возбуждения.

В воздухе мелькнуло копье и бессильно упало на песок, ударившись о золотистый корпус. Почти парализованный невероятным зрелищем, Сципион тем не менее бросился к кораблю и с разбегу прыгнул в люк. Он не знал, что это за чудо, но, похоже, у него появился шанс на спасение. Бледный человек мог быть богом или дьволом, но, по крайней мере, выглядел дружелюбно, в то время как задержка на арене означала верную смерть.

Люк захлопнулся за спиной Сципиона. Он по

инерции пробежал еще несколько шагов и встал, широко расставив ноги и оглядываясь по сторонам. В правой руке он по-прежнему сжимал меч. Бледный человек прошел мимо него по коридору во внутреннее помещение. Корабль едва заметно содрогнулся и начал подниматься.

Лучезарно улыбаясь, китаец подошел к Сципиону.

— Успокойся, друг, — произнес он, шепеляво выговаривая слова незнакомого языка. — Ты говоришь по-латыни?

— Естественно, — ответил Сципион. — Весь мир говорит по-латыни. А вы бог? Я в этом сомневаюсь, поскольку лишь Бахус и Силен отличаются тучностью, а у них не такая желтая кожа.

Китаец обхватил руками свой выпирающий живот и затрясся от беззвучного смеха.

— Я слышал об этом Бахусе. Новый бог, но весьма приятный и нужный. Садитесь. — Он указал на кушетку. — Меня зовут Ли Янь. Хотите подкрепиться?

Сципион покачал головой и осторожно опустился на мягкие подушки.

— Вы назвали меня другом? — спросил он.

— Наверное, мне следовало бы назвать вас соратником. Ардах увидел в вас большие по-

тенциальные способности; он исследовал ваши мысли, пока вы спали. Но вы мечтаете об империи, несчастный глупец! — Ли Янь сокрушенно покачал головой, и складки жира на его щеках заходили ходуном.

— Меня преследуют неудачи, — с беззаботной улыбкой отозвался Сципион. — Боги ненавидят меня, поэтому я до сих пор не ношу короны.

— И не будете носить. Вы недостаточно безжалостны для этого. Да, вы способны создать собственную империю, но не способны усидеть на троне. Под каждым троном скрывается змея, не так ли? Вы слишком прямодушны для того, чтобы править империей, Сципион.

Карфагенянин собрался было ответить, но промолчал. Его темные глаза расширились, и в них появился странный блеск. Ли Янь медленно обернулся.

На пороге стояли два человека. Одним из них был Тордред, но Сципион не обратил внимания даже на его внушительные размеры. Его пылающий взгляд уперся в жрицу из Атлантиды.

Дженисейя действительно была прекрасна. Ее стройная фигурка была облачена в длинную мантию с тонким золотым поясом, из-под подола которой выглядывали носки крошечных туфе-

лек. Золотистые локоны свободно рассыпались по плечам, обрамляя тонкие, эльфийские черты лица, выражавшего заинтересованность и даже восхищение.

— Молнии Юпитера! — ахнул Сципион. — Но это же богиня, сама Венера!

Дженисейя повернулась вполоборота. Ее глаза цвета морской волны неотступно наблюдали за Сципионом из-под длинных ресниц. Она наслаждалась его откровенным, обожающим взглядом.

— Значит, это и есть Сципион? — Жрица вышла вперед и положила маленькую точеную ладонь на мощную загорелую руку карфагенянина.

— Вы знаете меня? — Его лицо озарила улыбка. — Но кто вы такая?

— Дженисейя. — Девушка оглянулась через плечо. — А это Тордред.

Сципион как будто впервые заметил гиганта. Его взгляд скользнул вверх и встретился с непреклонным взглядом Тордреда. Оба молчали. Сципион даже не заметил, как Дженисейя убрала свою руку.

Полные губы Ли Яня слегка приоткрылись, пока он переводил взгляд с одного на другого. Зрелище того стоило. Тордред был массивным,

волосатым, как обезьяна, с густой черной бородищей и крупными чертами лица. Сципион, хотя немного уступал ему в росте, был почти таким же огромным. Его лицо как будто окаменело, превратившись в застывшую маску. Кошачьи глаза Тордреда ярко блестели. Во взглядах, которыми обменялись мужчины, чувствовалось инстинктивное недоверие и враждебность.

Ардах, вышедший из лаборатории, положил конец безмолвному противостоянию.

— Мы приближаемся к орбите, — с улыбкой сообщил он. — Скоро нам снова придется заснуть. Может быть, в следующий раз... — Он вздохнул. — Хотя Сципион не тот человек, который мне нужен, он гений в своем роде. Позволь мне объяснить, воин.

Сципион время от времени кивал, пока Ардах рассказывал свою историю. Острый, живой разум карфагенянина без труда разобрался в ситуации.

— Ты полетишь с нами? — наконец спросил Ардах.

— Почему бы и нет? — Сципион пожал плечами. — Мир еще не готов для такого человека, как я. Возможно, в более позднюю эпоху народы оценят меня по достоинству и склонятся к моим ногам.

Его неподвижное лицо внезапно расплылось в

широкой улыбке, и он покосился на Дженисейю.

— Кроме того, я попал в хорошее общество. Многие ли смертные могут похвастаться тем, что им было дозволено познакомиться с богиней?

Тордред что-то проворчал, но смех Ли Яня заглушил его слова. Толстый китаец взял свою лютню и начал наигрывать тихую мелодию, а затем запел высоким, приятным голосом:

— Моя любовь спустилась со светильника Луны и теперь живет в сердце лотоса...

— Что ж, — Ардах повернулся к своей лаборатории, — я должен настроить приборы. Курс на орбите поддерживается автоматически. Мы проспим две тысячи лет, а потом снова посетим Землю.

Он исчез в соседней комнате.

— Ее руки благоуханны, как лепестки розы, — пел Ли Янь. — В ее волосах танцуют небесные звезды...

Дженисейя улыбнулась, и Сципион ответил ей уверенной улыбкой, проигнорировав грозно сдвинутые брови Тордреда.

Корабль наполнился пульсирующей вибрацией, которая постепенно усиливалась. Ли Янь неуклюже взобрался на одну из коек и жестом предложил Сципиону последовать его примеру.

Монотонный звук навевал сон. Ли Янь лениво прикоснулся к струнам своей лютни.

— Подари мне сладкие сны, дорогая богиня, — прошептал он.

Дженисейя тоже легла. Когда Сципион повернул голову, ее зеленые глаза встретились с его взглядом.

Тордред двинулся вперед на негнущихся ногах. Его рука была скрыта за спиной, когда он встал у двери, ведущей в лабораторию.

Монотонное гудение становилось громче, призывнее. Дженисейя уже спала. Пухлая рука Ли Яня соскользнула с лютни. Веки Сципиона опустились.

Послышались тихие шаги. Ардах вышел из лаборатории; на его губах играла легкая улыбка. Возможно, он мечтал о том времени, когда его поиски наконец увенчаются успехом. Не заметив Тордреда, он повернулся и начал шарить по стене уже непослушными пальцами.

Кожа вокруг глаз Тордреда натянулась от усилий. Он еще бодрствовал, но понимал, что вот-вот заснет. Его рука, сжимавшая меч Сципиона, поднялась плавным, замедленным движением.

Он с силой опустил меч плашмя на голову Ардаха.

Кирианин беззвучно осел на пол и замер. Кровь медленно сочилась из раны на голове, пропитывая его темные волосы.

Тордред протиснулся в дверной проем и заплетающейся походкой направился к приборной панели. Если он успеет нажать одну-единственную кнопку, то выключит аппарат, вызывающий сон...

Гудение стало еще громче. Вибрация сотрясала каждый атом в теле Тордреда. В соседней комнате стояла абсолютная тишина.

Тордред упал, даже не почувствовав этого, но боль в ушибленной челюсти на мгновение разбудила его. Он встал на четвереньки и пополз дальше, протягивая руку. Указательный палец прикоснулся к кнопке и бессильно соскользнул вниз. Огромный землянин потряс головой. Затем он рухнул и растянулся на полу. Желтые глаза подернулись поволокой каталептического сна.

Вибрация достигла максимума и постепенно начала стихать. Ничто не двигалось внутри золотистого корабля, когда он вышел на орбиту, и компьютеры мгновенно направили его на нужный курс.

Лютня выпала из рук Ли Яня. С жалобным звоном порвалась струна...

Глава 12 ЧЕЛОВЕК С ЗЕМЛИ

Стивен Корт вел автомобиль по висконсинскому шоссе, глядя сквозь темные очки на проплывающие мимо сельские пейзажи. Марион Бартон, как котенок, свернулась клубком. Она расстегнула воротник своей белой блузки, подставив шею прохладному ветерку.

— Много еще осталось? — спросила она.

— Часа два, — проворчал Корт. — Сначала нужно проехать Мэдисон. Аэродром находится в пятидесяти милях к югу оттуда.

Марион достала из своей сумочки записную книжку и быстро перелистала страницы.

— Кажется, все учтено, — сообщила она. — Сейчас техники проводят последний осмотр «Терры».

— Черт бы побрал это дурацкое название, выдуманное газетчиками, — раздраженно бросил Корт, — Кораблю не нужно название, он и без того прекрасно полетит.

— А если нет?

Он пожал плечами.

— Что ж, невелика потеря. Я пытаюсь остановить «чуму» уже больше месяца — с тех пор как

сбежал Сэмми, — и до сих пор блуждаю вслепую. Земная наука недостаточно развита. Но может быть, я обнаружу более совершенную технологию на борту инопланетного корабля. Посмотрим!

— Но почему вам обязательно нужно лететь одному? — Голос девушки дрогнул.

— Потому что на борту есть место только для одного человека. Мы не можем рисковать: запасы воздуха и пищи ограниченны. Я лучше других подхожу для этой работы, поэтому и полечу.

— А если с вами что-то случится?

— Я не в состоянии остановить «чуму» без посторонней помощи. Природа вещества Икс по-прежнему неизвестна, и до сих пор единственной путеводной нитью к нему является энтропия. Я знаю, что в роли катализатора выступает некий элемент, содержащийся в земной атмосфере. Он ускоряет энтропийные процессы в живом организме, изменяет его и превращает в совершенно чуждую форму жизни, которая при естественном ходе могла бы существовать лишь через миллионы лет.

Он включил радио. В салоне зазвучал возбужденный голос диктора:

— ...В Питтсбурге объявлено чрезвычайное положение. Воинские части совместно с силами

полиции окружили город глубокой траншеей, которая сейчас заполняется кислотным раствором. Однако никто не знает, станет ли это эффективным препятствием для распространения «чумы». Реки заполнены плывущими трупами. Зараза распространяется с огромной скоростью. Около ста носителей болезни было замечено в окрестностях Питтсбурга, и мосты забиты беженцами...

Число сияющих монстров стремительно увеличивалось. Сэмми был одним из первых; он и поныне разгуливал на свободе, поскольку ничто не могло убить или уничтожить его.

— ...Носители болезни убивают мгновенно, одним лишь прикосновением к своим жертвам. Для сил правопорядка налажен выпуск свинцовых костюмов, но они не всегда помогают: все зависит от силы излучения носителя. Мосты и выходы канализационной системы Нью-Йорка заминированы. Мэр готов полностью изолировать Манхэттен, если это будет необходимо...

...Военные действия приостановлены. Дезертирство в войсках достигло угрожающих масштабов. Все крупные европейские города эвакуированы. Мы предполагаем, что сейчас существует около трех тысяч носителей болезни, более или менее равномерно распределенных по

всем континентам. Из Буэнос-Айреса сообщают...

Корт выключил радиоприемник.

— Это безнадежно, — произнес он. — Я должен как можно скорее добраться до инопланетного корабля.

Они сидели в безмолвном отчаянии, пока автомобиль мчался по пустынному шоссе. Окружающий ландшафт выглядел неуместно мирным. Вокруг раскинулись пологие зеленые холмы Висконсина; широкая река медленно несла свои сверкающие воды параллельно дороге. Единственным звуком в тишине было мерное гудение мотора.

Марион закинула голову и посмотрела в безоблачное голубое небо. Какое-то время ее мысли блуждали свободно. А если бы «чума» никогда не появилась на Земле? Они со Стивеном могли бы ехать вместе, под этим самым небом, и возможно...

Она вздрогнула и пришла в себя. Корт с мрачным видом курил сигарету, наблюдая за дорогой.

— Как странно, — прошептала девушка.

— Да, я понимаю. Развелось множество сумасшедших, призывающих уступить место «новому порядку». Но один Бог знает, на что будет похож этот порядок. Мир, населенный существами, ко-

торые в конце концов поглотят всю естественную пищу и сгинут сами. Останется лишь мертвая планета.

— Но будет ли она такой же прекрасной? — тихо спросила Марион.

— Прекрасной? — Корт нахмурился, как будто впервые заметив окружающий ландшафт. Его взгляд скользнул по склонам холмов и широкой реке. — Да, — наконец признал он с нотками любопытства в голосе. — Здесь действительно красиво. Раньше я как-то не замечал этого.

— Я и не думала, что вы когда-нибудь заметите, — сказала Марион.

Он вспыхнул.

— У меня было слишком мало свободного времени...

— Дело не в этом. Вы никогда не смотрели на мир глазами обычного человека — лишь через микроскопы или телескопы.

Корт покосился на девушку и сделал странный беспомощный жест рукой, в которой держал сигарету. Затем он плотно сомкнул губы и снова крепко сжал рулевое колесо. Он мрачно смотрел на дорогу, не замечая слез, блестевших на ресницах Марион.

Вскоре они подъехали к аэродрому. «Терра» бы-

ла подготовлена к запуску: сияющий золотистый цилиндр восьми футов в диаметре и двадцати футов в длину, со слегка суженными и закругленными концами.

— Маленькая, — пробормотал Корт. — Но у нас не было времени на изготовление более крупной модели. Придется обойтись этим.

Он помог Марион выйти из автомобиля, и они вместе направились к ракете, окруженной группой механиков и технических специалистов.

— Все готово, мистер Корт, — доложил старший техник. — Системы отлажены, ходовая часть разогрета.

— Спасибо. — Ученый остановился у открытого люка. — Ну что ж...

— Удачи вам, мистер Корт, — выдохнула Марион.

Корт посмотрел на нее. В уголках его губ залегли глубокие складки, которых не было раньше. Он обвел взглядом зеленые холмы и голубое небо. Его губы непроизвольно шевельнулись, но он с явным усилием овладел собой.

— Спасибо. До свидания, Марион. Я... я скоро вернусь.

Он вошел внутрь и закрыл люк за собой. Марион стояла неподвижно, лишь ее пальцы комкали

и рвали носовой платок, сжатый в руках.

«Терра» плавно оторвалась от земли и взмыла в небо. Она становилась все меньше и меньше — сверкающий золотистый цилиндрик в голубой бесконечности. Затем она превратилась в крошечную искорку и исчезла.

Марион повернулась и медленно пошла к автомобилю. Она не плакала, но ее губы странно кривились на побледневшем, осунувшемся лице.

Корт сидел перед приборной панелью и глядел в иллюминатор.

— Интересно, какое воздействие может оказывать радиация в космическом пространстве? — пробормотал он. — Разумеется, это поляризованное стекло, но похоже, другой корабль вообще не имеет иллюминаторов. Возможно, там пользуются какой-то разновидностью телевизионного оборудования, недоступной современной науке.

Голубое небо постепенно темнело, пока не стало почти черным, с оттенком глубокого багрянца. В нем замерцали звезды, вскоре превратившиеся в бесчисленные точки яркого, холодного света.

— Сириус, Юпитер, Марс... — Корт вздохнул. Овладев секретом космических путешествий, человек мог изучить все планеты Солнечной

системы. С развитием науки даже межзвездные путешествия стали бы возможными. Но как долго еще продлится существование человека на Земле?

Минуты медленно тянулись за минутами. «Терра» выходила за пределы земной атмосферы, продолжая набирать скорость.

— Мелкие метеориты могут представлять угрозу для корабля, — вслух размышлял Корт. — Впрочем, магнитное поле должно отклонять пылевидные частицы, а столкновение с крупным телом маловероятно.

Он немного изменил курс. Восторженное нетерпение все сильнее овладевало им по мере того, как «Терра» приближалась к пункту своего назначения. Не отрываясь он смотрел на золотистый корабль, выраставший в иллюминаторе. Какой-то инстинкт подсказывал ему, что встреча может оказаться гораздо более важной, чем он предполагал.

Как долго инопланетный космический корабль вращается вокруг Земли? Откуда он прилетел? Какие странные тайны могут храниться на его борту?

Корт заметил, что его пальцы, лежавшие на приборной панели, слегка дрожат. Он с досадой

покачал головой и усилием воли подавил растущую нервозность. Но он не мог не изумляться. Тысячелетия, а возможно и миллионы лет, золотистый корабль вращался вокруг планеты — и теперь Стивен Корт, человек с Земли, осмеливается выпытывать чужую тайну!

— Кто-то прошел над моей могилой, — пробормотал он, иронически усмехаясь. — Ладно, теперь уже недолго.

Он снова повернулся к иллюминатору, и у него перехватило дыхание от красоты зрелища, открывшегося перед ним. Золотистый корабль висел в звездной черноте космоса — великолепная сияющая сфера, хранившая неведомые знания иной цивилизации. Расстояние до нее быстро сокращалось.

Корт поспешно сбросил скорость. Его лицо окаменело от напряжения, но «Терра» была проста в управлении. Он выровнял курс и плавно подвел свое суденышко к борту другого корабля.

Заработала система автоматической стыковки, взвыли сервомоторы. Корт нажал кнопку на панели и стал ждать, пока мощные насосы нагнетали воздух в переходный шлюз, поднимая давление до нормального. Он тяжело дышал, его глаза возбужденно сверкали.

Наконец он встал, на всякий случай надев кислородную маску и прихватив пистолет, подошел к люку и осторожно открыл его. Давление в стыковочном узле было нормальным, утечки не наблюдалось. Перед ним находилась желтая металлическая поверхность с тонкой щелью, обозначавшей контуры овальной двери. Корт толкнул, но дверь не поддавалась. Можно было прорезать металл газовой горелкой, однако пока что ему не хотелось прибегать к крайним мерам. Он сходил за мощным электромагнитом и некоторое время напряженно работал, пытаясь открыть замок.

Раздался слабый щелчок, и люк мало-помалу начал открываться. Воздух, вырвавшийся изнутри, был разреженным и застоявшимся, но не ядовитым. Довольно хмыкнув, Корт отложил электромагнит и шагнул в проем.

Сначала он не увидел ничего, кроме короткого пустого коридора длиной примерно в шесть футов. Как он и ожидал, в инопланетном корабле имелся воздушный шлюз. Коридор заканчивался другой дверью, снабженной небольшим рычагом.

Корт подошел ближе и осторожно потянул рычаг. Дверь открылась, и воздух с «Терры» устре-

мился в глубины золотистого корабля. Ученый переступил порог и остановился, оглядываясь по сторонам.

Он находился в просторном помещении — очевидно, не единственном в этом огромном корабле. Несколько открытых овальных проемов в противоположной стене вели в другие коридоры. В комнате не было ничего, за исключением нескольких коек.

Но на этих койках лежали люди!

Темнокожий гигант с покрытым шрамами лицом, обнаженный, если не считать набедренной повязки; его бронзовое тело блестело в тусклом свете, исходившем от потолка. Другой человек — китаец, жирный как Будда, беспечно раскинувшийся на подушках. На полу рядом с ним валялась лютня с порванной струной.

Девушка — изящное существо с молочно-белой кожей и тонкими, эльфийскими чертами лица. Ее губы были изогнуты в нежной улыбке, прядь золотистых волос упала на щеку. Она спала, как и все остальные.

На полу у дверного проема лицом вниз лежала другая фигура. Корт подошел к человеку и осторожно перевернул его на спину. Стройный, изящного телосложения, с патрицианскими чер-

тами, словно высеченными резцом скульптора. Что-то в этом лице показалось ученому неуловимо чуждым.

Корт вошел в следующую комнату. Огромный волосатый человек лежал ничком, протянув одну руку к незнакомой приборной панели. У Корта перехватило дыхание: он находился в инопланетной лаборатории! При виде приборов и аппаратов, расставленных вокруг, он охнул от восхищения. Затем, с трудом поборов любопытство, он опустился на колени рядом с лежащим мужчиной и перевернул его на спину. Лицо человека было по-своему красивым, на свирепый варварский манер. Большую его часть скрывала лопатообразная черная борода. Великан лежал неподвижно. Корт заметил, что его бочкообразная волосатая грудь не поднимается от дыхания. Он проверил пульс, оттянул веко, но не обнаружил признаков жизни.

По какой-то причине Корт не был уверен в том, что попал в склеп. Могут ли трупы так хорошо сохраняться в обычной атмосфере? Может быть, это какая-то разновидность каталептического сна? Он вернулся к остальным и убедился в том, что они тоже не дышат.

Внезапно его посетила безумная идея. Корт схо-

дил на свой корабль и вернулся с электрическими грелками и стимулирующими средствами.

Теперь пришло время подумать. Конечно, он попытается оживить всех, но с кого начать? С девушки? С китайца? А почему бы не с бородатого мужчины? Его присутствие в лаборатории, в самом сердце корабля, могло говорить о том, что это ученый.

Приняв решение, Корт подошел к гиганту, распростертому на полу. Он укрепил грелки под мышками и на бедрах мужчины. Затем последовали бренди, инъекции адреналина, искусственное дыхание.

Корт положил руки в нужную позицию и с силой вытолкнул воздух из легких человека. Вверх-вниз, вверх-вниз...

Внезапно гигант содрогнулся всем телом и ожил. Он отбросил Корта в сторону одним движением мощной руки и вскочил на ноги. Его рука метнулась к кнопке, до которой он не успел дотянуться две тысячи лет назад.

Но потом он замер и медленно повернул голову. Его янтарные кошачьи глаза внимательно смотрели на Корта. Он произнес какую-то фразу на непонятном языке.

Поднявшись на ноги, Корт достал пистолет и

настороженно посмотрел на гиганта. Не обращая внимания на угрозу, тот пожал плечами и прошел в соседнюю комнату. Когда он вернулся, на его лице играла довольная улыбка. Он остановился, уперся руками в бедра и медленно заговорил по-латыни. Корт мысленно похвалил себя за то, что несколько лет назад не поленился выучить этот мертвый язык.

— Я прилетел с Земли, с третьей планеты Солнечной системы, — сказал ученый. — У меня добрые намерения. Я разбудил вас...

Великан важно кивнул.

— Меня зовут Тордред. Но сейчас у нас мало времени. Расскажите в двух словах, как вам удалось найти нас.

Корт начал рассказывать. Слушая его, Тордред вышел в соседнюю комнату и встал там, рассматривая неподвижные фигуры людей. Потом он наклонился над телом, лежащим на полу.

— Думаю, мертв, — пробормотал он. — И все же... — Он махнул рукой в сторону стыковочного отсека. — Это ваш корабль?

— Да.

— Он вам больше не понадобится. Теперь мое судно находится в вашем распоряжении.

Желтые глаза Тордреда удовлетворенно сияли,

когда он поднял тело Ардаха и отнес инопланетянина на борт «Терры». Он внимательно изучил приборную панель, произвел настройку на новый курс и вернулся, закрыв за собой люк стыковочного отсека и оба люка золотистого корабля. У Корта зародилось недоброе предчувствие.

— Тордред, что вы делаете? — сердито спросил он.

Гигант повернулся к встроенному видеоэкрану и включил его.

— Смотрите!

Корт увидел, как включились двигатели «Терры», отстыкованной от второго корабля. Его недоумение сменилось холодной яростью.

— По какому праву...

Тордред усмехнулся.

— Успокойтесь, Стивен Корт. Я уже сказал, что этот корабль отныне принадлежит вам. Что касается того человека... — Его желтые глаза полыхнули ненавистью. — Это отступник и предатель. Он пытался убить нас всех. Сейчас он мертв, но наука и магия могут возвращать к жизни даже мертвых. Поэтому Ардах отправится туда, где нет ни науки, ни магии, — к Солнцу!

— К Солнцу? — ошеломленно спросил Корт.

— Да. Мне не составило труда разобраться в

системе управления вашего корабля. Ардах обречен, если только мертвец может умереть снова. Теперь мы можем заняться остальными.

Он посмотрел на людей, спавших на койках.

— Мы разбудим их?

— Всех по очереди. Сначала девушку. — Тордред помедлил. — Разбудите Дженисейю, пока я буду налаживать приборы. Мы возвращаемся на Землю.

— Хорошо. — Корт улыбнулся. — Нам понадобится ваша помощь.

У него пересохло в горле от волнения. Его поиски наконец увенчались успехом. Когда они с Тордредом объединят свои знания, то смогут остановить «чуму», а может быть, и уничтожить ее.

Тордред, торжествующе улыбаясь, вернулся в лабораторию.

Глава 13 СПЯЩИЕ ПРОСЫПАЮТСЯ

Корт склонился над золотоволосой девушкой. Сейчас, когда Дженисейя спала, ее проницательные зеленые глаза были закрыты, а в изгибе тонких губ не угадывалось даже намека на скрытую жестокость. Она казалась волшебным существом из мифологического прошлого Земли, одной из дочерей Нептуна.

Изысканная красота девушки из Атлантиды неожиданно острой болью отдалась в сердце Корта. Он не ощущал страсти или физического влечения к ней, но Дженисейя странным образом воплощала для него нечто, чего он никогда не знал. Явившаяся из глубокой древности, она была олицетворением юности мира, символом смутных мечтаний, знакомых большинству молодых людей.

Глядя на Дженисейю, Корт осознал, что у него не было настоящей юности. Он никогда не мечтал о чудесном. Его мысли невольно вернулись к Марион Бартон, оставшейся на Земле. Лишь сделав над собой необычайное усилие, он смог приступить к работе.

Время от времени Тордред выходил из лабора-

тории посмотреть, как идут дела, но потом гигант стал появляться все реже. Хотя Тордред многому научился с помощью передатчика мыслей, наделившего его знаниями Ардаха, он не обладал сверхчеловеческим интеллектом инопланетянина. Возвращение корабля на Землю оказалось непростой задачей. Кроме того, Тордред пытался внести некие усовершенствования в прибор для передачи мыслей. Поэтому он оставался в лаборатории и не увидел, как проснулась Дженисейя.

Корт с любопытством поглядывал на двух других людей: Ли Яня и Сципиона. Внешность огромного воина озадачивала его. Тип кожи был негроидным, но тонкие, хорошо очерченные губы и волосы явно принадлежали другой расе. Ли Янь, несомненно, был китайцем, но что это означало? Неужели расовые признаки на иных планетах настолько сходны с земными?

Золотоволосая девушка могла родиться в другом мире, как и Тордред, а возможно, и обнаженный спящий великан. Но китаец? Корт нахмурился и пристально посмотрел на Дженисейю. Она зашевелилась.

Уже некоторое время ее грудь равномерно поднималась и опускалась. Теперь ее длинные ресницы вздрогнули, зеленые глаза распахну-

лись. Когда она увидела Корта, с ее губ слетел тихий, лепечущий шепот:

— Атлоийе са'йя ву...

Корт ответил по-латыни, надеясь, что она поймет его.

— Пока не нужно ничего говорить. Вы в безопасности.

Ее брови озадаченно сдвинулись к переносице, во взгляде проснулась прежняя проницательность.

— Я в безопасности? Разумеется. Но где Ардах?

— Мертв. Тордред...

Корт помедлил, изумленный выражением лица Дженисейи. Он видел страх, недоверие и улыбку злобного торжества, неприятно удивившую его.

— Мертв? — Девушка огляделась по сторонам. — Ли Янь и Сципион здесь. А Тордред — он тоже умер?

— Нет. Позвать его?

Корт начал было подниматься, но тонкая рука прикоснулась к его запястью.

— Подождите. Кто вы такой?

Прежде чем он успел ответить, из лаборатории послышался резкий голос Тордреда:

— Дженисейя, ты проснулась? Хорошо!

Гигант вошел в комнату. Он внимательно по-

смотрел на девушку, потом покосился на Корта.

— Сейчас мы входим в атмосферу. Времени остается совсем немного. Пойдемте со мной.

Он подал Дженисейе какой-то быстрый сигнал рукой, значение которого осталось Корту непонятным. Девушка из Атлантиды плотно сжала губы, но промолчала. Когда они вошли в лабораторию, Тордред указал на ближайшее кресло:

— Садитесь, Корт. Наденьте этот шлем.

Он указал на странный головной убор из металлической ленты в виде обруча, опутанного тонкими проводами. Корт помедлил.

— Что это такое? — осторожно спросил он.

— Этот прибор научит вас моему языку, а меня — вашему. Определенные воспоминания, связанные с речевой активностью, будут перенесены из вашего мозга в мой и наоборот. Приступим.

Тордред надел на голову второй шлем и сел рядом. Какое-то необъяснимое подозрение снова заставило Корта воспротивиться:

— Я не уверен...

Чернобородый великан неожиданно улыбнулся.

— Я не собираюсь причинять вам вред. Если бы хотел убить вас, то уже давно сделал бы это. Мне нужны ваши знания, а вам — мои. — Тордред

усмехнулся какой-то своей мысли. — Так нам будет легче обмениваться информацией.

— Хорошо. — Корт кивнул и надел шлем. Одновременно с этим Тордред подался вперед и нажал кнопку на панели. Послышалось негромкое потрескивание. На мгновение Корт ощутил неприятное покалывание под черепом, но затем оно исчезло. Его разум начал затуманиваться, в глазах потемнело. Он потерял сознание...

Корту показалось, что он очнулся через несколько секунд. С трудом разлепив глаза, он увидел, что лаборатория опустела. У него ужасно болела голова, однако на ощупь он сумел определить, что шлем тоже исчез.

— Ага, вы проснулись? — Хриплый голос непривычно выговаривал английские слова.

В дверях стоял Тордред. Он подошел к полке, взял маленькую фляжку и протянул ее Корту:

— Выпейте, это стимулятор. Он не похож на ваше, э-э-э... бренди, но довольно сильный.

Корт проглотил безвкусную, невероятно холодную жидкость. Головная боль мгновенно прошла. Он пристально взглянул на гиганта.

— Я вижу, вы выучили английский. Этот шлем — действительно полезное приспособление. Но я так и не узнал ваш язык.

— Верно, — признал Тордред. — Произошли мелкие неполадки с настройкой, но это не имеет значения. Теперь я могу говорить по-английски, а этого вполне достаточно для обсуждения научных проблем.

В словах Тордреда имелся здравый смысл. Архаичная латынь явно не подходила для объяснения новейших научных теорий и описания приборов.

— Где мы сейчас находимся? — спросил Корт.

— На Земле. — Тордред испытующе посмотрел на него. — Корт, я буду с вами откровенен. Я узнал не только ваш язык, но и многое другое. Например, я знаю о «чуме», которая так беспокоит вас. В ваших воспоминаниях есть много интересного.

— В самом деле?

Лицо Корта потемнело, когда он почувствовал смутную опасность. Как много удалось Тордреду узнать о нем? Он пожал плечами, понимая, что это не имеет значения. Бородатый гигант был другом, единственным сильным союзником на Земле. Так зачем искать неприятности там, где их не существует?

— У меня уже есть план действий, — продолжал Тордред. — Эта «чума»,., я знаю о ней не больше вашего. Мне неизвестно ее происхождение, и я

сомневаюсь, что мы сможем остановить ее.

Корт вскочил на ноги с ощущением тошнотворной пустоты в желудке.

— Тордред! Объединив наши знания, мы могли бы найти какой-то выход из положения.

— Есть лишь один выход. Земля обречена. Все ее обитатели в конечном счете будут уничтожены. Но у нас есть космический корабль, Корт, и нам не обязательно ждать своей очереди. — Тордред поднял руку предупреждающим жестом. — Подождите! Есть другие планеты, где возможна жизнь, где не существует «чумы». Мы можем взять с собой от пятидесяти до семидесяти пассажиров, мужчин и женщин. Этого будет достаточно для основания новой цивилизации.

— Нет! — Корт почти не осознавал, что говорит. — Вы предлагаете улететь и обречь этот мир на гибель?

— Что толку будет, если мы останемся? Тогда мы просто умрем вместе с остальными. Вы сильный и умный человек, Корт. Вы можете принести много пользы для той цивилизации, которую я собираюсь построить. Поэтому я и не стал убивать вас.

Глаза Корта опасно сузились. Наступила мертвая тишина. Тордред смерил ученого ледяным

взглядом.

— Даже сейчас я без особых усилий могу убить вас, — продолжал он. — Выбор за вами. Присоединяйтесь ко мне, служите мне своей силой и знаниями, и вы останетесь в живых. Что скажете?

Корт молчал, пытаясь разобраться в своих чувствах. Разумеется, его желание покончить с «чумой» имело чисто научную причину. Как мог он, величайший гений своего времени, испытывать симпатию к обычным мужчинам и женщинам? Какая разница, погибнет ли Земля, если можно основать новую цивилизацию на далекой планете?

Раздался резкий звонок. Тордред включил видеосвязь, и Корт машинально повернул голову к изображению, возникшему на экране.

Космический корабль приземлился в каком-то парке. Внезапно он понял, что это Центральный парк в Нью-Йорке. Вокруг были выставлены полицейские кордоны, сдерживавшие напор толпы. Небольшая группа людей в униформе собралась у люка: они пытались прорезать металл ацетиленовой горелкой.

Тордред ухмыльнулся.

— Возможно, следовало бы выбрать для посад-

ки менее людное место, но этот корабль неуязвим для земного оружия. Один выстрел из лучевой пушки — и вся эта толпа превратится в пепел.

— Но вы же не собираетесь... — Корт слышал собственный голос как будто со стороны.

— Почему бы и нет? Чем раньше Земля узнает мою силу, тем лучше!

Тордред повернулся и пошел к приборной панели. Стивен Корт смотрел ему вслед. Эмоции, которые он жестоко подавлял всю свою жизнь, ярко пылали в его обычно холодном сознании. Перед его мысленным взором вставало лицо Марион Бартон, нежное и человечное. Корт видел коричневое морщинистое лицо Сэмми, пожертвовавшего своей жизнью ради идеи, в которую не верил его приемный сын.

Не верил до сих пор. Наследие Корта, основа его человеческой личности внезапно прорвалась через искусственно возведенные барьеры. Он боролся с «чумой», чтобы спасти людей от ужасной смерти, хотя до сих пор не осознавал истинного мотива своих поступков. Он внушил себе, что превратился в думающий автомат. Он почти загипнотизировал себя, чтобы поверить в это. Но теперь Корт с мучительной ясностью осознал, что он с самого начала трудился на благо всего

человечества.

У Корта перехватило дыхание, когда он увидел, как Тордред передвинул рычажок на приборной панели. Он молча бросился на бородатого гиганта.

Невидимое препятствие отбросило его назад, мышцы свело судорогой, как от электрического разряда. Тордред повернулся, приоткрыв рот от удивления. Когда Корт с трудом поднялся на ноги и приготовился к новому прыжку, великан покачал головой.

— Глупец, ты не сможешь преодолеть силовой барьер, окружающий мое тело. Стой на месте!

Корт не пошевелился, но его глаза полыхнули смертельной ненавистью.

— У тебя есть знания, Тордред, — хрипло сказал он. — Но у меня они тоже есть. Берегись!

— Твои знания? — Тордред расхохотался. — Ты плохо слушал, болван! Я уже сказал, что усвоил не только английский язык, и это правда. Я очистил твои мозги от всего ценного, что там было. Теперь твоя память принадлежит мне!

У Корта закружилась голова, когда смысл услышанного дошел до него. Его взгляд лихорадочно заметался по лаборатории в поисках хоть какого-то оружия. Приборы и аппараты были

совершенно незнакомыми, хотя и основывались на принципах науки, одинаковых на любой планете.

Разум Корта работал с необычайной скоростью, пытаясь найти выход из положения. Кнопки, переключатели, провода, прозрачные трубки: каждая деталь имела свое предназначение. На панели горело несколько красных огоньков, под которыми располагался ряд кнопок.

Существовало два возможных объяснения. Либо эта панель имеет отношение к смертоносному лучу Тордреда, о котором он говорил, либо это часть системы сигнализации. Скорее, последнее, поскольку Тордред сейчас сосредоточил свое внимание на другой панели. Полицейские снаружи пытались прожечь отверстие в люке, поэтому один из огоньков тревожно мигал. Кнопка, расположенная под этим огоньком, должна открывать люк, решил Корт.

Сохраняя бесстрастное выражение на лице, он пожал плечами и шумно вздохнул, словно отказываясь от дальнейшего сопротивления. Губы Тордреда растянулись в жестокой улыбке. Он отвернулся от своего пленника, и его рука снова потянулась к переключателю.

Тогда Корт прыгнул — но не к Тордреду, а к

панели, на которой мигал красный огонек. Его палец метнулся вперед и нажал красную кнопку!

Глава 14 ЭПИДЕМИЯ

Рев Тордреда раздался слишком поздно. Корабль захлестнула волна других звуков: кричали люди, по металлическому полу воздушного шлюза гремели шаги. Корт помчался туда. Он поднял руки над головой, одновременно выкрикивая предупреждение. Кожу между его лопатками покалывало от ожидания удара в спину.

Но Тордред не стал преследовать его. Вместо этого за спиной Корта раздалось шипящее потрескивание. Сильные руки подхватили его, и он оказался в объятиях двух рослых полицейских. Он обернулся.

В дверном проеме, ведущем в лабораторию, появилась мерцающая вуаль голубого света. Корт схватил за руку офицера полиции, помешав ему приблизиться к странному сиянию.

— Подождите. Это опасно!

— Что вы имеете в виду? Кто вы такой, черт побери?

— Сейчас это не важно. Стреляйте в этот барьер, но не прикасайтесь к нему. Вас может ударить током.

Старший офицер — седой, кряжистый мужчина

с нашивками лейтенанта на рукаве — внимательно смотрел на него.

— А ведь я знаю вас, — медленно сказал он. — Вы Стивен Корт. Я видел ваши фотографии в газетах. Так что здесь происходит?

— Сейчас нет времени рассказывать, лейтенант. За этим световым барьером находится убийца, и его нужно остановить.

— Но мы не можем стрелять в человека, полагаясь лишь на ваше слово!

Корт со свистом втянул воздух сквозь зубы. Затем его рука метнулась вперед со скоростью атакующей кобры. Выхватив тяжелый револьвер у одного из полицейских, он развернулся и выпустил несколько пуль в огненную завесу. Пламя шипело и потрескивало. Пули не могли проникнуть внутрь: наполовину расплавленные, они падали на пол.

Кто-то выкрутил револьвер из его руки. Перед ним возникло рассерженное лицо лейтенанта.

— Я же сказал вам — не стрелять!

Корт в отчаянии прикусил губу, услышав низкий вой, исходивший из внутренних помещений корабля. Он решил зайти с другого конца.

— Этот корабль может взорваться в любую минуту. Уводите людей и постарайтесь оттес-

нить толпу. — Он помедлил, а затем указал на неподвижные фигуры китайца и обнаженного воина, лежавшие на койках. — Их тоже нужно вынести наружу.

Дженисейя куда-то исчезла, и у Корта не было времени искать ее.

Угроза взрыва заставила лейтенанта действовать решительно. Он отдал короткий приказ. Четверо его подчиненных устремились внутрь, чтобы вынести спящих людей, остальные побежали к толпе, едва сдерживаемой живой цепью. Корт последовал за ними. Он не знал, каковы будут дальнейшие шаги Тордреда, но подозревал, что убийца обрушит на беззащитных людей залп из лучевой пушки.

Приказы передавались по цепочке от одного полицейского к другому. Толпа неохотно подалась назад: люди толкались, протестовали, выкрикивали вопросы.

Корт в нерешительности оглядывался по сторонам. Что теперь? Тордред был недосягаем за своим силовым экраном. Без специального оборудования не стоило даже пытаться подходить к кораблю. Корт знал, что при наличии необходимой аппаратуры может установить частоту вибрации светового барьера и нейтрализовать

его, но сейчас его знания были бесполезны.

— Это имеет отношение к «чуме»? — спросил лейтенант. — Мы начинаем эвакуировать Нью-Йорк, вы знаете об этом?

— Что? Вы эвакуируете Нью-Йорк?

— Да. «Чума» проникла сюда. В городе живет восемь миллионов человек, и он может превратиться в смертельную ловушку. Чрезвычайное положение уже объявлено, и сейчас все находится под контролем. Мы полагаем, что сможем вывести людей до того, как зараза распространится в жилых районах.

Корт кивнул, глядя на корабль.

— Постарайтесь очистить парк. Хорошо бы вызвать самолеты и разбомбить нашего приятеля, что засел в корабле. Не знаю, может ли обычная взрывчатка повредить корпус, но, пока он не улетел, стоит попробовать. Что касается тех людей, которых унесли с корабля, их нужно доставить в больницу. Мы...

Внезапно он замолчал. Из корабля вырвался луч холодного зеленого света, скользнувший над головами людей. Когда луч коснулся Корта, его охватил леденящий холод. Все силы покинули его. Он почувствовал, что падает...

Луч разгорался. Он стал желтым, затем ослепи-

тельно-белым. Вспышка нестерпимого сияния окутала лейтенанта. Казалось, его лицо начало плавиться; кожа почернела, клочьями сползая с костей. Офицер упал, не издав ни звука.

Сквозь пелену слез, застилавшую глаза, Корт увидел, как золотистый корабль поднялся над парком. Затем он помчался на запад и вскоре превратился в крошечную точку на фоне вечернего неба.

Когда луч коснулся Корта, его действие было еще не смертельным, а парализующим. Но лейтенант погиб ужасной смертью.

Корт чувствовал, как сознание покидает его. Последним, что видели его тускнеющие глаза, была маленькая птичка, кружившая над ним в потемневшем небе. Затем темнота сомкнулась над ним.

Сначала к нему вернулся слух. Звуки были непонятными и хаотичными. Некоторое время Корт лежал неподвижно, пытаясь разобраться в них. Откуда-то, как будто с огромного расстояния, доносился невнятный бормочущий лепет. Сумятица множества голосов прерывалась пронзительным воем сирен и ревом гудков. Звуки были совершенно необъяснимыми.

Корт открыл глаза и увидел белый потолок.

Солнечный свет, лившийся в окна, начертил на побелке квадратные узоры.

Он обнаружил, что может двигаться. Пошевелив руками и ногами, он сел и огляделся. Его койка была крайней в длинном ряду, выстроившемся вдоль стены прямоугольной палаты. Он был в больнице!

Голос Корта сорвался, когда он попытался позвать врача. Он попробовал еще раз, но ему ответило лишь эхо. Нахмурившись, он потер подбородок и вздрогнул от изумления. Борода? Если она так отросла, то, значит, он пролежал без сознания по меньшей мере десять дней!

Он встал, дрожа от холода в тонком больничном халате. Несмотря на запертые окна, в палате было холодно, как в склепе. Пошатываясь на нетвердых ногах, Корт огляделся по сторонам.

Человек на соседней койке выглядел знакомым. Это был тучный китаец, которого он впервые увидел на инопланетном корабле. Человек лежал без движения, не подавая признаков жизни.

На следующей койке лежал огромный воин с исполосованным шрамами лицом — человек, напоминавший гладиатора. Он тоже был мертв или находился в каталептическом состоянии.

Почти все остальные койки были заняты. Корт

провел быстрый осмотр. Незнакомые люди, все мертвые. Большинство из них явно погибли от голода и жажды. Одеяла были скомканы, некоторые тела лежали на полу, куда они, очевидно, упали в муках агонии. Один старик распростерся возле двери; его костлявая рука тянулась к выходу за помощью, которая так и не пришла.

Судя по всему, в больнице никого не было. Но что заставило медицинский персонал забыть о своих пациентах? Врачи очень редко нарушают клятву Гиппократа. Это означало...

«Чума»!

Проглотив комок в горле, Корт подошел к столу, где стоял кувшин с водой. Вода отдавала плесенью и наполовину испарилась, но он заставил себя проглотить остатки жидкости.

Его внимание привлекла газета, валявшаяся на полу. Он торопливо раскрыл ее и увидел огромный заголовок:

«ЧУМА» В НЬЮ-ЙОРКЕ!

Двадцать носителей болезни обнаружены на Манхэттене.

Мэр объявляет о начале эвакуации.

Наспех набранные колонки пестрели ужасными фактами. «Чума» внезапно разразилась во

всем Нью-Йорке. В Куинсе, Бруклине, Бронксе, от Гарлема до Бэттери — везде появились сияющие существа, вестники зловещей смерти.

Решив, что зараза проникла в город со стороны Джерси и прилегающих районов, мэр распорядился об эвакуации в северном направлении. Но из раздела под заголовком «Сводка последних новостей» стало ясно, что болезнь распространялась с чудовищной скоростью. В густонаселенных районах «чума» косила людей подобно лесному пожару.

Итак, судя по длине его бороды и по дате, обозначенной на газете, это было две недели назад. Во что же теперь превратились Соединенные Штаты?

Корт подошел к окну и выглянул наружу. Внизу расстилалось мрачное, покрытое снегом пространство Центрального парка. На белом фоне выделялись маленькие темные пятна неправильной формы. Трупы?

Корт нашел телефон-автомат и снял трубку, но не услышал гудка. Нью-Йорк был пуст, если не считать мертвецов.

Он снова подошел к окну и на этот раз увидел сияющий силуэт, крошечный с такого расстояния, медленно скользивший между деревьями.

Носитель болезни, а за ним еще один...

Корт знал, что он не может оставаться в Нью-Йорке. Вернувшись к двум неподвижным фигурам, лежавшим на койках, он вгляделся в их лица. Китаец и темнокожий гигант выглядели совершенно беззащитными; впрочем, как и Тордред, когда ученый впервые увидел его. Но Корт не мог оставить их здесь, застывших в каталептическом сне, даже если в будущем они превратятся в обузу для него.

Он решил снова применить согревающие средства, стимуляторы и искусственное дыхание. Чтобы достать адреналин, пришлось взломать дверь операционной и разбить стеклянный шкаф с медикаментами.

Корт уже убедился, что в клинике нет электричества. Очевидно, в городе действовали только автономные источники питания. Что-то продолжало беспокоить его. Нахмурившись, он подошел к окну и услышал отдаленное бормотание, разбудившее его: писк, потрескивание, тихий гул множества голосов.

Ну конечно же радио! Бесчисленные включенные радиоприемники были забыты при эвакуации. Радиовещание продолжалось, и это означало, что люди продолжают верить и наде-

яться. У Корта немного полегчало на душе.

Искусственного дыхания почти не понадобилось. После инъекции адреналина темнокожий гигант, а затем и китаец начали подавать признаки жизни. Они проснулись почти одновременно.

Корт глубоко вздохнул. До сих пор он не осознавал, как сильно он ослаб после двух недель гипнотического сна. Несмотря на замедленный метаболизм, его организм требовал еды и питья. Он обессиленно опустился на койку и стал смотреть, как его пациенты мало-помалу приходят в себя.

Нужно было так много сделать! Он должен как-то договориться с этими людьми, но на каком языке они говорят? Поймут ли они латынь? Потом нужно будет выяснить, что произошло за эти две недели, каким-то образом выбраться из Нью-Йорка...

— Но сначала нужно немного поесть, — пробормотал Корт. Он посмотрел на свой халат и поправил себя: — Нет. Сначала нужно раздобыть нормальные штаны!

Глава 15 МИР В ОБЪЯТИЯХ «ЧУМЫ»

Час спустя Корт наконец закончил свой рассказ и выслушал истории Ли Яня и Сципиона. К счастью, оба хорошо говорили по-латыни. Когда лингвистических познаний Корта оказывалось недостаточно, он переходил на греческий, также знакомый Сципиону.

— Я знаю все языки, на которых говорят люди вокруг Средиземного моря, — похвастался карфагенянин. — Ваш английский похож на гибридный язык, смесь латыни, греческого, готского, и один Зевс знает, чего еще. Однако я выучу его. У нас есть поговорка «с волками жить — по-волчьи выть».

Сципион разразился рокочущим смехом.

— У нас есть поговорка «дурной осел всегда орет не вовремя», — сухо заметил Ли Янь. — Побереги свое остроумие, Сципион; у нас есть дела поважнее. — Он шумно вздохнул. — Значит, Ардах мертв? Он был умным человеком и весьма добрым.

— Я почти не знал Ардаха, — признался Сципион. — Хотя он, разумеется, спас мне жизнь. Но та нимфа, Дженисейя... Я лишь взглянул на нее — и

навеки потерял душу и сердце.

Его лицо исказилось от мучительных воспоминаний.

— Так что нам нужно делать, Корт?

— Выбраться из Нью-Йорка. Потом будем строить планы дальнейших действий. Я хочу вернуться в свою лабораторию, но сперва... Ладно, пошли.

Корт встал и повел своих спутников по коридору. Ли Янь ежился под порывами холодного ветра, раздувавшего полы тонкого больничного халата.

— В мире стало холоднее, — пожаловался он. — Даже в северных степях мне не приходилось так мерзнуть!

Корт безуспешно нажимал на кнопки лифта.

— Похоже, не работает, — вздохнул он. — Это означает, что нам придется спускаться пешком. Что ж, по крайней мере, согреемся. Смотрите по сторонам, берегитесь носителей!

Сципион задумчиво качал головой, когда они начали спускаться по пожарной вестнице.

— Не понимаю я эту «чуму». Конечно, цивилизации меняются; появляются новые боги, новое волшебство. Но то, что вы рассказываете о «чуме», отдает баснями о ночных вампирах.

Остальные берегли дыхание и не отвечали ему.

Сципион, ничуть не смутившись, продолжал размышлять вслух. Но когда они наконец вышли на улицу, он был единственным, кто дышал ровно и свободно.

— Зевс, Аполлон, Кронос и Нептун! — взревел он, увидев небоскребы. — Надо полагать, эти здания воздвигнуты руками богов!

— Разве боги воздвигли пирамиды? — иронически осведомился Ли Янь, все еще немного задыхаясь от быстрой ходьбы. — Люди постоянно учатся и строят все выше и выше. Но мои бедные ноги совсем замерзли. — Он пританцовывал на асфальте, занесенном тонким слоем снега. — Вы настоящие варвары, Корт, если ходите в таких кургузых тогах!

Корт быстро огляделся по сторонам.

— Нам туда. — Он направился к ближайшему магазину одежды. Витрина была разбита, внутри громко завывала сирена сигнализации. Вот и объяснение тем пронзительным звукам, которые так беспокоили его в больнице. Сотни гудков и сирен завывали по всему Нью-Йорку: должно быть, город подвергся грабежу во время эвакуации. Корт прекрасно понимал, что право собственности теперь превратилось в пустой звук.

Он провел Ли Яня и Сципиона по отделам мага-

зина и помог им одеться как следует.

— Думаю, лучше всего будет взять шерстяные брюки и сапоги, — сказал он. — Возможно, придется долго идти пешком. Выбирайте сапоги большого размера, иначе собьете ноги в первые же часы.

Трудно было найти одежду, подходившую для огромного карфагенянина, не говоря уже о невероятно толстом Ли Яне, но в конце концов им удалось решить эту задачу. Полностью одетые, вплоть до теплых перчаток, все трое вышли на улицу.

Теперь они нуждались в еде и питье. Немного дальше по улице находилось маленькое кафе с автоматами, торгующими напитками и легкими закусками. Корт повел своих спутников туда, остановившись, чтобы осмотреть неподвижное скорченное тело, лежавшее у входа.

То был труп мужчины, истощенного и бледного, давно окоченевший. Хотя мертвец лежал здесь, по крайней мере, уже несколько дней, Корт не обнаружил признаков разложения.

— Полное истощение жизненной энергии означает абсолютную стерильность, — пробормотал он. — Не остается даже микробов и вирусов. Логично...

По крайней мере, не будет опасности эпидемии. Корт криво усмехнулся. Эпидемия? Она уже началась.

В кафе громко трещал включенный радиоприемник. Корт помедлил, все еще сдерживаемый глубоко укоренившимися общественными запретами, но потом прошел к кассе и позаимствовал горсть мелочи. Выдав своим спутникам подносы, он тщательно отобрал закуски, которые с виду казались еще съедобными. Из крана кофейного автомата текла ледяная жидкость цвета застывшего дегтя, но это все же было лучше прокисшего молока и тухлой воды.

Корт подошел к радиоприемнику и покрутил ручку настройки.

— Новости, — сказал он, присоединившись к остальным. — Я буду переводить.

«Статические помехи все больше препятствуют передачам, — проблеяло радио. — Установлено, что помехи вызваны излучением, испускаемым носителями болезни. В Европе вещание на коротких волнах стало практически невозможным. Трансатлантические кабели вышли из строя. Из Вашингтона к нам поступили последние европейские новости, доставленные «Клиппером» через Атлантический океан.

По-видимому, основной удар «чумы» обрушился на западное полушарие, хотя ее сила постепенно возрастает и в Европе. Все морские порты переполнены толпами людей, пытающихся штурмовать отплывающие суда. Существует мнение, что лишь в открытом море можно не опасаться за свою жизнь, но это не так. К побережью Пойнт-Рейес, неподалеку от Сан-Франциско, сегодня вынесло пассажирский лайнер «Хошима Мару». Свидетели происшествия сообщают, что единственными живыми существами на борту были несколько носителей».

Корт переводил мрачным шепотом.

«Восточное побережье все еще эвакуируется, — продолжал голос диктора. — На всей территории Соединенных Штатов действует чрезвычайное положение. Природа «чумы» до сих пор остается загадкой, хотя по всему миру ученые работают день и ночь, пытаясь найти способ борьбы с ней. Завтра в полдень в Гааге открывается научный конгресс...

...Мы по-прежнему получаем сообщения о таинственном воздушном судне золотистого цвета, которое впервые появилось в Центральном парке Нью-Йорка две недели назад. С тех пор оно приземлялось восемь раз, всегда в слабонаселенной

местности. По неподтвержденным сообщениям, на борт корабля силой сгоняют мужчин и женщин. Два часа назад, согласно передаче калифорнийской станции КРФ, корабль приземлился в Берверли-Хиллс».

Голос Корта возбужденно зазвенел. Сципион недовольно хмыкнул и выпрямился, китаец плотно сжал губы.

— Стало быть, Тордред все еще на Земле. — Ли Янь потер пухлые руки. — Хорошо! Корт, на этом корабле находятся великие достижения науки, все чудеса цивилизации Ардаха. Если бы мы могли получить их в свое распоряжение...

Корт нахмурился.

— Как только Тордред закончит набор людей и приступит к исполнению своего плана, он исчезнет навсегда. Но самое плохое — он ограбил мой разум, забрал все мои знания. Сейчас я разделяю с ним все, что знаю. Но я должен вернуться в свою лабораторию в Висконсине: там есть аппаратура, которая позволит определить местонахождение Тордреда, и кое-какое оружие. Тогда, возможно, у нас появится шанс на победу.

— Чего же мы ждем? — Сципион с грохотом отодвинул свой стул и встал. — Нужно торопиться!

Они вышли на улицу. Голос диктора звучал

им вслед:

«Мы будем продолжать передачи до последней возможности. Город полностью эвакуирован. Мы забаррикадировались на радиостанции и останемся здесь, пока не кончится энергия, или...»

Пятая авеню безмолвно лежала под белым снежным покровом. Снег выпал вчера, однако сейчас небо было голубым и безоблачным. Зловещая тишина окутала Нью-Йорк, еще более ужасная из-за бормотания приемников и отдаленного воя сирен. Они тоже смолкнут, когда кончится энергия аккумуляторов.

На улицах лежали тела, припорошенные снегом. Сотни разбитых автомобилей свидетельствовали о панике, царившей здесь две недели назад. Огромный автобус лежал на боку рядом с перевернутой мусороуборочной машиной.

Дважды они видели носителей болезни — сияющие овальные силуэты, медленно плывущие к ним. Каждый раз Корт уводил своих спутников в ближайший подъезд и старался выйти на соседнюю улицу по лестницам и коридорам.

— Возможно, подземка была бы безопаснее, — вслух размышлял он. — Но там тоже могут встретиться носители, и неизвестно, работают ли генераторы.

Корт не упоминал о своем страхе перед сценами бойни, которые он ожидал обнаружить впереди, но, как ни странно, «чума» оставляла мало ужасов на своем пути. Все казалось каким-то нереальным. Военная бомбардировка могла бы оставить кровь и разрушения, но это... здесь было лишь холодное белое безмолвие, и тела, лежавшие повсюду, больше напоминали холодные мраморные статуи, чем трупы людей.

— Вот. — Корт остановился у припаркованного автомобиля. — Нет, здесь кончился бензин, — вздохнул он, взглянув на приборный щиток. — Пошли дальше.

Сципион заглянул в заднее окошко. Внезапно он отступил, резко выбросил ногу, и стекло разлетелось звенящими осколками. Карфагенянин просунул руку в проем и вытащил наружу кавалерийскую саблю в ножнах.

— Слишком легкая, — проворчал он, взвесив оружие в руке. — Но достаточно острая. Она может нам пригодиться.

Он пристегнул саблю к поясу, пока Ли Янь озабоченно осматривал улицу.

— Корт, — позвал китаец. — Что там такое?

— Носитель... Я вижу его.

Корт быстро повел своих спутников за угол. Они

свернули с Пятой авеню на Пятьдесят восьмую улицу. Через полквартала они остановились, увидев еще двух носителей, направлявшихся к ним.

Корт огляделся. Справа была улица, перегороженная массой разбитых автомобилей. Башня Рокфеллер-центра высоко поднималась в голубое небо. Слева находился офис какой-то крупной компании, но через стеклянную дверь Корт мог видеть, что холл усеян трупами людей, погибших в попытке ускользнуть от «чумы».

Он ощутил странный укол жалости, спросив себя, многие ли из этих людей были готовы к смерти. Вероятно, никто.

Однако сейчас было не время философствовать. Носители наступали, приближаясь к ним с обеих сторон. Сципион указал в сторону боковой улицы:

— Туда. Мы можем перебраться через завал.

— Подождите! — Резкий приказ Корта остановил их на бровке мостовой. — Здесь есть автомобиль.

Большой черный «седан» был припаркован в нескольких футах от них. Рядом лежали два тела — мужское и женское. Девушка, еще совсем ребенок, свернулась клубочком на тротуаре; ее светлые волосы совсем побелели от снега.

Мужчина, смуглый молодой человек в дорогом костюме, лежал на мостовой, уткнувшись лицом в решетку водостока. Из уголка его рта свисал окурок сигары.

Но ключи находились в замке зажигания. Корт торопливо уселся на место водителя, повернул ключ и нажал кнопку стартера. Он не ожидал мгновенной реакции, но, к его изумлению, стартер начал медленно, мучительно проворачивать холодный двигатель.

Ученый поднял голову и огляделся. У него полегчало на душе, когда он увидел, что сияющие силуэты носителей остановились. Они находились по меньшей мере в ста футах от автомобиля. Возможно, он еще успеет...

Он выжал педаль газа. Мотор завелся, но тут же заглох. Корт выругался и попробовал еще раз.

— Будьте готовы бежать, — предупредил он.

Но мотор снова завелся, и Корт с величайшей осторожностью начал прогревать его. Эхо гремело в широком, пустынном каньоне улицы. Ли Янь и Сципион напряженно сидели рядом: их больше пугал странный, шумный аппарат, чем непостижимая угроза, исходившая от носителей.

— Они снова приближаются, — приглушенно сообщил Сципион и начал вытаскивать саблю.

— Я могу выйти и удержать их до тех пор, пока...

— Нет. — Корт выжал сцепление. — Оставайся на месте!

Автомобиль дернулся и поехал вперед. На какой-то ужасный момент мотор закашлялся и едва не заглох. Корт в отчаянии дал полный газ и услышал, как отработанные пары бензина с оглушительным ревом вырвались из выхлопной трубы. Они помчались вперед...

Однако носители продолжали оставаться в угрожающей близости. В сознании Корта всплыла странная, нелогичная мысль — «колонны дыма и пламени». Что это такое? Не было времени вспоминать: два светящихся силуэта быстро скользили к машине.

Корт вывернул руль, и автомобиль пошел юзом по заснеженной мостовой. Они пронеслись между двумя монстрами, один из которых был не дальше чем на расстоянии вытянутой руки, затем машина выровнялась и начала набирать скорость.

Корт проглотил комок в горле и вытер пот со лба тыльной стороной ладони.

— Это улица с односторонним движением, — с мрачным юмором пробормотал он. — Мы едем не в ту сторону, но сомневаюсь, что нас оштрафуют.

Они пересекли Шестую авеню, затем Седьмую и свернули на Бродвей. Корт направлялся к тоннелю Холланда, но вовремя заметил кучу искореженных автомобилей у самого выезда: этот путь был закрыт. Он торопливо повернул на север вдоль Гудзона, надеясь, что сможет проехать по мосту Джорджа Вашингтона.

Река, скованная льдом у берегов, текла медленно и беззвучно. Дома казались игрушечными кубиками, разбросанными рукой великана. Над линией горизонта не поднималось ни одного дымка.

— Боги! — воскликнул Сципион. — Вы живете в мире чудес, Корт. Что это такое?

— Мемориал Гранта, — ответил Корт. — Давайте-ка послушаем радио.

Он включил приемник, но услышал лишь потрескивание статического электричества. Возможно, подсел аккумулятор, или все радиостанции перестали работать. Стрелка бензомера показывала, что бак почти полон, и он был рад этому. Однако, так или иначе, они не смогут доехать до Висконсина без заправки.

Корт решил следовать по западному маршруту, к Чикаго, а затем срезать путь на северо-запад и попытаться найти самолет. Впрочем, у этого

плана имелся один существенный недостаток: все самолеты могли быть реквизированы для эвакуации населения.

Проезд по мосту оказался свободным. Они пулей пронеслись над рекой, не обращая внимания на знаки ограничения скорости.

Через некоторое время Корт повернул на чикагскую автостраду. Вокруг по-прежнему не было признаков жизни. Ему невольно вспомнился тот ясный, безоблачный день, когда они с Марион ехали по зеленым холмам Висконсина. Казалось, с тех пор ничто не изменилось: ландшафт выглядел все таким же неуместно мирным и прекрасным. Лишь отдельные разбитые машины и отсутствие движения на автостраде свидетельствовали о присутствии «чумы». Высоко в небе пролетел самолет, оставляя за собой белую полосу инверсионного следа.

Но Марион здесь не было. Внезапно Корт осознал, как сильно он тоскует по ней. Она была идеальной ассистенткой и верной помощницей. В их отношениях присутствовало и нечто иное, но Корт подсознательно отталкивал от себя эту мысль, отказываясь признаться в очевидном даже самому себе. Закрыв глаза, он мог ясно видеть ее прекрасное смеющееся лицо...

Чушь! Такие мысли лишь отнимают время, а у него не было лишнего времени. Сципион и толстяк Ли Янь, сидевшие рядом, представляли собой новый фактор, который следовало включить в стоявшую перед ним проблему. Разум Корта заработал с ошеломительной скоростью — анализируя, строя планы, принимая одни возможности и отвергая другие. Он почти инстинктивно вел машину через Нью-Джерси, занятый своими рассуждениями.

Сципион устроился поудобнее на заднем сиденье и крепко заснул. Ли Янь потянулся всем телом и поднес пухлые руки к автомобильному обогревателю.

— Великое волшебство, — удовлетворенно произнес он. — Не то чтобы я верил в волшебство, но этот мир довольно удобен для человека.

«Седан» мчался на запад.

Глава 16 ТОРДРЕД НАНОСИТ УДАР

За две недели, пока Корт находился без сознания, произошло много разных событий. Большинство крупных городов было эвакуировано. Внезапное появление многочисленных носителей болезни могло бы привести к панике и хаосу, но поначалу наступление «чумы» было сравнительно медленным. Вовремя объявленное правительством чрезвычайное положение позволило значительно уменьшить смертность.

Беженцы не столкнулись ни с голодом, ни с эпидемиями. Действия федеральных властей были быстрыми и решительными. По всей стране эвакуированное население таких крупных городов, как Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско и Нью-Орлеан, было размещено во временных лагерях в сельской местности.

Но опасность никуда не делась. Появлялось все больше носителей болезни. Сияющие, газообразные, неуязвимые — они убивали одним своим прикосновением. Надежной защиты не существовало; даже свинцовая броня не всегда обеспечивала безопасность. Более того, никто не знал природы этих ужасных существ.

Мчась по пустынному шоссе, Корт продолжал напряженно размышлять. Отдельные части схемы мало-помалу становились на место. Как он и предполагал с самого начала, ключом к проблеме служила энтропия. Непонятным оставалось лишь происхождение чуждого элемента — таинственного вещества Икс.

Однако, существуя в нашей Вселенной, это вещество не могло быть полностью чуждым. Какое-то время Корт обдумывал приложения принципа неопределенности Гейзенберга, но потом его посетила новая идея.

Он рассеянно потянулся к отделению для перчаток, надеясь найти сигареты. Там действительно лежала почти полная пачка. Корт вдавил прикуриватель на приборном щитке. Ли Янь с интересом наблюдал за ним.

Корт вынул прикуриватель и поднес его раскаленный кончик к своей сигарете. Внезапно он остановился и изумленно присвистнул. Китаец заморгал.

— Что такое?

— Идея... пока всего лишь идея. Послушайте, Ли Янь: если вы возьмете раскаленный докрасна брусок металла и положите его рядом с холодным бруском, что тогда произойдет?

— Холодный брусок нагреется.

— Вот именно. Тепло передается от одного вещества к другому, но в нашем случае это не тепло, а вещество Икс. Оно передается живым существам... — Корт потер лоб. — Но что оно из себя представляет? Разновидность энергии? Разумеется, но... Все ясно!

Он чуть не выпустил рулевое колесо от возбуждения.

— Я понял, Ли Янь! Энтропия, жизнь, энергия — космическая эволюция!

— Слова. — Китаец с безразличным видом пожал плечами. — Что они означают?

Медленно, тщательно подбирая слова, Корт начал излагать свою новую теорию.

— Как известно, эволюция продолжается постоянно. С тех пор как появилась первая амеба, развитие жизни на Земле идет от простейших форм к более сложным. Этот принцип справедлив для нашей Вселенной, а возможно, и для других вселенных. Так в чем же заключается конечная цель эволюции?

— Кому дано узнать это? — с восточным фатализмом отозвался Ли Янь.

— Выдвигалась масса теорий. Эту тему развивали многие писатели-фантасты — например,

Жюль Верн и Герберт Уэллс. Некоторые утверждали, что мы станем бестелесными существами с необыкновенно развитым мозгом, но это не вполне логично. Мозг состоит из клеточной ткани и, следовательно, может умереть. Но мысль — жизненная энергия — является конечной формой бытия. Эволюция направлена к бестелесной энергии, к жизни, не связанной ограничениями вещества.

Китаец кивнул:

— Думаю, я понял. А дальше?

Корт резко вывернул руль, объехав перевернутый грузовик.

— Тем не менее процессы энтропии неумолимы. В конце концов Вселенную ждет тепловая смерть. Само вещество исчезнет, но для жизненной энергии это не имеет значения. Она останется неизменной и будет парить в хаосе... — Его глаза расширились. — Возможно, это объясняет происхождение темных туманностей, таких, как Угольный мешок. Впрочем, сейчас это не важно. Огромное облако жизненной энергии дрейфует в космосе. Если оно достигает недавно сформированной планеты, какой была Земля миллиарды лет назад, в океанах возникает жизнь, и цикл начинается сначала. Но если жизнь уже суще-

ствует...

— Как сейчас на Земле?

— Да. Брусок горячей стали нагревает холодный, но в данном случае передается не тепло, а чистая жизненная энергия, в которую мы превратимся на закате существования Вселенной. Мы еще не готовы к этому, но нас никто не спрашивает.

— Я не уверен, что понял как следует, — задумчиво произнес китаец.

— Проведем знакомую параллель. Сегодня мы знаем о существовании гормона, вызывающего рост. Если мы введем большую дозу этого гормона новорожденному ребенку, он вырастет великаном. Но скорее всего, он также превратится в дебила, не способного управлять своим огромным телом. Он должен развиваться естественным путем, поскольку не готов принять гормон роста в таком количестве.

Стало быть, и земляне не готовы к такому эволюционному скачку. Мы получаем сверхдозу жизненной энергии, преобразующей человека в другую форму жизни.

— В демонов, — пробормотал Ли Янь.

Корт усмехнулся.

— Возможно. По крайней мере, в несчастных

дьяволов. Но мы уже приближаемся к городу; думаю, там имеется аэропорт.

В окрестностях города и в аэропорту бурлила жизнь. До сих пор в Нью-Джерси не было отмечено появления носителей болезни, но напряжение не спадало. С помощью уговоров, просьб, угроз и некоторой доли гипнотического внушения Корту удалось нанять самолет, хотя никакие усилия не помогли бы ему получить пилота: все летчики участвовали в эвакуации и спасательных работах. Оставалось лишь радоваться, что в свое время он научился летному делу.

Из обрывков разговоров Корту удалось извлечь мало полезной информации. Никто не догадывался, где грянет «чума» в следующий раз. При первых ее признаках объявлялась эвакуация, и все имеющиеся в наличии транспортные средства реквизировались для этой цели.

Немногочисленные местные жители, заходившие в здание аэропорта, с интересом наблюдали за приезжими. Их жизнь продолжалась в нормальном ритме, и они не собирались ничего предпринимать, пока «чума» не постучится в их двери.

Подкрепившись и немного отдохнув, Корт отвел своих спутников к самолету — неболь-

шой и довольно быстроходной четырехместной машине. Он рассчитывал достигнуть места назначения через четыре часа.

Полет не удивил Ли Яня и Сципиона, привыкших к воздушным путешествиям на корабле Ардаха. Они с интересом наблюдали за пейзажами, проплывавшими внизу, и почти не разговаривали друг с другом.

Самолет пролетел над Чикаго — огромным, пустым мегаполисом. Из сводки новостей Корт знал, что чикагцы были эвакуированы в Иллинойс, Мичиган, Висконсин и даже Онтарио. Канада, разумеется, открыла свою границу. В течение нескольких дней тяжело груженные паромы сновали между Чикаго и Бентон-Харбором в Мичигане.

«Чума» еще не объявилась в Милуоки, хотя транспорт здесь находился в полной готовности. В действительности пострадало лишь несколько крупных городов, и смертность пока держалась на удивительно низкой отметке. Реальная угроза, о которой догадывались немногие, лежала в будущем, если «чума» начнет распространяться повсеместно и останется неизлечимой.

Корт приземлился в Мэдисоне и взял напрокат автомобиль.

Огни фар двумя бледными копьями пронзали темноту, пока машина мчалась по шоссе, пожирая километр за километром. Корта начинало клонить в сон, но в Мэдисоне он купил упаковку бензедрина. Он проглотил несколько таблеток и ощутил прилив бодрости.

Сципион полировал саблю подобранной где-то промасленной тряпкой. Ли Янь спал, мирно похрапывая; его голова моталась из стороны в сторону в складках жира вокруг шеи. Время от времени Корт видел носителей болезни: капли бледного света, устремлявшиеся к ним и исчезавшие позади. Что произойдет, если автомобиль столкнется с одной из них? Корт так устал, что утратил способность ясно думать. Его руки мучительно ныли, пальцы подрагивали на рулевом колесе, подошвы ног как будто горели в огне.

Но он не мог остановиться и отдохнуть. Дом был уже недалеко, хотя и там он не обретет покоя...

Начались хорошо знакомые места. Висконсинские холмы раскинулись вокруг, освещенные призрачным лунным светом. Когда автомобиль преодолел очередной подъем, Корт увидел городок, где жили его воинственные соседи. Издали он казался таким же, как раньше, лишь в окнах не горел свет.

Улицы были совершенно пусты, за распахнутыми ставнями потрескивали радиоприемники. На крыльце бара лежало тело мужчины в комбинезоне, с раскинутыми руками и ногами. Из-за угла выбежала дворняга; на мгновение она замерла как вкопанная, а затем умчалась огромными прыжками.

Корт с тревогой подумал о Марион Бартон. Вернулась ли она в лабораторию? Возможно. Но присоединилась ли она к остальным, когда начался всеобщий исход?

Сердце Корта гулко забилось в груди, когда он увидел комок бледного сияния, выплывающий из-за угла. Носитель! Второй силуэт последовал за первым, но они не пытались нападать на проезжающий мимо автомобиль.

— Сколько еще ехать? — сонно спросил Сципион с заднего сиденья.

Ли Янь тоже проснулся и начал протирать глаза.

— Почти приехали, — напряженно отозвался Корт. — Дом за этим подъемом. Держитесь!

Сияющая тень внезапно возникла перед автомобилем, загородив дорогу. Еще один носитель — безмолвный, зловещий, неподвижный.

Корт быстро принял решение. Он мог наехать

на жуткое существо, но риск был слишком велик. Впрочем, на такой скорости у него почти не оставалось выбора.

Он ударил по тормозам и одновременно вывернул руль. Покрышки завизжали и заскрипели, когда машина пошла юзом. Какое-то время автомобиль ехал на двух колесах, но затем выровнялся и скатился с дороги.

Пассажиры подпрыгивали и тряслись на сиденьях, пока «седан» катился по вспаханному полю. Одна покрышка лопнула с оглушительным звоном. Корт отчаянно боролся с рулевым колесом.

Банг! Лопнула другая покрышка, но Корт до предела вдавил в пол педаль газа. В зеркальце заднего вида он заметил, что носитель остался стоять на месте. Существо не преследовало их.

Он кое-как вывел автомобиль на дорогу и снова прибавил скорость. Белесый силуэт носителя остался позади. Корт перевел дух и покачал головой.

— О боги! — простонал Сципион. — Я чуть не проткнул себя насквозь этой саблей!

— Ты недостаточно упитан для такой езды, — хохотнул Ли Янь. — Но я рад, что наше путешествие почти закончилось. Не так ли, Корт?

— Да. Вот и дом...

Голос Корта пресекся, когда он остановил машину. Особняк исчез; лишь обгоревшие, полузасыпанные руины отмечали то место, где когда-то была его лаборатория. В центре площадки зиял глубокий кратер, окруженный валом вывороченной земли.

Лаборатория была уничтожена, и вместе с ней исчезла последняя возможность спасти Землю.

Тупая безысходность с такой силой овладела Кортом, что на мгновение он перестал числить себя среди живых. Он как будто отделился от своего тела и смотрел на залитые лунным светом развалины взглядом постороннего наблюдателя. Его тень падала на садовую дорожку, ведущую в никуда. Справа упала длинная тень Сципиона, слева — широкое пятно темноты, отбрасываемое тучным телом Ли Яня. Трава сухо шелестела на холодном ночном ветру.

Угли были еще теплыми, и над ними поднимались струйки дыма. Очевидно, катастрофа произошла недавно. Несчастный случай?

Нет, это дело рук Тордреда! Корт должен был это предвидеть. Когда Тордред приобрел воспоминания ученого, ему открылся огромный научный потенциал, заключенный в лаборатории. Естественно, он решил уничтожить ее,

чтобы оставить Корта совершенно безоружным.

Но почему он ждал целых две недели? Возможно, потому, что до сих пор не мог определить точное местонахождение лаборатории. Несмотря на знания Корта, Тордред был чужим в этой новой, сложной цивилизации.

— Стив!

Одинокий крик прозвучал в ночи, заставив Корта резко обернуться. Это был голос Марион!

Глава 17 МАРИОН

Крик донесся из-за склона холма за руинами дома. Стивен мельком увидел белую фигурку, бегущую к нему в ярком лунном свете.

Он помчался навстречу девушке, и вскоре она рухнула в его объятия, тяжело дышащая и растрепанная. Какое-то время она не могла говорить; затем слова полились бессвязным потоком.

— Стив, слава Богу, ты жив... Я видела фары, но не знала, ты ли это... думала, если ты жив, то вернешься в лабораторию...

У Корта перехватило дыхание.

— Марион, — едва слышным шепотом перебил он. — Марион, я люблю тебя.

Девушка замолчала на полуслове. Потом ее лицо неожиданно озарилось сияющей улыбкой.

— Я так рада, — прошептала она и прижалась лицом к груди Корта. — Рада, что в конце концов ты оказался человеком.

Да, подумал Корт, он был человеком. Много лет он отказывался признать этот простой факт.

Ли Янь и Сципион подбежали к ним, недоуменно глядя на Марион. Девушка отодвинулась от Корта.

— Тордред разрушил лабораторию, — объяснила она. — Но кто эти люди?

— Сначала расскажи мне, что здесь произошло, — потребовал Корт. — Ты видела Тордреда, иначе не знала бы его имени.

Марион кивнула.

— Он прилетел сюда два часа назад и взорвал особняк. Я была единственной, кому удалось выжить. Его корабль приземлился неподалеку. Когда я побежала, оттуда вылетел луч света, парализовавший меня. Огромный бородатый мужчина вышел наружу и отнес меня на корабль. Похоже, он знал, кто я такая.

— Разумеется, — согласился Корт. — Он приобрел все мои воспоминания с помощью своего проклятого аппарата.

— Там была девушка по имени Дженисейя. Она ничего не говорила, только наблюдала. Тордред показал мне десятки людей, мужчин и женщин, находившихся в каталептическом сне. Он сказал, что они будут родоначальниками новой цивилизации. Он собирался улететь на другую планету... и взять меня с собой. Поскольку я была твоей ассистенткой, Стив, он решил, что я ему пригожусь. Мои научные познания представляли большую ценность для него. Он сказал, что ты мертв, что

он убил тебя каким-то лучом в Нью-Йорке.

— Значит, он считает меня мертвым, — процедил Корт. — Он не знает, что луч лишь парализовал меня.

— Я сделала вид, что подчиняюсь его требованиям, — продолжала Марион. — Поэтому он не стал усыплять меня вместе с остальными. Он завел двигатель, и корабль начал подниматься. Тогда я... я...

— Продолжай, — тихо сказал Корт.

— Тордред не следил за мной. Я видела, что он делает за приборной панелью, и бросилась туда. Каким-то образом мне удалось нажать несколько кнопок, прежде чем он успел схватить меня. Корабль рухнул. Я хотела убить Тордреда, Стив, ведь я думала, что он убил тебя. Мне не хотелось жить, если ты умер.

Вместо ответа Корт привлек девушку к себе. Она торопливо продолжала:

— Корабль получил значительные повреждения. Он там, за гребнем холма. Все пленники погибли, и Дженисейя была ранена. Я пыталась помочь ей, но Тордред оттащил меня в сторону. Не знаю, почему он оставил меня в живых. Он как будто обезумел. Потом он взял какое-то оружие и заставил меня пойти с ним — не знаю, почему и

что он собирался делать дальше. Думаю, он хотел убить меня позже, Стив, но медленно!

Лицо Корта было белым как мел.

— Нам нужно найти корабль, — хрипло сказал он. — Возможно, удастся хотя бы частично спасти оборудование.

Четверо людей поднялись по склону и остановились на вершине холма. В долине внизу лежал огромный золотистый корпус инопланетного корабля, приземлившегося на берегу речушки, похожей на извивающуюся ленту живого серебра. Вокруг корабля не было заметно никакого движения.

Они начали спускаться в долину. Внезапно Марион сдавленно вскрикнула и схватила Корта за руку. Все замерли на месте.

Из зарослей кустарника появился сияющий овал. Носитель был похож на бледное облако, плотное в центре и тонкое, слабо мерцающее по краям. С нечеловеческой скоростью он заскользил над травой к маленькой группе людей.

Корт инстинктивно заслонил собой девушку. Сципион в ярости поднял кулак; потом он вспомнил о сабле и вытащил ее из ножен. Но Корт знал, что обычное оружие не сможет послужить защитой от носителя. Он открыл рот, собира-

ясь выкрикнуть предупреждение, но почему-то сдержался.

Сияющее существо остановилось. Оно не двигалось, но Корт чувствовал, что его внимательно изучают. Оно следило за ним, но почему? Раньше такого не происходило. Носители всегда торопливо, чуть ли не жадно набрасывались на свою добычу. Почему он ждет?

Внезапно что-то шевельнулось в сознании Корта. Перед его мысленным взором возник образ старого Сэмми, с коричневым морщинистым лицом и жидкими прядями седых волос.

— Сэмми... — благоговейно прошептала Марион за его спиной.

Казалось, сияющее существо услышало ее. Оно заколыхалось, словно в знак приветствия, затем повернулось, заскользило вверх по склону и исчезло за гребнем холма.

— Боже милосердный! — пересохшими губами прошептал Корт. — Марион, ты думаешь, это был Сэмми?

Девушка кивнула:

— Да, Стив. И думаю, он узнал нас. Поэтому... — Она не могла продолжать.

— Чего же мы ждем? — вмешался Сципион. — Пойдем дальше!

В молчании Корт вел группу вниз по склону. Внезапно он передернул плечами, и Марион внимательно посмотрела на него.

— Ты тоже это почувствовал?

— Что? Подожди-ка. Да, какое-то излучение...

— Вон там, — указал Ли Янь.

Посмотрев туда, Корт увидел светящуюся точку на корпусе корабля. Она сверкала подобно ядру голубого солнца, излучая волны невидимой энергии. Острый ум ученого подсказал ответ: произошла утечка ядерного топлива, питавшего мощные двигатели корабля. По-видимому, началась неуправляемая цепная реакция, и она постепенно распространялась, как распространяются круги от камня, брошенного в воду.

— Не подходите ближе! — Корт схватил Сципиона за руку. — Это опасно. Мы можем сгореть дотла.

— Боги! — Карфагенянин недоуменно покачал головой. — Правда? Из-за какого-то маленького огонька?

Корт обладал теоретическими познаниями о ядерной энергии, хотя до сих пор она ни разу не высвобождалась на Земле. Еще недавно люди боялись, что неуправляемая ядерная энергия может уничтожить всю планету, распространяясь как

чудовищная инфекция. Но Корт знал, что сейчас такой опасности нет, хотя долина находилась под угрозой радиоактивного заражения.

— Сципион!

Слабый крик прозвучал откуда-то поблизости, заставив их вздрогнуть. Рука карфагенянина невольно потянулась к ножнам на поясе.

— Дженисейя? — прошептал он.

Крик послышался снова — жалобный, тонкий, бесконечно печальный:

— Помогите мне!

Выругавшись сквозь зубы, Сципион развернулся и побежал. Корт последовал за ним. Дженисейя лежала на небольшой прогалине в зарослях кустарника, в сотне футов от них. Тускнеющий свет луны окрашивал ее волосы червонным золотом.

Она лежала, беспомощная и умирающая...

— Дженисейя, — одними губами произнес Сципион.

Он опустился на колени рядом с девушкой и без труда поднял ее на руки. Устало вздохнув, она прислонила голову к его бронзовому плечу.

— Моя... моя спина...

Корт быстро осмотрел девушку. Когда его взгляд встретился со взглядом Сципиона, карфагенянин медленно кивнул. Порванное платье и изранен-

ные руки Дженисейи говорили о том, что она из последних сил пыталась отползти в безопасное место.

— Тордред бросил тебя? — зловещим, хриплым голосом спросил Сципион.

Прекрасные глаза цвета морской волны медленно распахнулись. Изуродованное шрамами, суровое лицо карфагенянина напоминало гранитный обелиск.

— Может быть... я могла бы полюбить тебя, воин, — прошептала Дженисейя.

Она сдавленно застонала от невыносимой боли. Ее глаза снова скрылись за подрагивающими золотистыми ресницами, нежные губы едва заметно шевельнулись.

— Там, в Атлантиде... там не было боли...

Ее голова упала на руку Сципиона и замерла неподвижно.

Карфагенянин осторожно опустил девушку на землю. Он провел рукой по ее волосам и глазам, потом наклонился и нежно прикоснулся губами к губам, в изгибе которых больше не было и намека на жестокость.

Когда он выпрямился, последние отблески заходящей луны угасли за горизонтом. Вечная тьма окутала Дженисейю и накрыла ее плотным

саваном. Сципион медленно повернулся лицом к западу.

— Корт, — хрипло произнес он. — Ты слышал ее?

— Да. — Корт не узнал собственного голоса.

— Он оставил ее умирать...

Внезапно лицо Сципиона превратилось в маску кровожадного демона. Могучие руки со скрюченными пальцами напоминали когти хищной птицы.

— Он мой! — выдохнул Сципион, широко раздувая ноздри. — Запомните: я убью его своими рукамй!

Но Дженисейя больше не могла слышать его. Она лежала, спокойная и прекрасная, навеки недоступная для боли и страданий. Казалось, она заснула, как ребенок.

— Хочешь убить меня? — насмешливо прогудел мужской голос. — Я жду, Сципион!

Огромная фигура Тордреда выступила из-за густой тени за кустами.

Ошеломление было так велико, что Корт потерял дар речи. Он мысленно проклинал себя за глупость. Ему следовало ожидать этого, но смерть Дженисейи ослабила его бдительность.

Сверкнув глазами на Тордреда, он отступил в

сторону и встал перед Марион.

Хрипло выругавшись, Сципион обнажил саблю и двинулся вперед. Его глаза пылали жаждой убийства.

Рука Тордреда скользнула в складки его одеяния и появилась наружу с линзовидным кристаллом, из которого вырвался луч зеленого света. Когда луч прикоснулся к Сципиону, карфагенянин застыл на середине шага с поднятой саблей. Его лицо окаменело.

Корт бросился к Тордреду, но зеленый луч настиг и его. Волна ледяного холода мгновенно лишила его жизненной энергии. Он замер без движения, парализованный, а луч снова метнулся в сторону.

Уголком глаза Корт видел, как Марион и Ли Янь тоже превратились в живые статуи. Они стояли, бессловесные и беспомощные, пока Тордред подбрасывал свой кристалл на ладони и ухмылялся.

— Несчастные глупцы! — громыхнул его голос. — Значит, я не убил тебя в тот раз — не так ли, Корт? Что ж, теперь я исправлю это упущение. Если бы не ваше подлое вмешательство, я бы никогда не потерял корабль. Но я еще могу отомстить!

Он многозначительно посмотрел на свое ору-

жие.

— Вы умрете медленно, в страшных муках. Вы изжаритесь заживо, пока я буду увеличивать мощность луча. Не знаю, чем я займусь потом; возможно, построю новый космический корабль. Моих знаний вполне достаточно для этого. Но сначала месть, остальное после.

Его бородатое лицо исказилось в жуткой гримасе. Из кристалла вылетел луч, ударивший Корта в грудь. Зеленый цвет сменился желтым, и одновременно с этим тело ученого пронзила ужасная боль. Он чувствовал запах своей горелой плоти.

— Ты умрешь, — проскрежетал Тордред. — Все вы умрете!

Глава 18 МЕРТВЫЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Когда Тордред отнес тело Ардаха в маленький космический корабль и послал его к Солнцу, он считал кирианина мертвым. Его страх перед мощным интеллектом Ардаха был так велик, что он не ограничился обычным убийством. Однако в своем стремлении навсегда избавиться от бывшего повелителя Тордред допустил серьезную ошибку.

Ардах не умер. Он пришел в себя — медленно, мучительно, лишь смутно осознавая окружающее. Какое-то время он лежал неподвижно и пытался разобраться в своих ощущениях.

Яркий свет, бивший в иллюминатор и слепивший даже через сомкнутые веки, заставил его повернуться на другой бок. Он открыл глаза и начал изучать окружающую обстановку. По-видимому, он находился на борту космического корабля — маленького и незнакомого. В иллюминаторе по правому борту проплывала черная пустота, усеянная огоньками звезд.

Ардах испытывал невероятную слабость. Он сел и принялся массировать застывшие конечности, пока не восстановилось нормальное кровообра-

щение. Потом с огромным усилием поднялся на ноги и снова огляделся.

Из левого иллюминатора лился поток яростного солнечного света. Ардах мгновенно понял, что его суденышко летит прямо к Солнцу. Заметив приборную панель, он заковылял туда на негнущихся ногах.

Он изучил незнакомую аппаратуру, осторожно прикасаясь к кнопкам и переключателям. Его инопланетный разум работал с поразительной быстротой. Проделав несколько простых операций, он понял, что овладел управлением неизвестного корабля. Теперь проблема жизни и смерти заключалась в том, сумеет ли он ускользнуть от чудовищной силы притяжения Солнца.

К счастью, корабль еще не приблизился к хромосфере. Ардах развернул судно по широкой дуге, заложил новый курс и убедился, что теперь он летит к Земле. Еще раз сверившись с показаниями приборов, он отправился на поиски пищи.

Корт предвидел возможность аварийной ситуации и позаботился о том, чтобы на борту «Терры» было достаточно припасов. Еда большей частью была незнакома Ардаху, и он разборчиво выбирал ее. Небольшая доза бренди подкрепила его силы. Продолжая есть, он обдумывал ситуацию.

Как он попал сюда? Что пробудило его от каталептического сна? Последнее, что он помнил, выходя из лаборатории на собственном корабле, был безжалостный удар Тордреда. Бородатый гигант предал его, но как давно это случилось? Сколько времени они проспали?

Ардах снова подошел к иллюминатору и изучил рисунок созвездий, заметив некоторые перемены. По самым грубым подсчетам, прошло около двух тысяч лет со времени его последнего пробуждения. Он задумчиво посмотрел на Солнце. Мощное излучение светила, не ослабленное атмосферой, разбудило его. Ардах мысленно поблагодарил неизвестного строителя корабля, установившего прозрачные иллюминаторы, через которые проникал живительный свет. Если бы суденышко шло другим курсом, в глубокий космос, то Ардах проспал бы до конца времен, но солнечные лучи уничтожили искусственную каталепсию.

Ардах встал и начал исследовать маленький корабль. Обстановка была, несомненно, земной и представляла собой образец естественного развития тех конструктивных особенностей, которые он видел в прошлом. Использование земных материалов и отсутствие редкоземельных металлов

и сплавов лишь подтверждало его теорию.

Кое-какое снаряжение, обнаруженное Ардахом, заинтересовало его. Он без труда решил загадку газовой горелки и задумчиво кивнул, рассмотрев электромагнит и радиометр. Измерив внешний люк и ознакомившись с механизмом стыковочного узла, он пришел к выводу, что ракета была построена с целью стыковки с его собственным кораблем.

Итак, кто-то на Земле построил космический корабль, чтобы добраться до Ардаха и познакомиться с ним. Очевидно, этот человек преуспел в своем начинании, причем без использования ядерной энергии. Он скопировал сплав, покрывавший корпус кирианского корабля, однако источником питания здесь служило электричество. Раса Ардаха когда-то пользовалась электричеством, но так давно, что оно превратилось в легенду задолго до его рождения. На смену электричеству пришли различные виды атомной энергии.

Кирианин обнаружил, что ему становится труднее дышать. Разумеется, содержание кислорода в воздухе не беспокоило его во время каталептического сна, но теперь оно превращалось в проблему. Он изучил систему очистки воздуха и

нашел ее простой, но эффективной.

К счастью, на борту корабля нашлись необходимые химикаты для возобновления отработанного запаса. Названия на коробках ничего не значили для Ардаха, но сами вещества были легко узнаваемы. Лишь однажды ему пришлось провести пробный эксперимент.

Обратный путь к Земле не обещал быть коротким. Тем временем Ардах изучил карты и схемы, найденные в рубке управления, а также обнаружил популярный роман, забытый одним из техников при проверке систем корабля перед стартом. Книга представляла большую ценность как пособие для изучения чужого языка. Поскольку Ардах уже знал латынь, английские слова не представляли для него особых затруднений. Он мог даже приблизительно определить произношение.

Перед Ардахом стояли две проблемы. Во-первых, он должен был найти свой корабль, а во-вторых, нуждался в оружии. Он начал тщательно анализировать положение.

Дни тянулись за днями, пока маленький корабль летел к Земле. Кирианин рассматривал карты, учил английский язык, разбирался в устройстве корабля. По штампу на картах он

узнал, что владельца корабля зовут Стивен Корт и этот человек живет в Висконсине, неподалеку от городка, который Ардах в конце концов смог найти на одной из карт. Этот городок и стал пунктом его назначения.

Тонкое знание психологии помогло кирианину восстановить ход событий. Поставив себя на место Тордреда, а затем Стивена Корта, он применил правила логики.

Когда Корт проник на борт кирианского корабля и обнаружил тела людей, погруженных в каталептический сон, он, естественно, попытался разбудить их. Что могло произойти, если первым проснулся Тордред?

Имелись две возможности. Тордред, как теперь понимал Ардах, жаждал власти превыше всего остального. Он ненавидел кирианина за его умственное превосходство. Преуспев (как ему казалось) в убийстве своего бывшего хозяина, он едва ли захотел бы подчиниться Корту. Скорее его стремление к власти лишь получило бы новую питательную почву.

Они с Кортом могли стать либо врагами, либо друзьями. В последнем случае у Ардаха теперь было два противника. Но почему Корт, построивший этот единственный в своем роде и, очевидно,

дорогостоящий корабль, пожелал уничтожить его, направив к Солнцу? Ученые не избавляются от ценного оборудования, а такой корабль мог быть сконструирован лишь выдающимся ученым.

У Тордреда, напротив, имелись причины для уничтожения меньшего судна, в результате чего он становился владельцем единственного космического корабля на Земле. Такая тактика увеличивала его силы.

Скорее всего, Корт был возмущен уничтожением своей собственности. Это указывало на то, что они с Тордредом не испытывают друг к другу теплых чувств. Далее Ардах мог лишь строить догадки. Его предположения могли подтвердиться не раньше, чем он посетит дом Корта в Висконсине. Если ученый жив, то они станут союзниками.

Теперь Ардах сосредоточился на создании оружия. В его распоряжении имелись необходимые инструменты и электричество, а в голове уже созрел план.

Оружие должно было обладать способностью вызывать сильный шок или даже смерть и действовать на определенном расстоянии. Для этого требовался некий проводник электричества —

например, тонкая струя воды, выпущенная под большим давлением. Но обычная вода не вполне удовлетворяла требованиям Ардаха.

Ардах начал экспериментировать с теми ограниченными средствами, которые имелись под рукой. Он работал без устали, лишь изредка делая перерывы на еду и сон, пока корабль стремился к своей цели.

Земля выросла из звездочки в облачную сферу, а затем превратилась в огромный вогнутый диск, закрывший четвертую часть звездного неба. Ардах нашел очертания Северной Америки и сверился со своими картами. Затем он послал корабль к озеру Мичиган, которое можно было видеть даже через атмосферу.

Стояла ночь, когда он приземлился на окраине городка, неподалеку от дома Стивена Корта. Он бесшумно посадил корабль в небольшой роще и вышел наружу. Его одежда могла вызвать ненужное любопытство, но тут уж ничего нельзя было поделать. Захватив свое новое оружие, которое вышло довольно громоздким, Ардах торопливо пошел вперед.

Удача сопутствовала ему. Какой-то мальчик, бредущий по обочине шоссе, остановился и уставился на незнакомого человека. Кирианин

поспешил воспользоваться благоприятной возможностью.

— Вы знаете, где живет Стивен Корт? — спросил он, тщательно выговаривая незнакомые слова.

Мальчишка заморгал.

— Само собой. Вы иностранец, да?

Не дождавшись ответа, он продолжал:

— Это в ту сторону, дальше по дороге. Но на вашем месте я бы не стал ходить туда. Там недавно случился сильный пожар, и люди видели какой-то странный воздушный шар, висевший поблизости. Кажется, он рухнул за домом, но никому неохота смотреть. Мы держимся подальше от дома Корта с тех пор, как он занес сюда «чуму».

Не сказав ни слова, Ардах повернулся и пошел дальше. Он понял большую часть сказанного. «Какой-то странный воздушный шар»? Неужели это его космический корабль? Но если судно потерпело крушение...

Руины дома говорили сами за себя. Немного помедлив, Ардах обогнул то, что осталось от особняка, и поднялся на гребень холма. Его узкое, патрицианское лицо стало холодным как мрамор, глаза превратились в узкие щелочки.

Корабль был сильно поврежден — он понял

это с первого взгляда. Он также увидел огромную фигуру Тордреда и силуэты его парализованных пленников.

Когда смертоносный луч вырвался из линзы в руке Тордреда, Ардах быстро побежал вниз по склону, стараясь держаться под прикрытием кустарника. Наконец он приблизился ка нужное расстояние.

— Тордред! — тихо позвал он.

Бородатый гигант резко обернулся; взгляд его янтарных глаз говорил о том, что он потрясен. Желтый луч описал широкую дугу. Одновременно с этим Ардах поднял свое оружие, из дула которого вылетела тонкая струя жидкости, попавшая в руку Тордреда. Великан взревел от боли и выронил линзы.

— Ты предал меня, Тордред, — ровным голосом сказал Ардах. — Поэтому будет справедливо, если ты умрешь.

Он шагнул вперед. Огромная бородатая фигура раскачивалась и корчилась в агонии, тщетно пытаясь освободиться от невидимой хватки. Внезапно Ардах поскользнулся на круглой гальке. На долю секунды струя жидкости отклонилась от мишени, но тут же вернулась к ней...

Тордред исчез! Великан опрометью бросился

в кусты. Громкий треск ломающихся веток обозначал путь его бегства. Ардах пожал плечами и опустил оружие.

— Теперь он не может причинить вреда, — сказал он и поднял упавшие линзы. Сципион, Ли Янь и два незнакомых человека по-прежнему оставались парализованными. Ардах быстро настроил кристалл на другую частоту и послал голубой луч, поочередно обработав все четыре тела. Паралич мгновенно прошел.

— Ардах! — воскликнул Ли Янь. — Ты пришел вовремя!

— Да, клянусь богами! — проревел Сципион. — Хотя и не настолько вовремя, чтобы спасти Дженисейю...

Его глаза затуманились. Он поднял саблю и устремился вперед.

— Я вернусь с головой Тордреда, — бросил он через плечо и исчез в кустах.

— Вы... вы Ардах? — спросил Корт. Ожог на его груди мучительно ныл, но рана была неглубокой, и ее края уже запеклись. Он внимательно смотрел на своего спасителя. Кирианин медленно кивнул.

— Да, меня зовут Ардах. А вы Стивен Корт?

— Да. Но откуда вы знаете английский язык?

Как вам удалось спастись от солнечной гравитации? Что...

— Подождите. — Ардах посмотрел на свой разбитый корабль. — Прежде всего нужно снова заключить ядерную энергию в ее вместилище. — Он помолчал, подбирая нужные слова. — Но это очень... опасно. Приближение к источнику энергии означает смерть.

— Свинцовая оболочка? — предложил Корт.

Встретив озадаченный взгляд Ардаха, он сообщил атомный номер элемента и его основные характеристики.

— Лишь особый сплав может надежно изолировать этот вид излучения, — сказал Ардах. — Видите контейнер? Отсюда он выглядит как темное пятнышко рядом с точкой яркого света. Только это вещество может сдерживать излучение. Радиоактивный источник нужно убрать на место. Но...

— ...Но это означает смерть, — перебил Ли Янь. — Прекрасно. Я это сделаю.

Корт сжал его пухлую руку.

— Вам не нужно жертвовать собой.

— Нужно действовать быстрее, — продолжал Ардах, неуверенно спотыкаясь на английских словах. — Лучи убивают очень быстро. Войти

в корабль, поместить контейнер над источником и закрыть крышку. После этого опасность исчезнет.

— Стив, — голос Марион дрогнул, — позволь мне пойти!

— Нет! — Корт обнял девушку за талию и привлек ее к себе. — Только не ты! Неужели нам необходимо совершить эту жертву, Ардах?

Кирианин скорбно кивнул.

— Источник энергии нужно изолировать, иначе вся долина подвергнется сильному радиоактивному заражению, и уже никто не сможет подойти к кораблю.

Внезапно он замолчал. Из-за кустов, у которых они стояли, выплыл светящийся овальный силуэт. Это был носитель болезни, но существо почему-то не стало приближаться к группе людей. Вместо этого оно быстро заскользило вниз по склону. Ардах изумленно смотрел ему вслед.

— Марион, ты думаешь... — хрипло произнес Корт.

— Может быть, Стив. Если это Сэмми, то, возможно, он слышал нас.

Они смотрели, как носитель приближается к кораблю. Достигнув корпуса, существо наклонилось и подобрало с земли маленький предмет.

Одно быстрое движение — и точка яркого света исчезла!

— Он действительно слышал нас! — торжествующе воскликнул Корт. — Добрый старый Сэмми!

Светоносное существо заскользило к реке. Вскоре оно скрылось из виду, но Ардах уже бежал к кораблю. Вскоре он вернулся, держа в руках продолговатый контейнер из тускло блестевшего металла.

— Нам нужно о многом поговорить, — обратился он к Корту. — Но сначала я должен лучше овладеть вашим языком.

Сципион вернулся, ругаясь на чем свет стоит и размахивая саблей. Его бочкообразная грудь тяжело вздымалась и опускалась от быстрого бега.

— Тордред ушел, — сообщил он. — Я не смог догнать его.

— Вернемся к дороге, — решил Корт. — В автомобиле достаточно места для всех. Мы вернемся в Вашингтон и обдумаем план действий. Думаю, вы сумеете помочь нам в борьбе с «чумой», Ардах. Ваша ядерная энергия уже подсказала мне одну идею.

— С чумой? — спросил Ардах. — Помогу, если это будет в моих силах. Но мне жаль, что вы не убили Тордреда, Сципион. Боюсь, он еще доставит

нам неприятности.

Карфагенянин не ответил. Он хищно улыбнулся и провел пальцем по лезвию сабли.

Глава 19 ЗЕМНОЙ ЩИТ

Через две недели Корт потерял десять килограммов веса и его шатало от усталости. Они с Ардахом, Ли Янем, Сципионом и Марион работали круглые сутки — экспериментируя, пробуя, выдвигая новые идеи. Задача Корта усложнялась необходимостью получить правительственную поддержку. Президент, хотя и благосклонно отнесся к его предложению, не дал согласия на осуществление проекта без одобрения виднейших ученых страны.

— Они еще не понимают, с чем имеют дело, — пожаловался Корт, когда они с Марион шли к огромному белому зданию на Пенсильвания-авеню. Купол Капитолия величественно возвышался на фоне голубого неба. Перед оградой было припарковано множество автомобилей.

— Но они знают, чем грозит «чума», — озабоченно возразила Марион. — Каждый день приходят сообщения о новых жертвах!

— Возможно, мне не следовало запрашивать так много денег, однако они нам понадобятся все. Профилактических мер недостаточно. Чтобы спасти Землю, нужно окружить ее защитным

барьером.

— Все решится сегодня, — вздохнула Марион. — Там будет много знаменитых ученых, а также военные и политики из Вашингтона.

Корт улыбнулся.

— Да. Я надеюсь...

Он подошел к телефону-автомату, снял трубку и набрал номер.

— Сципион, все готово? — спросил он. — Хорошо. Но будь осторожен. — Он повернулся к Марион. — Это может оказаться опасным, но, полагаю, произведет подобающее впечатление.

Вскоре Корт вышел на сцену огромной аудитории. Просторное помещение было заполнено почти до отказа: он видел ученых, высокопоставленных военных, известных политиков и чиновников из правительства. При появлении Корта по рядам пробежал оживленный шепоток.

— Я хочу попросить вас быть свидетелями... — Он выждал паузу, пока мигали вспышки многочисленных фотокамер. — Господа репортеры, сохраните немного пленки, она вам еще понадобится. Итак, сегодня я собираюсь продемонстрировать вам один эксперимент. Большинство из вас уже знакомо с моим предложением. Я нашел средство защиты от «чумы», но оно обойдется

недешево. С другой стороны, это единственный способ спасти человеческую расу от вымирания.

— Чепуха! — выкрикнул кто-то. — Докажите это!

Корт поднял руку:

— Минутку. Все вы читали об Ардахе, а некоторые из вас знакомы с моим коллегой. Его странная история стала достоянием гласности. Позвольте мне представить его.

Ардах вышел на сцену. Его античные одежды сменились хорошо скроенным костюмом из легкой фланели. Худое, патрицианское лицо, обращенное к зрителям, не выдавало никаких чувств.

— Фальшивка! — поднялся крик. Его подхватили остальные. В первых рядах встал седовласый мужчина.

— Если вы нашли способ защиты от «чумы», то мы ждем несомненных доказательств. А этот Ардах может быть самозванцем; скорее всего, так оно и есть. Он не имеет отношения...

Ардах не сказал ни слова, но сделал шаг вперед. Что-то в выражении его странного, чуждого лица заставило людей замолчать.

— Вы знаете, что «чума» смертельна, — продолжал Корт в наступившей тишине. — Прикоснове-

ние к ее носителю означает мгновенную смерть. Эффективной личной защиты не существует. Я уже опубликовал свою гипотезу о происхождении «чумы». Это чистая жизненная энергия, эволюция в ее конечном воплощении. Возможно, мы имеем дело с невообразимо древней формой жизни, достигшей энергетического уровня миллионы лет назад. Огромное энергетическое облако дрейфовало в межзвездном пространстве, пока Земля не оказалась на одной из его окраин.

Некий катализатор, содержащийся в земной атмосфере, переводит эту энергию в видимую форму и заражает ею живые существа. Основной принцип «чумы» предельно прост: она ускоряет процесс энтропии. Эволюция начинает происходить с ненормальной, неестественной скоростью.

Корт сделал паузу, набрал в грудь побольше воздуха и продолжал:

— В естественных условиях эволюция происходит постепенно. С течением времени человечество автоматически приспосабливается к изменениям в окружающей среде. Но здесь происходит внезапный скачок к окончательной форме жизни, которая при нормальном ходе событий должна появиться в Солнечной системе

лишь через миллионы лет. Это нарушает эволюционное равновесие. Человечество еще не готово к подобной метаморфозе. Она должна происходить в течение очень долгого времени. А теперь позвольте мне вкратце обрисовать вам ближайшее будущее.

По мере того как Земля будет продвигаться к центру энергетического облака, число носителей болезни значительно возрастет. Они будут питаться за счет своих бывших сородичей. В конечном счете они станут единственными живыми существами на Земле, а затем вымрут из-за отсутствия питательной среды. Меньше чем через пятьдесят лет планета превратится в огромную пустыню. Вот что произойдет, если мы не справимся с «чумой».

Затем в аудитории зазвучал резкий, суховатый голос кирианина:

— Корт говорит правду. Возможно, лишь немногие из вас поверили тому, что было сказано обо мне, но это не имеет значения. Работая вместе, мы с Кортом раскрыли природу «чумы» и нашли решение. Носители являются формой жизненной энергии. Их можно уничтожить, но лишь применив более мощную энергию, которая истощит их собственную. Это ядерная энергия.

Некий носитель вступил в контакт с неохраняемым источником ядерной энергии на моем корабле. Позднее мы искали его и нашли его останки поблизости. Мощное радиоактивное излучение убило его.

Корт кивнул, вспомнив, как они с Ардахом искали Сэмми в висконсинских холмах. Обгоревшие останки почти не напоминали человеческое тело.

— Направленное радиоактивное излучение замыкает носителей, лишает их энергии, — продолжал кирианин. — Мы уже соорудили переносное оружие и удовлетворены результатами его действия.

— Но облако находится в космосе, — послышался негодующий голос из зала. — Вы не можете уничтожить его!

Инопланетянин сурово улыбнулся.

— Верно. И число носителей будет увеличиваться в геометрической прогрессии по мере приближения к центру облака. Но мы можем защитить Землю, окружить ее непроницаемой оболочкой из ядерной энергии. При наличии достаточно мощных генераторов мы сможем

преобразовать слой хэвисайда[6] в щит, который полностью изолирует планету от космического облака. При этом солнечное излучение будет свободно проникать в атмосферу.

Приглушенный ропот слушателей превратился в негодующий рев. Люди вставали и выкрикивали вопросы, требуя объяснений. Щит вокруг Земли? Какая нелепость! Это можно сравнить лишь с вечным двигателем и другими бесплодными фантазиями!

Ардах лукаво покосился на Корта.

— Вижу, нам не удалось убедить их, — сказал он. — Стоит ли...

Корт размахивал руками, пытаясь успокоить публику, но его усилия не имели успеха. Кое-где люди уже начали вставать, направляясь к выходу.

Никто не заметил, как Корт махнул рукой за кулисы, но все взоры обратились к сцене, когда черный занавес с шелестом раздвинулся. Дружный вздох ужаса вырвался из сотен глоток.

На сцене появился носитель!

За ним стоял большой контейнер из тускло поблескивавшего металла, в котором существо,

---

[6] Примечания: 6
Озоновый слой, защищающий Землю от космических лучей.

по-видимому, было заключено до сих пор. Сейчас контейнер был открыт, и светящийся туман, окружавший тело носителя, медленно поплыл вперед. Его намерения были очевидны.

Ардах и Корт отбежали к краю сцены. Откуда-то появился Сципион, выкативший небольшой аппарат размером с портативную пишущую машинку. В верхней части аппарата находилась коническая трубка, заканчивавшаяся прозрачными линзами.

— Отлично, — отрывисто бросил Корт и улыбнулся карфагенянину. — Но ради Бога, теперь будь осторожен!

Гигант ответил ему белозубой улыбкой. Корт повернулся к парализованной ужасом аудитории.

— Оставайтесь на своих местах! Опасность угрожает лишь в том случае, если в зале начнется паника.

Какой-то военный, сидевший в первом ряду, выругался сквозь зубы и выхватил пистолет. Загремели выстрелы, но пули пронзали сияющее существо, не причиняя ему никакого вреда. Корт подождал, пока не смолкли последние отголоски.

— Теперь никто не будет отрицать, что это на-

стоящий носитель! — крикнул он. — Смотрите!

Существо уже находилось у края сцены, когда Сципион взял его на прицел своего оружия. Результат был не слишком впечатляющим. Из линз ударил луч яркого белого света, и сияние, окружавшее носителя, начало постепенно тускнеть. Существо оставалось неподвижным, словно зажатое в невидимых тисках. Наконец от него осталось нечто вроде мумии, рухнувшей на сцену. Сципион выключил аппарат.

— Садитесь, пожалуйста, — попросил Корт. — У меня больше нет сюрпризов для вас. Буду рад, если вы назначите комиссию для изучения тела этого носителя.

Человек, торопливо поднявшийся на сцену, был плотным пожилым мужчиной с зачесанными назад седыми волосами. Он подошел к ученому.

— Мистер президент! — воскликнул Корт. — Я не знал, что вы собирались присутствовать здесь, иначе я бы не...

— Я рад, что вы совершили этот эксперимент, — перебил президент Соединенных Штатов. — Сомневаюсь, что теперь у кого-то имеются возражения против вашего плана.

В его серо-стальных глазах мелькнула веселая искорка.

— Но если возражения все-таки имеются, то в связи с чрезвычайным положением я имею все полномочия назначить вас генеральным конструктором Земного Щита и оказывать вам всяческое содействие при его сооружении.

Президент повернулся к аудитории и помахал группе репортеров.

— Поместите это сообщение на первых полосах ваших газет. Стивен Корт назначается ответственным!

Земля с невероятной скоростью пробудилась к действию для борьбы с угрозой из космоса. Стивен Корт возглавлял работы. Ардах не жалел сил, помогая ему; Ли Янь, Сципион и Марион Бартон постоянно находились рядом.

По всему миру формировались бригады специалистов различных профессий. Фабрики спешно перепрофилировались; началось массовое производство переносных ядерных излучателей и деталей для более крупных конструкций.

От Сан-Франциско до Нью-Йорка, от Нью-Орлеана до Чикаго люди работали круглосуточно. Войска и подразделения полиции вооружались излучателями и направлялись в районы, зараженные «чумой». Вскоре Нью-Йорк был очищен от носителей, как и другие крупные города. Запа-

сы излучателей хранились в самолетах, готовые к немедленной транспортировке на место новой вспышки заболевания. Сообщения о таких вспышках поступали ежедневно. Земля находилась в опасной близости от ядра космического облака.

Ардах улетел в Китай вместе с Ли Янем и двумя сотнями известных ученых. Там предстояла большая работа; предполагалось воздвигнуть две колоссальные башни на обоих полушариях Земли: одну в Китае, другую в Америке. Корт возглавлял строительство последней. Он поддерживал постоянную связь с Ардахом.

Скорость имела жизненно важное значение. Все ресурсы страны были брошены на сооружение Земного Щита. Бизнес временно прекратил свою деятельность. Правительство выпускало распоряжения, наделяя определенные компании полномочиями на изготовление тех или иных деталей конструкции. Разумеется, людей следовало кормить, но каждый был приставлен к делу, с которым он лучше всего справлялся. Заводы работали день и ночь.

Другие страны предоставили помощь. Канада, Англия, Германия, Франция, Италия, Япония — все забыли о своих политических и торговых

разногласиях ради борьбы с общим врагом.

Возвести башни! Создать Земной Щит! Эти цели были главнейшими.

Могучие обелиски медленно поднимались над землей. Они напоминали Эйфелеву башню, но были гораздо выше и крупнее. Все новые балки и фермы поднимались на верхние этажи, и монолиты росли день ото дня.

Темп работ ускорялся. По ночам использовались мощные прожекторы. Были построены новые автострады, расширены старые. Появились новые железнодорожные ветки.

Численность населения в городах, ближайших к башням, невероятно возросла. Выросло множество временных бараков, где физики и инженеры часто спали рядом со сварщиками и монтажниками. Стерлись классовые различия, ссоры почти прекратились. Каждый знал, что в следующий раз жертвой «чумы» может стать его семья.

Построить Земной Щит! Скорее! Скорее!

Наконец обе башни воздвиглись во всем великолепии. Их можно было видеть за много миль. Каждая была увенчана сияющей металлической сферой диаметром в пятьдесят футов. Эти сферы служили излучателями ядерной энергии, которая окружит планету и превратит слой хэ-

висайда в непроницаемый барьер против заразы из космоса.

Глава 20 ТОРДРЕД ВОЗВРАЩАЕТСЯ

У Корта почти не было времени для отдыха. Он получал регулярные отчеты от директора ФБР, к которому обратился с личной просьбой найти пропавшего Тордреда. Но бородатый гигант исчез бесследно, и его присутствие на Земле означало потенциальную опасность. Опытные сыщики тщетно искали его следы на всех континентах.

Как-то вечером Корт, Сципион и Марион стояли в комнате управления под огромной сферой, венчавшей одну из башен. Работа была закончена: последняя смена техников только что спустилась вниз на специальном лифте. Трое людей стояли в молчании, глядя на землю, лежавшую далеко внизу. Яркий лунный свет придавал ландшафту мрачноватое великолепие.

Помещение, по сути дела, представляло собой плоскую платформу, огражденную низкими поручнями. Стен не было. Мощные металлические опоры возвышались, как колонны, через равные промежутки. Сама сфера была пустотелой, иначе даже балки из закаленной стали не выдержали бы ее веса. Потолок, находившийся на высоте девяти футов, был в несколько слоев покрыт

пластинами из сплава Ардаха — единственного вещества, способного задерживать мощное излучение.

Корт возился с видеоэкраном.

— Жаль, что у нас не было этого устройства несколько недель назад, — сокрушенно произнес он. — Ардах объяснил мне принцип его действия, но пришлось заняться более важным делом. Так, посмотрим...

Экран наполнился монотонной серой рябью.

— Пытаешься связаться с Китаем? — спросила Марион.

Он кивнул:

— Да, с другой башней. Кажется, получаю сигнал. Вот он!

На экране появилось круглое желтоватое лицо Ли Яня. Глаза китайца возбужденно блеснули.

— Корт? Добрый вечер. Как работа?

— Все закончено, — ученый вздохнул. — Последняя балка установлена полчаса назад. Теперь ждем вас.

— Отлично! — Китаец хлопнул в ладоши. — Мы будем готовы завтра к полудню, может быть, даже раньше. Подожди, вот идет Ардах.

Худое, аскетичное лицо кирианина сменило на экране лицо Ли Яня. Его глаза покраснели от

усталости.

— Итак, вы закончили работу, — произнес он. — Хорошо. Мои люди немного отстали от вас. Мы закончим работу через несколько часов, а не завтра, Ли Янь. Тогда можно будет включить генераторы. Не забывайте, — губы Ардаха сжались в тонкую линию, — необходима крайняя осторожность. Оба переключателя должны быть переведены в рабочее положение строго одновременно, иначе произойдет катастрофа. Если вы включите генератор раньше, ваша половина энергетического экрана столкнется с нашей и уничтожит эту башню.

Корт взглянул на приборную панель справа от себя.

— Все ясно. Одну минуту; кажется, кто-то поднимается на лифте.

Раздался предупреждающий звонок. Через несколько секунд лифт поднялся вровень с площадкой. Из клети вышла фигура в мешковатом комбинезоне, согнувшаяся под весом большого деревянного ящика.

Брови Марион озадаченно сошлись к переносице.

— Кто это? — спросила она. — Мы не...

Ящик с грохотом упал на пол. Человек выпря-

мился, и они увидели его лицо. Он сбрил бороду и перекрасил волосы в соломенно-желтый цвет, однако этот надменный рот и янтарные кошачьи глаза могли принадлежать только одному из ныне живущих на Земле.

Тордред!

Его рука взметнулась вверх, голубовато блеснули линзы какого-то оружия. Улыбка Тордреда напоминала волчий оскал.

— Не двигайтесь! — Его голос дрожал от безумной ярости. — Даже не пытайтесь. Я вернулся!

Корт по-прежнему стоял рядом с видеоэкраном. Он видел лицо Ардаха, застывшее и напряженное. Уголком глаза он заметил также тяжелый гаечный ключ, лежавший на краю панели и скрытый от глаз Тордреда выступающей балкой. Корт незаметно протянул руку.

— Не будь глупцом, — сказал он. — Ты не можешь сбежать отсюда.

Тордред хрипло рассмеялся.

— Да, вы позаботились об этом. Вся ваша полиция охотится за мной, и, если бы я не украл твои воспоминания, мне никогда не удалось бы ускользнуть от них. Я замаскировался под механика и поднялся сюда. Никто не остановил меня. И теперь у меня есть оружие! Я изготовил его с

помощью знаний, позаимствованных у Ардаха.

Марион смертельно побледнела. Сципион стоял неподвижно; его огромные руки крепко сжимали поручень за спиной.

— Что ты собираешься делать? — поинтересовался Корт.

— Убить тебя! — отрезал Тордред. — Потом я включу генератор, и шквал энергии уничтожит Ардаха вместе с его башней. А когда вы оба подохнете, я буду править Землей. Мой мозг, вмещающий ваши знания, превосходит жалкие способности ваших ученых и политиков.

— Да, ты можешь это сделать, — признал Корт. — Но как насчет «чумы»?

— Я забыл о ней. Башни можно восстановить. Чтобы создать Земной Щит, мне не понадобится ваша помощь. Я буду править этой планетой!

— Включи свой генератор, Ардах, — одними губами прошептал Корт. — Мы погибнем вместе с Тордредом, но это единственный выход.

Кирианин промолчал, но слегка покачал головой. Тордред шагнул вперед и поднял руку с оружием.

— Теперь ты умрешь! — прорычал он.

Корт напрягся для последнего, безнадежного прыжка. Он знал, что не успеет вовремя. Его паль-

цы сомкнулись на гаечном ключе. Сципион не двигался; лишь в его глазах горело адское пламя.

— Тордред! — прогремел голос Ардаха.

Застигнутый врасплох, Тордред повернулся к видеоэкрану. Одновременно с этим оттуда ударила вспышка ярчайшего света из какого-то инструмента в руке Ардаха. Гигант зажмурился, на мгновение ослепленный, и с диким ревом взмахнул рукой. Из его линзовидного оружия вырвался голубой луч, описавший широкую дугу над головами людей.

Корт схватил гаечный ключ и швырнул инструмент в Тордреда, попав ему в правую руку. Линзы упали и разбились на металлическом полу.

— Назад, Корт! — прорычал карфагенянин. — Он мой!

Оправившись от потрясения, Тордред повернулся навстречу новой угрозе. Он оскалил зубы, как загнанный зверь, и начал медленно сближаться с противником. Его могучие волосатые руки метнулись к горлу Сципиона. Карфагенянин разорвал удушающий захват, и два гиганта сошлись вплотную.

Они качались взад-вперед, сцепившись в смертельной схватке высоко над землей. Когда спина Тордреда, прижатая к поручню ограждения, на-

чала прогибаться назад под напором Сципиона, вождь варваров издал дикий рев. Его зубы клацнули у самого горла противника.

Карфагенянин размахнулся и нанес короткий боковой удар. Из рассеченной скулы Тордреда хлынула кровь.

Корт и Марион — а также Ардах и Ли Янь на видеоэкране — наблюдали за битвой двух титанов. Противники стоили друг друга. Тордред был выше, но Сципион казался немного более массивным, хотя неистовая, первобытная жажда убийства, владевшая обоими, была совершенно одинаковой.

Тордред извернулся и ударил коленом в пах Сципиона. Карфагенянин замычал от боли, и его хватка на мгновение ослабла. Не теряя ни секунды, Тордред оттолкнулся от ограждения и всем своим весом обрушился на врага. Оба упали, но Тордред оказался сверху. Его волосатые руки снова сомкнулись на жилистом горле Сципиона.

Корт бросился вперед и схватил упавший гаечный ключ, собираясь завершить схватку одним ударом. Сципион слегка повернул голову.

— Назад, Корт! — предупреждающе взревел он. — Этот человек мой!

Затем железные пальцы гладиатора из Кар-

фагена нашли свою цель — горло дикаря из первобытной эпохи. Они погрузились глубоко-глубоко! Вся чудовищная сила, накопленная в мышцах Сципиона, как будто текла в его руки. Бугры и узлы мускулов рельефно выступили на бронзовой коже.

Лицо Тордреда внезапно побагровело. Кровь запятнала его чисто выбритый подбородок и закапала на пол. Он отчаянно пытался задушить противника, но, убедившись в тщетности своих усилий, разжал пальцы и резко ткнул ими в глаза Сципиона. Карфагенянин вовремя повернул голову, и предательский удар пришелся мимо цели.

Тордред вцепился в ужасные руки, лишавшие воздуха его легкие. Его тело дергалось и извивалось, словно рыбина, попавшая на крючок, глаза вылезли из орбит, он лихорадочно пытался вырваться, но не мог, не мог...

— Ты бросил ее умирать... — прошептал Сципион.

Корт знал, что карфагенянин говорит о Дженисейе, жрице из Атлантиды.

Тордред сделал последнее, сверхчеловеческое усилие. Что-то громко хрустнуло, и гигант выпрямился одним резким, пружинистым движением. Секунду-другую он стоял неподвижно: выпучен-

ные янтарные глаза глядели в пустоту, дыхание шипело и клокотало в широкой груди.

Внезапно массивная голова Тордреда качнулась вперед на сломанной шее. Еще долю секунды его силуэт вырисовывался на фоне темного неба, а затем безжизненное тело рухнуло на пол.

Сципион встал. Он наклонился, поднял на руки тяжелую тушу Тордреда и, слегка пошатываясь, подошел к ограждению. Потом он напрягся и мощным усилием швырнул труп вниз, в бездну.

— Твоя месть свершилась, Дженисейя, — прошептал он. — И моя тоже.

Потом Сципион Афикола, человек из Карфагена, закрыл лицо ладонями и заплакал без слез. Его широкие плечи сотрясались от рыданий.

Корт с состраданием посмотрел на него и подошел к видеоэкрану, где стояла Марион, совсем ослабевшая от испуга. Ардах и Ли Янь продолжали наблюдать за происходящим.

— Увы! — тихо вздохнул Ли Янь. — Таким людям, как Сципион, не дано владеть тронами и прекрасными принцессами.

Ардах повернулся к человеку, возникшему за его спиной. Обменявшись с ним несколькими фразами, он обратился к Корту:

— Работа завершена быстрее, чем я ожидал. Мы

можем уже сейчас включить генераторы. Сверим наши хронометры.

Показания двух хронометров точно совпадали.

— Ровно в одиннадцать часов включайте рубильник, — сказал Ардах. — Я сделаю то же самое.

Оставалось десять секунд... пять... три...

Рука Корта дрожала на рукояти рубильника.

Две... одна...

Пуск!

С вершины башни грянул оглушительный гром. Удар невероятной силы сотряс землю, разбив окна в домах и разбудив спящих людей на много миль вокруг. Небо озарилось белым сиянием, и на мгновение стало светло как днем. Чудовищная какофония света и звука продолжалась еще несколько секунд, а затем все внезапно закончилось. Наступила тишина, нарушаемая лишь низким гудением генераторов.

— Хорошо, — произнес Ардах. — Мы точно рассчитали время. Через две минуты снова следите за небом. Если оно озарится, это будет означать, что наши усилия увенчались успехом.

Корт и Марион торопливо подошли к ограждению. Даже Сципион поднял голову и впился взглядом в потемневшее небо.

Невероятный барьер, щит из ядерной энергии собирался вокруг планеты, распространяясь от вершин двух башен-близнецов. Секунды проходили за секундами, а затем небо внезапно осветилось. Тусклые звезды исчезли. Светоносный купол накрыл Землю, как сияющий перевернутый кубок из слоновой кости.

В течение нескольких ударов сердца сияние оставалось неизменным. Потом оно потускнело и исчезло. Но Корт знал, что Земной Щит создан. Отныне этот барьер будет всегда защищать человечество.

— Мы победили! — Его голос срывался от волнения. — Марион, мы спасли человечество!

В глазах девушки, смотревшей на него, светились нежность и понимание. Теперь она знала, что Стивен Корт был человеком, а не холодным мыслящим автоматом. В час торжества он радовался не потому, что решил труднейшую проблему, а потому, что спас миллионы человеческих существ от ужасной смерти.

— Да, — тихо сказала Марион. — Мы победили, Стив. Мы оба добились того, чего хотели.

Из металлической сферы над их головами струилась невидимая энергия, бросавшая вызов звездам и вливавшая свою могучую силу в Зем-

ной Щит...

ЭПИЛОГ

Год спустя небольшая группа людей стояла посреди висконсинских холмов, разглядывая огромный золотистый корабль, возвышавшийся над склоном на фоне голубого неба. Понадобились месяцы, чтобы построить новое судно, согласно указаниям Ардаха, но в конце концов работа была завершена, оборудование установлено и запасы продовольствия погружены на борт. Корабль был точной копией кирианского, за исключением некоторых новых устройств, изобретенных Кортом и Ардахом.

Сципион, Ли Янь и Ардах стояли вместе у открытого люка воздушного шлюза; Марион и Корт — немного поодаль. Трудно было найти нужные слова в этот печальный момент прощания.

— Мне жаль, что вы не можете отправиться с нами, — сказал Ардах через некоторое время. — Однако, может быть, вы правы.

— Мое мнение вам известно, — отозвался Корт. — «Чума» побеждена. Благодаря Земному Щиту она больше не угрожает планете, но могут возникнуть новые опасности. Это моя эпоха, и здесь я нахожусь на своем месте. Мое дело — служить

людям и помогать им где только можно. Думаю, именно поэтому мне и был дарован разум, опережающий наше время.

Я могу помочь многим, Ардах. Этот мир еще нуждается в существенном улучшении, хотя за один год был сделан огромный шаг вперед. Ядерная энергия поставила войну вне закона. Когда придет время прощаться навсегда, мне хочется умереть в Утопии, которую я помогал построить своими руками.

Ардах понимающе кивнул.

— Я путешествовал во времени, чтобы найти гения, который мог бы стать родоначальником новой расы. Что ж, в итоге я нашел его... и должен признать, что вы умнее меня, Стивен Корт. Все мы являемся частью великой космической схемы, направленной на достижение добра, а не зла. Разум созидает, а не уничтожает. Поэтому я продолжу поиски той эпохи, где смогу обрести счастье и духовное родство. Возможно, через тысячу лет я поклонюсь надгробному камню у вашей могилы, Корт.

— И я тоже, — вмешался Сципион. — Твой мир хорош, Корт, и кое-что в нем мне очень нравится. Но я следую за своей мечтой. Может быть, я еще смогу основать империю в далеком будущем...

Сципион не закончил фразу; его лицо неожиданно омрачилось.

— Я не могу здесь оставаться, — наконец вымолвил он. — Здесь умерла Дженисейя, и это всегда будет мучительной болью отдаваться в моем сердце.

— Я тоже не останусь здесь, — пробормотал Ли Янь. — Неведомое таит в себе великую притягательную силу. Мне не терпится узнать, каким будет этот мир через миллион лет. Поэтому прощайте и... — тонкие губы китайца изогнулись в печальной улыбке, — и не забывайте старого жирного Ли Яня!

Тучная фигура поспешно повернулась и исчезла в корабле.

Сципион наклонился и прикоснулся губами ко лбу Марион, а затем крепко стиснул руку Корта.

— Да хранят вас боги! — пробасил он и ушел.

Взгляд странных, чуждых глаз Ардаха задержался на лицах Корта и Марион.

— Мне нечего сказать вам, — прошептал он. — Прощайте и будьте счастливы!

Неуловимое ощущение сродства между двумя разумами вспыхнуло на мгновение, пока Корт и Ардах смотрели друг другу в глаза. Затем кирианин поднялся на борт корабля и закрыл за собой

люк воздушного шлюза.

Корабль беззвучно оторвался от земли и взмыл в голубое небо — яркая золотистая сфера, быстро превратившаяся в крошечную точку и скрывшаяся из виду. Теперь он будет вращаться по орбите вокруг Земли — возможно, тысячи лет, — пока Ардах, Сципион и Ли Янь не проснутся, чтобы выйти навстречу своей неведомой судьбе.

Две фигурки стояли рядом на склоне холма. Корт и Марион смотрели в небо, провожая взглядом посланца далекой исчезнувшей цивилизации. Потом вокруг них осталось лишь голубое небо и зеленые холмы Висконсина.

По-прежнему в молчании, обняв друг друга, они повернулись и медленно пошли к шоссе, где их ждал автомобиль. Они ничего не могли сказать друг другу, да в словах и не было нужды...

Кэтрин Мур. Судная ночь

Роман

Кэтрин Мур

СУДНАЯ НОЧЬ

роман

Здесь, в мерцающих сумерках старого храма, вопрошающий безмолвно стоял перед Древними, ожидая ответа, которому он все равно не поверит.

Снаружи расстилались мягкие зеленые холмы и мглистые небеса Эрикона, но даже легчайшее дыхание свежего, сырого воздуха не проникало через порталы Обители Древних. Ничто преходящее не могло коснуться их. Они находились за пределами всех событий и перемен. Они жили здесь с тех пор, как первые серебристые корабли прилетели сюда через галактические просторы, и они никогда не умрут.

Отсюда, с Эрикона, биение могучего пульса империи распространялось в межзвездном пространстве, прокатываясь отдаленным громом над побережьями бесчисленных планет. Ибо раса, владевшая Эриконом, владела и всей Галактикой.

Многие короли и императоры безмолвно стояли в звездном сумраке перед Древними — точно так же, как сейчас стоял вопрошающий. Ответ следовал всегда, но лишь Древние знали, заключается ли в нем судьба того, кто спрашивает.

Древние были строго привержены своему странному кодексу. Никакой человеческий разум

не мог постичь его. Никто из людей даже не знал, прошел ли он суровое испытание или же полученное пророчество открывает скорейший путь к смерти и забвению.

Безголосые и невидимые за своим высоким алтарем, Древние ответили на вопрос. Маленький пришелец, пожелавший разрешить свои сомнения, стоял и слушал в необъятной пустоте храма.

— Пусть сражаются, — безмолвно произнес оракул. — Потерпи еще немного. Твой час почти пробил. Они получат свой шанс в последнем конфликте, который уже приближается, и тогда ты поймешь, насколько они слепы. Будь терпелив. Будь молчалив. Наблюдай за их словами и поступками, но храни свою тайну…

Сто императоров Эрикона сурово глядели со своих портретов на Джулию, вступившую в полумрак их святилища, расцвеченный мягкими красками.

— Если бы я была мужчиной, то, может быть, ты бы послушал меня, — сказала Джулия, не поворачивая головы.

Ответа не последовало.

— Ты всегда хотел сына, — напомнила Джулия. Ее голос эхом отдался под высокими сводами и стрельчатыми окнами, забранными тонким

пластиком пастельных оттенков. Солнечные лучи, падавшие через них, окрашивались в причудливые тона.

— Знаю, знаю, — произнес старый император с помоста за ее спиной. — В твоем возрасте я тоже был глупцом.

Обернувшись, Джулия наградила его неожиданной улыбкой. Даже сейчас, подумала она, время от времени можно увидеть, каким великим и ужасным человеком когда-то был ее отец.

Многочисленные предки смотрели на нее из своих хрустальных ниш, когда она проходила мимо. То были люди, покорявшие Галактику мир за миром, великие полководцы, обрушивавшие свои армии как гибельное пламя на чужие планеты в холодных просторах космоса. То были императоры, искушенные в политике, хорошо знавшие пути войны и мира. Они были свидетелями того, как цивилизация возжигала свои яркие маяки по всему космосу.

Наконец Джулия повернулась и медленно пошла обратно вдоль ряда позднейших властителей, для которых мир в Галактике и величие империи были чем-то совершенно очевидным. Вековая гордость наложила неизгладимый отпечаток на их лица. Люди с внешних планет

почитали их как богов, да они и были подобны древним божествам в своей почти неограниченной власти. Немногие могли иметь целую планету как пьедестал для своего трона и наблюдать за звездами своей империи, медленным парадом марширующими по небесам. Такое знание могло наделить даже слабую личность поразительной гордостью и достоинством, но ни один из императоров Эрикона не был слабым человеком. Слабые духом не могли бы долго продержаться на троне Галактики Лайоне.

Последние три человека в длинном ряду познали унижение — почти столь же великое, как и их гордость. Во времена их правления в ночном великолепии небес появились первые мятежные звезды. Гнев и тайная печаль омрачили суровые лица императоров, чье правление подверглось дерзкому вызову.

Последним в ряду был портрет отца Джулии.

Она стояла в молчании, глядя сначала на молодого императора в хрустальной нише, а затем на старика, сидевшего на помосте со скрещенными на груди руками. Император тоже смотрел на свой портрет — через призму многолетнего опыта и тяжких испытаний.

— Да, — спокойно сказал он. — Тогда я тоже

был глупцом.

— Глупо было оставлять их в живых! — с жаром воскликнула Джулия. — В те дни ты был великим воином, отец; может быть, величайшим в Галактике. Как мне хотелось бы встретиться с тобой тогда! И все же ты не проявил достаточно решительности. Истинно великий властитель должен быть безжалостным.

Император посмотрел на свою дочь из-под нависавших бровей.

— Тогда я столкнулся с трудной проблемой, — произнес он. — С той же проблемой, которая стоит перед тобой сейчас. Если бы я выбрал решение, которое предлагаешь ты, то, пожалуй, тебя бы здесь не было. В сущности, ты сидела бы в какой-нибудь пещере и обгладывала полусырые кости.

Джулия обожгла его взглядом ярко-фиолетовых глаз.

— Я бы уничтожила их, даже если бы это означало конец империи, — гневно заявила она. — Я бы истребила каждого, в ком есть частица крови х'вани, сожгла бы каждое здание на каждой их планете, а руины обратила в пыль лучами смерти! Я бы оставила их мертвую систему висеть в небе как предупреждение для грядущих

поколений! И я еще сделаю это, клянусь сотней императоров!

— Может быть, дитя, если на то будет воля Древних. — Старый император продолжал изучать свое молодое лицо на портрете. — Когда ты повзрослеешь, то поймешь, что может означать война такого масштаба, даже для победителей. А в этой войне не может быть победителей.

— Но, отец, нам придется сражаться! В любой день, в любой час…

— Думаю, время еще не настало. Пока сохраняется непрочное равновесие. Они владеют окраинами и сырьевыми базами, но мы… у нас есть Эрикон, а это многое значит. Больше, чем все ресурсы, человеческие и материальные. Больше, чем все лояльные миры. Никто не знает, сколько династий миновало до воцарения нашей, но все знают, что раса Эрикона правит Галактикой.

— Лишь до тех пор, пока она владеет Эриконом. Но рано или поздно равновесие нарушится и они нападут на нас. Нам придется сражаться.

— Нам придется поискать компромиссное решение.

— Лучше сразу перерезать друг другу глотки и покончить с этим.

— Именно это я и пытаюсь предотвратить. Как

ты думаешь, что станет с цивилизацией после всеобщей бойни? Это будет означать наш крах, даже если мы победим. Подойди сюда, дитя.

Джулия испытующе взглянула на отца. Она медленно повернулась, сунула большие пальцы под пояс с мечом и, звеня шпорами, поднялась на помост по низким ступеням. Здесь в строгом порядке располагались миры империи ее отца, протягиваясь длинным рядом слева направо. Она хмуро смотрела, как император кладет руку на огромный зеленый шар Эрикона в центре ряда и заставляет его вращаться под своими пальцами. Самоцветы, обозначавшие города, замигали и слились в сверкающем вихре.

— Вот наша империя, Джулия, — сказал он. — Этот мир. Империя означает нечто гораздо большее, чем… скажем, чем сотня завоеванных планет. Она означает мир, справедливость и правосудие, — Император печально покачал головой. — Я больше не могу предложить это всем мирам Галактики, но я не брошу лояльные планеты на произвол судьбы вслед за теми, которые мы уже потеряли. Если мое слово еще что-нибудь значит…

Он убрал руку с вращающегося глобуса. Яркие самоцветы городов снова таинственно замерца-

ли на изогнутой поверхности.

— В конце концов, — продолжал он, — разве мир, которым мы так долго наслаждались, не стоит небольших уступок?

— Нет, — ровным голосом ответила Джулия. Отец смотрел на нее в тяжком молчании.

— Я могу сделать это для Эрикона, — заявила она и одним взмахом руки снова заставила глобус вращаться вокруг своей оси. — Пока у меня есть силы, империя будет принадлежать нам. Я не собираюсь делиться ею с волосатыми дикарями!

Император молчал, продолжая глядеть на нее из-под тяжелых бровей. После неловкой паузы девушка отвернулась.

— Я уезжаю, — сухо сказала она. — Куда?

— Собираюсь на время покинуть планету.

— Но, Джулия…

— Отец, я обещаю вести себя осмотрительно. Я вернусь к началу совета, и большинство проголосует за мое предложение. Ты увидишь, что миры согласятся со мной. — Ее голос смягчился. — Мы должны бороться, отец. Все говорят об этом, кроме тебя. Теперь уже ничто не сможет предотвратить войну.

Глядя на Джулию, император видел на лице девушки очень хорошо знакомое ему выраже-

ние: невероятную гордость человека, вкусившего атрибутов божественности, правящего мирами и самими звездами, вокруг которых они обращаются. Он знал, что Джулия не отступит от своего. Наступали темные времена, и он ничего не мог с этим поделать.

«Но может быть, — подумал он, охваченный внезапным приступом сомнения, — может быть, она все-таки права в своей пугающей уверенности?»

Джулия прошла по коридору, ведущему к ее покоям. Шпоры на ее сапогах слабо, мелодично позвякивали, ножны огненного меча хлопали по бедру.

Даже за ее недолгую жизнь в лайонеской культуре произошли значительные перемены, но, пожалуй, самой главной из них была возможность занять место наследника империи, который уже никогда не появится на свет. За последние несколько поколений женщины все больше обращались к мужским профессиям, но Джулия не думала о себе как о простой замене для принца, лишь в силу обстоятельств и отсутствия наследника. Твердые, непреклонные принципы амазонки пришлись ей по нутру, и она не без основания считала себя лучше подготовленной и

обученной для своей роли, чем любой мужчина.

Джулия заслужила право носить военный мундир наравне с мужчинами, с раннего возраста посвятив себя боевым искусствам. По ее мнению, женщины были гораздо лучше приспособлены к воинской службе, чем мужчины. Женщина может отречься от добродетелей так же легко, как и от пороков, и хранить верность новому своду правил, в котором беспрекословное подчинение долгу затмевает все остальное.

К женщинам, еще продолжавшим цепляться за старые принципы, Джулия ощущала нечто вроде снисходительного презрения, смешанного с недоумением. Они жили своей жизнью, полной тонких нюансов, о которых она и не догадывалась до последнего времени. В особенности это касалось их отношений с мужчинами. Джулия все чаще задавалась вопросами насчет определенных аспектов жизни, оставшихся без внимания во время ее обучения. Уверенность и изворотливость, проявляемые другими женщинами в делах, не связанных с войной или политикой, одновременно раздражали и зачаровывали ее. В конце концов, она была женщиной, а мундир можно снять так же легко, как и надеть. Но можно ли с такой же легкостью изменить состояние

души? Эта проблема уже давно занимала ее, и теперь она решила перейти к действиям.

Войдя в свои покои, Джулия равнодушно взглянула на нескольких женщин, заторопившихся ей навстречу, и сухо распорядилась:

— Все выйдите отсюда. Пришлите ко мне Элию.

Затем она встала перед зеркалом и с серьезным, даже торжественным вниманием вгляделась в свое отражение. Это было бесполое лицо, высокомерное и нетерпимое. Его красота была сродни изяществу сияющего шлема у нее на голове — лицо Джулии было словно точеным, с правильными чертами. Лицо и шлем подходили друг другу.

Джулия увидела в зеркале темную фигуру, появившуюся в дверях за ее плечом.

— Элия, как я выгляжу в платье? — не поворачиваясь, спросила она. — Ты могла бы назвать меня хорошенькой?

— Во всяком случае, принцесса, вас нельзя назвать безобразной, — хрипло отозвалась Элия. Трудно было добиться лучшего комплимента из уст бывшей воительницы-амазонки, сначала служившей нянькой Джулии, а затем обучавшей девушку боевым искусствам. Ее коричневое лицо покрывали шрамы, полученные в стычках с

мятежниками на восставших планетах, а узкие, вечно прищуренные глаза принадлежали древней расе, по сравнению с которой раса Джулии едва вышла из колыбели. Элия была андареанкой. Волны завоеваний захлестывали Галактику и снова отступали начиная с той эпохи, когда раса Элии блистала в своей ныне забытой славе. Возможно, где-то под фундаментами лайонеских городов и сегодня лежали андареанские постройки, некогда возведенные на руинах еще более древних поселений. За исключением Древних, едва ли кто-нибудь мог вспомнить столь далекое прошлое. Джулия вздохнула.

— От тебя мне не добиться ясного ответа, — сказала она.

— Вы получите ответ на Сайрилле, принцесса, но он может вам не понравиться.

Джулия расправила плечи.

— Надеюсь, ты никому не проболталась об этом. Корабль готов?

— Да. Мне удалось сохранить все в тайне. Но что скажет ваш отец, если узнает, что вы собираетесь посетить такое злачное место, как Сайрилл?

— Туда прилетают самые респектабельные граждане, и ты прекрасно знаешь об этом. Кроме того, я отправляюсь инкогнито. И если я услышу

еще одно замечание по этому поводу, то прикажу наказать тебя.

Бескровные губы Элии неодобрительно сжались.

— Инкогнито не всегда бывает успешным, принцесса. Вы знаете, как быстро распространяются слухи.

Она заметила опасный блеск в фиолетовых глазах Джулии и замолчала, что-то проворчав себе под нос. Ей было хорошо известно это непреклонное выражение, но она помнила и об опасностях, таящихся на Сайрилле.

— Надеюсь, вы возьмете меня с собой? — спросила она после небольшой паузы.

— Еще одно слово, и не возьму, — предупредила Джулия. Она отошла от зеркала, напоследок окинув себя оценивающим взглядом. — Пойдем, если хочешь. Я уже ухожу.

Маленький зверек с гладкой шерсткой заискивающе потерся о ногу Джулии у самых дверей и посмотрел на нее огромными круглыми глазами. Она наклонилась и позволила ему забраться себе на плечо, где он и уселся, глядя по сторонам с выражением серьезного достоинства и обманчивого добродушия, характерным для всех лларов. Очень немногие на Эриконе владели такими

зверьками. Возможно, ллары были настоящими аборигенами Эрикона, поскольку обитали здесь, и ни на какой другой планете, с незапамятных времен. Это были скрытные маленькие существа, разборчивые в своих привычках и легкоранимые.

— Я возьму вас обоих, — сказала Джулия. — Хотя и не знаю, кто будет больше докучать мне. Пошли.

Их корабль пробил плотный слой облаков над столицей и начал подниматься по широкой спирали, с каждым витком оставляя пологие холмы все дальше внизу, пока поверхность планеты не стала похожа на волны зеленого меха — свидетельство вечного лета, царившего на Эриконе.

Маленький корабль следовал по строго предписанному курсу. Наиболее жесткими из немногих ограничений, установленных Древними на Эриконе, были ограничения воздушного движения. Любые полеты запрещались над великими лесами, где обитали живые боги. Огромные космические лайнеры выходили на стационарную орбиту вокруг Эрикона; все сообщение с планетой осуществлялось через транспортные челноки, но и они, и частные корабли, прибывающие в столицу империи, подчинялись жестким пра-

вилам, определявшим воздушные коридоры. За исключением редчайших случаев, Эри-кон был миром наземного транспорта.

Джулия ни на градус не отклонялась от невидимого курса. Они пересекли сумеречную зону планеты, вырвавшись из оков тяготения, и теперь летели над ночной стороной, погруженной во тьму. Впереди показался светящийся сфероид, слишком маленький для естественного спутника, обращающийся по эллиптической орбите вокруг Эрикона. Элия хмуро покосилась на него.

Этот маленький мир развлечений вмещал в себя все мыслимые удовольствия Галактики, доступные во времена правления императорской династии. Любое желание, каким бы фантастическим оно ни было, не оставалось без внимания, пока клиент мог платить за свои фантазии. То, что подобные места неизбежно пользуются плохой репутацией, может служить глубокомысленным комментарием к человеческой суетности.

Корабль Джулии завис над сияющей поверхностью космического пузыря, в которой открылся темный прямоугольник. Затем включился буксирный луч, и системы управления перешли в автоматический режим. Корабль плавно поплыл к темному проему.

Поскольку анонимность и защита интересов клиентов относились к числу основных здешних правил, они никого не видели, и их тоже никто не видел. Корабль остановился с мягким толчком; Джулия открыла люк воздушного шлюза и вышла прямо в небольшое кубическое помещение с мерцающими розовыми стенами. Низкие кушетки, расставленные вдоль стен, образовывали нечто вроде мягкого карниза. Кроме светящейся панели рядом с закрытой дверью, в комнате больше ничего не было.

Элия вышла следом и неодобрительно огляделась по сторонам.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете, — проворчала она. Вместо ответа Джулия подошла к светящейся панели.

— К вашим услугам, — проворковал нечеловечески нежный голос.

— Мне нужен номер, — задумчиво произнесла Джулия. — Хорошо освещенная гостиная с видом на океан — планета по вашему выбору — и спальня, которая… в общем, подберите что-нибудь поудобнее. Прохладный освежающий душ. Потом познакомьте меня с общей программой на сегодня.

— Номер будет готов через пять минут, — сооб-

щил нежный голос. — Не желаете ли подкрепиться, восстановить силы?

— Еды пока не надо. Что у вас еще есть?

По комнате пронесся порыв ветра, мягкий и прохладный, словно в горах. Слабо запахло сосной. Гравитация почти неощутимо уменьшилась, и Джулии показалось, будто она плывет вместе с ветерком, хотя она не двигалась с места.

— Замечательно, — сказала она. — Так как насчет общих развлечений?

— В центральном зале следующие двенадцать часов будут весенние сумерки на Эгиллире, — объявил нечеловеческий голос.

На панели появилось миниатюрное изображение огромного сферического помещения с полупрозрачными зеленоватыми стенами, в котором имитировался весенний вечер. В центре помещения стояло гигантское дерево с узловатым изогнутым стволом. Вокруг ствола спиралью вилась хрустальная лестница, по которой неторопливо прогуливались люди.

Ветви дерева покрывала густая листва, похожая на пастельное конфетти. Меж ветвей медленно парили хрустальные платформы с увитыми цветами беседками и изящными столиками, за которыми сидели обедающие. Листья колыха-

лись под порывами легкого ветерка. Воздух был напоен тишайшей музыкой, похожей на перезвон серебряных колокольчиков.

— Есть также танцы на королевском озере Дуллаи, — продолжал бестелесный голос.

На экране появились пары, скользящие под аккорды старомодной мелодии по зеркальным водам озера, отражавшим звездное небо. Джулия узнала озеро и высокие башни города, который она посещала с дипломатической миссией несколько лет назад. Этот мир располагался на другом конце Галактики.

Изображение на экране потускнело.

— Кроме того, у нас есть несколько интересных разновидностей отдыха, в настоящее время доступных для общего использования, — продолжал голос. — Новый плавательный бассейн… музыкальные скачки… концерт в красках и движении, очень рекомендуемый в качестве…

— Достаточно, — перебила Джулия. — Пришлите мне лучшую модистку и включите горскую музыку Дуллаи. Я попробую ваши цветочные ароматы, но дайте их потоньше, на пределе обоняния. Я не хочу различать отдельные запахи.

Когда панель потускнела, Элия наградила свою хозяйку испепеляющим взглядом. Джулия рас-

смеялась.

— У меня хорошо получилось, не так ли? Во всяком случае, для человека, который еще ни разу здесь не был. Я целый месяц штудировала все, что могла найти по Сайриллу. Приятная музыка, правда?

В комнате тихо зазвучали жалобные дуллайские напевы. Эта печальная музыка была сочинена на далекой планете три поколения назад. Теперь ни один музыкант не умел играть на гибких металлических пластинках, но на Сайрилле все вещи были доступны… за свою цену.

— Кажется, ваша комната готова, принцесса, — сухо заметила Элия.

Джулия обернулась. В стене открылся широкий проем, за которым находилась длинная, низкая комната, освещенная неярким солнечным светом. Пол под ногами упруго пружинил, мягкие кресла и диваны словно приглашали проверить, как уютно на них сидеть. За панорамным окном, занимавшим дальнюю стену, зеленые морские валы разбивались брызгами пены на прибрежных скалах.

Спальня утопала в таинственных синеватых сумерках; овальный дверной проем напоминал газовую вуаль. Когда Джулия вошла внутрь, она

увидела, что помещение наполнено неощутимым благоуханным туманом.

Безымянные дизайнеры Сайрилла превзошли сами себя в убранстве спальни. Во-первых, там как будто не было пола. Тончайшая пленка серо-голубых искр, натянутая над черной бездной, — вот и все, что поддерживало вес вошедшего. Постель, похожая на облако в оправе из черной слоновой кости, парила над иллюзорным полом. Над головой медленно проплывали ночные облака, из-за которых выглядывали редкие звезды. Два мягких стула и шезлонг обладали любопытной способностью дрейфовать по комнате, вызывая неосознанное желание подхватить их и сесть.

В дальнем конце спальни за вуалью тумана располагался зеркальный альков, а за ним — вход в ванную, где журчал фонтан с подсвеченной ароматной водой.

Лицо Элии, рассматривавшей комнаты вместе со своей хозяйкой, выражало откровенную неприязнь. Ручной ллар, сидевший на плече Джулии, смотрел на все эти чудеса широко распахнутыми глазами и время от времени тихонько ворчал.

— Каковы ваши планы, принцесса? — решительно спросила Элия, когда они закончили

осмотр. Джулия недовольно покосилась на нее.

— Все очень просто, Я собираюсь провести несколько дней в развлечениях. Хочу заказать новые платья, посетить общественные мероприятия и узнать, каково быть обычной женщиной, встречающейся с обычными людьми.

— Если бы вы были обычной женщиной, тогда другое дело. Но вы принцесса, и у вас есть враги.

— Никто не знает, что я здесь. И не надо так мрачно смотреть на меня: я не собираюсь экспериментировать с экзотическими наркотиками! Кроме того, я способна позаботиться о себе, а остальное — вообще не твое дело.

— Все, что связано с вами, — это мое дело, принцесса, — ворчливо возразила Элия. — Другого у меня нет.

Где-то на Сайрилле молодой человек в ярком плаще сидел за завтраком перед широким окном, за которым открывался снежный ландшафт. Снаружи доносились тяжелые вздохи ветра, и время от времени ледяной порыв воздуха бодря щей струей проносился по комнате. Молодой человек поглаживал завитки короткой светлой бородки и со скептической усмешкой посматривал на своего собеседника.

— Я долго и тяжело трудился, — сказал он. —

Может быть, это Джулия с Эрикона, а может быть, и нет. Так или иначе, я собираюсь устроить себе небольшой отпуск.

— Пора прекращать играть в игры, Эгид, — произнес человек, сидевший по другую сторону стола. Его голос был настолько мощным и глубоким, что заполнял всю комнату, и бокалы на столе начинали тонко вибрировать. По-видимому, ему постоянно приходилось сдерживаться; если бы он позволил своему голосу зазвучать в полную силу, то стены могли обрушиться от могучего сотрясения.

Сам человек был под стать своему голосу. Он носил длинную кольчугу, выкованную специально для защиты от ударов огненных мечей. Его волосы, короткая борода, кустистые брови и сердитые глаза под ними имели рыжевато-кирпичный оттенок. Рыжие волоски покрывали перекатывающиеся мускулы на его мощных руках, сложенных на столе. Жизненная сила, как марево в жаркий день, исходила от его огромного тела и сверкала в глазах на грубо вылепленном, покрытом шрамами лице.

— Я нанимал тебя не для того, чтобы ты был моей совестью, Джейр, — холодно произнес молодой человек. Он немного подумал над своими

словами. — А может быть, и для этого тоже.

Он отодвинул свой стул и встал, запахнувшись в возмутительно яркий плащ.

— Мне не нравится эта работа.

— В самом деле? — озадаченно спросил рыжий гигант. Эгид покосился на него.

— Не беспокойся, я пойду. Интересно, какая она из себя? Ястребиное лицо, нос вроде клюва… Придется ли мне целовать ее ноги?

— Она здесь инкогнито, — серьезно ответил Джейр. Бокалы снова зазвенели от его громоподобного голоса.

Эгид помедлил перед зеркалом, любуясь складками плаща, свободно падавшими с его плеч. Он был довольно крупным мужчиной, но рядом с Джейром казался мальчиком. Однако любой, увидев их вместе, мог подметить странную неуверенность, сквозившую в мужественном голосе и манерах Джейра. Сейчас он наблюдал за Эгидом, стараясь не показывать своего беспокойства.

Молодой человек передернул плечами.

— Бр-рр! На что приходится идти человеку, чтобы изменить судьбы Галактики! Ладно, если я выживу, то вернусь. Подожди меня.

— Ты убьешь ее?

— Если смогу.

— Это нужно сделать. Или ты предпочитаешь, чтобы это сделал я, но позднее?

Эгид холодно взглянул на него.

— Нет, — ответил он после секундной паузы. — Она этого не заслуживает. Сначала посмотрим, что она из себя представляет. Если она не исчадие ада, то я избавлю ее от твоих методов и убью по-своему — ласково.

Он повернулся к двери, взмахнув плащом. Джейр сидел неподвижно, наблюдая за его уходом.

— Должно быть, это модистка, — сказала Элия.

Негромкая мелодичная нота, прозвучавшая у входа, предшествовала сладостным звукам уже знакомого нечеловеческого голоса. Джулия с интересом повернулась к двери.

Лучшая модистка на Сайрилле оказалась маленькой изящной женщиной с тихим голосом, розовой кожей и узкими глазами расы, населявшей три планеты вокруг одного из солнц на окраине Галактики. От нее исходило ощущение безличного профессионализма. Казалось, она больше не видит человеческих лиц и не интересуется ими. Когда она вошла в комнату, ее глаза были опущены, но отнюдь не из раболепной покорности. Эта женщина была великим мастером

своего дела и могла рассчитывать на должное уважение.

Работа над новым платьем происходила перед зеркальным альковом в спальне. Элия, воинственно выпятив челюсть, принялась раздевать свою хозяйку. Она сняла новый военный мундир, сапоги со шпорами, оружие, сияющий шлем. Из-под шлема хлынула волна темно-золотистых волос. Джулия спокойно стояла под оценивающим взглядом новоприбывшей.

Она уже не была бесполой принцессой Лайоне. Надменность и холодная сосредоточенность никуда не делись, но сейчас, когда она стояла на перепутье между новой и старой личностью, ее длинные, прекрасной формы руки и ноги и тренированные изгибы стройного тела производили впечатление восковой безжизненности. Внезапно Джулию охватило негодование, даже смущение перед шагом, который она решилась сделать. Было унизительно признать, что тот самый шаг к презираемой женственности, которую она отвергала в течение всей жизни, сейчас приобретает первостепенное значение.

Ее бесстрастность, очевидно, озадачила модистку, продолжавшую задумчиво рассматривать свою клиентку.

— Предполагается ли достижение какого-то определенного эффекта? — осведомилась она через некоторое время, прибегнув к неуклюжему обращению в третьем лице, принятому на Сайрилле при общении с клиентами.

Джулия подавила желание ответить сердитым отказом. Она стыдилась своего смущения. Это было ее первой экскурсией в неведомое, первой сознательной попыткой обрести женственность. Она так сильно отождествляла себя с амазонками, что теперь ей было трудно признаться даже себе самой, чего же она хочет.

— Нет, — ответила она, повернув к женщине гладкое загорелое плечо. — Я доверяю вашей интуиции.

Модистка оглядела ее. Она была слишком хорошо вышколена, чтобы смотреть в лицо клиентам, зато обратила внимание на снятый мундир и мускулистое, тренированное тело. Этого было вполне достаточно, чтобы угадать требования заказчика. Если бы модистка не обладала крайне чувствительным восприятием, ей бы не удалось сделать головокружительную карьеру, поднявшись к высотам Сайрилла с захолустной планетки. Она прищурила и без того узкие глаза и задумчиво поджала губы. Эту клиентку понадо-

бится осторожно убеждать, чтобы внушить ей то, чего она хочет на самом деле.

— Вчера, когда я наблюдала за танцующими на озере Дуллаи, меня посетила одна мысль, — пробормотала она своим тихим, мурлыкающим голосом. — Темное платье, сотканное из теней и звездного света… Для него нужно безупречное сложение, поскольку даже оттенок нижнего белья может испортить эффект.

Она немного погрешила против истины, но это тоже служило ее цели. Теперь Джулия будет относиться к платью не как к олицетворению романтики, но как к продолжению своего прекрасного тела.

— С вашего разрешения, я попробую сделать такое платье, — продолжал тихий, настойчивый голос. Джулия холодно кивнула.

Модистка приложила ладонь к стене рядом с альковом и отодвинула длинную панель, открыв свой рабочий аппарат. Джулия смотрела с искренним интересом, и даже женские инстинкты Элии, вытравленные долгой военной службой, дали знать о себе — это было видно по тому, как заблестели глаза старой амазонки. По-видимому, снаряжение модистки было доставлено в нишу за передвижной панелью незадолго до ее прихода,

поскольку на длинной вешалке в другом конце проема все еще находился целый гардероб ее последнего клиента. Все предметы туалета были окрашены во всевозможные оттенки розового. Полки и выдвижные ящики находились в полном беспорядке. Очевидно, мастерство модистки было достаточно велико и позволяло ей удовлетворять свои капризы даже за счет аккуратности.

Женщина нажала на кнопку. Розовая радуга отодвинулась в сторону и исчезла. На ее место со щелчком встала панель, на которой висело множество отрезов тканей: сатина, блестевшего как темная вода, облаков газовой вуали и тонкого бархата, похожего на черный пепел.

Движения модистки были столь четкими и проворными, что ее работа казалась скорее детской игрой или волшебством. Она выбрала оттенок тусклого шелка, вытянула несколько ярдов ткани через прорезь, отрезала ее и, подобно скульптору, формующему глину, начала создавать платье прямо на теле Джулии. Работа сопровождалась быстрыми, нервными щелчками ножниц. Меньше чем за минуту Джулия от плеч до лодыжек была облачена в одеяние, безупречно облегавшее каждый изгиб ее тела и ниспадавшее к ногам мягкими, роскошными складками.

Модистка сдвинула в сторону остатки ненужного теперь шелка и сейчас вытягивала целое облако газовой вуали, окутавшее ее темным туманом. Джулия чуть не ахнула, когда это облако опустилось на нее. Оно было слишком тонким для тканой материи. Умелые руки модистки быстро прикасались то тут, то там к этому облаку газа, формируя облачные складки и укрепляя их на платье. Через несколько секунд она отступила в сторону и жестом указала на зеркало.

Джулия обернулась. Высокая незнакомка в зеркале определенно не была ею. Мускулистое, асексуальное тело внезапно приобрело мягкие бархатистые очертания под плотной тканью. Повсюду вокруг нее, паря в воздухе, когда она двигалась, плавали клубы темного газа, подобранные с таким совершенством, что она казалась воплощенным обаянием.

— И последнее, — улыбнулась модистка.

Она вынула из ящичка пригоршню блесток, похожих на сверкающую серебряную пыль, и щедро посыпала ими складки газовой вуали.

— Повернитесь, — попросила она.

Джулия зачарованно смотрела, как крошечные звездочки магнетически прилипают к ткани, образуя искристую дымку, шлейфом плывущую

за ней и растворяющуюся в воздухе. Она снова повернулась к зеркалу и увидела незнакомку, глядящую на нее сияющими фиолетовыми глазами. Как и раньше, ее лицо было холодным и высокомерным. Но теперь высокомерие подпитывалось и смягчалось сознанием собственной красоты.

Джулия наконец узнала себя в зеркале; лишь платье казалось странным, непривычно преломляя знакомые черты. Впервые в жизни она ощутила сосущую неуверенность в себе. Даже сознание того, что сами звезды были объектами ее прихоти, не могло развеять это ощущение. Она глубоко вздохнула и с мрачной решимостью посмотрела в глаза своему отражению.

Двери крошечного лифта разошлись в стороны, и Джулия вышла на ступени хрустальной лестницы, обвивавшей ствол огромного дерева в центральном зале. Секунду-другую она стояла неподвижно, пытаясь обрести поддержку в своем привычном высокомерии. Здесь, в этих зеленых весенних сумерках, где легкое дыхание ветерка приносило с собой музыку, обрывки разговоров и запахи изысканных духов, ее внезапно охватила неуверенность. Ей не было места здесь — в непривычной женской одежде, без удобного мундира и

шлема. Она может порвать тонкую ткань своей размашистой походкой. Сейчас все увидят ее и сразу же узнают женщину-воина, вырядившуюся в нелепый маскарадный наряд.

Но никто не обращал на нее внимания, и это само по себе было унижением. Пожалуй, она и впрямь совершенно непривлекательна. Ей незачем носить мягкие шелковые платья: ни один мужчина все равно не взглянет на нее иначе как на воительницу и наследницу трона.

Джулия расправила плечи под газовой вуалью и повернулась к официанту, который переключил рычажок на маленьком цилиндре, прикрепленном к тыльной стороне его ладони, и направил невидимый луч на пустую платформу, парящую посреди огромного зала. Платформа поплыла к ним, мягко огибая возникавшие на ее пути препятствия. Она прошуршала в листве над ними, а затем Джулия оперлась на услужливо подставленную руку официанта и ступила на поверхность маленькой площадки. Она ожидала, что пол слегка качнется под ее ногами, но он остался ровным, как если бы покоился на скале.

Она опустилась в упругие объятия полупрозрачного кресла, оперлась локтями на столик и задумчиво заказала изысканный, обманчи-

во-безобидный коктейль. Заказ появился почти мгновенно — в стеклянной сфере абрикосового цвета на узком пьедестале. Стеклянная трубочка для питья поднималась плавным изгибом от верхнего края сосуда. Сама сфера серебрилась от инея.

— Поднимите меня, — скомандовала она официанту и с мрачной решимостью сделала первый глоток. Платформа медленно воспарила среди ветвей. Случайное течение подхватило ее и медленно понесло по широкой дуге мимо других платформ, где сидели пары, оживленно беседовавшие за экзотическими напитками. Джулия чувствовала себя очень одинокой и остро переживала происходящее.

Молодой человек в ярком плаще, стоявший на спиральной лестнице, задумчиво наблюдал за нею. Бывают случаи, подумал он, когда даже наиболее достойные доверия информаторы совершают ошибки. Он решил, что это как раз такой случай. Уже некоторое время он ждал здесь, терпеливо наблюдая за хрустальной лестницей. Внешность принцессы-амазонки с Эрикона была хорошо знакома ему из передач новостей, и он оказался бессилен определить строгую армейскую выправку в осанке этой женщины,

утопавшей в газовом облаке, чье роскошное платье дышало мерцающей звездной пылью.

Молодой человек очень хорошо знал, на какие чудеса способны мастера-кутюрье Сайрилла, но все же не верил, что их волшебство могло сотворить такое чудо. Улыбнувшись уголком рта, он пожал плечами. Будет интересно выяснить!

Продолжая наблюдать за дрейфующей платформой, он медленно поднимался по лестнице.

Джулия следила за опускающимся уровнем жидкости в своем заиндевевшем бокале и с некоторой иронией отмечала, как соответственно поднимается ее настроение.

Напряжение первых минут заметно спало; от коктейля ее разум одновременно затуманился и заиграл новыми красками, чем-то напоминавшими ее новое платье. Это было изысканное ощущение — свободно парить вместе с порывами благоуханного ветерка и тихой музыкой, звенящей в зеленоватых сумерках.

Джулия смотрела, как мимо проплывают другие отдыхающие, наполовину скрытые за густой, похожей на конфетти листвой живых беседок. Ей показалось, что она узнает некоторые лица. Сайрилл определенно не был местом для развлечения рядовых граждан Галактики. Чтобы

попасть сюда, нужно было предоставить надежнейшие кредитные гарантии, и отнюдь не все клиенты приезжали инкогнито. Разумеется, на Сайрилле вволю наслаждались запретными удовольствиями, но здесь также показывали себя и смотрели на других. Богачи и аристократы со всей Галактики с особенной гордостью демонстрировали здесь свои роскошные наряды и красоту своих спутниц, поскольку сам факт присутствия на Сайрилле свидетельствовал о богатстве и родовитости.

Внимание Джулии привлекла алая вспышка, мелькнувшая на платформе, пролетавшей за густой листвой. Она вспомнила, что уже видела этот кричащий плащ на юноше, стоявшем на лестнице, и задумалась о характере человека, способного носить такой наряд. Плащ был специально скроен так, чтобы напоминать водопад яркой артериальной крови, каскадом струящийся с плеч. Его оттенки постоянно двигались и изменялись, так что наблюдатель инстинктивно смотрел вниз, готовый увидеть лужицу алой крови, натекшую у ног владельца необычного одеяния.

Теперь это кровавое наваждение искусно лавировало между ветвями на парящей платформе.

Платформа повернулась, и Джулия увидела арку живой беседки. В течение нескольких секунд, пока они проплывали в разных направлениях, она всматривалась в заинтересованное лицо молодого человека с вьющимися волосами цвета спелой пшеницы и короткой светлой бородкой. Его взгляд следовал за нею все это время, и Джулия внезапно просияла, сбросив с себя сладкую истому, навеянную коктейлем. Вот оно! Это было то, на что она надеялась, хотя и не хотела признаваться в этом даже самой себе. В центре стола, на который она облокотилась, засияла матовая панель.

— Молодой человек в алом плаще только что попросил разрешения поговорить с дамой, сидящей за этим столиком, — произнес вездесущий, нечеловечески нежный голосок справочной службы Сайрилла. — Он не пожелал назвать свое имя, но, согласно нашему досье, вы можете быть уверены в том, что он принадлежит к благородному роду и имеет хорошую репутацию, за исключением легкой склонности к флирту, о чем вы уже предупреждены. Он обладает навыками в боевых искусствах, разбирается в большинстве течений современной музыки, любит спортивные игры и увлекается музицированием. Если вы

желаете завязать знакомство с ним, нажмите на кнопку, вмонтированную в левую ручку кресла, для отключения защитного силового поля.

Джулия с трудом удержалась от смеха, слушая эту забавную смесь рекомендаций, сведений об общественном положении и наивных предостережений, предварявшую неформальную встречу. Она подумала, не мог ли мужчина таким же образом получить информацию о ней, а затем решила, что без ее разрешения это было бы невозможно.

Потом Джулия задалась вопросом, как бы поступила другая женщина на ее месте. После нескольких секунд почти панического замешательства она положила руку на левую ручку кресла и нажала на кнопку.

Пока совершалось представление, другая платформа описала широкую дугу вокруг центрального ствола. Теперь она зависла напротив ее беседки, и Джулия увидела, что мужчина в алом плаще тоже положил руку на ручку своего кресла.

— Вы позволите? — спросил он приятным голосом через разделявшие их зеленые сумерки.

Джулия слегка наклонила голову, увенчанную высокой прической; вуаль закрывала верхнюю часть ее лица. Платформа молодого человека в

алом плаще подплыла ближе и состыковалась с ее платформой. Молодой человек встал и вышел из беседки, взмахнув широкими полами своего кровавого плаща, экстравагантно развевавшимися на легком ветру.

Джулия наслаждалась чувством уверенности в себе. Она, по крайней мере частично, достигла желаемого. Без сомнения, этот случай доказывал ее способность соперничать с другими женщинами на их собственной почве, зыбкой и загадочной.

В конце концов, Джулия не смогла бы до бесконечности играть роль обычной женщины: слишком долго покорные планеты вращались по своим орбитам перед ее царственными предками. В ее изящных точеных чертах, скрытых под темной вуалью, мало-помалу начало проступать привычное выражение высокомерия и нетерпимости.

Она кивком указала незнакомцу на стул напротив себя, внимательно разглядывая его из-под тонкой паутины вуали. Его голубые глаза улыбались ей в ответ, Он выглядел фатовато, но сложен был на диво, и она заметила, как агрессивно выпирают его плечи под плащом цвета свежей крови. Ну как может человек с такими плечами заниматься музицированием, если вся Галактика

стоит на грани кровавой бойни?

Отголоски этой бойни здесь, на Сайрилле, на мгновение предстали перед мысленным взором Джулии. Не оставалось сомнений, что в скором времени война подступит к священным границам Эрикона. Она представила себе, как бомбы х'вани сокрушают прекрасную сферу, внутри которой они сейчас парили, как огромный древесный ствол содрогается до основания и с грохотом рушится, сметая ветвями дрейфующие хрустальные платформы. Она представила, как выходят из строя генераторы и выключается свет, услышала предсмертные крики и стоны, оглашающие разрушенный Эдем. Она увидела тьму внешнего космоса с мерцающими холодными звездами и огромный светящийся шар Эрикона, нависающий над разбитыми стенами Сайрилла.

Молодой человек, по-видимому, не разделял ее мрачных предчувствий. Опустившись в предложенное ему кресло, он удобно вытянул свои длинные ноги. Вместе с ним на стол перекочевал хрустальный бокал в виде длинного уплощенного кувшина с закрытой крышкой, оставлявшей лишь тонкую прорезь для питья. Сине-зеленая жидкость внутри слабо колыхалась в такт движению платформы.

Он обезоруживающе улыбался Джулии, и она ощутила невольное расположение к нему. От него исходили мощные флюиды обаяния, и хотя она пренебрежительно относилась к способностям такого рода, но все же не могла полностью игнорировать его улыбку.

— Это Сайрилл в его лучшем виде, — произнес он и указал на окружавшие их уютные сумерки. Маленький островок плыл по длинной нисходящей спирали. — Может быть, — задумчиво продолжал он, — в самом лучшем виде, который я знаю.

Джулия смерила его взглядом из-под вуали.

— Самые заветные мечты, — с серьезным видом пояснил он. — Мы все прибыли сюда ради этого, не так ли? Но то, что мы получаем здесь, зачастую превосходит самые смелые фантазии. Вот вы, к примеру… — Снова чарующая улыбка, одновременно отталкивающая и привлекающая ее. — Если бы это был сон, то я бы мог проснуться в любой момент. Но поскольку это не сон…

Секунду-другую он смотрел на нее в молчании. Ветерок шелестел листьями вокруг них, внизу проплывали зеленоватые пространства.

— Может быть, вы принцесса, — продолжал он, словно размышляя. — Или синтетическое

существо, созданное местным волшебством, — я слышал о подобных вещах на Сайрилле. Возможно, у вас нет голоса и вас сделали для того, чтобы сидеть здесь, улыбаться и прекрасно выглядеть. Будет ли слишком большой смелостью с моей стороны надеяться на то, что вы живая, а не андроид?

«Этот молодой человек слишком зарывается и явно упивается собственным красноречием, — подумала Джулия. — С другой стороны, мне это нравится».

Она промолчала, но улыбнулась и слегка наклонила голову в знак внимания. Вуаль всколыхнулась, замерцав яркими огоньками блесток. Молодой человек смотрел на нее, наполовину зачарованный собственной фантазией, наполовину убежденный в том, что она в самом деле может оказаться одним из знаменитых андроидов Сайрилла, наделенных сверхчеловеческой красотой и обаянием.

— Но если это так, — продолжал он, — если вы только вчера родились из матрицы, то, интересно, о чем мы могли бы поговорить?

Джулия решила, что ее час настал.

— Мы бы могли поговорить о мирах, которые вы посещали, — тихим, отрешенным голосом

сказала она. — Вы бы могли рассказать мне о том, что находится за стенами Сайрилла.

Молодой человек восхищенно улыбнулся ей.

— У вас прекрасный голос. Но я предпочел бы показать вам миры, а не рассказывать о них. Что бы вы хотели посмотреть?

— А что вам нравится больше всего?

Эгид поднял свой хрустальный кувшин и поднес прорезь ко рту, проглотив несколько капель сине-зеленой жидкости. Он закрыл глаза и покатал выпитое на языке. Пары крепкого напитка ударили в голову, наполнив его блаженной истомой, но не притупив остроту мысли. Он размышлял о том, придется ли ему убить это восхитительное существо, и если придется, то какой метод будет наиболее безопасным — удавка, нож или маленький пистолет, который он носил под поясом.

— Точно не знаю, — вслух ответил он. — Вам придется помочь мне с решением. Если мы найдем достаточно прекрасный мир, я возьму вас туда сегодня вечером.

Он склонился над панелью, вделанной в крышку стола, и что-то коротко произнес.

— Теперь смотрите, — предложил он.

Джулия подалась вперед, положив руки на

облачную поверхность. Вуаль закрывала ее лицо облачной пеленой, в которой мерцали маленькие искры. Сблизив головы, они наблюдали за изображениями, появлявшимися и исчезавшими на панели.

Их островок описывал длинную дугу меж ветвей, увлекаемый воздушным течением, пока они рассматривали красоты различных миров.

— А знаете, — небрежно заметил Эгид, — ведь сейчас мы делаем то, что доступно лишь императорам Эрикона.

Наблюдая за отражением Джулии на крышке стола, он увидел, как выражение ее лица резко изменилось, и улыбнулся. Да, возможно, это она.

— Мы устраиваем парад миров ради своего развлечения, — продолжал он. — Я буду императором и подарю вам один на выбор. Каково будет ваше решение?

Джулия колебалась между смехом и возмущением. Неужели представители младших рас действительно смеют вести подобные речи, проявляя открытое неуважение даже к императору Галактики? Она не знала и не хотела гадать. Сейчас она могла лишь проглотить неумышленное оскорбление и сделать вид, что принимает предложенную игру.

— Вот, — сказала она, указав изящным пальцем на экран. — Подарите мне этот город.

— Йоргана принадлежит вам, — провозгласил он и сделал царственный жест, заставивший складки его плаща всколыхнуться внезапной кровавой волной.

Огромные раскидистые ветви быстрее понеслись мимо, когда их платформа устремилась к стволу дерева и к хрустальной лестнице.

Джулия привыкла к неформальному общению со своими офицерами и советниками. Она никогда не настаивала на полном соблюдении всех правил этикета и своих наследных прав, которые в некоторых случаях граничили с полубожественностью. Но сейчас она впервые осознала, что еще никто до сих пор не чувствовал себя непринужденно в ее присутствии.

Пока они поднимались по лестнице к лифту, ей еще не раз пришлось сдерживать смех или раздражение поведением молодого человека. До сих пор никто даже в шутку не предлагал ей того, что мог предложить лишь император; никто не мог и помыслить о том, чтобы указывать ей. Джулия была заинтригована, но она понимала, что ее интерес продлится недолго.

Настоящая Йоргана уже тысячу лет лежала в

руинах. Но здесь, на Сайрилле, она волшебным образом восстала из праха: чудесный город каналов и широких водных пространств, озаренных странным, изменчивым светом трех лун.

Они гуляли по широким улицам, останавливались на ажурных мостах, бросали камешки в дробящиеся отражения на воде каналов. Сначала в их общении ощущалась определенная неловкость и взаимная сдержанность, но вскоре напряжение заметно уменьшилось. Круг тем был ограничен, поскольку ее спутник, по-видимому, так же старался сохранить свое инкогнито, как и Джулия. Поэтому они разговаривали в основном о Сайрилле и о многочисленных чудесах этого места. Они беседовали о библиотеках, где хранились музыкальные записи всех времен и народов, и об особенностях музыкальной медитации, приобретавшей популярность в последнее время.

Они строили догадки о национальности, происхождении и социальном положении пешеходов, встречавшихся на призрачных улицах Йорганы. Они говорили о темных уголках Сайрилла, где ужас и красота смешивались в угоду извращенному воображению любителей кошмаров.

Джулия изумлялась тому, какое удовольствие доставляет ей этот вечер. Они сидели за малень-

ким столиком на террасе с видом на город, пили терпкое красное вино и молчали, наблюдая за тремя лунами Йорганы, совершавшими свой путь в ночном небе.

Они плыли в лодке по извилистым каналам, под балконами и галереями, нависавшими сверху, как темные цветы. Эгид напевал нежные романтические баллады, и ночь неожиданно приобрела театральное очарование. Однажды он наклонился к Джулии, заставив лодку слегка покачнуться, и довольно долго медлил в нерешительности, пока она, внутренне сжавшись, готовилась отразить любые заигрывания с его стороны. Она плохо разбиралась в таких вопросах, но инстинктивно чувствовала, что нельзя торопить события. Когда он с глубоким вздохом опустился обратно, она испытала облегчение, к которому примешивалось сожаление.

За исключением этого незначительного инцидента у Джулии не было оснований не доверять своему спутнику. Тем не менее она все-таки не доверяла ему. В этом не было логики. Его нежность и обходительность задевали чувствительные струны в ее душе, но недоверие коренилось глубже. Это было не телепатическое восприятие его мыслей, но скорее впечатление, производимое

самим человеком, его манерой держаться. Он казался слишком мягким, что не вязалось с его мощным телосложением и пружинистой походкой спортсмена. Джулия почувствовала на его ладони мозоли от оружия, когда он помогал ей спуститься в лодку, и поняла, что имеет дело не с таким беззаботным повесой, какого он из себя изображал. Некоторые небрежные реплики выдавали его.

Беспокойство Джулии достигло максимума в конце вечера, когда они танцевали на черном звездном зеркале озера Дуллаи, где уменьшенная гравитация позволяла им двигаться плавными, скользящими шагами в такт приливам и отливам мелодии. Джулия с особенной остротой ощущала совершенство своего платья в этом месте, вдохновившем модистку на его создание. Она была частью темных, плывущих теней; облака легкой вуали колыхались за ее спиной, пронизанные мерцающими звездами. Сам танец тоже был совершенством. Их обоих удивлял неутомимый ритм движения тел — это было похоже на танец во сне, неземной полет в объятиях музыки.

Танец заставил их забыть обо всем. Запреты и ограничения исчезали, пока музыка несла их медленными, головокружительными спиралями

по усыпанному звездами полу. Они молчали. Они даже не думали. Время как будто остановилось, и осталась лишь музыка, пьянящая сильнее, чем вино.

Они знали друг друга уже целую вечность. Слившись в одно целое, они протанцевали последние аккорды и остановились под отзвуки замирающего эха. Они смотрели друг на друга в зачарованном оцепенении, словно пробудившись от глубокого сна, наполненного самыми невероятными фантазиями.

Сейчас они стояли в маленькой роще на берегу озера. Иллюзорная вода плескалась у их ног. Здесь они были совершенно одни. Музыка как будто поднималась от поверхности озера и воспаряла над их головами среди шелестящих листьев. Джулия внезапно заметила, что Эгид напряженно замер и смотрит на нее со странным вызовом. Его глаза тревожно поблескивали в полумраке. Он потянулся к ней; в этом жесте было что-то столь жестокое и целенаправленное, что она отпрянула. Если бы он собирался поцеловать ее, то его лицо выглядело бы не так пугающе, а глаза блестели бы по-иному.

Вероятно, даже Эгид не вполне отдавал себе отчет в том, что он собирался сделать. Какое-то

время они глядели друг на друга в напряженном молчании, а затем юноша опустил руки и с тяжелым вздохом отступил назад.

Джулия поняла, что им пора прощаться.

Когда она вернулась в свои тихие апартаменты, солнце по-прежнему ярко сверкало над морским пейзажем за окнами гостиной. Разумеется, на самом деле никакой ночи не было. На Сайрилле время суток менялось по желанию клиента, а в общественных помещениях оставалось неизменным до установки новых декораций.

Элия подняла голову и окинула принцессу быстрым, изучающим взглядом. Джулия молча прошла в синий туман спальни, неслышно ступая по мерцающему полу. По ее телу разливалась сладостная усталость. Разум затуманился, как облачная постель, зовущая в свои мягкие объятия. В глубине расслабленного сознания Джулии еще обитало беспокойство, связанное с той последней сиеной у озера, но ей не хотелось думать об этом.

Она предавалась приятным воспоминаниям о романтичном свидании, без всякой досады подмечая, как умело ее спутник менял тему беседы и настроение встречи, как увлекал ее за собой даже вопреки осознанному желанию. Он умышленно разыграл перед нею несколько сцен самого

возмутительного романтизма, с прогулками при луне, цветами, журчащими ручьями и сладкоголосым пением. Джулия смутно ощущала, что, если бы упор на романтику не был таким очевидным, их встреча выглядела бы смехотворно, но весь этот романтический антураж настолько притупил ее чувства, что фальшивая нежность ухаживаний ее спутника выглядела совершенно естественно. Ближе к концу, подумала она, он превзошел самого себя. Каким бы ни было его первоначальное намерение, в этом безвременном, чарующем танце он попался в собственную золоченую ловушку.

А потом, когда он потянулся к ней со странной решимостью и пугающим блеском в глазах… Но в конце концов, что странного может быть в обычном поцелуе? Разумеется, с ее стороны было глупостью вкладывать в этот жест более угрожающий смысл. Она встретится с ним снова и тогда узнает.

Джулия внезапно поняла, что она уже довольно долго стоит посреди комнаты и невидящим взглядом смотрит на проплывающие мимо предметы обстановки, снова и снова вспоминая растворяющую нежность музыки и ритм их движений.

— Черт бы его побрал! — сказала она вслух и

прошла через туманный занавес в ванную. Чудесное платье, которое она носила весь вечер, волнами улеглось на полу, и Джулия подставила лицо под освежающие водные струи.

Ее сны в облачной постели были прекрасными и волнующими.

— Мы знакомы уже три дня, — сказала Джулия. — И я вполне могу сказать тебе, что ты мне не нравишься. Твой вид тоже не внушает доверия. Не могу понять, почему я здесь остаюсь…

— Все дело в моей неоценимой способности к приятному времяпрепровождению. — Эгид задумчиво погладил короткую светлую бородку. — Я и не ожидал доверия, но нравиться женщинам — совсем другое дело. Может быть, проблема заключается в кратковременности нашего знакомства?

— Дай мне сандвич, — попросила Джулия. Эгид подвинул к ней корзинку с сандвичами.

— Со временем я могу разобраться, если это все, что тебя беспокоит, — продолжал он. — Смотри!

Он взял светящийся диск, лежавший рядом с ним, и что-то пробормотал. В ту же секунду яркий солнечный свет, струившийся сверху, начал таять, сменившись приятными сумерками.

Они завтракали в обстановке бесхитростной

детской фантазии — на облаке, проплывавшем над поверхностью несуществующей планеты. На Сайрилле человеческое тело могло наслаждаться любыми удовольствиями, изобретенными человеческим разумом. Разум мог раздвинуть стены комнаты, так что освещенное солнцем пространство казалось бесконечным во всех направлениях. Они могли опираться на снежно-белые клубы и смотреть, как тень их облака движется по светло-зеленым контурам мира, медленно вращавшегося далеко внизу. Воплощение мечты, известной каждому ребенку, заставило Джулию забыть о прошлом, и она ощущала, что ее спутник тоже расслабился. В эти беззаботные дни его очарование было почти неотразимым, словно он, как и она, специально избавился от всякой ответственности, воспоминаний о былых обязанностях и теперь интересовался лишь ею да своим красноречием. Джулия обнаружила, что может сидеть здесь и слушать глупости, которые льются из его уст, совершенно не отдавая себе отчета в том, что она была и снова должна стать принцессой Эрикона. Ни одна тень не омрачала настоящего, и ей не хотелось заглядывать в будущее.

Над миром внизу сгущался вечер. Воздух по-

тускнел, и огромные мягкие клубы облака, на котором они сидели, окрасились нежнейшим розовым цветом. В небе замерцала одна звезда, потом другая. Наступила ночь, и в бархатной черноте наверху зажглись яркие созвездия. Затем за отдаленным горным хребтом забрезжил рассвет. Воздух засверкал; роса щедро сбрызнула лик пробуждающегося мира.

— Видишь? — спросил Эгид. — Вот и завтрашний день наступил.

Джулия снисходительно улыбнулась ему, наблюдая, как утро быстро движется по планете. Эгид не пытался остановить его продвижение, и тени внизу быстро удлинились, когда день снова начал клониться к вечеру. Сказочный закат расцветил все вокруг золотом и багрянцем; небо стало зеленым, потом фиолетовым и опять бархатно-черным. Циклы повторялись все быстрее и быстрее — вечер, ночь, рассвет, день, снова вечер.

Когда внизу промелькнула целая неделя, Эгид обратился к своему диску, и ход времени замедлился до нормального. Он улыбнулся Джулии.

— Теперь мы знакомы уже десять дней. Тебе не кажется, что ты немного лучше знаешь меня?

— Я старела слишком быстро, чтобы заметить

это. — Она тоже улыбнулась. — Как забавно быть богом!

Джулия приподнялась на локте и выглянула через край облака.

— Пусть там будут города, — сказала она и небрежно махнула рукой, вдоль которой как будто заструилась ярко-голубая вода, разбившись пеной радужных пузырьков вокруг запястья.

— Уже есть. — Эгид щелкнул пальцами, и над горизонтом замигали огоньки. — Устроим вечер и посмотрим, как они светятся?

Джулия кивнула. Свет вокруг них снова потускнел. Протянув руку, окутанную голубым сиянием, она смотрела, как отражения дробятся на гладкой поверхности ее рукава.

Вчера они плавали под парусом в ветреную погоду, а утром Эгид послал к Джулии модистку, окрыленный новой идеей. Поэтому сегодня она носила платье изменчивого сине-зеленого цвета, текучее, как морская вода, и разбивавшееся у ее ног брызгами кружевной пены.

В последние три дня они проводили вместе почти все время. Джулия почти забыла об инциденте, испугавшем ее в конце первой встречи. Ничего подобного больше не происходило. За ее спиной — возможно, но эти три дня были без-

облачными, полными смеха, легкомысленных бесед и разнообразных развлечений, доступных только на Сайрилле. У них по-прежнему не было имен друг для друга, но взаимное напряжение давно покинуло их. Джулия позволила своему недоверию отступить, и лишь какое-нибудь случайное слово ненадолго пробуждало прежние подозрения.

Так случилось и теперь. В любом другом месте и в любое другое время Джулия была бы не на шутку разгневана, но сейчас в ее голосе слышалось лишь легкое недовольство.

— У тебя декадентский склад ума, — сказала она. — Это отражается даже в твоей одежде.

Эгид с благодушным видом принялся рассматривать свой костюм, самой заметной частью которого была накидка из ярко-желтых волос, рассыпавшихся по плечам. Крепкое, мускулистое тело обтягивал влажно поблескивающий голубой комбинезон под цвет его глаз.

— О, я еще не пробовал массу вещей, — заверил он. — Огонь, дождь… Кстати, как тебе понравится гроза над нашими городами?

Джулия пожала плечами и посмотрела вниз, приподнявшись на локте.

— Не сейчас. Посмотри, как они прекрасны!

Внизу угасал багряный закат, и города загадочно мерцали огромными скоплениями огней, разбросанными по всему лику вечерней планеты.

— Посмотри вверх, — пробормотал Эгид. Его голос звучал приглушенно в искусственных сумерках. — Интересно, есть ли где-нибудь в Галактике такие звезды?

Звезды были огромными сияющими розетками, отливавшими красным, желтым и белым, прихотливо разбросанными на черном бархате ночи. Когда они улеглись на облаке и стали смотреть, сверху донеслись отдаленные звуки какой-то неземной мелодии.

Мелодия напомнила Джулии о музыке на озере и о незабываемом очаровании их танца. В следующее мгновение она поняла, что должна сесть и что-то сказать, чтобы разрушить крепнущие чары. Она не доверяла этим чарам. До сих пор она была достаточно осторожна и не позволяла себе с головой окунаться в новые ошеломительные мгновения, подобные первому. Даже мысль об объятиях Эгида была пугающей — вне всякой логики.

Мелодия медленно опускалась к ним неосязаемыми кружевами неги и томления. Звезды

сверкали в темноте, как огненные розы. Они плыли в пространстве, убаюкиваемые самым первым и наиболее памятным из всех движений — мягким покачиванием колыбели. Облако несло их над безмолвным миром, и звезды изливали на них свое очарование. Теперь было уже слишком поздно что-либо говорить.

Знакомая магия, лишающая мысли и растворяющая в себе, опустилась на облако, медленно парящее среди звезд. Реальность стремительно исчезала. Джулия услышала глубокий вздох своего спутника, а затем звезды померкли, закрытые силуэтом его головы и широких плеч, склонившихся над нею. Но что-то в их напряженных очертаниях развеяло нежную истому, владевшую ею. Охваченная ужасом, Джулия резко выпрямилась. Лицо Эгида скрывалось во тьме, но когда его руки потянулись к ней, все тщательно скрытые страхи вновь нахлынули на нее.

Прежде чем Джулия успела пошевелиться, он бросился на нее. Его сила была ошеломительной. Он без труда сдерживал ее сопротивление одной рукой, и она почувствовала, как мозолистая ладонь другой руки мягко легла ей на горло. В одно безрассудное мгновение, вне мыслей и чувств, Джулия постигла его намерение. Мысленно она

уже чувствовала, как эта рука с чудовищной нежностью усиливает свою хватку и ночь плывет красными разводами в ее угасающем сознании. Если это убийство, она должна помешать ему! Ее тело знало способ. Она поступала чисто инстинктивно, забыв о логике. С тихим вздохом она расслабилась в его объятиях и закрыла глаза. Ощутив, как его хватка на мгновение ослабла, она высвободила одну руку и обвила его шею.

То, что случилось потом, могло бы поразить их обоих, если бы в этот момент они были способны удивляться. Но их разум бездействовал. Как и во время танца, все противоречивые мысли исчезли без предупреждения и события управлялись лишь реакциями плоти. Джулия ощутила, как смутное предупреждение зашевелилось глубоко в ее сознании, под покровом грубого физического удовольствия от его поцелуев. Но сейчас она не хотела — нет, не могла думать об этом. Возможно, позднее она вспомнит… но не сейчас.

Звезды заметно потускнели, когда зрение вернулось к ней. Ее покрывала какая-то теплая мягкая ткань — плащ Эгида из колышущихся желтых волос. Ее голова покоилась на облачной подушке, в воздухе чувствовалась предрассветная свежесть, хотя ни один луч еще не пробивался

из-за горизонта. Она видела темный силуэт своего спутника на фоне звезд: он сидел рядом, опершись подбородком на кулак и глядя вниз.

Джулия взбила облачную массу за спиной и облокотилась на нее, наблюдая за ним. В ее сознании кружились бессвязные обрывки мыслей. Наконец его голова повернулась к ней. Его лицо было смутным пятном в полумраке, освещенном лишь гаснущими звездами. Они долго смотрели друг на друга в молчании.

Джулия проснулась в сумраке своей спальни и несколько секунд лежала неподвижно, разгоняя туман снов. Затем она пошевелилась и села в постели одним резким движением. Это был не сон!

— Свет! — произнесла она, шаря перед собой в темноте обеими руками, словно могла раздвинуть ее, как занавес. Кто-то, ожидавший за приемной панелью спальни, должно быть, услышал ее, поскольку темнота неожиданно рассеялась и комната озарилась розовым утренним сиянием.

Элия стояла в дверях; маленький ллар с безмятежным видом восседал на ее плече. На ее морщинистом лице не отражалось никаких эмоций, но в том, как она склонилась над своей хозяйкой, чувствовалась сдержанная нежность и

озабоченность.

— Я долго спала? — спросила Джулия.

Элия кивнула. Ллар протянул свои гибкие лапки и запустил их в темные волосы принцессы, с невероятной ловкостью и быстротой заплетая их между маленькими пальчиками, напоминавшими отростки морского анемона. Джулия погладила маленького зверька. Тот щелкнул острыми как бритва зубами и грациозным движением спрыгнул на пол.

— Мне кто-нибудь звонил?

— Еще нет, принцесса. — Суровый взгляд Элии начинал тревожить ее.

— Выйди, — приказала Джулия и села, обхватив руками колени и нахмурившись. В зеркалах спального алькова она могла видеть свое отражение: жесткое, застывшее лицо, похожее на восковой слепок. По ее спине пробежал холодок.

То, что произошло прошлой ночью, не поддавалось ее разумению. Сомкнулись бы его пальцы на ее горле, если бы она не выбрала единственный способ помешать этому? Или то была разновидность жестокой мужской ласки? Что могло пробудить в нем желание задушить ее? Но если он действительно хотел этого, если он соблазнял ее с определенной целью… что ж, значит, этого

следовало ожидать. Былое недоверие и неприязнь овладели Джулией. Декадентская одежда выдавала его, думала она, и чувственный рот, и небрежные замечания. Ему постоянно приходилось делать выбор; он разрывался между долгом и сентиментальностью. Нет, она никак не могла уважать его!

Все вокруг нее было иллюзией — она поняла это с внезапной холодной ясностью, которую не могло развеять никакое волшебство Сайрилла. Но эта опасная иллюзия угрожала целостности ее существа, способности здраво мыслить и рассуждать. Ни одна физическая угроза не могла наполнить ее таким ужасом. Когда амазонка отказывается от женственной мягкости тела и разума, она совершает осознанный выбор. Джулия ощущала в своем спутнике ту же самую холодную, несгибаемую преданность принципу, который служил основой ее собственной жизни. Но она знала, что ей лучше никогда не видеть его обезоруживающую улыбку — даже для того, чтобы решить для себя загадку прошлой ночи. Пусть тайна останется неразгаданной. Лучше уехать сейчас и забыть все, что случилось на облаке. Теперь Джулия знала, по какой зыбкой почве ходят обычные женщины, и ей не хотелось

снова ступать на эту почву.

— Элия! — позвала она через дверной проем, задернутый легкой завесой тумана. — Вызывай корабль: мы немедленно возвращаемся на Эрикон.

Эгид сидел, обхватив руками правое колено, откинув голову и глядя на поле бледных цветов, кивающих головками в лучах тройного солнца. Он не смотрел на Джейра. Сегодня на его плечах лежала мантия, сотканная из языков пламени.

— Ну, что скажешь? — спросил Джейр, стараясь сдерживать гремящую силу своего голоса.

Ответа не последовало. Джейр посмотрел на собственные руки, сжатые в кулаки. Он несколько раз сжал и разжал пальцы, наблюдая за игрой огромных мускулов под рыжей порослью волос.

— Она узнала тебя? — спросил он.

Эгид взял бокал с низкого столика и задумчиво повертел его в руке.

— Ах, вот ты о чем, — равнодушно отозвался он. — Ложная тревога, Джейр.

— Ложная тревога? — Бокал дрогнул в руке Эгида от раскатов громоподобного голоса. Гигант снова сжал кулаки. — Так, значит, это все-таки не дочь императора?

Эгид смерил своего спутника холодным взгля-

дом голубых глаз и улыбнулся.

— Не стоит, — сказал он. — Нет смысла производить на меня впечатление. Иногда я забываю, как хорошо ты знаешь свое дело, Джейр.

— Ты хочешь сказать, что мы зря потратили столько времени и денег? — громыхнул Джейр.

— Не думаю, что они потрачены зря. Во всяком случае, я с пользой провел время. Но нам лучше уехать сегодня же. Это не дочь императора!

Капли дождя барабанили по хрустальному куполу и стекали вниз длинными извилистыми струями, затуманивая вид на зеленые холмы Эрикона. Внутри огромного камина, украшенного резными барельефными изображениями давно забытых богов, негромко потрескивал огонь.

Дождь снаружи, нагретый камин, молчание людей, находившихся в комнате, — все это располагало к мирным размышлениям. Но панель коммуникатора, укрепленная над каминной полкой, была похожа на окно, распахнутое навстречу смерти и разрушениям. Люди, сидевшие за столом, напряженно застыли в своих креслах, глядя на изможденное, окровавленное лицо человека, обращавшегося к ним с экрана.

Голос и изображение переносились через огромные расстояния в темных пространствах

между мирами. Возможно, говоривший был уже мертв; вызов пришел с планеты, удаленной от Эрикона на много световых лет.

— Дуннар только что капитулировал перед х'вани, — устало сообщил он. — У нас не было ни единого шанса. Они обрушились на планету волна за волной, уничтожая все, что двигалось. Штурмовые группы высадились на ночную сторону, затем началась бомбардировка. Наши линии обороны были буквально сметены. Кроме того, обнаружилось большое количество вражеских шпионов; некоторые уже наведенные ракеты взрывались прямо на земле. Берегитесь, х'вани собираются...

По экрану за спиной говорившего промелькнул объятый пламенем глайдер. Секунду спустя послышались глухие звуки разрывов. Мужчина быстро оглянулся через плечо, затем наклонился к экрану и заговорил быстрее. Треск пламени заглушали чьи-то крики. Шум снаружи напоминал стрельбу. Человек на экране уже кричал, но его голос был почти не слышен за грохотом уничтожения Дуннара.

— Оружие... — говорил он. — Нам удалось послать одного человека на быстроходном корабле... привезет вам образец...

Сверкающий луч прорезал пространство между лицом и экраном. Губы за огненной завесой еще шевелились, но слушатели разбирали лишь отдельные слова.

— Может спасти Галактику… отомстите им за Дуннар…

Последовала ослепительная вспышка. И лицо, и голос исчезли; экран потускнел.

На какое-то время в комнате воцарилась тишина. Языки пламени в камине казались ужасной пародией на огненную смерть, постигшую защитников Дуннара. Грохот уничтожения все еще звучал в сознании присутствующих вместе с хриплым, отчаянным голосом умирающего человека.

— Я хотел, чтобы вы прослушали эту запись еще раз, прежде чем мы встретим корабль с Дуннара, — ровным голосом произнес император.

Джулия скрестила длинные ноги и подалась вперед, хмурясь из-под плотно уложенных темно-золотистых кос.

— Мы готовы встретить их, — сурово сказала она. — Хотя работа над новым оружием еще не вполне завершена.

— Поэтому они и напали так скоро, — пробормотала амазонка, сидевшая рядом с ней. — Нужно

отдать им должное, они точно рассчитали время.

В комнате снова повисла тишина. Все понимали: нанесен первый удар в войне, которая вскоре охватит все цивилизованные миры Галактики.

Император положил руку на игровое поле, расположенное на столе перед ним, и передвинул фишку по изгибу цветной проволоки. Это была игра в межпланетную войну, чем-то напоминавшая шахматы, хотя фигуры двигались как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости по сложным проволочным кривым. Отблески пламени играли на фишках, обозначавших корабли и планеты.

— Ты потеряешь свою центральную планету, если не позовешь на помощь голубых, — рассеянно заметила Джулия.

— Это игра для одного человека, — ответил император. — Занимайся своим делом.

Дождь чертил влажные узоры на стекле. Ллар Джулии выполз из-под ее кресла, от души потянулся и зевнул, показав розовый язык.

— Почему они так долго не докладывают об этом корабле? — раздраженно осведомился император, с излишней силой направив по кривой очередную фишку. Джулия, наблюдавшая за ее

курсом, машинально открыла рот, собираясь возразить, но промолчала. Ллар с кошачьей легкостью вскочил на стол и протянул мягкую лапку, точно передвинув две фишки по соседним проволочкам.

— А, так ты знаешь гамбит Тори, маленький дружок? — Усталое лицо императора расплылось в улыбке, когда его взгляд встретился с невинным взглядом зверька. Он передвинул полупрозрачную красную фишку в другом направлении.

— Хотел бы я быть уверенным в том, что это случайность. Как много они могут знать на самом деле?

Зверек опустил голову, повращал круглыми блестящими глазами и выгнул спину, как игривый котенок. Но когда император протянул руку, чтобы погладить его, ллар проворно уклонился и спрыгнул на пол с пугающей, почти бескостной легкостью.

Экран над каминной полкой осветился. Все, включая и ллара, вгляделись в изображение.

— Корабль, бежавший с Дуннара, приближается к Эрикону, — сообщил диспетчер контрольного центра. — Трем вражеским кораблям, преследующим его, удалось преодолеть линии космической обороны.

Император медленно выпрямился.
— Пойдем посмотрим, — сказал он.

Они стояли в комнате с окном во всю стену, выходившим на космодром. Кондиционеры наполняли воздух влажным благоуханием зеленых холмов. Запах мокрого бетона поднимался от широкого коричневого пространства внизу, где маленькие фигурки техников двигались в разных направлениях, готовясь к срочной посадке.

Одна из внутренних стен комнаты представляла собой экран, на котором они могли наблюдать за происходившим в космическом пространстве, над плотным слоем кучевых облаков, почти постоянно закрывавшим поверхность планеты. Император сел, не сводя глаз с экрана. Джулия положила руки на высокую спинку его кресла и стала смотреть, неосознанно покусывая нижнюю губу. Все остальные молчали, почтительно отступив назад; в тишине слышались лишь звуки их дыхания. На экране они могли видеть, как маленький черный корабль с Дуннара включил тормозные двигатели и бросился в гравитационные объятия Эрикона. За ним, увлеченные самоубийственной погоней, устремились три корабля х'вани. Им удалось ускользнуть от космической стражи лишь благодаря малым размерам

и мобильности, а это означало, что радиус действия их оружия сильно ограничен и они не могут причинить большого ущерба, не сблизившись со своей жертвой. Тем не менее расстояние между ними и беглецом неуклонно сокращалось.

— Сейчас им придется повернуть назад, — выдохнула Джулия, крепко вцепившись в спинку кресла. — Они не осмелятся… Смотрите, вон появились наши перехватчики!

Экран разделился на две половинки странным, амебообразным движением; одна секция показывала быстрый старт перехватчиков Эрикона, в то время как на другой продолжалось слежение за погоней. Дуннарский корабль по-прежнему на опасной скорости миновал контрольный спутник. Он пересек ночную сторону планеты и сейчас обгонял рассвет, приближаясь к области над столицей, где время близилось к полудню.

Наблюдатели увидели, как корабль выпустил крылья в разреженных верхних слоях атмосферы, словно ныряльщик, вытягивающий руки перед прыжком, выровнялся на их поддерживающей поверхности и устремился к космодрому по огромной нисходящей дуге.

— Один готов, — удовлетворенно произнес император. Джулия оглянулась на верхний экран и

увидела, как один из кораблей-преследователей отвернул в сторону; его темный корпус начал раскаляться от трения в атмосфере. Он вышел из объектива камеры, продолжавшей следить за двумя его товарищами. Огромная скорость предоставляла им одно сомнительное преимущество. Они ускользнули от перехватчиков, самоубийственно воспользовавшись тем фактом, что незыблемые законы Эрикона запрещали любому воздушному транспорту самовольно передвигаться над поверхностью священной планеты.

— Они не осмелятся, — пробормотала Джулия сквозь сжатые зубы. Приглушенный шепот за спиной свидетельствовал о том, что остальные разделяют ее мнение.

Вражеские корабли, тоже выпустившие крылья и предпринимающие отчаянные попытки снизить скорость, все больше отклонялись от предписанного курса, за которым любое воздушное движение было запрещено. Перехватчики прекратили преследование. Джулия могла представить себе лихорадочную нерешительность пилотов, разрывающихся между необходимостью уничтожить противника и нарушением древнего закона, установленного силами, еще более могущественными, чем император Галак-

тики.

В нижней части экрана дуннарский корабль заходил на посадку. Снаружи раздались крики, и в следующее мгновение все взгляды обратились к широкому бетонному полю космодрома.

Из мглистых облаков появилась копия изображения на экране. Черный корабль опускался под дождем, в тишине, все ниже и ниже. Потом он на несколько секунд завис над посадочной площадкой и с мягким толчком приземлился на бетон. На экране за спиной Джулии отображалась та же самая сцена.

На самом деле изображение было вернее реальности, поскольку с такого расстояния невооруженный глаз мог различать лишь мельтешение крошечных фигурок вокруг дуннарского корабля.

— Ближе, — распорядился император и повернулся к экрану.

Сцена, разворачивавшаяся внизу, приблизилась с головокружительной скоростью. Теперь они могли видеть, как в борту корабля открылся люк и человек, появившийся изнутри, выпрыгнул налетное поле под моросящим дождем. Он смахнул капли с ресниц и спокойно огляделся, ни в малейшей степени не встревоженный своим

положением.

Посланец Дуннара был таким поразительно худым и высоким, что с первого взгляда казался пугалом рядом со своим кораблем. Но, повернувшись лицом к экрану и толпе встречающих, он двигался с уверенностью и изяществом, безошибочно выдававшими высокое происхождение. Он носил свой простой черный комбинезон с замечательной элегантностью, сразу выделявшей его среди окружающих. Пышно разодетые чиновники, вышедшие навстречу, выглядели вульгарно по сравнению с ним.

Он поднял голову к серым облакам, где его преследователи и защитники планеты все еще вели невидимую битву. Остальные тоже тщетно вглядывались в небо. Лишь в комнате наблюдения, где находился император со своей свитой, можно было следить за тем, что происходило наверху.

Напряжение на лицах зрителей граничило с ужасом. Даже Джулия перестала бессознательно постукивать пальцами по спинке кресла. Она почувствовала внезапное прикосновение цепких пальчиков, но не оглянулась, когда ллар быстро забрался по ее ноге и занял наблюдательный пост на плече. Она ощущала его быстрое бесшумное дыхание на своей щеке: зверек тоже следил за

драмой.

На памяти последних поколений закон Древних, запрещающий несанкционированное воздушное движение над Эриконом, ни разу не нарушался. Подчинение этому правилу укоренилось в сознании людей не менее глубоко, чем понимание закона тяготения. Разумеется, были и нарушения; согласно преданию, все преступники погибали мгновенно.

Затаив дыхание, Джулия следила за происходящим. Теперь между вражескими кораблями и перехватчиками Эрикона образовалась широкая полоса отчуждения. Продолжение погони означало для х'вани верную гибель. Они знали, что обречены, но пытались использовать одну последнюю возможность в надежде уничтожить свою жертву, прежде чем умереть самим. Перехватчики вытеснили их далеко за пределы узкого воздушного коридора, чьи невидимые границы строго соблюдались в течение столетий. Впервые на памяти живущих корабли пролетали над запретным пространством Эрикона.

Теперь они пикировали вниз, стремительно приближаясь через облака к космодрому, где посланец с Дуннара продолжал стоять на месте, спокойно вглядываясь в туман.

— Они прорвутся… уже прорвались! — прошептала Джулия, до боли в пальцах стиснув спинку кресла.

Техники на летном поле с лихорадочной поспешностью снаряжали орудийные батареи; они находились в состоянии, близком к шоку. Никто на Эриконе не верил, что эти орудия когда-нибудь могут понадобиться. Они предназначались, для защиты от кораблей, атакующих со стороны разрешенного воздушного коридора, и даже такая возможность казалась абсурдной. Но теперь…

— Уберите этого идиота с летного поля! — внезапно рявкнул император, заставив всех вздрогнуть. — Уведите его! Они могут появиться в любую секунду!

Два уцелевших корабля вынырнули из тумана. Их крылья рассекали воздух с пронзительным свистом. Люди в панике разбегались по бетонной площадке. Громкоговорители ревели, приказывая дуннарцу уйти в укрытие, но он продолжал стоять на месте, невозмутимо вглядываясь в облака.

На одно бесконечное мгновение тысячелетняя вера, глубоко укоренившаяся в сознании людей, дрогнула перед дерзким вызовом, брошенным Древним. Никакая опасность, угрожавшая безза-

щитному посланцу с Дуннара — хотя он обладал секретом, жизненно важным для спасения империи, — не могла потрясти зрителей и вполовину так сильно, как то, что они видели сейчас. Корабли с ревом неслись вперед, и облака за ними яростно бурлили, закручиваясь в воронку от выхлопов мощных двигателей.

Может быть, Древние вообще не существуют и рассказы о них — всего лишь легенда? Все затаили дыхание, ожидая ответа.

Но никто не увидел возмездия Древних. По всей планете оцепеневшие зрители следили за происходящим, но ничьи глаза не заметили, как был нанесен удар. В одно мгновение корабли с ревом неслись вперед, а в следующее — превратились в беззвучную вспышку, похожую на отражение солнечного луча от колоссального зеркала.

Когда зрение вернулось к временно ослепшим наблюдателям, они увидели, что в небе не осталось ничего, кроме постепенно затягивающейся облачной воронки. Корабли бесследно исчезли. Впервые на памяти живущих Древние нанесли карающий удар в смертоносном достоинстве своего безмолвия.

И над всем Эриконом прозвучал тихий, дружный вздох облегчения.

В наступившей тишине посланец с Дуннара наконец двинулся вперед по мокрому бетону. В облаках наверху открылся просвет, через который засиял кусочек голубого неба, и косые лучи солнца величественно осветили приближающуюся человеческую фигуру. Все с благоговением смотрели на высокого, худого мужчину, с уверенной грацией шагающего по лужам, в которых отражалась ослепительная голубизна неба.

— Пошли, Джулия. — Император резким движением встал с кресла, заставив ее вздрогнуть. — Мы встретимся с ним наедине, в моей библиотеке. Проснись же, девочка!

— А оружие? — нетерпеливо спросил император, подавшись вперед с огромного резного кресла, стоявшего перед камином в библиотеке.

Судя по виду посланца, никто не смог бы догадаться, что он пережил отчаянную погоню и еще недавно находился на волосок от гибели. Он был последним дуннарцем, говорившим от лица своего погибшего мира, но на его бесстрастном лице не отражалось никаких эмоций.

— Я хочу, чтобы мои специалисты немедленно приступили к осмотру оружия, — продолжал император. — Оно находится на вашем корабле?

— Ваше величество, я не привез с собой ника-

кого оружия.

— Не привез?

Джулия увидела на лице отца знакомое предгрозовое выражение, но гроза так и не грянула. Принцесса едва удержалась от улыбки; она понимала, почему это произошло. Трудно было относиться к посланцу с Дуннара как к обычному человеку. Его внешность была достаточно замечательной, не говоря о том, что благодаря ему вся планета недавно погрузилась в благоговейное молчание. Этот человек неустрашимо стоял перед орудиями вражеских кораблей, настолько уверенный в могуществе Древних, что не дрогнул даже перед лицом неминуемой смерти. С его помощью Древние впервые за многие годы явили свою мощь и совершили чудо. И сейчас отраженная слава этого момента, уже занявшего достойное место в истории, окружала его, словно благостное сияние.

— Я не привез оружия, — повторил он, встретив гневный взгляд императора невозмутимым взглядом своих огромных немигающих глаз. — Оно могло попасть в руки х'вани, ваше величество, а мы не имели права так рисковать. Я сам изготовлю это оружие для вас.

Император кивнул и откинулся на спинку

кресла. Возможно, он испытал облегчение, осознав, что ему не придется кричать на этого поразительного человека. Джулия с нескрываемым любопытством разглядывала посланца, размышляя о том, к какому древнему роду он принадлежит и какие знания могут храниться в его узком черепе за худощавым лицом с ястребиным носом и светло-серыми глазами. Вблизи он казался еще выше и тоньше, чем на экране, однако необычайная четкость его движений заставляла любого другого человека рядом с ним казаться грубым и неуклюжим. Его лицо не имело возраста, а осанка, казалось, передалась ему вместе с генами предков. Джулия внезапно с необычайной яркостью вспомнила Сайрилл — на мгновение она снова оказалась на облаке рядом с молодым человеком в желтом плаще, склонившемся над нею, — и мстительно подумала о том, как бы он позавидовал врожденному изяществу дуннарца. Даже в замызганном комбинезоне он выглядел наследным принцем, образцом для подражания в столицах цивилизованных миров.

— Вы должны немедленно приняться за работу. — Резкий голос императора вернул ее к действительности. — Нам нужно как можно скорее получить действующий образец ору-

жия. Прискорбно, что х'вани с такой точностью рассчитали время своей атаки. Еще несколько дней, и вы могли бы отразить их нападение, не так ли?

Дуннарец с серьезным видом покачал головой.

— Нашим специалистам так и не удалось увеличить масштаб действия этого оружия. Оно остается оружием, предназначенным для одиночного поражения, но в этих пределах является, пожалуй, наиболее совершенным из всего созданного человеком.

— Уничтожение с отсроченным действием? — поинтересовалась Джулия.

Взгляд блестящих глаз посланца остановился на ней. В нем отражалось бесконечное спокойствие, странно контрастировавшее со словами человека.

— Да, принцесса. Это оружие представляет собой сильнейшую психологическую угрозу, наряду с физической. Характеристики любого средства уничтожения включают в себя прицеливание и выстрел. С помощью этого оружия человека можно убить не только на любом расстоянии, но и в любое время после того, как он был взят на прицел. Устройство делает квазифотографию мозга жертвы, и начиная с этого момента она обречена,

хотя вы можете отсрочить последний удар на много дней. Образно говоря, оружие постоянно остается нацеленным на противника, пока он не будет уничтожен. Нет таких расстояний, которые могли бы обезопасить его, или укрытия, где он мог бы спастись.

— Это что-то вроде предохранителя, — пробормотала Джулия, — невидимого предохранителя, который можно сжечь, когда захочешь. Великолепно! Полагаю, оно имеет небольшие размеры?

— Само оружие — довольно громоздкий прибор, который следует установить в неприступном месте — например, в подземном бункере, на случай вражеской бомбардировки. Но фокусирующий инструмент представляет собой небольшие сдвоенные линзы в оправе. Он обладает слабыми телескопическими качествами. Когда человек зафиксирован в прицеле и нажата первая кнопка, он становится вашей жертвой в тот момент, когда вы нажмете вторую кнопку на инструменте и уничтожите отпечаток его мозга в центральном приборе.

Император сплел пальцы и задумчиво покачал головой.

— Коварное приспособление, — произнес он. — Окончательное усовершенствование идеи

ножа, воткнутого в спину. Полагаю, жертва даже не замечает, что ее взяли на прицел?

— Человек не успевает осознать свою смерть, ваше величество. Она наступает практически мгновенно.

Император снова покачал головой.

— Лично мне это не нравится, — сказал он. — Но я могу понять, почему х'вани уничтожили целую планету, пытаясь лишить нас этого оружия. Как вы уже сказали, его психологическое воздействие огромно.

Джулия торжествующе рассмеялась.

— Мне это нравится, — заявила она. — Я не слишком щепетильна. Только подумай, отец: мы можем засылать вооруженных шпионов на вражеские базы и брать на прицел лидеров противника, а потом ликвидировать их в решающий момент сражения. Представь себе, что произойдет, если во время какого-нибудь сложного маневра все их командиры одновременно умрут. Не говоря уже о том, как они будут себя чувствовать, зная, что каждый из них обречен начиная с того момента, когда займет ответственную должность и начнет отдавать приказы. О да, мне это нравится!

Ее отец кивнул, продолжая хмуриться.

— Когда об оружии станет известно и оно на деле докажет свою эффективность, то, думаю, любой офицер х'вани превратится либо в бездумного фаталиста, либо в неврастеника. Не так страшно умереть в бою: каждый солдат знает, что это может случиться, и готов к такому концу. Но знать, что убийца неизбежно нанесет удар в тот момент, когда от тебя будут зависеть тысячи жизней или исход генерального сражения… это может вызвать глубочайшее потрясение в умах.

Джулия встала и прошлась по комнате, позвякивая шпорами. Ее фиолетовые глаза возбужденно сверкали.

— Вы понимаете, насколько это важно? — спросила она. — Не само оружие, но принцип, который оно олицетворяет! С незапамятных времен оружие совершенствовалось в сторону увеличения мощности и разрушительной силы. Вся история войн — это поединок между защитой и нападением. Противники разрабатывали новые методы атаки и обороны, затем наступало равновесие, пока не появлялось новое оружие, убивающее людей еще быстрее. Но теперь… — Она рассмеялась. — Разве вы не понимаете? Это же совсем другое дело. С самого начала вся наша изобретательность была направлена на создание

более мощного оружия. Человеческий разум приучен думать только в таких терминах. Но с новым оружием мы совершим прорыв в ином направлении. Мы зайдем с фланга и ударим в уязвимое место, о существовании которого они и не помышляют.

Император задумчиво смотрел на нее, поглаживая бороду. Огромные блестящие глаза посланца с Дуннара неспешно изучали ее оживленное лицо.

— Понимаете? — требовательно повторила Джулия. — Мы вернулись к самому началу, в эпоху до изобретения мечей и луков. Теперь мы атакуем отдельную личность. Это оружие не менее ужасно, чем то, которое стирает с лица земли целые города, но оно нацелено на другой конец масштабной шкалы — на конкретного человека. Каждый становится носителем рока, выбравшего его среди всех остальных и неотступно следующего за ним до самой смерти. Душевные муки сильнее физических. В человеке поселяется червь ужаса, пожирающий его дух и оставляющий плоть нетронутой. Он больше не доверяет ни себе, ни своим командирам. А знаете ли вы единственную возможную защиту от этого? — Джулия сложила руки на груди, ее голос почти дрожал от восторга. — Личная ответственность!

Разрушение целостной военной машины. Когда оружие будет приведено в действие, никто больше не сможет полагаться на другого человека. Им придется отказаться от сложных планов и начать практически с нуля. Каждый за себя. Это будет партизанская армия, армия фаталистов, борющихся за свое выживание. Но они не могут надеяться на победу в глобальной войне, если все солдаты будут независимы друг от друга. Мы победим, отец!

Император побарабанил пальцами по столу.

— Возможно, ты права, — признал он. — Но лишь в том случае, если оружие останется у нас. Но если кто-то украдет его…

— Кто-нибудь еще знает устройство этого прибора? — обратилась Джулия к посланцу с Дуннара.

— Никто, принцесса. Нас было мало с самого начала, и я видел, как погибли мои коллеги. Пока что информация надежно защищена.

Джулия смерила его холодным взглядом своих фиолетовых глаз. Спокойные серые глаза выдержали этот взгляд, хотя дуннарец, скорее всего, догадывался, о чем она подумала. Создатели уникальных изобретений для царствующих особ обычно долго не живут, а в этом случае речь

шла о чем-то гораздо большем, нежели простое изобретение.

— Вам понадобится постоянная охрана, — задумчиво сказала Джулия. — Работать придется быстро.

Император поднял руку, показывая, что разрешает ему уйти, и дуннарец молча поклонился. Джулия снова подивилась плавной грации его движений, несвойственной ястребиному облику, но затем поняла, что за внешностью загадочного посланца кроется нечто змеиное. Оно проглядывало в плавных жестах этого человека, в его холодной элегантности, в бесстрастном немигающем взгляде.

В другой части дворца чья-то темная фигурка, никем не замеченная, спустилась по стене, спрыгнула на садовую дорожку и, двигаясь с уверенностью, рожденной долгим опытом, углубилась в парк.

Он быстро и бесшумно шел в темноте под шелест дождя, оставив позади ужас и смятение, царившие во дворце, где сообщения о гибели все новых миров мелькали на освещенных экранах вперемешку со сценами их уничтожения.

Он знал дорогу так хорошо, что никто не заметил темный силуэт, скользивший от тени к тени.

Ему предстоял долгий путь, но он знал каждый шаг, даже во мраке ночи. Под конец он устал, поскольку сегодня весь день провел на ногах. Но конец пути был достаточной наградой за усталость, поскольку приближал его к другой, более высокой цели. Он стоял под аркой потайного входа и глядел на низкие крыши своего города, сияющего теплым светом из-за занавешенных окон. Не было двух занавесей одного цвета, а форма окон менялась от здания к зданию, поэтому город сверкал мириадами ярких образов, как рукотворный сад. Его сердце радовалось при мысли о том, что он снова оказался дома. Он принадлежал этому городу, а город принадлежал ему. Спускаясь по песчаному склону, он больше не таился от посторонних глаз.

В этот час на улицах было мало прохожих, но те, с кем он встречался, узнавали его и обменивались общепринятой формулой приветствия, за которой лежало чувство глубокого сродства между членами одной группы — чувство, почти неописуемое для тех, кто незнаком с подобным устройством общества.

Он шел по песчаной мостовой, направляясь к дому, где его ждали друзья. Все они были духовно дисциплинированными, поэтому их поведение

не выдавало эмоционального напряжения: общая цель и общая опасность настолько сплотили их, что в словах почти не было необходимости.

Однако, отдохнув и подкрепившись, он не смог удержаться от выражения чувств, владевших им всю долгую дорогу до дома.

— Скорее бы это кончилось, — вздохнул он. — Я оставил их слушать новости об их собственном уничтожении. Во дворце царит неразбериха. Эрикон будет гораздо лучшим миром, когда последний из них простится с жизнью.

— Лучшим миром для нас, надеюсь, — сказал один из собравшихся. — Это произойдет скоро?

— Думаю, да. Они обречены, хотя еще не знают об этом.

— Они стоят перед глубочайшим кризисом, — сурово произнес еще один оратор и обвел группу пронзительным взглядом. — Может быть, они еще могут спастись. Для этого есть время; нужно лишь знать способ. Некоторые из них знают, что делать, но едва ли им хватит решимости.

— Они обречены, — тихо повторил пришелец. — Я хорошо знаю их. Несчастные, невежественные существа! — Он помедлил. — Иногда я испытываю едва ли не жалость, наблюдая за ними. Но их время прошло, и чем скорее все закончится, тем

лучше. Мы ждали слишком долго.

— Ты помог бы им, если бы захотел? — спросил кто-то.

— Возможно… при других обстоятельствах. Сердцем они стремятся к добру. Но сейчас они безнадежно запутались, и их может спасти только чудо. Подумайте о том, как долго мы ждали!

— Вспомните обещание Древних, — послышался чей-то голос.

— Это не было прямым обещанием, — предостерег другой. — Все зависит от обстоятельств. Если эта война пойдет в нужном направлении, они получат свой шанс, и нам придется ждать снова.

— Они упустят этот шанс, — медленно, словно через силу произнес пришелец и повторил: — Я слишком хорошо знаю их.

Офицерская гостиная на вершине одной из башен столицы имела стеклянные стены и куполообразную крышу, по которой сейчас хлестали струи дождя, яркие и прекрасные на фоне багряного неба. Дожди на Эриконе шли очень часто, поэтому все его архитектурные сооружения были спланированы таким образом, чтобы извлекать преимущество из красоты этого природного явления, подобно соляриям на других планетах.

Сегодня гостиная была заполнена до отказа.

Голос с видеоэкрана, где шли последние новости, почти перекрывался сдержанным ропотом присутствующих. Одни картины разрушенных городов и мертвых миров сменялись другими. Война чумным пятном расползалась по всей Галактике, приближаясь к Эрикону от внешних границ империи. И империя пока что терпела поражение.

— Вообще-то их продвижение немного замедлилось, — задумчиво сказала Джулия. — Думаю, им пришлось раньше, чем они собирались… и все из-за дуннарского оружия.

Она кивнула в сторону посланца с погибшей планеты, сидевшего в глубоком кресле рядом с ней. Его немигающий взгляд был устремлен на экран. За его спиной подпирал стену могучий телохранитель.

Вокруг сидели офицеры Джулии, в большинстве своем молодые женщины, теперь составлявшие костяк имперской гвардии. Элия откинулась на спинку своего кресла; ллар, сидевший на ее плече, приводил в порядок свой мех, проворно перебирая передними лапками.

— Вы правы, принцесса, — заметила женщина с суровым лицом, в шлеме с плюмажем. — Они явно сбавили обороты. Думаю, лучшее, на что

мы можем надеяться теперь, — это достижение непрочного равновесия. Мы можем удерживать их у определенной черты, но пока не в состоянии нанести ответный удар.

— Подождите, когда будет готово наше новое оружие! — процедила Джулия. — Но если мирная конференция, которую устраивает мой отец сегодня вечером, будет успешной, то Галактику можно считать потерянной.

Она в сердцах стукнула кулаком по колену.

— Однако император придерживается противоположного мнения, — спокойно возразил посланец с Дуннара.

— Я не стану расшаркиваться перед дикарями, чьи руки по локоть в крови! — гневно заявила Джулия. — Я вообще не понимаю, как они могли согласиться на предложение императора, и мне это не нравится. Что касается меня, то я бы не предложила им мира даже с ножом у горла. Тем более теперь, когда мы можем уничтожить их, а они даже не знают об этом…

Она пожала плечами и отвернулась.

— Вы полагаете, есть надежда на то, что они примут условия императора?

Джулия нахмурилась.

— Это зависит от того, насколько они умны. Я

бы назвала их совершенными варварами, если бы они не спланировали столь успешно вторжение во внутренние системы. Сейчас, разумеется, преимущество на их стороне. Они застали нас врасплох, но мы уже пришли в себя и кое-где начинаем теснить их. Возможно, они понимают, что напали слишком рано. Если мы удержим их сейчас, то в скором времени новое оружие сместит чашу весов в другую сторону.

Джулия сокрушенно покачала головой, и отблески света заиграли на ее сияющем шлеме.

— Не знаю. Меня вообще беспокоит их согласие на переговоры. Если они пошли на это, то, возможно, согласятся и подписать мирный договор. Нам нельзя не учитывать эту опасность.

— Вы считаете это опасностью, принцесса?

— Величайшей опасностью в истории империи! Их следует истребить, чего бы это нам ни стоило. Я скорее унаследую нищую империю, когда придет моя очередь, чем буду жить бок о бок с этими варварами и убийцами, делиться с ними нашим искусством и наукой и опуститься до их уровня. Нет — лучше отказаться от имперской роскоши, чем пытаться любой ценой сохранить ее, даже в ущерб нашему обществу.

Джулия обвела комнату взглядом, всматрива-

ясь в лица своих офицеров, и удовлетворенно кивнула.

— Мы все с этим согласны, — продолжала она. — И не делаем из этого секрета. Меня настолько пугает перспектива мира на этом этапе, что я готова пойти на любые меры. — Она выждала многозначительную паузу. — И я уже отдала приказ убить послов х'вани, прежде чем они сядут за стол переговоров!

В комнате наступила тишина. Дуннарец продолжал смотреть на Джулию, внешне ничуть не потревоженный услышанным.

— Они защищены условиями перемирия, — наконец произнес он, словно объясняя простую истину непонятливому ребенку.

Джулия плотно сжала губы.

— Знаю. Но если я собираюсь быть безжалостной к врагам, то почему бы не начать сейчас? В данном случае я считаю, что цель более чем оправдывает любые средства, необходимые для ее достижения.

— Вы полагаете, что для империи будет гораздо хуже, если х'вани согласятся на мир сейчас, когда они побеждают на всех фронтах?

— Почему же тогда они согласились приехать? — Джулия пожала плечами, отказываясь тратить

время на пустые разговоры. — Если они не договорятся сейчас, мой отец будет предлагать мир снова и снова. Рано или поздно они согласятся. Но если мы убьем их послов сейчас, под флагом перемирия… что ж, тогда переговоров больше не будет.

Дуннарец кивнул.

— Очень интересное решение, принцесса. Уверяю вас, что не стану вмешиваться. — Он взглянул на часы и добавил: — Так или иначе, времени уже не осталось.

Джулия проследила за его взглядом.

— Вы правы, — сказала она. — Должно быть, они уже приземлились. Элия, покажи нам общий план.

Элия размашистой солдатской походкой подошла к экрану, на котором отображалась мобильная схема боевых действий. Когда она проходила мимо дуннарца, ллар, сидевший у нее на плече, подобрался и легким движением перепрыгнул на плечо посланца. Тот поднял руку, чтобы погладить его, и маленькое существо послушно склонило голову. Огромные круглые глаза ллара удовлетворенно сияли; он тихонько ворчал, явно довольный лаской.

Джулия уставилась на него.

— Я никогда… — удивленно пробормотала она. — Но он же никому не позволяет прикасаться к себе! Клянусь, мне и дважды в жизни не удалось погладить его, а ведь он никогда не видел вас раньше!

Лицо посланца озарилось улыбкой — первый раз с тех пор, как он появился на Эриконе.

— Мне оказана высокая честь, и я ценю это, — обратился он к ллару. Зверек, словно кошка, потерся своей круглой головой о его ладонь.

Затем их внимание отвлекла громкая музыка, грянувшая из динамиков. Элия покрутила верньеры настройки, и сцена прибытия посольства х'вани появилась на большом экране. Джулия прикусила нижнюю губу.

— Столько церемоний, когда следовало бы перерезать им глотки! — пробормотала она. — Ничего, скоро они узнают наше гостеприимство! С минуты на минуту появятся мои люди.

Она сняла шлем и подалась вперед, упершись подбородком в сжатый кулак. На ее темно-золотистых косах, уложенных в виде венца, вспыхнули красноватые отблески знамен, проплывавших на экране. По поверхности шлема, который лежал у нее на коленях, тоже проплывали смутные красные отражения, как будто Джулия на самом

деле держала все в своих руках.

Послы х'вани казались маленькими, яркими фигурками, движущимися между рядами вооруженных солдат. Поскольку император настоял на том, чтобы их представители были лицами самого высокого ранга — наследственным лидером вражеской расы и ее главнокомандующим, — то наиболее ожесточенные споры завязались вокруг обеспечения надлежащей безопасности посольства. В конце концов им отвели место для лагеря за пределами города, неподалеку от границы запретной территории Древних, в напоминание об участи, постигшей их корабли. Сейчас, в окружении имперской стражи, они ехали к городу верхом, под пение труб и колыхание красных знамен.

Личности послов не особенно интересовали Джулию. Она обшаривала толпу быстрым, нетерпеливым взглядом, в любое мгновение ожидая увидеть вспышки выстрелов. Та же самая картина представала перед мысленным взором каждого из присутствующих в комнате. Никто не двигался; все ждали рокового момента. Если бы сила мысли вдруг обрела осязаемое воплощение, их общей сосредоточенности было бы достаточно, чтобы насмерть поразить х'вани.

С невыносимой медлительностью процессия приближалась к городу. Эскорт поражал своей пышностью. Как ни парадоксально, но жители Эрикона, занимавшего центральное место в галактической культуре, пользовались лошадьми для передвижения. За исключением автострад, соединявших крупнейшие города, движения автотранспорта почти не существовало, да и оно ограничивалось в основном перевозкой грузов. Средства видеосвязи получили такое широкое распространение, что у людей почти не возникало необходимости выезжать по делам.

Праздные поездки вообще не поощрялись на священной планете, большая часть поверхности которой использовалась Древними для их таинственных нужд; согласно приказу императора, все транспортные средства могли следовать лишь по предписанным маршрутам. В результате прогулки верхом стали самым распространенным, достаточно удобным и весьма зрелищным средством передвижения, хотя другие миры по-прежнему оставались для жителей Эрикона гораздо более доступными, чем их родная планета.

Эскорт ехал уже почти полчаса, и напряжение в офицерской гостиной становилось невыноси-

мым. Внезапно Джулия вздрогнула и пристально вгляделась в экран: ей показалось, что она узнала одного из послов.

— Прибавь резкость, Элия, — приказала она. — Я хочу видеть лица этих людей.

Картинка быстро сместилась, увеличив масштаб изображения. Видеокамера как будто парила над медленно движущейся процессией. Двое х'вани появились на экране в ярком трехмерном изображении. Можно было слышать шорох их плащей, поскрипывание сбруи, тихий лязг огненных мечей, прикрепленных к доспехам.

У Джулии перехватило дыхание. Она пришла в ужас, ощутив, как изнутри поднимается горячая волна, подступившая к самым корням ее темно-золотистых волос. Ею владели самые противоречивые эмоции: она знала молодого блондина с короткой бородкой, ехавшего на высоком жеребце во главе процессии. Она знала его хорошо… слишком хорошо.

Значит, их встреча не была случайностью, а полузабытое воспоминание о жестких пальцах, смыкающихся на ее горле, не было воспоминанием о грубой мужской ласке. В одно мгновение перед ее мысленным взором предстала сцена короткой, загадочной идиллии, оттесненной на

задний план новыми, более важными событиями. Но изображение на экране служило достаточно ярким напоминанием.

Джулия сидела неподвижно, пытаясь разобраться в загадке трех беззаботных, волнующих дней, проведенных на Сайрилле. Стадо быть, его зовут Эгидом, и он прибыл на Эрикон, точно зная, что она будет здесь. Его намерения нетрудно угадать, особенно теперь, при воспоминании о странных, напряженных интерлюдиях, наполнявших ее необъяснимым ужасом.

Но он так и не выполнил свою миссию. Он собирался убить Джулию, однако оставил ее в живых. Принцесса торжествующе улыбнулась: она догадалась о его слабости еще раньше, чем узнала его имя! Тайное становилось явным в чувственном изгибе его губ, в щегольской осанке. Ей удалось предупредить его намерения в самый ответственный момент, и сейчас она не испытывала к нему ничего, кроме презрения. Такой человек не мог быть лидером мятежников.

Джулия почувствовала, как краска снова прихлынула к ее щекам, и опустила голову, тщетно пытаясь скрыть свое замешательство. Теперь она понимала: какими бы ни были ее побуждения, приглашение к флирту исходило именно от нее.

Эгид с самого начала собирался убить ее. Каждый рассчитанный комплимент, каждая изысканно-романтическая сцена предназначалась лишь для того, чтобы усыпить ее бдительность. У него не было иной цели, но она… она приняла все за чистую монету и под конец едва ли не умоляла его поцеловать ее!

Глубочайшее унижение и ярость владели Джулией, пока она продолжала сидеть с опущенной головой, покраснев до корней волос. Когда способность воспринимать окружающее вернулась к ней, она заметила предостерегающий взгляд Элии и решительно попыталась восстановить самообладание. Благодаря усвоенной с детства дисциплине ей это удалось, но смятение в ее мыслях продолжалось. Неудивительно, с горечью подумала она, что Эгид согласился приехать на конференцию. Он с полным основанием мог думать, что теперь она знает его имя, хотя бы из выпусков новостей. Должно быть, он считает, что она сама настаивала на встрече и предложила условия мирного договора. Теперь его распирает от гордости при мысли о том, что умелая работа, проделанная на Сайрилле, принесла богатые плоды. Джулия с яростью подумала, что он судит о ней по собственным меркам и думает, будто она

готова поступиться принципами ради удовлетворения своих прихотей. Новая горячая волна унижения захлестнула ее, когда она поняла, что Эгид может испытывать к ней нечто вроде снисходительного презрения. В этот момент она ненавидела и строгие принципы амазонок, оставившие ее безоружной перед его уловками.

Несмотря на весь ужас ситуации, существовал еще и один приятный момент. Ей не придется снова встречаться с Эгидом. Убийцы непростительно медлили, но скоро они нанесут удар. Он умрет, так и не узнав о своей ошибке, в полной уверенности, что мирный план принадлежит Джулии из-за ее любви к нему! Нет, если он умрет сейчас, то она тоже умрет от гнева и стыда.

Она наблюдала за двумя х'вани, и в каждом их движении ей чудилась бесстыдная чванливость и самоуверенность. Они ехали как победители, готовые принять мир, которого она не предлагала. Джулия поняла, что должна убить Эгида собственными руками, иначе она больше никогда не сможет уважать себя.

Процессия уже приблизилась к городским воротам. Джулия изнывала от нетерпения: неужели ее замысел потерпел неудачу! С высоких белых стен грянули трубы, и почетный эскорт потянул-

ся по центральной улице к дворцу. Джулия, до последнего момента ожидавшая увидеть вспышки выстрелов, начала понимать, что ее новая надежда может сбыться. Что-то помешало убийцам выполнить полученное задание. Теперь, на запруженных народом улицах, было уже слишком поздно что-либо предпринимать.

Джулия вглядывалась в экран, забыв обо всем на свете. Она не знала, что Элия внимательно следит за ней, а огромные сияющие глаза посланца с Дуннара изучают ее лицо с печальным, почти скорбным выражением.

Джулия остановилась перед входом в зал совета, поправила ллара, сидевшего у нее на плече, и набрала в грудь побольше воздуха.

— Все будет хорошо, — прошептала Элия за ее спиной. — Иди же!

Звук знакомого голоса был восхитительно успокаивающим. Джулия натянуто улыбнулась, перебросила плащ через плечо и вошла в сводчатый проем. Трубы возвестили о ее появлении.

Участники переговоров поднялись со своих мест вокруг белого стола в центре комнаты. Джулия не различала отдельных лиц, когда шла к своему месту. Пустые ножны — знак перемирия — хлопали ее по бедру. Сейчас она была как ни-

когда уверена в себе. Она шла, высоко вскинув голову и позвякивая шпорами под отзвуки эха, гулявшего под потолком.

Над ними поднимались своды огромного зала. Нежно-фиолетовые колонны тянулись к полупрозрачным аркам, через которые сочился дневной свет. Это был очень старый зал. Императоры Эрикона воздвигли его над руинами дворца покоренной расы, которая в свою очередь строила на руинах еще более древних народов.

Император, бледный и высокий, стоял во главе стола. Джулия официально поклонилась ему, но лишь скользнула взглядом по лицам двух других мужчин, не признавая их права находиться здесь.

Разумеется, она увидела все, что хотела увидеть. Одним из мужчин был Эгид. Те же самые пронзительно-голубые глаза, короткая светлая бородка, кудрявые волосы. Сегодня он отказался от своей вычурной экстравагантности и надел черный бархатный плащ, выгодно оттенявший серебристый блеск плотной кольчуги. Его скулу пересекал полузаживший шрам от огненного меча. Он выглядел немного более усталым и озабоченным, чем на Сайрилле, но голубые глаза глядели с прежней уверенностью.

Джулия нежно погладила рукоять крошечного лазера, скрытого в складках ее туники. Металл был теплым под ее пальцами. Ее взгляд скользнул по лицу другого посла — бородатого рыжего гиганта с мощной грудью и широченными плечами. Варвар, типичный дикарь х'вани. Однако, встретившись с его прямым, непреклонным взглядом, Джулия с неохотой признала, что ощущает нечто вроде внутреннего сродства с ним. Должно быть, подумала она, так выглядели наши отдаленные предки, покорившие Галактику огнем и мечом. Рядом с ним Эгид выглядел элегантным хлыщом, а ее отец — престарелым идеалистом.

Она равнодушно кивнула, когда император представил Эгида, наследственного лидера х'вани, и Джейра, его главнокомандующего. Сейчас она могла думать только об убийстве. «Если я уничтожу их обоих, каким ударом это будет для х'вани! Глупцы, им не следовало приезжать сюда!»

— Сегодня мы собрались над гробницами нескольких рас, совершивших роковую ошибку, которую мы вполне можем повторить, — произнес император. — Они сгинули из-за этой ошибки.

Джулия ощущала на себе внимательный взгляд

Эгида. Это было невыносимо. Имперская гордость бушевала в ней, гордость сотен поколений, командовавших звездами и планетами. А этот бородатый варвар бесстыдно глазеет на нее, должно быть вспоминая фантастическую ночь на облаке, под ярко пылающими безымянными созвездиями!

Она удостоила его одним быстрым, яростным взглядом, сверкнувшим из-под шлема, как фиолетовая молния. «Ты должен умереть, — говорил этот пылающий взгляд. — Когда я выясню, кто подвел меня и почему мои планы пошли прахом, они тоже умрут. Твое время истекает, и каждая минута принадлежит мне!»

— Сейчас наши силы примерно равны, — продолжал император. — Никто не может победить без колоссальных потерь, а это отбросит Галактику на тысячи лет назад. На всех мирах, многие из которых еще никогда не знали войны, наши силы соблюдают хрупкое вооруженное перемирие. Все ждут результатов сегодняшней встречи. Если мы снова развяжем войну…

Джулия сделала нетерпеливый жест и закинула ногу на ногу. Маленький лазер приятно грел ее ладонь. Ей страстно хотелось покончить со всеми этими благоглупостями, но, слушая Глубо-

кий хрипловатый голос старого императора, она внезапно ощутила предательский укол жалости к нему. Когда-то ее отец был великим воином. Он не переживет этого… Но в новой Галактике, за которую она борется, нет места для жалости к врагам. Уголки губ Джулии приподнялись в улыбке, когда она нащупала кнопку своего оружия. Скоро, уже скоро…

— Х'вани — молодая раса, — говорил император. — Грубая раса, не искушенная в любых науках, кроме военной. Позвольте нам поделиться с вами неисчислимыми богатствами, которые вы никогда не сможете завоевать силой оружия. Мы можем научить вас всему, что было достигнуто нашей наукой за тысячу лет. Сделав один шаг к миру, вы можете продвинуться вперед на целое тысячелетие.

Если вы откажетесь, вам придется проститься с этой надеждой. В лучшем случае мы уничтожим вас, даже если война будет стоить нам всего, что мы имеем. В худшем случае… что ж, другие расы уже сходились в смертельной битве на Эриконе. Где они теперь? — Он указал на мраморный пол: — Там, во тьме забвения. Под фундаментом этого здания лежат кости тех, кто воевал здесь до нашего прихода. Вы когда-нибудь бывали в здешних

катакомбах? Знаете ли вы о древних императорах, когда-то правивших планетой? Едва ли. Но как вы думаете, вспомнит ли кто-нибудь о нас, если мы последуем их примеру?

Джулия машинально наклонилась, чтобы погладить ллара, вскочившего ей на колено, но маленькое тело внезапно изогнулось под ее пальцами быстрым, змеиным движением. Она едва успела отдернуть руку и избежать укуса кинжально-острых зубов. Ллар, сидевший в напряженной позе, поднял лапку с гибкими пальчиками. В его круглых глазах снова застыло обманчиво-благодушное выражение.

В этот момент раздался новый голос, столь звучный и глубокий, что воздух завибрировал от его громоподобных раскатов.

— Если речь идет об условиях мирного договора, то их будут диктовать х'вани! — произнес Джейр.

Джулия резко вскинула голову. Император медлил, наблюдая за посланцами вражеской расы из-под густых седых бровей. Она снова ощутила прилив жалости к нему. Но голос продолжал греметь под высокими сводами зала, приковывая к себе внимание.

Джейр встал. Его огромные кулаки, как два

молота, опустились на крышку стола.

— Мы будем говорить о мире с Лайоне, — торжествующе прогремел он. — Но только на наших условиях! Пришло время...

Джулия яростным движением отодвинула свой стул и вскочила на ноги. Ее глаза сверкали. Ллар отпрыгнул в сторону и ухватился за руку императора, продолжая смотреть на нее огромными круглыми глазами. Но прежде чем она успела произнести хоть слово, Эгид тоже отодвинул свой стул. Он встал медленно, почти неохотно, однако его голос зазвучал с неожиданной силой.

— Мы просим прощения у императора, — спокойно произнес он. — Сядь, Джейр. Говорить буду я.

Джейр как-то странно посмотрел на него и сел.

— Мой генерал имел в виду, что если условия мира вообще будут обсуждаться, то они должны исходить от нас, — продолжал Эгид. — Все, о чем говорил император, совершенно справедливо, и мы это понимаем. Но, по нашему мнению, это лишь часть истины. Разделенной победы для х'вани недостаточно, и не имеет значения, сколько секретов вы предлагаете в качестве взятки. Моих людей нельзя купить обещаниями на будущее. — Он неожиданно сверкнул белозубой улыбкой.

— Боюсь, мы весьма прямолинейная раса, не привыкшая верить вражеским обещаниям. Но если у вас есть конкретные предложения, способные убедить х'вани в вашей искренности… — он перевел взгляд с императора на Джулию и продолжал с вкрадчивой настойчивостью в голосе, — тогда, думаю, мы получим хороший шанс склонить наш народ к мирному решению проблемы.

Джулия выдержала его испытующий взгляд с надменным безразличием. Она прекрасно понимала, куда он клонит. Значит, вот в чем заключалась цель их приезда! Они хотят забрать дуннарское оружие из немощных рук императора и воспользоваться преимуществами своего так называемого дипломатического иммунитета. Очевидная стратегия, и все же…

Джулия искоса взглянула на своего отца. Его задумчивое лицо было мрачным, и она внезапно ощутила его нерешительность. Но в самом деле, не может же он думать, что х'вани сдержат свое слово? Он должен понимать, что, завладев новым смертоносным оружием, они не остановятся до тех пор, пока не завладеют троном империи. Нет, может быть, ее отец и немощен, но он еще не выжил из ума.

С другой стороны, это было лишь началом.

Разговоры будут продолжаться — бесконечные экивоки вокруг предложения Эгида, контрпредложения императора — целые дни бесплодной болтовни, и Эгид по-прежнему будет верить, что именно она настояла на его приглашении, и бросать на нее многозначительные взгляды в напоминание о днях, проведенных на Сайрилле…

Нет, она не может этого вытерпеть. Она должна покончить с этим здесь и сейчас.

— Эгид, — произнесла Джулия ясным, высоким голосом. Он повернулся к ней с неожиданным проворством, словно дождавшись желаемого. Это были первые ее слова, обращенные к нему после встречи на Сайрилле.

Эгид смотрел на Джулию со странным выражением печального ожидания на лице, но сейчас она не собиралась копаться в своих чувствах. Она двинулась к нему вокруг стола. Император удивленно посмотрел на нее.

— Джулия… — Его голос звучал еще не очень встревоженно, но она даже не взглянула на своего отца.

— Эгид… — повторила она.

Теперь их разделяло совсем небольшое расстояние. Джулия могла видеть запекшиеся края рваного шрама, пересекавшего его скулу, отдель-

ные волоски в его светлой бородке, золотистые ресницы. Джейр, стоявший за спиной своего предводителя, озадаченно покачал головой и шагнул вперед. Джулия смотрела прямо в голубые глаза Эгида, широко распахнутые и бездонные, как воды озера Дуллаи. Она сделала последний шаг и незаметно нащупала рукоять лазера.

— Я хочу, чтобы ты знал: я не принимала участия в разговорах о перемирии и не приглашала тебя сюда, — отчетливо продолжала она. — Я ненавижу твою расу и все, что с ней связано. И я пойду на все, чтобы не допустить мира между нами. На все, ты меня понимаешь?

Император понял. Он знал свою дочь!

— Джулия! — воскликнул он и устремился к ней. — Вспомни о перемирии…

Но он был слишком далеко. Для Джулии наступил миг торжества; застывший, зачарованный взгляд Эгида наполнял ее душу невыразимой радостью. Ее губы раздвинулись в хищной улыбке. Она прицелилась ему в грудь и нажала на кнопку.

Время остановилось. Несколько событий произошло одновременно, наложившись друг на друга и расплывшись в чудовищной вспышке фиолетового пламени, промелькнувшей между нею

и Эгидом. Джулия слышала рев Джейра, крик ее отца и грохот перевернутых стульев. Но ее разум оцепенел от потрясения, столкнувшись с невероятным: тонкий, как игла, лазерный луч должен был насквозь прошить кольчугу Эгида и поразить его в сердце, однако этого не произошло.

Они с Эгидом отшатнулись друг от друга; их брови и ресницы были опалены, щеки пылали от нестерпимого жара. За пеленой, застилавшей глаза, она смутно различала, как Эгид судорожно хватает ртом воздух, словно человек, которого внезапно ударили в живот. Но он не умер. Он должен был погибнуть, а вместо этого лишь пытался отдышаться, моргая опаленными золотистыми ресницами.

На долю секунды рассудок Джулии вышел из повиновения. Она видела оплавленную кольчугу на груди Эгида, куда ударил тонкий лазерный луч, но под ней не было ни обугленной кожи, ни крови — лишь гладкая сияющая поверхность, которая даже не потемнела. Повсюду танцевали маленькие радуги; закрыв саднящие глаза, Джулия увидела на своей сетчатке негативный отпечаток пробитой кольчуги и блестящей поверхности под нею.

Затем время снова тронулось с места. События

начали происходить с бешеной скоростью. Объяснение случившегося промелькнуло в сознании Джулии, когда она увидела, как Эгид бросился к ней. Он носил под кольчугой защитную броню из какого-то вещества, рассеявшего лазерный луч и превратившего направленный пучок энергии в мгновенный взрыв опаляющего жара. Ее охватила нелепая, бессмысленная ярость при мысли о том, что он предпринял меры самозащиты, сомневаясь в прочности перемирия.

Затем рука Эгида крепко обхватила ее за талию и прижала к броне, которую он носил под кольчугой. В этот момент она испытала невольное восхищение его силой и почти мгновенной реакцией, даже после мощного удара в грудную клетку. Несмотря на броню, энергетический заряд должен был основательно помять ему ребра, прежде чем рассеяться в пространстве.

Все произошло слишком быстро. Джулия даже не успела удивиться, почему он схватил ее или почему Джейр, оглашавший зал грозным ревом, тащил их обоих за собой по направлению к дальней стене. Она мельком увидела ошеломленное, возмущенное лицо своего отца. Из тайных ниш в стенах выходили охранники с оружием наизготове, но Джулия понимала, что сейчас она

стала живым щитом для х'вани, хотя и не имела представления, как они собираются спастись.

В зал вбегали все новые охранники. Джулия начала ожесточенно сопротивляться, стараясь вырваться из стальной хватки Эгида, но лишь до крови содрала костяшки пальцев о броню под его кольчугой.

— Откройте! — внезапно проревел Джейр, обращаясь непонятно к кому. — Вы слышите меня? Откройте!

Эгид с сокрушительной силой стиснул Джулию; в следующее мгновение ее ноги оторвались от пола. У нее закружилась голова, когда фиолетовые стены и освещенные солнцем белые своды потолка неожиданно поменялись местами. Она свисала вниз головой с плеча Эгида, и в ее груди клокотала бессильная ярость. Впервые в жизни с ней так грубо обращались, и ей до сих пор не верилось, что такое вообще могло случиться. Она слышала топот ног, голос ее отца, выкрикивавший приказы, возгласы охранников. Затем неожиданно наступила темнота, и что-то тяжелое со свистом захлопнулось за ними, отрезав все звуки снаружи.

В темноте пахло застарелой пылью и плесенью. Рассудок Джулии подсказывал ей то, что разум

отказывался принять: каким-то невероятным образом эти варвары прошли через тайную панель в стене имперского зала совета, о существовании которой не подозревал ни один из императоров Эрикона в течение ста поколений.

Она по-прежнему свисала с плеча Эгида, прижавшись щекой к чему-то жесткому и холодному, остро переживая позор своего положения. Вокруг шептались приглушенные голоса.

— Скорее! — скомандовал кто-то.

Топот бегущих ног приглушенно звучал в пыли, поднимавшейся удушливыми облаками. Затем раздался оглушительный грохот, мучительной болью отдававшийся в барабанных перепонках из-за внезапного перепада давления в замкнутом пространстве.

— Отлично, этого достаточно, — произнес кто-то в наступившей тишине.

— Вы уверены? — Голос Джейра.

— Когда они прорвутся через стену, то обнаружат этот завал и фальшивый тоннель, ведущий за пределы города, — ответил первый голос, странно знакомый, но бестелесный. — Вчера мы имитировали там следы поспешного бегства. Теперь вы в безопасности.

Но кто… кто это был?

— Отпустите меня! — гневно потребовала Джулия.

— Еще рано, — отозвался все тот же знакомый голос. — Пошли. Вы можете справиться с ней?

Кошмар продолжался. Кто-то впереди нес фонарь, отбрасывавший огромные движущиеся тени на грубо обтесанные каменные стены. Джулия моталась вверх-вниз на плече Эгида в пахнущей плесенью темноте, сама не своя от ярости и возмущения. Ее глаза слезились от недавнего теплового удара, пылающая щека крепко прижималась к холодной поверхности нагрудной пластины доспехов Эгида. Пыль, поднимавшаяся отовсюду, лезла в ноздри и разъедала легкие.

Ей показалось, что прошло очень много времени, прежде чем знакомый голос произнес:

— Теперь вы можете отпустить ее.

Стальная хватка разжалась, и Джулия снова оказалась на ногах. Она машинально оправила свою тунику; ее трясло от ярости. Она видела равнодушный взгляд Эгида и свирепое лицо Джейра, чьи глаза хищно поблескивали в свете фонаря. Рядом с ними стояла плотно сбитая пожилая женщина с суровым, изрезанным морщинами лицом… Элия!

Первой реакцией Джулии было невыразимое

облегчение. Всю жизнь это лицо означало для нее уют, защиту и надежную поддержку в любых обстоятельствах. Посреди неожиданного позора это знакомое зрелище сразу ставило все на свои места. Даже сейчас…

Эгид по-прежнему держал ее за руки.

— Поверни ее. — Привычный голос Элии сопровождался властным жестом, памятным Джулии с раннего детства. Сильные мужские руки повернули ее, продолжая удерживать на месте; тем временем Элия пошарила под ее туникой и забрала маленький кинжал, о существовании которого не знал никто, кроме них обоих. Элия сама учила принцессу прятать этот кинжал на теле и пользоваться им в отчаянных обстоятельствах.

Джулия закрыла глаза.

— Нас уже ждут, — деловито продолжала Элия. — Но сначала, принцесса, мне придется связать вам руки.

На одно безумное мгновение Джулии показалось, что вспышка фиолетового жара действительно убила ее. А может быть, оглушила, и все происходящее — лишь кошмарный сон.

Руки Элии, купавшие ее в детстве, врачевавшие ее недуги, учившие ее владеть мечом и стрелковым оружием, сейчас проворно связывали

запястья Джулии у нее за спиной.

— Вы должны понять, принцесса, прежде чем встретитесь с остальными, — заговорила Элия, не отрываясь от работы. — Как вам известно, я принадлежу к андареанской расе. Сто поколений назад вы покорили нас, уничтожили нашу культуру. Прошло очень много времени, но мы не забыли. Здесь, в катакомбах под городом, которые когда-то были нашими имперскими подземельями, мы тайно встречались друг с другом и передавали по наследству наши традиции. Долгие столетия мы ждали этого дня, и вот он настал.

Она затянула путы и осмотрела их.

— Выше голову, принцесса. Не показывайте им, как вы расстроены. Ну-ка… — Она повернула Джулию лицом к себе, неодобрительно прищелкнула языком, вынула носовой платок и вытерла пыль с разгоряченного лица Джулии, покрытого бороздками от слез. Потом она поправила ремешок шлема, съехавший на подбородок, и повторила более доверительным тоном: — Выше голову! Помни, чему я тебя учила. Возможно, нам придется убить тебя, моя дорогая, но, пока ты жива, ты остаешься моей девочкой, и я хочу гордиться тобой. А теперь вперед!

Джулия была близка к помешательству. Пыль забивала ей легкие, глаза горели, руки были связаны за спиной, но она высоко держала голову, поскольку Элия, несмотря на свою чудовищную измену, по-прежнему хотела гордиться ею.

Они поднялись по тоннелю в большую пещеру с низким потолком и гладкими стенами, от которых исходило призрачное белесое свечение. На скамьях, расставленных вдоль стен, сидели люди. Их было не много; Джулия узнала лица некоторых слуг и мелких придворных из свиты императора. Кое-то из них занимал ответственные посты в силах обороны Эрикона.

Вперед выступил мужчина в пурпурной тунике. Джулия не знала его, но, судя по чертам его лица, он был андареанином. Он низко поклонился вождям х'вани.

— Мы с вами творим новую историю, — произнес он. — Это поворотный момент в борьбе за галактическое владычество. Мы, андареане, приветствуем вас и то будущее, которое вы олицетворяете.

Джейр набрал в грудь воздуха, собираясь что-то сказать. Джулия заметила, как локоть Эгида врезался ему в ребра. Сам Эгид, все еще тяжело дышавший от перенесенного удара, многозначи-

тельно покосился на своего спутника.

— Х'вани находятся в огромном долгу перед вами, — учтиво сказал он. — Вы все сделали превосходно, но у нас мало времени. Оружие…

Взгляд узких глаз андареанина остановился на Джулии. Он ничего не сказал, но по ее спине внезапно пробежал холодок. Новые впечатления в эти последние несколько минут накладывались одно на другое, и она совсем растерялась, пытаясь разобраться в них. Никогда раньше с нею не обращались как с бессловесным предметом, а не как с личностью. Но особенно Джулию возмущал тот факт, что Эгид ни разу не обратился к ней с того момента, когда она попыталась убить его.

Принцесса увидела, как Элия вышла вперед и прикоснулась к руке Эгида. Внезапно она поняла, откуда Эгиду стало известно о ее присутствии на Сайрилле. Возможно, по той же причине убийцы не смогли добраться до х'вани, пока эскорт двигался к городу.

Эгид о чем-то тихо побеседовал с Элией и повернулся к остальным.

— Джулия — наша заложница, — обратился он к андареанину. — Это не входило в наши первоначальные планы, однако не может им помешать. Если что-то пойдет не так, у нас по-прежнему

останется возможность договориться.

Поколебавшись, андареанин кивнул и медленно, неохотно отвел взгляд от Джулии.

— Возможно. Тогда давайте приступим к делу. Мы…

— Подождите. — Эгид огляделся по сторонам в полумраке. — Вы все собрались здесь?

— Почти все, — быстро ответил андареанин. — За последние несколько поколений наше число значительно уменьшилось.

Джулия недоверчиво прищурилась: человек лгал, хотя она и не понимала, с какой целью. Андареане в самом деле были малочисленным народом, но все-таки их оставалось гораздо больше. Немного приободрившись перед лицом новой проблемы, отвлекающей ее от кошмарного положения, в котором она оказалась, Джулия начала вспоминать историю этой расы. Мысленно она поклялась снять головы с некоторых руководителей своего разведывательного ведомства, если ей удастся выйти живой из этой переделки.

В давно минувшие времена императоры Эрикона установили тщательное наблюдение за представителями побежденной расы. Но с течением времени количество андареан заметно уменьшилось, и бдительность имперских шпио-

нов ослабла. Андареане действительно не могли оказывать серьезного влияния на имперскую политику, если не считать теперешнего инцидента, когда сочетание нескольких факторов сделало их предательство смертельно опасным.

В чем заключалась истинная цель приезда х'вани? Путаясь в хитросплетениях заговоров и контрзаговоров, Джулия едва не потеряла нить своих рассуждений. Х'вани считали ее инициатором мирных переговоров и надеялись обманом завладеть дуннарским оружием. Кроме того, они вступили в сговор с предателями из числа андареан, прячущимися в подземных катакомбах. Но андареане, по-видимому, лелеяли свои далеко идущие планы. Джулия обрела в этой мысли нечто вроде горького утешения. Если х'вани обманули ее и императора Лайоне, то они в свою очередь оказались обманутыми. На самом деле андареан на Эриконе было гораздо больше, чем она видела здесь. Их лидер не стал бы лгать, если бы не затевал какую-то рискованную игру со своими новыми союзниками.

Оружие. Эгид спрашивал об оружии. Может быть, андареане предложили ему какое-то свое оружие для войны с Лайоне? Но почему? Если Элия сказала правду, андареане слишком долго

тешились воспоминаниями о своем былом могуществе, чтобы поступиться будущими победами ради правления х'вани. И разумеется, они были достаточно опытными в искусстве лжи и обмана, чтобы доверять обещаниям х'вани, даже в том случае, если варвары победят.

Джулии пришлось отвлечься от своих рассуждений, когда Элия снова взяла ее за руку и повела вслед за остальными. Они вышли из странно освещенной пещеры с низким потолком. Элия молча шла рядом с принцессой, опустив голову. Джулия поглядывала на нее в густых сумерках и не находила слов для укоризн и упреков. Она все еще была слишком потрясена неожиданной потерей надежнейшей опоры в своей жизни и не искала рациональных объяснений.

Но и Элия была не из тех, кто нуждается в оправдании своих поступков.

— Оглянись! — неожиданно сказала она, когда они выходили из пещеры. — Возможно, ты больше никогда не увидишь такого зрелища.

По всей видимости, пещера представляла собой остаток значительно более крупного помещения. Снаружи ее огибал длинный коридор с вделанными в стены тускло светящимися блоками. Сами стены хранили следы древних битв. Вполне воз-

можно, что именно предки Джулии командовали войсками, оставившими эти следы.

Верхний уровень тоннелей, пролегающих под городом, когда-то включал в себя нижние этажи дворца, построенного андареанами в дни их могущества. Потом руины были сровнены с землей и забетонированы для постройки нового дворца. Все знали о многоэтажных катакомбах, уходивших в неизведанные глубины под городом. Некоторые подземные ходы подверглись поверхностному исследованию, но в конечном счете они были признаны слишком опасными для систематического изучения и оставлены в покое.

Лабиринт коридоров, ведущих на разные уровни, был таким сложным, что некоторые путешественники бесследно исчезали в его недрах. Людей, блуждавших в темных тоннелях, подстерегали коварные ловушки, устроенные тысячелетия назад отступавшими участниками давно забытых войн. Время от времени потолок просто обрушивался от звука человеческого голоса, или пол проседал под весом идущего человека. Нет, катакомбы были не лучшим местом для искателей приключений.

Но, возможно, с закатом каждой династии

немногие выжившие из побежденной расы оставались жить в подземельях разрушенных городов, вспоминая о своем наследстве и мечтая вернуть его. Возможно, мрачно подумала Джулия, ее собственный народ когда-нибудь будет бродить во тьме, среди жалких руин некогда величественных залов, погребенных под этажами нового города, передавая от поколения к поколению традиции Лайоне и строя заговоры против торжествующих х'вани.

Из приглушенных разговоров, доносившихся к ней по тоннелю, она поняла, что если андареане снова не лгут, то неподалеку отсюда находится нечто, представляющее большую ценность для х'вани. Трудно было поверить, что секретное оружие действительно существует, однако андареане выглядели очень уверенными в себе, а Эгид и Джейр едва ли рискнули бы своей жизнью, если бы обещания не подкреплялись весомыми доказательствами.

Кто-то из идущих впереди нес сияющий шар из полупрозрачного пластика, укрепленный на длинной ручке. Джулия видела светлую шевелюру Эгида и массивный силуэт Джейра, выделяющийся среди остальных своим ростом и шириной плеч. На стенах тоннеля были изображены сцены

забытых андареанских легенд: крылатые ящеры, морские чудища и люди с соколиными головами. Барельефы были покрыты слоями густой пыли, похожей на снежные наносы.

Они шли мимо окон, забранных цветными стеклами, теперь смотревшими в темноту. Они шли мимо комнат со странными приборами, погребенными под курганами вековой пыли и паутины. Однажды они вышли в галерею, опоясывавшую зал таких колоссальных размеров, что у Джулии перехватило дыхание. Зал имел овальную форму и был освещен приглушенным голубым сиянием, исходившим от высоких стрельчатых окон и витых колонн, рядами выстроившихся вдоль стен.

— Здесь был один из наших храмов, принцесса. — В голосе Элии звучала затаенная гордость. — С тех пор никому не удавалось построить ничего подобного. Видишь это стекло? Секрет его изготовления теперь утерян. Свет исходит от самого материала, а не идет снаружи.

Она немного помолчала, глядя вниз, и тихо добавила:

— Андареане были великой расой, принцесса. Ты думаешь то же самое о своем народе. Помнишь свои сегодняшние слова о нарушении переми-

рия? Великая цель оправдывает любые средства для ее достижения. Я тоже так считаю.

Это не было извинением, но, по крайней мере, кое-что объясняло. Джулия, хотя и ошеломленная последними событиями, ощутила невольное уважение к несгибаемой воле женщины, идущей рядом с ней. Вот истинная амазонка, подумала она, более опасная, чем любой мужчина, в устрашающей простоте своей воинственности. Это качество Джулия уважала и ценила превыше всех остальных.

Джулия спрашивала себя, о чем думает Эгид и как он истолковал для себя ее покушение. Что ж, если она потерпела неудачу, то, во всяком случае, не из-за постыдной слабости, как было с ним. Возможно, ей представится еще один шанс расквитаться с ним. Джулия начала понемногу оправляться от потрясения. Она уже строила планы на будущее. Намерения Элии были относительно ясными. Пожилая амазонка будет защищать свою воспитанницу и заботиться о ней, но, если понадобится, убьет ее недрогнувшей рукой. В противном случае Джулия сама бы презирала ее за трусость.

Они спустились в зал древнего храма по огромной спиральной лестнице и плотной группой

двинулись вперед между сияющими голубыми колоннами. Оттуда они свернули в один из боковых коридоров и начали спускаться дальше.

На нижних уровнях в воздухе ощущалось какое-то напряжение, предчувствие близкой беды. Один раз предводитель андареан вышел вперед, приподнял концом своего посоха плотный занавес паутины, затягивавшей проход, и подождал, пока все не пройдут мимо. Потом они с необыкновенной осторожностью пересекли дощатый настил, уложенный прямо на каменном полу, который с виду казался вполне надежным.

Они шли уже так долго и столько раз сворачивали в разные стороны, что Джулия не имела представления, где она находится. Впрочем, она была уверена, что х'вани тоже давно утратили чувство направления. Ей пришло в голову, что сейчас они отданы на милость своих проводников, и андареане вполне могут положить конец галактической войне здесь и сейчас, в пыльных сумерках. Лишившись своих лидеров, обе армии будут деморализованы. Но Джулия была совершенно уверена, что мирный исход не входил в намерения андареан.

Должно быть, они со своей стороны предприняли все возможные меры, чтобы мирные

переговоры, начатые по инициативе императора, закончились провалом. Х'вани, соблазненные обещаниями таинственного оружия, вряд ли согласились бы заключить настоящее перемирие.

— Почему андареане сами не используют это оружие? — внезапно спросила Джулия, обратившись к пожилой амазонке. Она заметила, как напряглись широкие плечи Эгида, шагавшего впереди, и поняла, что он тоже ждет ответа.

— Мы уже говорили х'вани, что наш народ утратил былую мощь, — глухо сказала Элия. — Нас осталось слишком мало. Мы рискуем потерять оружие, если сами поднимем мятеж.

Итак, они уже поведали х'вани о своей слабости? Но кажется, такое объяснение удовлетворило Эгида не больше, чем саму Джулию. Сплоченное, решительно настроенное тайное общество, обладающее неизвестным оружием, могло бы захватить достаточно ключевых позиций на планете, чтобы изменить баланс сил в свою пользу — особенно учитывая природную изобретательность андареан. На их месте Джулия не стала бы мешкать, и Элия тоже, если бы у нее не было иных причин.

Андареане использовали х'вани в борьбе против империи… но почему? Внезапно Джулия

нашла ответ. Это была самая простая стратегия и наиболее безопасная. С одной стороны, можно рискнуть головой, поставив на карту надежды многих поколений, а с другой — столкнуть между собой две могучие силы, хитроумно предотвращая возможность любого перемирия между ними и вооружая то одних, то других до тех пор, пока они не уничтожат друг друга. Когда силы воюющих сторон истощатся в бессмысленной бойне, андареане заявят о себе и придут к власти.

Все очень просто.

— Здесь, — произнес андареанин в пурпурной тунике.

Все приблизились к нему. Большая часть помещения лежала в густой, почти осязаемой тени, которая, однако, не могла полностью скрыть разнообразное оружие, расставленное на полках вдоль стен. Паутина свисала вокруг тяжелыми фестонами, собиравшими пыль и рвавшимися под собственным весом. Но предметы, разложенные на полках, ярко блестели, неподвластные воздействию времени. Забытая раса, изготовившая их, унесла с собой секрет этого удивительного металла. Андареанин пренебрежительно махнул рукой в сторону полок.

— Здесь нет ничего важного, лишь разновидно-

сти оружия, которое уже не используется. Во всем арсенале есть лишь три интересных образца, не изобретенных заново в последующие столетия. Мы собираемся отдать их в ваше распоряжение.

Он бесшумно прошел по толстому слою пыли, высоко поднимая ноги, как человек, бредущий через глубокий сугроб, и взял с чисто вытертой полки небольшой излучатель, напоминавший ручной лазер, который Джулия выронила в зале совета.

— Это оружие стреляет миниатюрными молниями, источниками которых являются металлические предметы, — пояснил андареанин. — Луч перепрыгивает от одного вооруженного человека к другому или от машины к машине, увеличивая свою мощность, пока расстояние не становится слишком большим для энергетического пучка.

Джулия смотрела на излучатель, и в ней зрело недоброе предчувствие, что эта война будет не похожа на любую из войн в истории Лайоне — если только она не успеет вовремя ускользнуть и сорвать планы мятежников.

Андареанин смерил ее тяжелым взглядом.

— Разумно ли, что принцесса слышит все это? — спросил он у Эгида.

Х'вани повернулся. Впервые с того рокового

момента в зале совета его взгляд встретился со взглядом Джулии. Она была рада возможности открыто выразить ему свое презрение и ненависть. Ей хотелось облечь свои чувства в слова, но прежде чем она успела произнести хоть слово, Эгид сам обратился к ней:

— Тебе лучше остаться здесь. Элия составит тебе компанию.

Ей показалось, что в его голосе звучат снисходительные нотки.

— Я скоро вернусь, — добавил Эгид и сопроводил свои слова долгим, многозначительным взглядом.

Потеряв дар речи от ярости, Джулия смотрела, как он бредет в пыли вместе с остальными. Он намеренно унижал ее! Она повращала запястьями в тщетной попытке освободиться от пут.

Прищурившись, Элия внимательно наблюдала за ней. Джулия пожала плечами, отвернулась и невидящим взглядом уставилась на оружие, расставленное на полках. В отдалении звучали голоса. Когда гнев Джулии немного утих, она обнаружила, что рассматривает полки со все возрастающим интересом. Возможно, некоторые из этих смертоносных предметов по-прежнему действуют и могут пригодиться ей в дальнейшем.

Было нечто фальшивое в том, с каким пренебрежением андареанин говорил об этой богатой коллекции. Джулия почти не сомневалась, что вскоре (особенно если х'вани со своим новым оружием слишком быстро начнут теснить имперские силы) андареанские патриоты преподнесут другое оружие в дар Лайоне. Если они в самом деле придерживают кое-что для дальнейшего торга, то оружие должно содержаться в рабочем состоянии. Но как ей освободиться от пут?

Многие предметы были наполовину скрыты под слоями пыли и паутины. Кое-что казалось смутно знакомым, но Джулию это не устраивало. Зато вон тот изящный пистолет с гибким стволом, колоколообразным расширением возле дула и серебристой спиралью энергоразрядника…

Джулия повернулась спиной к стене и быстро обвела взглядом комнату. Элия наблюдала за группой людей у дальней стены: они разворачивали нечто напоминавшее крупноячеистую сеть, тускло поблескивавшую в полумраке. Отсюда не было слышно, о чем они говорили.

Джулия беззвучно отступила назад, кончиками пальцев сдвинула в сторону мешающий плащ и начала вслепую шарить связанными руками в мягкой пыли. Она с содроганием думала о пауках,

плетущих здешнюю паутину, но продолжала на ощупь искать пистолет. Со связанными руками это было очень непросто. Про себя она молилась, чтобы Элия хотя бы ненадолго задержала взгляд на другом конце пещеры… Вот оно! Складный, маленький пистолет теперь принадлежал Джулии. Она понятия не имела, что произойдет, если нажать на спусковой крючок. Возможно, вообще ничего, но присутствие оружия согревало ей душу. Она сунула пистолет за пояс и торопливо поправила плащ за спиной. Когда Элия повернулась и посмотрела на свою воспитанницу, Джулия стояла у полки с кинжалами, внимательно разглядывая их.

— Это не поможет, — сухо заметила Элия. — Никакая сталь не сможет разрезать пластитовый шнур.

— Знаю, — отозвалась Джулия, не оборачиваясь к ней. Голоса, звучавшие в другом конце помещения, начали приближаться. Джулия повернула голову. Она видела Эгида с излучателем, прикрепленным к поясу; Джейр нес на плече сложенную в несколько раз тяжелую сеть. Другого оружия она не заметила, а о предназначении сети не хотела и догадываться. Но теперь у нее появился свой секрет, и безысходное отчаяние понемногу

начало отступать.

Она наблюдала за возвращающейся группой. Даже в походке обоих х'вани появилась особая уверенность. Глаза Джейра хищно сверкали, а Эгид прямо-таки сиял от удовольствия.

Он удовлетворенно потер руки и повернулся к предводителю андареан.

— Теперь начнется веселье! — На его лице играла широкая улыбка. — У вас все готово?

— Корабль готов и ждет, хотя вам лучше не пытаться улететь до темноты.

— Нам не привыкать к опасности, — громыхнул Джейр. Когда Эгид посмотрел на Джулию, его губы иронически скривились.

— Теперь ты можешь присоединиться к нам, моя дорогая. Мы при всем желании не могли бы найти лучшего заложника.

Джулия смерила его презрительным взглядом и отвернулась.

Они пошли обратно по длинным извилистым тоннелям, мимо барельефов забытых царей и богов. Прах многих культур рассыпался под их ногами. Несколько раз они снова пересекали опасные места, а предводитель андареан дважды открывал и запирал за ними массивные металлические решетки. Выглядело это зловеще, хотя

никто не высказал своих подозрений вслух.

Воодушевление Эгида заметно уменьшилось, и с приближением к верхним уровням он становился все более задумчивым. Джулия, наблюдавшая за его широкой спиной и с затаенной радостью думавшая о том, как приятно будет взять его на прицел, мало-помалу начала спрашивать себя, что его угнетает.

Он прошептал что-то на ухо Джейру. Тот с некоторым недоумением посмотрел на своего вождя, но кивнул. Затем Эгид начал шептаться с предводителем андареан. Джулия похолодела. Неужели они решают ее судьбу? Может быть, им кажется, что пришло время избавиться от нее? Едва ли, ведь сейчас им ничто не угрожает.

Когда они поднялись на освещенный уровень, где когда-то, должно быть, пролегала одна из андареанских улиц, Эгид остановился. Джулия и Элия невольно переглянулись. Эгид подошел к ним со странным застывшим выражением на лице, словно он принял какое-то тяжелое, но необходимое решение. Неожиданно он поднял руки и положил их на плечи Джулии. Первой ее реакцией на этот возмутительный поступок было желание двинуть его коленом в живот, но что-то в его взгляде заставило ее остановиться.

— Я собираюсь выйти наружу, — тихо сказал он.

— Тебя поймают! — Джулия хотела, чтобы это прозвучало как угроза, но в результате ее слова больше походили на предупреждение.

Он покачал светло-русой головой.

— Не думаю. Мне сказали, что здесь есть тоннель, ведущий в лес.

— Но в лесу… — Джулия замолчала и уставилась на него, ощутив внезапную пустоту под ложечкой. Лес отмечал границу запретной территории, где находился храм Древних.

Какое-то время они смотрели друг на друга, забыв о своей вражде. Затем Эгид кивнул.

— Мне нужен совет. Никто из х'вани раньше не имел такой возможности. Но раз уж я здесь… что ж, стоит рискнуть.

Джулия потрясенно покачала головой. Даже императоры Галактики, повелевавшие десятками миров, не осмеливались рассуждать вслух о живых богах Эрикона. Она знала, что в прошлом бывали случаи, когда император искал совета в храме Древних, но за последние триста лет никто не входил в священный лес. Лишь на этой планете люди жили рядом с богами и поневоле научились не испытывать их терпение. Сама

отчужденность Древних, проявлявших свое могущество лишь для того, чтобы покарать виновных, не располагала к фамильярности.

Джулия смотрела на Эгида со странным чувством, близким к благоговению. Возможно, он не вполне понимал, на что идет, поскольку никогда не жил рядом с Древними. Но на всех цивилизованных планетах Галактики о Древних говорили лишь почтительным шепотом.

Эгид не отводил взгляда. Внезапно Джулия с гневной уверенностью поняла, что он собирается поцеловать ее. Ее гордость и презрение к нему делали эту мысль почти невыносимой, но по телу уже расползалось предательское тепло. Особенно унизительной была радость из-за того, что ее руки связаны за спиной и она не сможет сопротивляться.

Однако ничто не могло сравниться с новым унижением, когда Эгид опустил руки и отвернулся.

— Заприте ее где-нибудь, пока я не вернусь, — обратился он к Элии. — Джейр, проводи меня до выхода из тоннеля.

Джулия сидела на пыльном каменном полу, прислонившись к стене. Свет отдаленной лампы едва рассеивал плотный сумрак, окружавший

ее. Элия оставила ее в одиночестве после короткого, но гневного спора со своими спутниками. По-видимому, андареане не вполне доверяли ей, потому что она была тесно связана со своей бывшей хозяйкой. Как ни странно, их недоверие возмущало Джулию. Принципы воительниц-амазонок глубоко укоренились в ее душе, и сейчас принцесса ощущала нечто вроде суровой гордости из-за того, что Элия предала ее доверие ради идеалов своей расы. Сомнения андареан были подобны пощечине для всех амазонок.

Но сейчас было не время думать об этом. Джулия мысленно следовала за Эгидом через влажный зеленый лес к храму Древних, который она никогда не видела, но представляла себе как темное, величественное строение среди деревьев. Она видела, как Эгид, в своем черном бархатном плаще и закопченной серебристой кольчуге, входит в портал, и… Но дальше воображение отказывалось служить ей.

Это тоже унижало Джулию. Казалось, за последние несколько часов она испытала все мыслимые унижения, и каждое следующее было обиднее предыдущего. Ее раздражала мысль об Эгиде, бесстрашно вступающем в запретное место, которое она редко осмеливалась навещать даже в мыслях.

Его невежество не могло служить оправданием.

Джулия задавалась вопросом, смогла бы она поступить так же, если бы снова оказалась на свободе. Смогла бы она вступить под сумрачные своды и спросить совета у живых богов, нарушив их священный покой своим дерзким вторжением?

Внезапно Джулия ощутила прикосновение крошечных холодных ручек, дергающих ее за запястья, связанные за спиной. В первое мгновение ее охватил безрассудный ужас. Мысли бешено скакали, тесня друг друга. Может быть, это обитатели нижних уровней, решившие похитить ее в темноте, — безымянные существа, от которых андареане отгораживаются металлическими решетками? Свирепые демоны давно сгинувшей расы… проворно работающие маленькими лапками со множеством пальчиков…

Джулия прислонилась к стене и истерически рассмеялась, ослабев от внезапного облегчения. Пушистый бок зверька терся о ее руку, холодные лапки дергали путы, пытаясь развязать их. Конечно же это был ллар, но каким образом он попал сюда? Как он смог отыскать ее здесь? Ни один ллар до сих пор не делал ничего подобного. Несмотря на развитый интеллект, эти зверьки не

отличались собачьей преданностью. Нет, где-то рядом должны быть спасатели, хотя Джулия не могла понять, как им удалось пробраться сюда без ведома андареан.

Она тихо позвала в темноте. Ответа не последовало, но ллар вдруг сердито зашипел на нее, словно человек, недовольный тем, что его отрывают от важной работы. Секунду спустя она с изумлением поняла, что путы на ее запястьях ослабли. Зная основательность Элии, принцесса не могла поверить, что маленький зверек оказался в состоянии развязать туго затянутые узлы. Зубы ллара тоже были бесполезны перед пластитом, не поддающимся даже самому острому ножу. Однако ее руки были свободны; покалывание в онемевших пальцах говорило о том, что кровообращение постепенно восстанавливается.

Джулия принялась разминать руки, наслаждаясь неожиданной свободой. Затем в темноте послышался шорох: ллар вскочил ей на колени и сунул в руку какой-то предмет. Ее пальцы нащупали маленькую кожаную сумку. Оправившись от удивления, она пошарила внутри и обнаружила крошечный цилиндр, какой-то предмет, напоминавший зеркальце на цепочке, и прямоугольную карточку. Цилиндр она узнала

по форме: это был игольный фонарик, который в случае необходимости можно было использовать как режущий инструмент или оружие для ближнего боя. Она включила фонарик, выставив луч на минимальную мощность, и поднесла карточку к маленькому кружку голубоватого света.

Послание было коротким и совершенно безличным.

«Посылаю вам первый образец прицела для нашего нового оружия. Поместите мишень в перекрестье прицела и нажмите на белую кнопку. Мишень отобразится в процессоре центрального аппарата; ее можно уничтожить в любой момент, нажав на черную кнопку. К сожалению, эта экспериментальная модель годится лишь для одного выстрела. Пусть ваш выбор будет верным.

Дуннарец».

Джулия еще дважды прочитала записку, озадаченная ее лаконичностью. Ей как будто предлагали решить этическую проблему, а не найти выход из отчаянной ситуации. Перед ее мысленным взором появилось бесстрастное лицо посланца с Дуннара, его спокойный, немигающий взгляд. Даже смертельная опасность не могла вывести его из равновесия, вспомнила она, а опасность,

угрожавшая ей сейчас, тем более не могла взволновать его. Она чувствовала, что он стремится к собственной непонятной цели, спокойно и неторопливо, невзирая на обстоятельства. Может быть, он тоже андареанин? Определенно, было что-то странное в его немигающих глазах и узком черепе — что-то вызывавшее почтение и одновременно недоверие.

Как бы то ни было, теперь у нее есть оружие. И не одно, поскольку фонарик тоже мог послужить для защиты при необходимости. Джулия повертела в руках небольшой предмет, похожий на зеркальце. Сдвоенные линзы на цепочке, каждая снабжена нитевидным перекрестьем прицела. В тонкую оправу вделаны две кнопки, черная и белая. Очень простая вещь, но обладающая смертоносной силой. Джулия подбросила ее и сжала в ладони, торжествующе улыбаясь. Чаша весов качнулась в другую сторону. Эгид оставил ее связанной и беспомощной; вернувшись, он обнаружит ее свободной и вооруженной.

Жаль, что образец дуннарского оружия рассчитан лишь на однократное применение. Джулия шепотом прокляла это ограничение. Значит, мишенью должен стать Эгид? Ее чувства к нему никогда не были столь противоречивыми, как

сейчас. Однако…

Ллар, сидевший у нее на коленях, нетерпеливо заворчал. Джулия наклонилась к нему в слабом голубоватом свете фонарика.

— Что, мой маленький дружок?

Люди до сих пор не знали, насколько сложными могут быть процессы, происходившие в крошечном мозгу этих зверьков. Ллары напоминали кошек своим упорным уклонением от любых попыток исследовать их разум или классифицировать их способности по человеческим меркам. Но Джулии казалось, что ее зверек хорошо понимает простейшие фразы.

— Что теперь? — спросила она. — Откуда ты пришел? Нам угрожает опасность?

Огромные круглые глаза уставились на нее; пушистое тельце метнулось в сторону, а затем появилось снова, как бы приглашая ее следовать за собой.

— Хорошо. — Джулия встала и стряхнула пыль с одежды. Ллар подбежал к двери и выглянул наружу, потом оглянулся и выжидающе посмотрел на нее.

— Беги, — сказала Джулия. — Я пойду за тобой.

Она надела цепочку на шею и спрятала линзы под своей туникой. Если кто-то заметит ее

сейчас, это будет выглядеть как невинное украшение вроде кулона. Но Джулия, сама не понимая почему, верила, что ллар сможет вывести ее в безопасное место. Вопреки рассудку, она даже испытала благодарность к маленькому зверьку, выразившему желание постараться ради нее. Вероятно, натуралисты сочли бы такое невозможным, не говоря уже о владельцах этих маленьких пугливых существ.

Она быстро шла по тоннелю, освещая дорогу тусклым голубым светом фонарика. При неожиданном появлении врага фонарик можно было превратить в оружие простым поворотом рукоятки, но Джулия с каждой минутой все больше доверяла способностям ллара. Он вел ее по тоннелям, которые, судя по всему, оставались безлюдными с тех пор, как последний андареанский император испустил дух у ног первого императора династии Лайоне.

Наблюдая за гибким зверьком, уверенно двигавшимся в полумраке, Джулия дивилась тому, как ллар мог запомнить столь сложный путь. Руководствовался ли он инстинктом направления или действительно разбирался в лабиринтах здешних тоннелей? Ни один из известных ей людей не смог бы ответить на этот вопрос.

Цепочка частых маленьких следов уводила ее все дальше и дальше. Поднимаясь и опускаясь, они шли по древним руинам, через гулкие залы и пещеры, наполненные вековой пылью.

По-видимому, теперь они приближались к концу путешествия. Джулия уже чувствовала дуновение свежего ветерка в тоннеле и улыбалась, воображая, какой восторг поднимется во дворце при ее появлении. Она благодарила своих имперских предков за то, что Эгид решил посоветоваться с Древними: это давало ей необходимое время. Теперь х'вани не смогут покинуть Эрикон со своим новым оружием.

Подземное путешествие закончилось внезапно. Они свернули за угол, и Джулия увидела приоткрытую дверь лишь в нескольких шагах перед собой. Ллар издал высокий хнычущий звук и отбежал в тень у входа в тоннель. Осторожно, но с радостным предвкушением чуда Джулия распахнула дверь и выглянула наружу.

Все заранее подготовленные приветствия, срочные распоряжения и слова утешения замерли у нее на губах. Здесь не с кем было разговаривать. Влажный воздух пахнул ей в лицо, наполненный ароматом свежей зелени и сырой земли. Но вокруг не было ни людей, ни зданий. Она

оказалась даже не в одном из городских парков, а в густом лесу, простиравшемся во все стороны, насколько хватало взгляда. Ничто не двигалось; лишь моросящий дождь тихо шелестел в листьях деревьев. Джулия с тревогой оглянулась к своему маленькому проводнику, но ллар бесследно исчез. Она направила в коридор ярко-голубой луч фонарика, но обнаружила лишь путаницу маленьких следов, исчезавших во тьме. Послав несколько проклятий вслед сбежавшему зверьку, она с трудом удержалась от слез. Почувствовать вкус победы и снова оказаться ни с чем!

Она знала, что это за лес. Внимательно изучив пыльный пол у выхода из тоннеля, она увидела отпечатки следов, оставленные Эгидом, когда он вышел в лес, где обитали Древние — запретный, неизведанный лес, охраняемый бессчетными поколениями человеческих жизней на Эриконе.

Джулия с тяжелым чувством огляделась по сторонам. Должно быть, Джейр вместе с предателями андареанами находится не слишком далеко отсюда. Она не имела понятия, что делать дальше, не знала, в какой стороне и как далеко находится город. Разумеется, она не собиралась возвращаться глухими лабиринтами подземных тоннелей, но в запретном лесу можно блуждать

до скончания дней, так и не приблизившись к его краю. Если бы ллар сейчас показался ей на глаза, Джулия не раздумывая пристрелила бы его, настолько велико было ее разочарование. Но это ничего не меняло. Она должна вернуться в столицу, хотя бы для того, чтобы предупредить о предательстве андареан и возможном нападении х'вани.

Воспоминание о сияющем лице Эгида, когда он возвращался к ней со смертоносными дарами андареан, наполняло ее душу безысходным отчаянием. Надвигающийся конфликт грозил разрастись до невиданных размеров. Разрушения, причиненные новым оружием, будут колоссальными, если она не найдет какой-нибудь способ помешать этому.

Может быть… Джулия задумчиво всмотрелась в плотные ряды деревьев. Если она сможет остановить Эгида — но как это сделать, не убив его? И хочет ли она этого? Ее мысли пошли по кругу: он тоже замешкался, когда убийство принцессы могло оказать решающее влияние на исход войны. Она глубоко презирала его за эту слабость, однако сейчас колебалась, столкнувшись с такой же проблемой. Джулия хмыкнула и упрямо выставила подбородок.

Должно быть, он углубился в лес по этой узкой лощине, напоминавшей тропу, вьющуюся между холмами. Возможно, она сумеет отыскать его следы на сырой почве.

Если она сейчас последует за Эгидом и убьет его игольным лучом или дуннарским оружием, то сможет ли Джейр улететь с Эрикона без своего вождя? Останется ли у нее достаточно времени, чтобы найти дорогу до города, оставив мертвого Эгида лежать в сыром лесу?

Все казалось слишком запутанным, да Джулия и сама точно не знала, чего она хочет. Но этот выбор казался наиболее предпочтительным. Она пойдет по следу Эгида, а остальное решится само собой.

В лесу стояла глубокая тишина. Джулия давно не чувствовала себя такой одинокой. Она шла в приглушенных зеленых сумерках под тихий шелест дождя. Эгид проходил этой дорогой до нее; время от времени она видела отпечатки его следов на сырой земле и примятую траву. Она напрягала зрение и слух, ожидая его возвращения, но в лесу ничто не двигалось — лишь капли дождя мерно стучали вокруг, да откуда-то доносилось отдаленное кваканье лягушек.

Тишина, одиночество и монотонность про-

гулки постепенно успокаивали ее. Лес был священным местом, где человек чувствовал себя крошечным и незначительным. Живые боги когда-то вершили в этом зеленом сумраке свои непостижимые дела, а может быть, вершат и сейчас. Джулия с беспокойством огляделась по сторонам. Она совсем недавно столкнулась с осязаемым, ужасным могуществом Древних, и воспоминание до сих пор потрясало ее.

Внезапно ее охватил гнев. Эгид уже прошел этим путем. Конечно, он глупец, и лишь невежество оправдывает его вторжение в священное место, но если он осмелился на это, то ей негоже отступать. Она отправится за ним даже в замок Древних, чего бы это ни стоило!

Джулия вернулась к беспокойным мыслям, занимавшим ее в подземной темнице незадолго до появления ллара. Сможет ли она обратиться к Древним? А если Эгид уже беседовал с ними и получил совет, который может обеспечить х'вани быструю и решительную победу? Согласно преданию, Древние в самом деле давали людям мудрые советы. Те, кто осмеливался совершить паломничество к ним, иногда возвращались со знаниями, приносившими им славу и богатство.

Да, будет унизительно повторить чужой путь,

но если Эгид пришел и ушел, то и Джулия должна это сделать. Она постепенно оправлялась от потрясения и замешательства. Ее разум снова обрел твердую опору в принципах, которыми она так долго гордилась. Но тем больнее было сознавать, что она вряд ли сможет убить Эгида. Слабость коренилась глубоко в подсознании Джулии, когда она думала о нем, хотя она не хотела признаваться в этом даже себе самой.

Принцесса передернула плечами, отгоняя назойливые мысли. Если она выживет в ближайшие несколько часов, у нее будет достаточно времени для размышлений.

Перед выходом из тоннеля она предприняла запоздалую меру предосторожности: достала из-за пояса андареанский пистолет-разрядник и затолкала под подкладку своего шлема, согнув гибкий ствол так, чтобы он не причинял неудобства.

Если Эгиду удастся застигнуть ее врасплох, он едва ли станет искать оружие в таком неожиданном месте.

Как мог путешественник, блуждавший в этом дремучем лесу, знать дорогу к храму? Но Джулия знала, хотя и не понимала, каким образом. Это было частью волшебства Древних, сгущавшегося вокруг нее в благоуханных зеленых сумерках.

Поэтому она даже не удивилась, увидев высокие черные стены, вздымавшиеся над кронами деревьев, но лишь замерла на месте, затаив дыхание и глядя на обитель живых богов.

Прошло некоторое время, прежде чем Джулия смогла заставить себя подойти ближе. Лишь мысль об Эгиде подталкивала ее вперед. Должно быть, он все еще здесь, в загадочном святилище Древних, и слушает их голоса, о которых не рассказывал ни один живой человек. В ее сознание закралась расчетливая мысль: почему бы не подождать снаружи, пока он не выйдет, а потом сделать то, что подскажет ей интуиция? Мысленно пожав плечами, Джулия отказалась от этой идеи. Нет, если Эгид еще там, она устроит ему очную ставку перед алтарем богов!

Ее сердце тяжело стучало в груди, когда она поднималась по склону к темным, безмолвным стенам. Она не видела входа: травянистая прогалина вела к сплошной черной стене и заканчивалась там. Остановившись, Джулия затаила дыхание и нерешительно протянула руки навстречу непроглядной темноте.

Она не встретила никакого препятствия. Если это был вход, то человеческий глаз не мог различить его очертаний. Свет снаружи не проникал за

порог невидимой двери. Джулия набрала в грудь побольше воздуха и шагнула вперед.

Она прошла несколько шагов в полной темноте, а затем под ногами засиял слабый свет. Оглянувшись, она увидела очертания портала и леса позади — неописуемо изменившегося, словно отступившего в иное измерение. Сияние медленно разгоралось внизу, пока она шла дальше, но впереди по-прежнему ничего не было. Джулия с внезапной уверенностью поняла, что здесь нет никого, кроме нее. Ощущение ужасного присутствия богов, которое, как она ожидала, парализует ее своей мощью, так и не пришло. По-видимому, Эгида тоже здесь не было. Окружавшая ее тьма дышала особенной безликой пустотой, памятной ей лишь во время полетов в холодных пространствах космоса — бесформенной, превосходившей человеческое понимание.

Свет снизу усиливался, вызывая странное головокружение. Под ногами нельзя было разглядеть ничего, даже вещества, из которого был сделан пол. Если Джулия шла по мостовой, то эта мостовая была высечена из прозрачнейшего кристалла, без стыков и изъянов. Она как будто двигалась над бездной по невидимым мосткам, готовым исчезнуть в любой момент. При этой

мысли она машинально замедлила шаг, не в силах совладать со страхом перед падением в сияющие глубины. Темнота над головой, напротив, была плотной, как физический предмет, и совершенно не отражала света. Впечатление, будто весь мир перевернулся вверх ногами, охватило Джулию с такой силой, что кровь застучала у нее в висках: она чувствовала себя мухой, ползущей по стеклянному потолку.

Сделав еще несколько шагов, она неуверенно остановилась. Новые впечатления вытеснили из ее разума мысли об Эгиде и даже о Древних. Казалось, в мире не осталось ничего, кроме зеркальной сияющей глади и темных пространств наверху.

Какое-то время ничего не происходило. Не было ни звука, ни движения. Джулия по-прежнему не ощущала постороннего присутствия. Ей хотелось кричать от страха, но она сдерживалась, понимая, что это ни к чему не приведет.

Наконец что-то случилось. Далеко, очень далеко от того места, где она стояла, шевельнулась смутная тень, похожая на облачко дыма. Она выросла, превратившись в облачную колонну, и неторопливо поплыла к Джулии, утратившей всякое ощущение времени и пространства. То

было странное движение — клубящееся, переливающееся само в себе и потрясающее неземным величием.

Остановившись перед Джулией, огненный столп распался и принял форму кольца, окружившего ее со всех сторон. Оттуда, как из огромного открытого рта, раздался голос, который показался ей знакомым:

— Ты можешь говорить.

Потрясение, испытанное Джулией при звуках этого бестелесного голоса, было совершенно неописуемым. «Я не могу этого вынести, — подумала она в приступе внезапной истерики. — Не могу!» Остался ли в мире хоть кто-нибудь, кому она могла бы доверять? Неужели все, кого она знает, имеют второе «я», плетущее темные интриги за ее спиной? Сначала Элия, а теперь… Но чей это голос? Он мог принадлежать ее отцу или ей самой. А может быть…

Неосязаемое кольцо сомкнулось, окутав ее серой мглой, и снова расступилось.

— Ты можешь говорить, — с бесконечным терпением повторил голос.

На какой-то безумный момент Джулии показалось, что она действительно слышит саму себя.

— Я… я… — Что она хотела сказать? Она знала,

что боги не обращались к ней. Здесь не было никого, кроме нее. Должно быть, это подсознание играет шутки, заставляя ее разговаривать с собой.

— Ты можешь говорить, — в третий раз повторил голос, и мглистое кольцо проплыло мимо нее, исчезнув в непроницаемой тьме наверху.

— Я… меня зовут… — Джулия помедлила; нелепо объяснять самой себе, кто ты такая. Она попробовала снова: — Я пришла за советом… как быть дальше. От меня зависит много жизней. Посоветуйте, как спасти мой народ от х'вани?

Облачное кольцо спустилось к ней и заколыхалось, словно под дуновением слабого ветра. Затем от него отделилось несколько расширяющихся колец, и каждое из них, проплывая мимо, произносило несколько слов бестелесным голосом, звучавшим в ее сознании. Один голос по-прежнему казался знакомым, но другие она слышала впервые. Они обращались друг к другу в третьем лице, словно ее здесь не было.

— Она говорит, что пришла за советом.

— Ею движет зависть.

— Ей безразлична судьба ее народа. Она пришла ради себя.

— Стоит ли спасать ее расу?

— Помните: они должны получить свой шанс. — Джулия знала этот голос. — Игра еще не закончена. Дайте ей совет, о котором она просит, а там посмотрим.

— Но это так утомительно. Мы уже видели все это раньше. Есть ли в ней хоть какой-то толк?

— Мало, очень мало, Но игра должна завершиться.

В головокружительной перекличке мглистых колец наступила пауза. Джулия закрыла глаза, борясь с тошнотой. Какое-то время ничего не происходило — лишь облачная колонна, снова уплотнившись, изящно склонилась над ней, как огромная змея.

— Ты получишь шанс спасти расу, воспитавшую тебя, — устало произнес хорошо знакомый голос. — Подумай как следует, прежде чем использовать его, ибо чувства могут обмануть тебя. От того, что произойдет в ближайшие несколько часов, зависит судьба твоего народа. Познай, кто ты есть на самом деле, и найдешь решение.

Облачная колонна лениво проплыла мимо и исчезла в темноте.

Джулию скрутила чудовищная судорога: казалось, каждая клеточка ее тела стремилась оторваться от соседней и улететь в простран-

ство. Верх и низ поменялись местами. Безумная карусель подхватила ее и завертела в разных направлениях, а затем отшвырнула прочь, как сломанную куклу.

Когда она снова пришла в себя, вокруг было темно, но мир восстановил привычное равновесие. Джулия встала и побрела во тьме, наполненной плавающими тенями — не цветами, но намеками на них, напоминавшими образы на сетчатке человека, плотно закрывшего глаза от яркого света.

Куда ушли боги? Может быть, они сочли ее недостойной и закончили аудиенцию, так и не явив свои истинный облик? Или они сейчас движутся рядом с нею в темноте, огромные и равнодушные к человеческим мольбам?

Ее ноги заскользили по сырой траве. В следующее мгновение кто-то схватил ее за плечи.

— Открой глаза! — произнес мужской голос. — Теперь все в порядке.

— Эгид! — Джулия с трудом разлепила веки. Вокруг был ясный день. — Храм…

Она в безумной растерянности огляделась по сторонам. Жесткие пальцы Эгида больно давили ей на плечи. Джулия машинально потянулась к наиболее доступному оружию, игольному фона-

рику, но ее пальцы нащупали пустоту. Должно быть, она потеряла фонарик во время блужданий во тьме.

Джулия была ошеломлена и еще не вполне понимала, что произошло, но инстинктивная реакция заставила ее резко развернуться, чтобы освободиться от хватки Эгида.

— Нет, так дело не пойдет! — Его руки скользнули вниз и стальными обручами сжали ее запястья. Вспомнив уроки Элии, Джулия перенесла вес тела на одну ногу и рванулась вбок. Но Эгид, по-видимому, хорошо знал этот маневр, и после короткой яростной схватки Джулия оказалась прижатой к его груди. Он обхватил ее за талию одной рукой, а другой болезненно выкрутил ей локоть за спиной.

— Какая удача! — Он улыбнулся, все еще немного задыхаясь.

Удача? Затуманенное сознание Джулии немного прояснилось. Возможно, он прав. Как бы то ни было, теперь они встретились, хотя она не имела представления, что делать дальше. Нужно было как-то помешать Эгиду вернуться к Джейру и отсрочить бегство х'вани до тех пор, пока у нее не будет достаточно сил, чтобы положить конец этому безумию. Древние обещали ей шанс…

Джулия заставила себя расслабиться.

— Что теперь? — спокойно спросила она. Эгид нахмурился, удивленный ее реакцией.

— Ты не сердишься?

Нет, она не могла себе этого позволить. Сначала нужно найти какой-то рычаг давления на него, а пока что придется следить за собой. Она должна совладать не только с гневом: Джулию бесило само ощущение близости к Эгиду, наполнявшее ее предательской слабостью. Беззащитно прислонившись к его плечу и не пытаясь высвободить руки, она спокойно смотрела ему в глаза. Она амазонка и должна помнить об этом. Ее тело и разум были обучены железной дисциплине. Она не дрогнула раньше, не дрогнет и теперь.

Джулия заставила себя с критическим вниманием изучать лицо Эгида, заново открывая изъяны его характера, подмеченные раньше. Его лоб блестел от пота, капли дождя мелкими бусинками сверкали в волосах, завитках светлой бородки и на длинных рыжеватых ресницах. Голубые глаза Эгида недоверчиво прищурились, когда он ответил на ее взгляд.

Да, это было слабое лицо. Слишком чувственный рот, заостренный подбородок. Джулия никогда не стала бы доверять амазонке с такой

сентиментальной и вместе с тем самодовольной внешностью. То, что может сойти за добродетели в мирное время, на войне становится пороками. Джулия хорошо помнила кодекс амазонок, требовавший жертвовать как пороками, так и добродетелями ради общего блага. Жалость, милосердие, сострадание — она видела все эти чувства на лице Эгида и презирала их.

Но благодаря преимуществу в грубой физической силе он сейчас одержал верх над нею. Если она хочет презирать его по-настоящему, то придется преподать ему урок.

— Как тебе удалось поймать меня? — спросила она. Эгид изумленно посмотрел на нее. В наступившей тишине Джулия внезапно поняла, что она должна сделать. У нее оставалось одно надежное оружие. Хитростью или убеждением она заставит Эгида отпустить ее на достаточно долгое время, чтобы воспользоваться линзами, полученными от посланца с Дуннара. После этого она сможет держать его на коротком поводке, под угрозой неминуемой смерти. И ему придется подчиниться, хотя бы ради безопасности своих друзей в андареанских подземельях.

— …Поймать тебя? — говорил он. — Разве ты не знаешь? Ты вышла из замка с закрытыми глазами

и спустилась по склону. Я сидел рядом с… дверью, под деревьями. Мне хотелось поразмыслить о случившемся.

Джулия оглянулась. Они стояли в лесу, со всех сторон окруженные деревьями.

— Где мы? — спросила она. — Храм исчез?

— Да. Мы совсем недалеко от того места, где он был… но теперь его там нет.

Они тщетно искали следы храма. Боги ушли бесповоротно, оставив сомнение даже в своем существовании. Внезапно Джулией овладело чувство отчаянного одиночества и утраты. Человек привык полагаться на своих богов, даже на таких холодных, равнодушных и безличных, как Древние. Они как будто устали от людей и отделывались от них двусмысленными загадками.

Лес тоже стал каким-то зловещим и чуждым. Этот лес останется неизменным, независимо от того, выживет ли человечество или навеки исчезнет с лица планеты. Что ж… Джулия мысленно расправила плечи: она была гораздо лучше Эгида подготовлена к такому исходу. И что бы он там ни узнал от Древних, это потеряет всякое значение, как только она сфокусирует на нем свои линзы. Но что они сказали ему? Внезапно ею овладело непреодолимое любопытство.

— Что случилось с тобой в храме? — спросила она, стараясь, чтобы ее голос звучал не слишком заинтересованно.

Эгид посмотрел на нее рассеянным взглядом человека, углубившегося в воспоминания. Джулия с удовлетворением ощутила, что его руки уже не так сильно сжимают ее запястья. Еще немного болтовни, и может быть…

— Расскажи мне, — настаивала она. — Они говорили с тобой? Эгид, там действительно все было вверх ногами или мне только показалось?

— Чушь! — фыркнул он.

Джулия задохнулась от возмущения. У нее появился еще один повод расквитаться с ним, но любопытство все-таки пересилило. Она очень осторожно попробовала на прочность его хватку и повторила:

— Пожалуйста, расскажи мне, что с тобой происходило. Ты видел свет и облачные кольца?

— Да, я видел свет. — Эгид нахмурился, недоверчиво глядя на нее. — Но облачные кольца? Должно быть, у тебя что-то не в порядке с головой. Там был высокий алтарь у стены и фигуры… парившие в воздухе. Что они тебе сказали?

Джулия закусила губу и задумалась. Они? Значит, там действительно было несколько голосов?

Она балансировала на краю, готовая вспомнить, кому принадлежал тот знакомый голос, но знание ускользало, как только она прикасалась к нему. Что они ей говорили? Насчет какой-то игры, теперь почти законченной. Потом они заверили Джулию, что она получит свой шанс… но какой шанс и когда? Еще они сказали, что чувства могут обмануть ее.

— Не важно, — вслух ответила Джулия. — Но х'вани меня больше не волнуют — во всяком случае не сейчас.

Она мысленно улыбнулась: в конце концов, это было недалеко от истины. Ей показалось, что она поняла, в чем заключается ее шанс. Эгид заметно ослабил свою хватку. Через минуту-другую она освободится, убежит в лес и найдет укрытие, откуда можно будет взять его на прицел дуннарского оружия. А потом… что ж, может быть, ей и не понадобится убивать его. Одной угрозы будет достаточно. Если ей повезет, она даже доберется до города, прежде чем Джейр устанет ждать и попытается выйти в космос. До сумерек оставалось еще несколько часов.

Эгид смерил ее странным взглядом.

— Ты лжешь, — сказал он. — Но может быть… ты ведь знаешь легенду, не так ли? В ней есть

доля истины?

— Ты имеешь в виду, что Древние дают человеку дурной совет, если не одобряют его намерений? Не знаю… — Джулия выдержала его взгляд со спокойной решимостью. — А ты сам веришь этому?

В голубых глазах Эгида заплясали веселые огоньки, как будто он был готов рассмеяться.

— Нет, не верю. Что бы они тебе ли сказали, теперь я знаю, как победить в войне с империей.

— В таком случае, они солгали одному из нас, — холодно ответила Джулия. — Потому что я тоже кое-что знаю.

Эгид откинул голову и от души рассмеялся. Уверенный, торжествующий звук его смеха звенел в лесу, заглушив пение лягушек. Он уже почти не удерживал ее. Джулия быстро окинула взглядом местность в поисках ближайшего укрытия, стиснула зубы и рванулась в сторону. В следующее мгновение она поняла, что поспешила. Липкий, тошнотворный ужас охватил ее, когда Эгид молниеносно выбросил длинную руку и вцепился ей в плечо жесткими пальцами.

Инерция ее движения развернула их обоих, и Джулии на долю секунды показалось, что она еще успеет убежать. Но затем он крепко обхватил ее за плечи и притянул к себе с такой силой, что

Джулию едва не расплющило о твердую броню на его груди. На этот раз в его объятиях не было и намека на нежность.

— Значит, ты получила неверный совет, — поучительным тоном произнес Эгид, как если бы ничего не случилось. Лишь его учащенное дыхание говорило о недавней схватке. — Древние обрекли вас на поражение.

— Почему ты так уверен в этом? — напряженно спросила Джулия.

Встретившись с нею взглядом, Эгид помрачнел. Он не был уверен. Никто из них не мог быть окончательно уверен, пока не наступит развязка последней кровавой битвы. На какое-то время в лесу наступила тишина. Листья тихо шелестели под моросящим дождем, издалека снова послышалось мелодичное кваканье лягушек, перемежавшееся со вздохами ветра. В воздухе ощущалось какое-то волшебство. Возможно, исчезнувший замок по-прежнему вздымал свои невидимые стены совсем рядом и боги наблюдали за ними с бесстрастным терпением, ожидая, когда неудачливый проситель сделает первый шаг к своей гибели.

Внезапно каждый из них ощутил благодарность за живое человеческое тепло. На мгновение они

перестали быть смертельными врагами, и что-то в их объятии неуловимо изменилось, вернув полузабытое ощущение близости, испытанное на Сайрилле. Оба помнили, что лишь один мог покинуть этот лес живым, но сейчас их затопили другие воспоминания, вычеркнувшие и лес, и дождь, и даже невидимое присутствие Древних.

Некоторое время оба молчали. Они смотрели друг на друга, вспоминая прошлое. Объятия Эгида не были удушающими, и Джулия не пыталась вырваться.

— Джулия, — тихо сказал он. — Ты помнишь нас на Сайрилле?

Она молча покачала головой; ей не хотелось разрушать это настроение словами. Слова могли заставить их забыть о чувствах и возродить прежнюю ненависть друг к другу. Но Эгид, казалось, не замечал этого.

— Я знал, кто ты такая, — продолжал он. — И я собирался убить тебя. Ты догадалась?

Она кивнула, внимательно следя за его лицом.

— Но больше никто не знал, даже Джейр. Никто не знает об этом, кроме нас с тобой.

Джулия смотрела на него. Она понимала, что Эгид говорит правду, но, если она примет эту правду, ей придется изменить свое мнение о

многих идеях и принципах, усвоенных с раннего детства. Так много заключалось в его простых словах — но сейчас у нее не было времени для размышлений. Эгид собирался поцеловать ее…

Это был долгий поцелуй — первый после Сайрилла и, возможно, последний. Пока он длился, Джулия утратила всякое представление о реальности. Она совершенно расслабилась; пропал даже подсознательный страх, внушавший недоверие к его словам и поступкам.

Серьезное лицо Эгида, обращенное к ней, выражало необычную нежность и смирение. Внезапно Джулия поняла, в какую ловушку она попала. Эгид решил сдаться, причем бесповоротно. Начиная с этого момента она знала, что может склонить его к любой цели по своему выбору, даже к компромиссу с Лайоне. Даже к миру между воюющими расами, если бы она захотела этого.

Страх с новой силой охватил Джулию. Неуправляемые эмоции, владевшие ею, были опасным наркотиком, гораздо сильнее вина — самая страшная вещь, которая может случиться с амазонкой. Если она откроется ему, то тоже окажется в его власти, а больше всего Джулию страшила собственная капитуляция. Эмоции искажали восприятие реальности, притупляли остроту мысли,

растворяли в себе все ценности, составлявшие основу ее жизни. Все становилось таким же насквозь фальшивым, как иллюзии на Сайрилле; фальшивым, непреодолимо притягательным и смертельно опасным.

Нет, она не уступит! Возможно, позже, когда он окажется в ее руках… Сейчас Эгид был слаб, как никогда, но эта слабость не продлится долго. Джулия приняла решение и украдкой взглянула на него.

Он обнимал ее, как любовник, с нескрываемым нетерпением ожидая ответной ласки. Должно быть, Древние имели в виду именно этот момент. Нанести удар в минуту его слабости… сейчас же!

Джулия резко опустила голову и с силой ударила его в подбородок гребнем своего шлема. Одновременно с этим она отпрыгнула назад и развернулась, готовая броситься в укрытие за ближайшими деревьями.

Эгид упал на четвереньки, но тут же ловко, по-кошачьи извернулся и выбросил вперед правую ногу. Джулия слишком поздно осознала его намерение. Бессильная ярость бушевала в ней за ту долю секунды, пока она пыталась избежать удара. Она не может позволить ему снова завладеть собой! Но инерция движения несла ее вперед.

Она споткнулась о подставленную ногу Эгида и полетела ничком в густые заросли кустарника.

Сильные руки подняли Джулию за шиворот, прежде чем она успела пошевелиться. Она мельком увидела голубые глаза Эгида, сверкающие от гнева, а затем — огромный кулак, несущийся к ее лицу.

Вселенная взорвалась в ее мозгу миллионами крошечных звезд, и наступила темнота.

Когда сознание вернулось к ней, Джулия обнаружила, что лежит на мягкой голубой траве. Внизу лениво плескались волны, набегавшие на песчаный пляж. Ее разум был так же чист, как разум Адама, впервые проснувшегося в райском саду. Прошло некоторое время, прежде чем ей удалось вспомнить, кто она такая.

Джулия с трудом села и поняла, что ее руки связаны за спиной. На нее нахлынули воспоминания — Эгид, священный лес… Вспышка боли в ноющем подбородке окончательно вернула ее к действительности. Сколько прошло времени? Куда она попала? Должно быть, Эгид оставил ее здесь надежно связанной, а сам отправился по делам. Неужели Древние действительно поделились с ним своими знаниями и могуществом? Даже мысль об этом причиняла боль. Разум Джу-

лии полнился вопросами, на которые у нее не было ответа. Она в замешательстве огляделась по сторонам.

Она сидела на пологом голубом склоне. Впереди, до самого горизонта, терявшегося в мглистой дымке, расстилалось спокойное море. Оглянувшись, она обнаружила высокую стену, сложенную из цветных каменных блоков, с литыми чугунными воротами.

Голубая трава… но трава на Эриконе была зеленой. Джулия прислушалась. Легкий ветерок шелестел в листьях вязов слева от нее, волны приглушенно шептались у кромки песчаного пляжа. На ровной поверхности моря ничто не двигалось. Несмотря на все усилия, Джулия не могла найти ни одного знакомого ориентира. На короткое время она всерьез задумалась о том, что по какой-то непостижимой прихоти Древних ее сознание перенеслось в тело другой женщины с далекой планеты.

Решив заглянуть за деревья, Джулия неуклюже выпрямилась и побрела в густой траве. Вскоре она увидела крутой изгиб дороги, подходившей почти к самой воде, и гуляющих людей, смеющихся и разговаривающих друг с другом. Пока она смотрела, одна молодая парочка направи-

лась прямо к ней. Юноша и девушка шли, крепко обнявшись, и что-то шептали друг другу. Джулия позвала их.

Влюбленные даже не взглянули в ее сторону. Джулия позвала еще громче, но они не обратили на нее внимания. Девушка подняла голову и улыбнулась молодому человеку; при этом она не могла не заметить Джулию, стоявшую в нескольких шагах от них, однако выражение ее лица не изменилось.

Не зная, сердиться ей или тревожиться — неужели она стала невидимой? — Джулия решительно шагнула вперед. Внезапно в воздухе перед ней возникло какое-то движение, и призрачное существо материализовалось совсем рядом, преградив ей путь. Джулия отпрянула назад, и призрак повторил ее движение. Призрак в плаще и шлеме, со связанными за спиной руками… Несколько секунд Джулия стояла неподвижно перед своим отражением. Потом она подняла ногу и почувствовала, как ее колено уперлось в прозрачную стену между нею и дорогой. Прислонившись к стене, Джулия проследила взглядом невидимый барьер от рощицы вязов до каменной стены. Она начинала догадываться, куда она попала.

Влюбленные со смехом прошли мимо и исчез-

ли за следующей группой деревьев. По дороге приближался мальчик, весело насвистывающий и погоняющий маленького ослика, но Джулия не пыталась привлечь его внимание. Она была уверена, что его не существует на самом деле. Если он когда-то жил, то давно умер, а его родной мир превратился в пепелище, сгинув в горниле галактической войны.

Плотно сжав губы, Джулия поднималась по склону к каменной стене. Она уже знала, что обнаружит там, и вскоре увидела это: прямоугольник матового стекла, вделанный в каменную кладку. Все встало на свои места. Эгид, по своим непонятным соображениям, отвез ее на Сайрилл, в мир развлечений, где произошла их недолгая романтическая идиллия.

Но почему он это сделал? У Джулии мелькнула безумная мысль, что Эгид решил снова показать ей памятные сцены в надежде вернуть сентиментальное настроение, когда-то зачаровавшее их обоих. Но учитывая недавние события, трудно было предположить, что даже Эгид способен на столь нелепую выходку. Нет, если он и вернулся сюда, то вместе с Джейром и андареанским оружием. Очевидно, ему удалось добраться до Сайрилла, не встретив противодействия со сто-

роны имперских сил. Но почему они вообще решили направиться сюда, а не на базу х'вани? Или они высадили ее здесь и полетели дальше? Не может быть: настоящая опасность угрожала им за пределами орбиты Сайрилла, где были расположены основные силы космической обороны. Если Джулия вообще нужна им, то лишь в качестве заложницы.

Итак, они здесь. Где-то на Сайрилле, со своим загадочным оружием, а возможно, и с тайными знаниями, полученными от Древних и не сулящими ничего хорошего империи Лайоне. Джулия не могла рассчитывать на помощь или вмешательство немногочисленного обслуживающего персонала, остававшегося на Сайрилле. Х'вани были вооружены и безжалостны. Она могла представить себе, как Джейр уничтожает любого, кто осмелится встать на его пути. То, что ее бросили здесь, связанную и беспомощную, лишь подтверждало, что никто из служащих станции не успел поднять тревогу.

Джулия стояла перед воротами. Она понимала, что находится в сравнительно небольшом помещении, хотя вокруг расстилались бескрайние просторы. Трава, ближайшие деревья и стена были реальными, но все остальное — лишь иллю-

зия, проецируемая на зеркальные стены. Где-то снаружи Джейр и Эгид занимаются своими темными делами. Возможно, некоторые андареане прилетели сюда вместе с ними на правах союзников и военных советников.

Джулия энергично повращала запястьями, пробуя свои путы на прочность. На ощупь они казались мягкими, больше похожими на ткань, чем на сверхпрочный пластитовый шнур, которым пользовалась Элия. Но как избавиться от них? Вокруг не было камней с острыми краями, и Джулия знала, что ее сил не хватит, чтобы разбить стеклянную стену. Не оставалось ничего, кроме…

Внезапно Джулия рассмеялась и опустилась на колени. Она вспомнила о шпорах на своих сапогах для верховой езды. Казалось, прошли годы с тех пор, как Элия надела эти шпоры на ее сапоги для утренней прогулки. Джулия понимала, что, возможно, больше никогда в жизни не сядет на лошадь, но шпоры могли оказать ей одну последнюю услугу. Она откинулась назад, выгнув спину в неустойчивом равновесии.

Острые колесики шпор впились в ее путы. От напряжения у Джулии разболелась спина, и несколько раз ей пришлось отдыхать, но работа продвигалась. Через некоторое время она

почувствовала, как порвались последние нити, и во второй раз захлопала ладонями по бедрам, восстанавливая кровообращение в онемевших пальцах.

Что теперь? На взгляд неискушенного наблюдателя, Джулия сидела на пляже, и у ее ног плескалась голубая вода. Трудно было поверить, что она находится в небольшом помещении. Выйти наружу можно было лишь через ворота в стене, но они, разумеется, оказались заперты снаружи. Единственный способ связи с внешним миром — коммуникационная панель, но работает ли она? Сложная аппаратура, поддерживавшая существование идиллической сцены перед глазами Джулии, продолжала действовать. Она не могла судить, какое влияние на иллюзии Сайрилла могла оказать гибель всех его операторов. Возможно, вообще никакого.

Джулия поднялась по склону, поросшему голубой травой, и нажала на кнопки аудио— и видеосвязи, расположенные за панелью. Покусывая губы от нетерпения, она услышала отдаленный смех и увидела, как молодые влюбленные вышли из-за деревьев. Зрелище наполнило ее горечью. Это была безупречная иллюзия прекрасного прошлого, которое больше никогда не вернется, но

образцом для создания иллюзии служили живые люди. Возможно, они давно умерли, а может быть, погибли вчера или на прошлой неделе на одном из миров, подвергшихся бомбардировке х'вани. Но здесь они жили в вечной обители любви и покоя, на морском берегу, равнодушные к ужасам войны и к судьбе Джулии. Их отрешенность некоторым образом напоминала божественное величие Древних или холодную неподвижность космических просторов.

Джулия отвернулась.

Панель коммуникатора осветилась. Она увидела служебный кабинет с черным столом у стены и приборной панелью, на которой деловито мигали огоньки. В кресле за столом сидел мертвец. Джулия мрачно посмотрела на него и снова начала нажимать на кнопки. Она не знала нужной комбинации, но надеялась, что в конце концов увидит Джейра и Эгида. Возможно, они сейчас находятся в рубке управления. До тех пор пока она не выяснит точнее, придется предположить, что они прибыли на Сайрилл с определенной целью. Джулия слышала, что рубка управления была единственным местом на станции, где имелся смотровой экран, с которого велось наблюдение за зеленым миром Эрикона.

Она продолжила поиски и обнаружила новые трупы, пустые комнаты, следы пожаров и разрушений. Но она не видела ни одного живого существа до тех пор, пока ей по счастливой случайности не удалось набрать нужную комбинацию. Ее догадка оказалась верной: Джейр с Эгидом были в рубке управления.

Просторный зал был заполнен приборами и механизмами, поддерживавшими курс искусственного спутника и создававшими трехмерные иллюзии на множестве крохотных миров Сайрилла. Одна стена была прозрачной и имела форму огромной телескопической линзы, направленной на планету внизу. Там, в дальнем углу зала, трудились два человека. Джулия, напряженно наблюдавшая за ними через глазок видеокамеры, укрепленной под самым потолком, видела огненно-рыжую бороду Джейра и светлые локоны Эгида. Кроме них, в помещении никого не было. Они работали сосредоточенно, явно не ожидая подвоха или нападения.

Объектом их интереса был мощный прожектор с двухметровым отражателем. Они подкатили его к стене по рельсам и теперь фокусировали луч на какой-то цели снаружи, постоянно сверяясь с электронной картой на противоположной стене.

Перед прожектором была растянута металлическая сеть, радужно поблескивавшая в мощном потоке света.

Джулия помнила эту сеть. По ее спине пробежал холодок недоброго предчувствия. Она не имела представления о том, как действует это устройство, но намерения х'вани были совершенно очевидны. Значит, Древние все-таки предали ее, и если она не сможет выбраться отсюда, причем как можно скорее, то империя тоже будет предана.

Эгид нашел достойную замену целой эскадре кораблей х'вани. Здесь, за линией обороны Эрикона, создавался корабль, искусно замаскированный и способный стереть все живое с поверхности планеты. Эгид собирался превратить Сайрилл в такой корабль!

До сих пор не существовало достаточно мощного оружия, чтобы нанести удар по Эрикону с искусственного спутника. Но уверенность, сквозившая в движениях людей, за которыми наблюдала Джулия, свидетельствовала о том, что теперь такое оружие появилось. Трудно было поверить, что с помощью андареанского устройства обычный прожектор, пусть даже очень мощный, может превратиться в оружие ужасной

разрушительной силы. Но х'вани работали как люди, хорошо знающие, что они делают. Очевидно, они ждали того момента, когда Сайрилл, обращавшийся по эллиптической орбите вокруг планеты, окажется точно над мишенью. Скорее всего, такой мишенью будет столица. Прежде чем имперские штурмовики успеют сбить Сайрилл с установленного курса, город и его окрестности превратятся в руины.

Может ли она остановить х'вани? Задача казалась безнадежной. Джулия могла видеть лишь огромный панорамный изгиб планеты, холмы и леса, частично закрытые наступающими грозовыми тучами. Не было заметно ни одного ориентира, подсказывающего, в каком направлении находится столица. Возможно, до атаки остается еще несколько часов, а может быть — десять минут. Джулия не имела понятия, как добраться до рубки управления, но, даже если бы она знала дорогу, сначала нужно было открыть дверь, запертую снаружи.

Внезапно Джулию осенило. У нее еще оставалось оружие, если Эгид не нашел его. Она сняла шлем и ощупала подкладку. Ее пальцы сомкнулись на жесткой рукоятке, и она с торжествующим восклицанием достала маленький

энергоразрядник — оружие, созданное безымянной расой, некогда правившей Галактикой. Если удача улыбнется ей, это оружие может спасти нынешних правителей.

Гибкий ствол, обвитый серебряной спиралью, колоколообразное расширение в дульной части, спусковой крючок, похожий на крошечный серпик… что произойдет, если она выстрелит? Скорее всего — ничего, но, возможно, андареане испытывали оружие, хранившееся на полках, в надежде продать его защитникам империи. Из дула может вырваться испепеляющая молния, или пистолет взорвется у нее в руке, или…

Джулия положила палец на спусковой крючок, стиснула зубы и повернула ствол разрядника в сторону моря, а затем медленно, очень медленно нажала на спуск.

В первое мгновение ничего не произошло. Ничего? Джулия успела испытать тошнотворное разочарование, но вскоре почувствовала, как маленький предмет задрожал в ее руке. Вибрация распространилась на спираль энергоразрядника, утолщение на конце ствола слабо засветилось. Джулия держала оружие в вытянутой руке, напряженно следя за разгорающимся сиянием.

Из дула вылетел шарик ослепительного пла-

мени. Вращаясь, как крошечное солнце, и увеличиваясь в размерах при движении, он медленно поплыл к пляжу. Когда по воде побежали яркие отражения, Джулия затаила дыхание. Секунду-другую вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь тихим плеском волн, шелестом листьев да звуками отдаленных голосов. Затем сияющий шар замедлил свое вращение и взорвался с чудовищным шипящим ревом, как будто в воду бросили раскаленную добела стальную плиту.

Когда зрение вернулось к Джулии, она увидела небывалое зрелище. Прямо в воздухе, над иллюзорным океаном, образовалась дыра, сквозь которую были видны развороченные балки, почерневшие от копоти. За ними просматривался участок тускло освещенного коридора. Вокруг проема порхали странные блестки, похожие на золотистых мотыльков, но огненный шар бесследно исчез.

За исключением этой дыры, окружающий пейзаж остался неизменным, и, хотя она была единственным мазком реальности в призрачном мире, картина выглядела жутковато.

Медленно, как во сне, Джулия двинулась вперед. Она испытывала странное чувство нереальности происходящего, однако решительно

ухватилась за выступ металлической конструкции, свисавший прямо из воздуха, и полезла наверх.

За проемом открылся узкий коридор, освещенный полосой люминесцентной краски, нанесенной по центру пола. Куда повернуть? Что делать дальше? Джулия не знала, сколько зарядов осталось в энергетическом пистолете. Возможно, один или даже несколько. Сейчас это не имело значения. Нужно было как можно скорее найти Эгида и взять его в перекрестье прицела линзовидного инструмента, по-прежнему висевшего на цепочке у нее на шее.

Она выбросила из головы все лишние мысли об Эгиде. Теперь он был для нее лишь врагом, которого нужно убить при необходимости или захватить в плен, угрожая неминуемой смертью. Пока она не возьмет его на прицел и не нажмет кнопку, все остальное может подождать. А Джейр… что ж, она найдет управу и на него, если он встанет у нее на пути. Джулия подсознательно чувствовала, что Джейр представляет для нее меньшую угрозу, чем Эгид.

Она повернула направо, следуя за светящейся линией. В конце коридора находился служебный кабинет с черным письменным столом, который

она видела на экране коммуникатора. Мертвец все так же сидел в кресле. Осененная внезапной мыслью, Джулия стала выдвигать ящики из полупрозрачного пластика. Бумаги, стопка разноцветных карточек, бутылка зеленого бренди, маникюрный набор… Вот оно: маленький лучевой пистолет с запасной обоймой!

Джулия торжествующе рассмеялась. Теперь у нее появилось оружие против Джейра, ведь дуннарские линзы годились только для одного выстрела. В ее борьбе с х'вани наступал переломный момент.

В стене за креслом имелась большая панель коммуникатора. Надпись под одной из кнопок гласила: «Рубка управления». Усмехнувшись, Джулия нажала на кнопку и смотрела, как на экране появляется изображение огромного зала.

Эгид и Джейр закончили свою работу. Прожектор был похож на длинноногую птицу с единственным большим глазом, нависавшую над смотровым экраном, откуда открывался вид на Эрикон. Ловушка была готова. Столица империи неотвратимо приближалась к своей участи вместе с неторопливым вращением планеты.

Эгид разговаривал с кем-то по маленькому переносному коммуникатору, которого у него

не было во время визита, на Эрикон, — должно быть, докладывал о своих успехах на базу х'вани. Может быть, эскадра вражеских кораблей уже готова обрушиться на планету вслед за предательским ударом из космоса. Джулия не стала тратить время на бесплодные догадки. Она нажала кнопку вызова и крикнула:

— Эгид! Посмотри вверх!

Ее голос гулко отдался под сводами потолка. Эгид вздрогнул и начал оглядываться по сторонам, пока не заметил направленный на него глазок видеокамеры. Хотя Джулия видела, что выражение его лица изменилось, она не знала, какие эмоции владеют им сейчас.

— Где ты? — крикнул он, и эхо снова пошло гулять по залу.

— Иди и найди меня! — презрительно отозвалась Джулия. Она всмотрелась в экран. В рубке управления происходило нечто вроде дискуссии на повышенных тонах. Эгид отложил в сторону свой коммуникатор и направился к главной приборной панели; по-видимому, он собирался определить, откуда пришел вызов. Однако Джейр удержал его, схватив за руку, и они ожесточенно заспорили друг с другом. Джулия поморщилась. Очевидно, рыжий великан не мог доверить свое-

му вождю поимку опасной пленницы. Ее совсем не радовала перспектива схватки с Джейром. Она напряженно вслушивалась, но могла уловить лишь неразборчивые обрывки фраз. Затем Эгид со злостью выдернул руку, пожал плечами и отвернулся к прозрачной стене. Зубы Джейра блеснули в довольной улыбке. Он расправил плечи, проверил боекомплект своего тяжелого бластера и размашистой походкой направился к выходу.

Джулия включила звук и насмешливо свистнула. Мужчины вскинули головы, ожидая продолжения, но она тут же отключилась. Хватит дразнить их. Скоро ей придется играть в прятки с Джейром в лабиринте комнат и коридоров Сайрилла. Не самый лучший вариант; но теперь Джулия была неплохо вооружена, и фактор случайности находился на ее стороне.

Прежде всего нужно было найти укрытие. Джулия не строила иллюзий по поводу намерений Джейра: он будет стрелять без предупреждения. Нет надобности держать ее заложницей, когда смертоносный механизм в рубке управления уже направлен на Эрикон. Да, Джейр будет стрелять, а не разговаривать, но он не знает, что она тоже вооружена, и это дает ей небольшое преиму-

щество.

Джулия спустилась по эскалатору в пустое фойе со множеством сводчатых дверей в дальней стене. Она нервно огляделась по сторонам: здесь не стоило задерживаться. Позвякивая шпорами, она быстро добежала до стены и нырнула в ближайшую арку. Открылся новый коридор, поворачивавший налево. Этот путь показался Джулии ничем не хуже любого другого. Она распахнула первую попавшуюся дверь, заглянула внутрь и побежала через поле цветущих лилий, доходивших ей до колен. Перепрыгнув журчащий ручеек, она вошла в хижину с тростниковой крышей… и оказалась в другом, тускло освещенном коридоре.

Следующая дверь, выбранная наугад, вывела ее к галерее над сумрачным замерзшим морем, над которым бушевала снежная буря. Дыхание облачками пара вырывалось на бегу из ее рта. Еще один коридор. Уютный садик, утопающий в цветах, испуганный кролик, выглядывающий из-под куста. Зверек ускакал прежде, чем она успела добежать до садовой калитки, открывавшейся в очередной коридор.

Джулия потеряла чувство направления и бежала наугад, как кролик, путаясь в лабиринте

комнат, наполненных всевозможными сценами и пейзажами. В некоторых помещениях время остановилось: облака висели неподвижно, призрачные люди застыли в разных позах, даже воздух казался затхлым и спертым. Но оборудование большей части комнат по-прежнему функционировало, и Джулия переходила из утра в ночь и из вечера в полночь, заблудившись в мешанине крошечных миров.

Человеческий разум настолько привычен к смене дня и ночи, что нарушение естественного цикла быстро сбивает его с толку. Вскоре Джулия утратила и ощущение времени: ей казалось, что она уже много дней блуждает по Сайриллу. Неожиданная смена времен года, переходы от теплой весны к морозной зиме и дождливой осени тоже не способствовали душевному равновесию. Хотя рассудок брал верх над чувствами, фантастическая смена декораций вселяла смутную тревогу, окрашивавшую ее мысли в мрачные тона.

Наконец Джулия выбилась из сил. Должно быть, теперь она находилась достаточно далеко от кабинета с панелью коммуникатора и Джейр сбился со следа, пытаясь найти ее. Внутренние помещения Сайрилла имели такую сложную

структуру, что они могли бродить много часов или даже дней, так и не встретившись друг с другом. К тому же Джулия больше не могла тратить время на игру в прятки. С каждой минутой Сайрилл приближался к своей мишени.

Джулия отдыхала, прислонившись к стене. После недолгого раздумья она направила ствол энергоразрядника в пол с тускло светящейся указательной полосой и нажала на спусковой крючок. Оружие снова вздрогнуло в ее руке, из дульного утолщения вылетел сияющий шарик. Коснувшись пола, он взорвался с оглушительным шипящим грохотом. Когда зрение вернулось к Джулии, она снова увидела покореженные балки; вокруг пролома танцевали яркие желтоватые искорки. Когда она наклонилась над проломом, они обожгли ей лицо, но быстро погасли.

Внизу расстилался зеленоватый лес колышущихся водорослей. Расстояние до пола казалось не слишком большим.

Поколебавшись, Джулия сунула оружие за пояс и прыгнула. Уже в полете она увидела чудовищное бледное лицо с темным провалом рта, открытым в безмолвном крике, смотревшее на нее из-за водорослей.

Это было лицо безумца.

У Джулии перехватило дыхание и на мгновение остановилось сердце, когда она встретилась с бессмысленным взглядом. Она падала медленно, как в кошмаре; воздух напоминал зеленоватую воду, смыкающуюся над тонущим человеком.

Пол оказался дальше, чем она предполагала, но замедленное падение смягчило удар. Жуткое существо приближалось к ней медленными, волнообразными движениями, с бескостным изяществом скользя среди водорослей. Джулия беспомощно взмахнула руками, пытаясь обрести равновесие, но смогла лишь отскочить в сторону и едва не полетела кувырком. Комната была подводной иллюзией, с замедленным движением и уменьшенной гравитацией, а ее обитатель являл собой чудовищную помесь человека и рептилии.

Джулия поняла, что попала на один из темных уровней Сайрилла, где самые экзотические извращения человеческого разума воплощались в действительность и жили собственной странной жизнью. Возможно, ужасная тварь, преследовавшая ее, была одним из безнадежных наркомутантов, достаточно богатым, чтобы оплачивать существование в собственном кошмаре, даже когда цивилизация рушилась за стенами Сайрилла.

Здесь не было звуков. Джулия неслышно ступала по песку, почти не оставляя следов. Чудовище с кривляющимся нечеловеческим лицом ползло к ней в зеленовато-голубом сумраке. Она закричала, но тишина, царившая в подводном царстве, поглощала все звуки. На один ужасный момент Джулия застыла, качаясь на цыпочках и глядя на приближающегося безумца, чей рот то открывался, то закрывался в предвкушении удовольствия. Иллюзия подводной пещеры была полной.

Затем она увидела дверь между двумя мраморными колоннами. Очертания колонн казались размытыми, как будто она действительно смотрела через толщу морской воды. Джулия оттолкнулась от пола и поплыла туда, с мучительной медлительностью двигаясь над песчаными дюнами и колышущимися водорослями. Безымянная тварь следовала за ней.

Джулия отчаянно боролась с желанием задерживать дыхание при каждом вдохе. Иллюзия была столь совершенной, что она каждый раз со страхом представляла, как поток горько-соленой морской воды хлынет ей в легкие. Ее одежда слабо колыхалась, шлем держался только на ремешке под подбородком.

Дверь оказалась запертой. Она без колебаний

выпустила в замок разряд из лучевого пистолета, даже не удивившись тому, что тишина подводного царства смогла заглушить характерный шипящий звук выстрела. Но когда заряд кончился и дверь распахнулась настежь, рассудок вернулся к ней. Она вооружена. Ей не нужно бояться жуткой твари, подплывающей сзади с гротескно протянутыми конечностями.

Она последний раз оттолкнулась от пола и вылетела в коридор, где нормальная гравитация едва не швырнула ее на пол. Споткнувшись, она с трудом удержалась на ногах, а затем резко развернулась и послала новый разряд молнии в зеленый сумрак подводной комнаты. Существо разинуло рот в беззвучном крике. Заряд попал ему в грудь, и сила удара отбросила его на несколько метров. Джулия видела, как оно выгнулось дугой и забилось в конвульсиях, словно рыба, выброшенная на берег. Однако оно оказалось живучим, подобно рептилии, и пока не собиралось умирать.

Держа пистолет наготове для следующего выстрела, Джулия медленно попятилась. Безумец снова поплыл к ней, прижимая одну клешневидную конечность к пробитой груди. Он двигался с чудовищной, нечеловеческой фацией, пока не

достиг порога, но затем сила тяжести расплющила его о пол. Он лежал, хватая ртом воздух и совершая слабые волнообразные движения кольчатым туловищем. Отныне он был обречен.

Джулию била крупная дрожь. Физическая опасность не страшила ее, но она оказалась беззащитной перед темным ужасом и безымянными страхами, помрачавшими ее рассудок. Она обвела взглядом коридор, страшась двинуться с места, чтобы не попасть в одну из маленьких преисподних, где — как она теперь убедилась — полностью оправдывалась дурная репутация тайных уровней Сайрилла.

Однако она не могла оставаться на месте. Время истекало. Джулия решительно стиснула зубы, достала энергоразрядник и прицелилась в угол между стеной и полом. Оружие вздрогнуло в ее руке, когда маленький вращающийся шарик отделился от ствола и поплыл к стене, но сияние показалось ей более тусклым, чем раньше. Может быть, кончается заряд? Вспышка золотистого света и треск ломающихся переборок отвлекли ее от дальнейших размышлений.

Когда сияние померкло, в полу открылся широкий провал. Джулия недоверчиво смотрела на город, раскинувшийся внизу, на аллеи и парки,

на холмистую равнину, уходившую вдаль до самого горизонта. Она видела людей, движущихся по улицам, как крошечные точки: они либо находились очень далеко, либо были невероятно точными миниатюрными копиями живых существ. Затем снизу поднялось облако шафранового дыма, поплывшее к ней. Уловив пряный аромат, Джулия быстро замотала нижнюю часть лица полой плаща и нырнула в соседний проем между изогнутых балок, даже не посмотрев, что находится внутри. Она хорошо знала этот дым и не испытывала никакого желания вкусить, запретных удовольствий, предоставляемых наркотическим дурманом.

Она упала на пол и покатилась по бледно-розовому снегу, не морозившему, но приятно покалывавшему кожу. Снег сыпался из низких облаков, ослепляя ее, когда она смотрела вверх. Вокруг бушевала розовая метель, скрывавшая из виду большую часть помещения. Внезапно подул сильный ветер; снежное покрывало взвихрилось и распалось на змееподобные колонны. Откуда-то грянул жуткий, леденящий душу смех.

Джулия поднялась на ноги с сильно бьющимся сердцем. Она ничего не видела, но не сомневалась, что слышит звук шаркающих шагов,

приближающихся из-за розовой пелены. Смех раздался снова — тихий, удовлетворенный, исполненный какой-то дьявольской злобы.

Если бы Джулия не почувствовала отдачу, она бы так и не поняла, что нажала на спусковой крючок энергоразрядника. Маленькое солнце поднялось вверх и исчезло в облаках, но принцесса услышала лишь слабое шипение, сопровождавшееся золотистой вспышкой. Смех на мгновение смолк, затем возобновился. В нем звучало нескрываемое торжество. Джулия со всех ног бросилась прочь, то и дело оскальзываясь на плотном снегу.

Тонкий луч света пробивался через щель в стене, вокруг которой плясали яркие блики. Добежав до этой щели и оглянувшись через плечо в страхе перед невидимым преследователем, Джулия поняла, что едва может протиснуться в узкий проем. Ее оружие явно теряло силу.

Зрелище летнего луга, освещенного лучами заходящего солнца, заставило ее удвоить усилия; тихий смех, приближавшийся сзади, наполнял ее невыразимым ужасом. Протискиваясь в щель, она какое-то время оставалась совершенно беспомощной, и ей не хотелось даже думать о том, что случится, если существо из снежной комнаты

догонит ее.

Но ей удалось выбраться. Какое-то время она стояла на месте, тяжело дыша и судорожно сжимая рукоять энергоразрядника. Через узкую щель в стене время от времени вылетали заряды розового снега. Джулия с раздражением заметила, что ее сердце готово выскочить из груди, а руки дрожат, несмотря на то что сейчас она стояла в полном одиночестве посреди маленького застывшего мирка.

Усилием воли овладев собой, она направилась к воротам в дальнем конце луга. Она надеялась добраться до рубки управления и уничтожить огромный прожектор с помощью энергоразрядника, но теперь понимала, что это невозможно. С каждым разрядом мощность оружия уменьшалась, и следующий выстрел мог стать последним. Ей страстно хотелось заполучить бластер, который она видела у Джейра. Предположим, она заманит рыжеволосого великана в ловушку и обезоружит его внезапным выстрелом из лучевого пистолета или ранит его так, что он не будет сопротивляться. Сможет ли она заставить его показать ей обратную дорогу? Во всяком случае, стоит попробовать. Как ни странно, Джулии не хватало внушительного присутствия Джейра и

громовых раскатов его мужественного голоса. Да, они смертельные враги, но в конце концов, Джейр был человеком, таким же, как и она, а не чудовищным существом, обитавшим в одном из крошечных мирков, созданных больным воображением.

Она вышла в коридор и вскоре обнаружила служебный кабинет, почти в точности похожий на первый; лишь стол был темно-синим, а в кресле никто не сидел. На стене за столом имелась панель коммуникатора с набором кнопок внизу. Джулия подошла туда и нажала кнопку общей трансляции.

— Джейр, — отчетливо произнесла она. — Ты меня слышишь? Я нахожусь в... — она взглянула на панель, — в кабинете номер двадцать на пятом уровне. Жду твоего прихода. Будь добр, поторопись.

Мысль о том, что звуки ее голоса сейчас разносятся по всем коридорам и мириадам крохотных мирков Сайрилла, заставила ее поежиться. Даже Эгид слышал ее слова, а Джейр, очевидно, воспринял их как руководство к действию. Он уже в пути и надеется покончить с нею одним ударом.

Кабинет был не самым удачным местом для засады. Джулия притаилась за монитором в уг-

лу комнаты и стала ждать, наблюдая за двумя дверями в дальней стене. Она держала оружие наготове. Минуты тянулись невыносимо медленно, но она не осмеливалась пошевелиться.

Джулия услышала приближение Джейра еще до того, как он вошел в комнату. Он совершенно не таился, и стук его шагов эхом разносился по коридору. Судя по всему, он считал, что она безоружна.

Он помедлил в дверях — огромный, рыжебородый, с тяжелым бластером в руке — и обвел комнату холодным, смертоносным взглядом. Джулия сразу поняла, что он не собирается разговаривать с ней. Это был взгляд охотника, настигшего добычу и жаждущего присоединить ее к числу своих трофеев.

Джулия не ожидала такой деловитой безжалостности. Она рассчитывала, что сможет обратиться к Джейру из укрытия и предложить сделку. Теперь она ощущала, что если произнесет хоть слово, то сразу же станет мишенью для него.

Однако иного выхода не было. Возможно, если бы он знал, что она вооружена…

— Я держу тебя на прицеле… — твердым голосом начала она.

Джейр круто развернулся. Его пылающий взгляд обшаривал комнату в поисках жертвы. Он не поверил ей, или ему было все равно.

Вздохнув, Джулия выстрелила в него из-за угла тумбы с монитором, за которой она пряталась. Игольно-тонкий луч с шипением рассек воздух. Она собиралась поразить его в плечо, но Джейр проявил нечеловеческое проворство. Он успел отпрыгнуть в тот момент, когда Джулия нажимала на спусковой крючок, поэтому луч лишь вскользь задел его плечо и растворился во вспышке голубого жара у дальней стены.

Джейр холодно рассмеялся, напомнив Джулии об ужасном смехе в комнате с розовым снегом, мгновенно прицелился и выстрелил. Возможно, ему помешал легкий ожог, поскольку прицел оказался не вполне точным. Разряд прошел над головой Джулии, распластавшейся на полу; монитор взорвался, и обломки дождем посыпались на нее. Что-то обожгло ее щеку, но она почти не почувствовала боли. Вспышка бело-голубого пламени оставила после себя оплавленный пролом в стене и сильный запах озона.

Джулия услышала недовольный рев Джейра. Его палец снова напрягся на спусковом крючке. Она решила не тягаться с ним в стрельбе:

этот раунд мог стать последним. Откатившись в сторону, она схватила кусок тяжелого пластика, валявшийся среди обломков, и швырнула в Джейра. Импровизированный снаряд угодил ему в лоб, но он даже не пошатнулся.

Джулия двигалась быстрее, чем когда-либо в своей жизни. Одним длинным прыжком она преодолела расстояние до разбитой стены, радуясь урокам Элии, укрепившим ее мышцы и отточившим рефлексы до полного автоматизма. Странно было думать, что эти уроки пригодились для того, чтобы Джулия могла уничтожить оружие, полученное врагами империи из рук андареан.

Заряд бластера разрушил стены нескольких комнат, прежде чем исчерпал свою убийственную энергию. Если бы при постройке Сайрилла не использовались почти исключительно негорючие материалы, Джулия не смогла бы уйти далеко. Теперь ей нужно было найти другое укрытие и застрелить Джейра, когда он бросится в погоню. С некоторым недовольством она подумала, что его рефлексы оказались еще быстрее, чем ее собственные.

Проход за проходом открывался перед нею, яркий свет сменялся сумерками, зима переходила в лето. Джулия бежала быстро и ровно, не забывая

лавировать, укрываясь за каждой разрушенной стеной. Если Джейр преследовал ее, то он двигался совершенно бесшумно. Она не осмеливалась оглянуться и посмотреть.

Наконец Джулия оказалась в комнате, в которой как будто не было пола — лишь ветви и лианы, переплетавшиеся вверху и внизу, уходившие в бездонное солнечное пространство. Она вовремя сообразила, что пол сделан из прозрачного пластика, и заскользила над бездной к пролому в дальней стене. Стайки мелких птиц с тревожными криками разлетались над ее головой, трепеща крыльями.

В следующей комнате она спустилась по карнизу из зеленого льда на пол, поросший странным коричневатым мохом. Здесь она остановилась и стала ждать, прицелившись в сторону проема. На этот раз она не услышала приближения Джейра. Он возник в десятке метров от нее, двигаясь плавными, огромными скачками. Джулия тщательно прицелилась и выстрелила.

Джейр отреагировал с поистине нечеловеческой быстротой. Должно быть, погоня необычайно обострила его восприятие: что-то предупредило его за долю секунды до выстрела. Он ничком бросился на мох; луч с шипением пронесся над

его головой и исчез в голубой вспышке, наткнувшись на какое-то невидимое препятствие. Джейр выстрелил из положения лежа, под неудобным углом, и, наверное, лишь благодаря этому Джулия осталась в живых. Разряд прошел так близко, что опалил ей волосы, а затем начал с грохотом крушить стены где-то позади. Пол тяжело вздрагивал, раскаты грома разносились по пустынным комнатам и безлюдным коридорам.

Джулия быстро оглянулась. За ближайшей рухнувшей стеной было совершенно темно. Она преодолела расстояние до пролома тремя длинными прыжками, смутно сознавая, что Джейр может в любую секунду настигнуть ее, и бросилась в темноту.

Она приземлилась не на ровный пол, а на мягкую резиновую поверхность, внезапно ожившую под ее ногами. Сила инерции прижала Джулию к подушкам, и она поняла, что мчится вперед со все возрастающей скоростью. Позади раздался удивленный рев Джейра; должно быть, с ним случилась такая же неожиданность.

Первые несколько секунд Джулия ничего не видела, но затем окружающая местность озарилась тусклым фиолетовым светом. Она быстро скользила вниз по пологому зеркальному склону

между деревьями, похожими на высокие, кивающие плюмажи, молочно-белые в фиолетовых сумерках. Зеркальные склоны имели глубокий фиолетовый оттенок, и деревья как будто росли на своих отражениях. Джулия сидела в прогулочном одноместном скуттере, скользившем вниз с такой скоростью, что деревья-плюмажи по сторонам сливались в размытые бледные полосы. Оглянувшись, она заметила наверху какое-то движение — мелькнула рыжая борода, развевающийся плащ. Несмотря на потрясение, Джулия выстрелила навскидку и услышала негодующий крик х'вани.

Скольжение немного замедлилось. Теперь скуттер мчался по широкой дуге между деревьями. Джулия начала понимать, что происходит: они попали в один из аттракционов Сайрилла. Выстрел Джейра пробил стену прямо над стоянкой автоматических скуттеров, и теперь два маленьких суденышка на воздушной подушке скользили по замысловатым кривым вдоль зеркальных склонов.

Внезапно сверху послышалось знакомое шипение выстрела из лучевого пистолета, и голубой луч пронесся наверху, разбившись о невидимую стену. Джулия инстинктивно пригнулась. Оче-

видно, Джейр опасался стрелять из бластера: если заряд повредит путь перед скуттером, на такой скорости это будет равносильно самоубийству.

Джулия вглядывалась в сонные фиолетовые сумерки. Деревья монотонно покачивали белыми плюмажами, скуттер скользил вверх по широкой дуге под музыку невидимого оркестра. Затем новый лучевой заряд с шипением ударил в обшивку сиденья, и в воздухе завоняло паленой резиной. Изогнув шею, Джулия увидела, как другой скуттер движется за деревьями, и послала ему вдогонку луч из своего пистолета. Секунду спустя оттуда донесся презрительный рев Джейра.

Музыка накатывала волнами, то приближаясь, то затихая. Скуттеры плавно скользили по изгибам местности, под перистыми плюмажами, иногда склонявшимися так низко, что Джулия чувствовала их легкое прикосновение к своей щеке. Зеркальные склоны отражали все вокруг, как стоячая фиолетовая вода. Противники обменивались случайными выстрелами, разлетавшимися фонтанами голубых искр или плавившими обшивку скуттеров. Из-за большой скорости было трудно взять верный прицел. Несколько раз луч рассекал стволы деревьев, и они рушились вниз лавиной белых плюмажей.

Вокруг медленно разгоралось розовое сияние, и Джулия поняла, что аттракцион вступает в следующую фазу. Она не знала, в чем заключается цель игры, но поскольку происходящее было очень похоже на соревнование, то предполагала, что вскоре свет станет ярче и появится более открытое пространство для маневров на скуттерах. Джулия с мрачным интересом подумала, могли ли конструкторы аттракциона предусмотреть смертельную ставку, на которую они играли сейчас. Она хорошо понимала, что не сумеет довести игру до конца. При ярком свете и на ровной местности Джейр получит преимущество. Как бы ей ни везло, он не промахнется из бластера в третий раз.

Но у нее еще оставалось одно преимущество. Она вошла в игру первой. Джулия знала, что такие аттракционы обычно включают в себя сложное переплетение маршрутов преследователя и преследуемого, переходы с одного уровня на другой. Вполне возможно, что курс скуттера Джейра будет время от времени пересекаться с ее курсом. Если она сможет разрушить путь за собой…

Перегнувшись за корму быстро скользившего скуттера, Джулия направила вниз ствол энер-

горазрядника и нажала на спусковой крючок. Ожидая появления маленького солнца, она невольно подумала о том, что произойдет, если ее скуттер опишет замкнутый круг и проедет над разрушенным участком.

Что-то было не так. Разрядник подрагивал в руке, как обессилевшее живое существо, тщетно понукаемое к действию. В дульном утолщении появилось слабое сияние, но оно не разгоралось. Джулия встряхнула оружие в слабой надежде вытолкнуть остаток заряда, но вибрация постепенно затихла. Она держала в руке бесполезный кусок металла. Джулия сокрушенно покачала головой. Теперь ей придется либо забрать бластер у Джейра, либо отказаться от надежды добраться до рубки управления. После секундного замешательства она крепко сжала в руке лучевой пистолет и перепрыгнула через борт скуттера.

Это был участок медленного подъема по склону зеркального холма. Джулия опасно заскользила на гладком полу, но восстановила равновесие, опустившись на четвереньки, и успела увидеть, как ее скуттер огибает склон с противоположной стороны. Она нырнула в укрытие под широкую крону перистого дерева, нависавшую над дорогой. Фиолетовый сумрак сомкнулся вокруг нее.

Она стояла под навесом колышущихся белых плюмажей, изысканно-прекрасных, шевелившихся даже от ее дыхания.

Музыка стихла, затем зазвучала с новой силой. Потянулись минуты мучительного ожидания. Джулия уже сомневалась в правильности своего выбора. Затем, на подъеме новой музыкальной волны, она увидела скуттер, скользивший к ней между кивающими белыми плюмажами. Джейр стоял на носу, упираясь рукой в ветровое стекло и напряженно вглядываясь в сумерки. Он напоминал автомат своей холодной решительностью.

Но он не видел Джулию. На этот раз она не промахнется.

Джулия подняла лучевой пистолет, тщательно прицелилась и выстрелила Джейру в живот. Еще не смолкло пронзительное шипение выстрела, а она уже оттолкнулась и прыгнула на корму проезжавшего мимо скуттера.

Джейр беззвучно согнулся пополам, обхватив руками рану наживете. Его бластер валялся под сиденьем. В воздухе воняло горелой плотью и паленой резиной. Рыжий великан не шелохнулся, когда Джулия склонилась над ним и подняла бластер. Все произошло не больше чем за несколько секунд.

Когда скуттер снова начал разгоняться, Джулия забралась на бортик и спрыгнула на пол. Она стояла и смотрела, как маленькое суденышко скользит все быстрее и быстрее под бравурную музыку и наконец исчезает за перистыми кронами белых деревьев.

Рукоять бластера еще хранила тепло ладони Джейра. Джулия глубоко вздохнула. Она прицелилась наугад и нажала на спусковую кнопку.

Гром и молния. Треск разряда, попавшего в невидимую стену. Гулкое эхо пошло гулять под сводами потолка, перистые кроны сотрясались и раскачивались. Воздух как будто наполнился крупными хлопьями снега. Джулия лишь смутно различала, что произошло. По-видимому, разряд обрушил прозрачную стену, разделявшую участки игрового поля, но этим дело и ограничилось.

Закутав лицо полой плаща, Джулия опустила ствол бластера и выстрелила в пол на некотором расстоянии перед собой. Теперь разрушение было ее единственной целью. Она знала, что может найти рубку управления лишь благодаря счастливой случайности, но надеялась, что рано или поздно проломы в стенах проведут ее через этажи к желанной цели.

Джулия не знала, сколько времени прошло с

тех пор, как она вышла из первого кабинета, и какое расстояние тогда отделяло Сайрилл от столицы империи. В лучшем случае она еще успеет спасти свой народ; в худшем случае она сможет отомстить. Если она не найдет Эгида, то пробьет внешние стены Сайрилла и выпустит воздух, поддерживающий жизнь на искусственном спутнике. Она сделает это, даже если ей придется разрушить весь мир развлечений, комнату за комнатой.

Лучи яркого света вырвались из дыры в полу. Джулия с тревогой отступила, когда пол под ее ногами содрогнулся, и целая секция с грохотом рухнула вниз. Вверх взвились облака удушливой пыли.

Когда обвал прекратился, Джулия выбрала металлическую ферму, которая показалась ей достаточно прочной, и начала спускаться на нижний уровень. Воздух все еще сотрясался от громоподобных раскатов: мощный разряд продолжал крушить переборку за переборкой.

Было нечто сверхъестественное в разрушениях, которые она оставляла на своем пути. Казалось, человек не способен сеять вокруг себя такой хаос. Все ингредиенты первичного творения присутствовали здесь, смешанные в полном беспорядке.

Если раса Джулии обречена, если она больше никогда не будет править звездами, то она хотя бы оставит здесь миниатюрное подобие того хаоса, который постигнет Галактику после падения империи. Крошечные миры один за другим возвращались к первозданной анархии.

Джулия радовалась тому, что до сих пор не встретила ни одной сцены, памятной по ее свиданиям с Эгидом в мирные времена, ныне канувшие в прошлое. Подсознательно она ожидала увидеть огромный центральный зал с парящими платформами и могучим древесным стволом, обвитым спиральной лестницей, где они впервые встретились. Однажды она действительно наткнулась на похожее место. Кто-то основательно поработал здесь бластером до нее, разбив и покорежив все до неузнаваемости. В воздухе плавали клочья газового занавеса и кучи разнообразных обломков вперемешку с трупами, словно некий великан бесновался здесь в несказанной ярости.

Джулия методично продвигалась вперед, при необходимости расчищая себе путь выстрелами из бластера. Сайрилл был построен на совесть. Маленькие миры гибли один за другим, стены и потолки рушились, но внешний корпус продолжал держаться.

Остановившись на краю новой рукотворной галереи, как божество, одновременно озирающее несколько параллельных миров, Джулия увидела нечто поразительное. Далеко, в конце длинной цепочки развороченных комнат, деревья, стены и постройки начали рушиться с удивительной синхронностью — как будто невидимая рука тянулась к ней через коридор миров, сокрушая их до основания в неторопливой последовательности.

Джулия потрясенно стояла, наблюдая, как уничтожение бумерангом возвращается к ней, словно разгневанные боги решили ответить на ее дерзкий вызов. Все ближе и ближе…

Мощный толчок швырнул ее на пол. Теперь она была уже не богиней, но марионеткой под прессом чудовищной гравитации, заставлявшей даже пол прогибаться под своим огромным весом.

Волна миновала, и Джулия поднялась на ноги, вся дрожа, но исполненная мрачного торжества, даже перед лицом ужасной угрозы. Гравитационные генераторы были повреждены, а это — тут она рассмеялась — это должно означать, что один из ее случайных выстрелов наконец достиг рубки управления. Теперь может случиться все, что угодно. Джулия с холодным любопытством поду-

мала о том, какой будет реакция Эгида. Должно быть, он подумает, что Джейр неосторожно обращался с бластером, и отправится на разведку. Эта мысль согревала ей душу. Она по-прежнему не имела представления, какой из множества коридоров, пробитый ее выстрелами, вел в рубку управления, но если Эгид отправится на поиски, то рано или поздно столкнется с ней. Она стала ждать его появления.

Но Сайрилл разрушался быстрее, чем она думала. Отдаленный вой воздуха, уходившего в космос через пробоины в корпусе, еще не представлял опасности для маленькой планеты, но во всех ее мирах бесчинствовали силы анархии. Джулия почувствовала рев, прежде чем услышала его: громоподобное сотрясение воздуха, мчавшегося вперед. Пол накренился, отбросив ее к стене, с которой свисали чешуйчатые ярко-зеленые лианы. Ползучие отростки слабо цеплялись за ее одежду, движимые хищным инстинктом, но Джулия не замечала этого. Рев стал таким громким, что закладывало уши.

Затем мощный поток зеленоватой воды прорвал стену, на которую она опиралась, и хлынул в комнату. Джулия беспомощно кружилась в водовороте, хватаясь за проплывавшие мимо

предметы. Она успела наглотаться горько-соленой воды, но тут опять раздался грохот — и вода внезапно схлынула через новую пробоину в полу.

Еще не смолкли отзвуки предыдущего удара, как гравитация резко изменилась. Джулию понесло по диагонали к углу потолка, который стал полом. Вместе с ней падала невообразимая мешанина обломков, сломанных веток и гниющих водорослей. Прежде чем она успела восстановить равновесие на наклонном полу, крен увеличился, и она поехала к противоположной стене. Шум водопада постепенно стихал, но пол все еще вибрировал. Очевидно, вода вырвалась из резервуаров на верхних уровнях и по Сайриллу прокатилось небольшое цунами, крушившее все на своем пути.

Если сотворенное ею можно было назвать хаосом, то не хватало слов, чтобы описать происходившее сейчас.

Гравитация снова изменилась. Джулия покатилась по крутому склону в соседнюю комнату. Теплый дождь хлестал ей в лицо, в ушах свистел воздух, в котором смешивались ароматы десятков погибших миров. Пол качнулся вбок, и Джулию понесло куда-то через холодную ледяную пещеру,

открывавшуюся в болото…

Когда Джулия пришла в себя и увидела лицо Эгида, склонившегося над ней, она совершенно не удивилась. Вселенная разлетелась вдребезги, причины и следствия безнадежно запутались в ее сознании. Казалось, с утратой твердой опоры под ногами она утратила всякое представление о внешнем мире. Когда-то давным-давно и далеко отсюда что-то сильно беспокоило ее, но теперь все прошло. Ничто не имело значения. Когда законы природы выворачиваются наизнанку и перестают действовать, человеческий разум погружается в оцепенение.

По-видимому, Эгид нес ее; во всяком случае, она двигалась вперед, слегка покачиваясь, хотя не прилагала к этому ни малейших усилий. Вокруг бушевала метель, сменившаяся стайкой птиц, которые с громким хлопаньем крыльев разлетались в разные стороны белыми, желтыми и розовыми комочками. Потом они тоже полетели, держась друг за друга и поворачиваясь посреди проплывающего мимо разнообразного мусора. Невесомость понравилась Джулии, и она чуть слышно рассмеялась.

— Рад, что это забавляет тебя, — сквозь зубы пробормотал Эгид, тщетно пытаясь восстановить

равновесие. — Если тебе нравится такой способ самоубийства — валяй, оставайся! А я ухожу.

Он с силой оттолкнул ее и неуклюже двинулся дальше, расчищая путь среди плавающего мусора и придерживаясь за потолок на ходу.

— Подожди! Вернись! — Джулия бросилась за ним, смутно сознавая, что когда-то у нее имелась очень важная причина искать его. Прошлое утратило всякий смысл, но это назойливое воспоминание не давало ей покоя.

— Отстань от меня! — сердито рявкнул Эгид и оттолкнул в сторону дрейфующий булыжник.

— Подожди! — умоляла Джулия.

Если еще несколько минут назад они рисковали жизнью в надежде убить друг друга, то сейчас память об этом уплыла прочь вместе с обломками погибших миров. Если бы в этом хаосе они могли сохранить хоть какую-то ясность мысли, то Эгид бежал бы от Джулии как от чумы или попытался убить ее.

У Джулии не сохранилось воспоминаний о том, что произошло в промежутке между этим моментом и следующим, когда она помогала раздраженному Эгиду открыть заклинившую дверь в покосившейся стене. Они с трудом протолкнулись внутрь. Джулию охватила тошнота, когда

гравитация изменилась, вырвав дверную ручку из ее пальцев.

Через несколько минут она обнаружила, что лежит на холодной, гладкой прозрачной стене и видит знакомую комнату, наполненную приборами и механизмами. Вдоль стен тянулись ряды видеоэкранов. Многие из них еще работали, показывая безумные картины уничтожения крошечных миров Сайрилла. Из динамиков разносился непрерывный воющий рев. Огромная прозрачная стена, на которую она опиралась, казалась подсвеченной красноватыми отблесками пламени.

Там, внизу, был Эрикон.

Воспоминания потоком нахлынули на Джулию. В первое ошеломительное мгновение то зрелище, которое она увидела, ничего не значило для нее, уже привыкшей к хаосу и разрушениям. Эрикон расстилался перед ней как огромное зеленое полотно, но его поверхность бороздили следы войны. Столица империи, выделявшаяся как на рельефной карте, была охвачена пламенем и гибла в дыму пожарищ. Через телескопический экран она видела даже обломки патрульных кораблей, лежавшие среди руин. Вспышки выстрелов далеко внизу казались светлячками,

порхающими в клубах плотного дыма. Но ее разум был еще не в силах постигнуть случившееся. За последние часы она видела слишком много игрушечных катастроф, иллюзорных смертей и не могла всерьез воспринимать этот катаклизм — реальный и полномасштабный, хотя и очень далекий.

Леденящее отчаяние наполнило ее душу при виде огромных черных силуэтов, четким строем проплывавших мимо смотрового экрана на фоне пульсирующего красноватого сияния. Огромная армада кораблей х'вани прибывала из космоса через бреши, проделанные в планетарных линиях обороны. Это было нечто реальное, несравнимое с игрушечными разрушениями, оставленными ею на Сайрилле.

Джулия прислонилась к стене, глядя широко раскрытыми глазами на гибель Эрикона, не в силах заставить себя думать о чем-либо, кроме этого. Стало быть, все ее усилия оказались напрасными. Пока она метала громы и молнии, расправляясь с космической станцией, Сайрилл наконец оказался над мишенью, намеченной Эгидом, и он обрушил реальный удар на реальный мир. Джулия с невыносимой горечью представила себе, что происходило внизу, когда

безобидный спутник, уже много веков кружив-ший вокруг Эрикона, неожиданно превратил в руины столицу великой империи.

Теперь х'вани могут торжествовать. Они едва ли столкнутся с серьезным сопротивлением на развалинах города. Должно быть, ее отец уже мертв — а сможет ли Лайоне собрать остатки империи, лишившись своих предводителей? Джулия попыталась вспомнить имена тех, кто мог бы взять командование на себя. Она попробовала прикинуть, как быстро подтянутся силы с внешних планет системы… но, когда само сердце империи лежало в руинах, трудно было вообще о чем-либо думать.

Рука Джулии невольно потянулась к маленькому линзовидному оружию, последнему дару с погибшей планеты, и в ее душе вспыхнул огонек надежды. Если Лайоне потеряла своих лидеров, то разве с х'вани не случилось то же самое? Тело Джейра погребено где-то на нижних уровнях Сайрилла, а Эгид… Он был здесь: стоял у окна и смотрел на огромную армаду, готовую к высадке на Эрикон.

Эгид поднял голову, внимательно наблюдая за тем, как Джулия вынимает линзовидное устройство на цепочке. Возможно, ему показалось, что

она решила посмотреться в зеркальце. Она без особого успеха попыталась прицелиться в него, но Эгид не вплел открытой угрозы в этом жесте. Он не мешал Джулии, когда она оперлась локтями в выпирающую балку и поймала его в тонкое перекрестье прицела.

Джулия затаила дыхание и нажала белую кнопку. Ничего не произошло. Разумеется, ничего и не должно было произойти до тех пор, пока она не нажмет вторую кнопку, но Джулия ощутила странное разочарование. Ни торжества, ни жалости — хотя жизнь Эгида сейчас зависела от легкого движения ее пальца.

Она огляделась по сторонам, размышляя, что делать дальше. Эгид все еще стоял у прозрачной стены, за которой безмолвно проплывали ряды боевых кораблей х'вани. Из-за приоткрытой двери, через которую они попали в рубку управления, сочилась тонкая струйка воды. Волна разрушения еще не докатилась сюда, но скоро это случится, и тогда на Сайрилле не останется ни одного живого человека.

Джулия рывком вернулась к действительности. У нее оставалась одна слабая надежда, но нужно было действовать быстро. Она подняла линзы и положила большой палец на черную кнопку.

— Эгид! — позвала она. — Посмотри сюда. Помнишь дуннарское оружие?

Эгид заморгал. Судя по всему, он еще не вполне оправился от чувства странного безвременья и потери всех человеческих ценностей, вызванного смещением гравитации.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он. — Дуннар…

Джулия нетерпеливо взмахнула линзами.

— Это и есть оружие. Ты меня понимаешь?

Он понял: его рука скользнула к кобуре, прикрепленной к поясу.

— Нет, не двигайся! — Джулия кричала, перекрывая шум из динамиков. — Я нажму на кнопку раньше, чем ты успеешь выстрелить, и тогда…

Она мрачно улыбнулась. Эгид заколебался.

— Это вовсе не оружие, — пробормотал он.

— Его вполне достаточно, чтобы убить тебя.

Он нахмурился.

— Настоящее оружие должно быть внизу, на Эриконе. Когда он оглянулся через плечо на победоносную армаду и огни пылающего города, его рука еще немного придвинулась к кобуре.

— Не делай этого! — резко предупредила Джулия. — Это прицельное устройство, а само оружие находится в безопасности, даже сейчас. Оно спря-

тано в бомбоубежище за пределами города. Как видишь, мы все предусмотрели. На твоем месте я бы не стала рисковать.

Она подняла линзы выше и показала Эгиду, что ее палец уже лежит на черной кнопке. Однако он продолжал колебаться.

Джулия затаила дыхание. Ей не хотелось убивать его сейчас. Она не знала, хочется ли ей вообще убивать его и будет ли от этого хоть какая-то польза. Но возможно, ей придется нажать кнопку. Безобидно выглядевшему приспособлению, связанному с далеким прибором, не хватало убеждающей силы оружейного ствола, направленного в переносицу. Ее уверенность может оказаться более эффективной психологической угрозой, чем самая что ни на есть реальная опасность, исходившая от дуннарского оружия.

— Ты полетишь со мной на Эрикон, если мы сумеем выбраться отсюда, — решительно продолжала она. — Древние обещали, что у меня будет шанс — и вот он появился. Ты можешь полететь со мной, как заложник… или остаться здесь навсегда. Мы еще не проиграли войну. Джейр мертв, и думаю, с нашим новым оружием мы еще можем помериться силами с х'вани. Оно лучше всего действует как раз в таких… не прикасайся

к кобуре!

Эгид смотрел на нее, поглаживая пальцами кобуру. Ситуация по-прежнему находилась в неустойчивом равновесии. Джулия не могла предугадать, что случилось бы, если бы им никто не помешал, но внезапно со стены наверху донеслись раскаты знакомого голоса.

— Значит, это и есть хваленое дуннарское оружие? — проревел Джейр, перекрывая шум из динамиков.

Джулия вздрогнула всем телом. Но, несмотря на потрясение, она не убрала палец с черной кнопки и не сводила глаз с Эгида. В ее голове теснились безумные мысли. Джейр? Живой, несмотря на выстрел из лучевого пистолета, разворотивший его внутренности? Более того, совершенно здоровый, хотя она оставила его полумертвым в фиолетовых сумерках? Это какой-то фокус. Джулия видела достаточно иллюзий на Сайрилле и не сомневалась, что это одна из них.

Она рискнула отвести взгляд от Эгида и быстро покосилась на панель коммуникатора. Массивная фигура Джейра наклонилась к экрану в каком-то из уцелевших помещений Сайрилла. Его рыжая борода воинственно топорщилась, глаза сверкали торжеством. Но дыра с обожжен-

ными краями, зиявшая посредине его туники, свидетельствовала о том, что выстрел Джулии попал в цель. В отличие от Эгида, у Джейра не было отражающей защитной брони.

Джулия не осмелилась долго смотреть на него, но, должно быть, на ее лице отразилось невольное изумление. Джейр гулко захохотал.

— Ты попала в меня, — заверил он. — Но из такого оружия меня не убьешь. Расскажи ей, Эгид.

Эгид смотрел на смеющегося гиганта со странным выражением на лице.

— Джейр — андроид, — пояснил он. — Чтобы убить его, нужно очень постараться.

Джулия уставилась на него.

— Андроид? — недоверчиво повторила она.

Это противоречило здравому смыслу. Джейр воплощал собой грубую, варварскую мужественность, откровенность и прямоту, присущую первобытному человеку. Разумеется, она знала о существовании андроидов. На Сайрилле уже давно занимались изготовлением искусственных людей, настолько похожих на оригиналы, что лишь тщательное исследование могло обнаружить разницу. Они предназначались для различных целей, но по сути своей были машинами, наделенными внешними атрибутами

человеческого облика. Но Джейр…

— Его сделали по моему личному заказу десять лет назад, — задумчиво продолжал Эгид. — Прекрасный образец настоящего х'вани — как раз то, что необходимо для формального лидерства. В последнее время я так привык к нему, что редко думаю о нем как об искусственном существе. С тобой, конечно, все в порядке, Джейр?

Новый взрыв громоподобного смеха сотряс комнату.

— В порядке? — Джейр поднял тяжелый кулак и с силой стукнул себя в живот, как раз в то место, куда пришелся выстрел Джулии. Оба человека невольно поморщились. — Закоротило на пару минут, — объяснил андроид. — Хотя этого оказалось достаточно. Ты много тут наворотила, девочка, но мы наворотим побольше… там, внизу.

— Вряд ли, — процедила Джулия. — Только не теперь.

Она подняла линзы так, чтобы их было видно в объективе видеокамеры. Джейр холодно улыбнулся ей, и Джулия внезапно поняла, что его улыбка всегда оставалась холодной. Ей вспомнились все мелкие подробности, на которые она до сих пор не обращала внимания или неверно

их истолковывала. Его невероятное проворство, молниеносная реакция, немногословность, автоматическая четкость движений. Даже тот факт, что он не носил защитную броню под одеждой, говорил о его нечеловеческом происхождении.

— Давай, девочка, — насмешливо произнес Джейр. — Убей его!

Лицо Эгида не изменило своего выражения. Он знал, что этот момент рано или поздно настанет, и сейчас не был удивлен. Андроид не обладал человеческими эмоциями, и преданность не входила в число его качеств.

Вспыхнувшая было надежда на то, что Джейр согласится на капитуляцию при виде смертельной угрозы, нависшей над его вождем, быстро угасла. Плечи Джулии устало поникли, но, несмотря на новое разочарование, она продолжала держать палец на черной кнопке и не сводила глаз с Эгида.

— Я бы спас тебя, если бы мог это сделать, — обратился андроид к человеку, отдавшему приказ о его изготовлении. — Но это невозможно. Х'вани больше не нуждаются в тебе. Мы завоевали Эрикон или вскоре завоюем. Очень жаль, что так вышло, Эгид.

Эгид бесстрастно кивнул.

— Бароны могут завершить начатое, — небрежным тоном продолжал Джейр. — Вождем станет Мэлон или Эдгар. Я им понадоблюсь.

Эгид посмотрел на улыбающееся бородатое лицо на экране коммуникатора.

— Они даже не знают, что ты андроид, — ровным голосом произнес он.

Улыбка Джейра растянулась чуть ли не до ушей. Его глаза металлически блеснули.

— Зато я знаю, — ответил он.

Затем он отвернулся, и они увидели, как его широкая спина удаляется от экрана. На заднем плане Джулия разглядела силуэты маленьких спасательных челноков, стоявших рядами в своих ангарах. Если они хотят выжить, им тоже придется попасть туда.

Джулия повернулась к Эгиду; внезапно до нее дошло, что она совсем не следит за ним. Но он не двинулся с места. Он смотрел на экран и печально улыбался, как будто заранее смирился со своей участью.

— Меня все еще стоит убить? — спросил он. Джулия указала в сторону погасшего экрана.

— Как ты думаешь, что он замышляет?

— Не знаю. Он был создан не для того, чтобы строить планы.

— А для чего же?

Эгид с любопытством взглянул на нее.

— Ты так и не поняла характер х'вани, не так ли? Видишь ли, варварство не всегда является пороком. Цивилизация нуждается в притоке свежей крови, если не хочет засохнуть на корню. Так было всегда… и наверное, так будет. Сейчас мой народ находится на первой ступени лестницы: они эмоциональны, ребячливы и нуждаются в формальном лидере. — Он кивнул в сторону экрана. — Эту роль играет Джейр.

— Почему не ты?

— Они не вполне доверяют мне. Я нетипичен. Слишком много светского лоска для настоящего х'вани, а может быть, слишком много мозгов. Я нуждался в абсолютно надежном спутнике, способном перекричать кого угодно, а при случае и продемонстрировать свою силу. Но человек, одаренный такими талантами, был бы слишком опасен для меня. У него могло бы возникнуть желание взять власть в свои руки, а это угрожало единству х'вани. Поэтому… — Эгид сокрушенно улыбнулся, — поэтому я сделал заказ на Сайрилле, и ваши специалисты изготовили Джейра. Идея выглядела превосходной, и долгое время она работала. Джейр отлично справлялся со

своими обязанностями. Ему никогда не приходилось думать, зато он мог вести людей за собой. Полагаю, даже сейчас он поступил правильно. Если судить беспристрастно, то х'вани теперь больше нуждаются в символической фигуре для объединения сил, чем в стратеге и организаторе. Джейр гораздо больше подходит для такой роли.

— Но если никто из твоих подчиненных не знает, что он андроид…

— Пожалуй, сейчас это уже не имеет значения. Я держал это в секрете, поскольку никому не доверял, а мой народ… в общем, они совсем не такие. До сих пор у Джейра все получалось, и у них нет причин подозревать его.

— Разумеется, сам он не собирается открыть секрет?

— Трудно сказать. Я далеко не всегда догадывался, что у него на уме. Ни одному андроиду раньше не выпадала такая удача. До сих пор он проявлял не больше честолюбия, чем можно ожидать от машины; возможно, так будет и в дальнейшем.

— Не будет, — уверенно возразила Джулия. Эгид вопросительно взглянул на нее.

— Х'вани узнают, что их лидер не является человеком. Ты сам расскажешь им об этом! — Ее голос потеплел от новой надежды. — Еще не все

потеряно! Ты мой заложник. Ты выйдешь в эфир и сообщишь своим войскам, кто такой Джейр на самом деле. Можно намекнуть, что некоторые из других вождей — тоже андроиды. Это должно поколебать их решимость… или я вообще ничего не понимаю.

Эгид посмотрел на нее с невольным восхищением, но Джулия не дала ему времени на ответ.

— Брось оружие, — распорядилась она. — Потом ступай к передатчику и попытайся наладить связь с Эриконом. Вряд ли что-нибудь получится, но попробовать стоит.

Эгид напоследок окинул ее долгим взглядом, словно все еще сомневаясь в эффективности ее оружия. Но грохот, раздающийся из динамиков, напоминал обоим о близкой гибели Сайрилла, и после секундного колебания он подчинился.

Джулия смотрела, как оружие с лязгом падает на пол. В ее сознании теснились вопросы: как добраться до челночного дока, как удержать Эгида под контролем во время опасного перехода, что делать в первую очередь, если они доберутся до Эрикона живыми.

Убедившись в тщетности своих усилий, Эгид отвернулся от погасших экранов.

— Сайрилл перестал функционировать. — Он

пожал плечами. — Что теперь?

Джулия посмотрела на дуннарские линзы. Ее палец по-прежнему лежал на черной кнопке.

— Нам придется на время забыть о взаимной вражде, — сказала она. — Я не могу все время держать тебя на прицеле и не хочу убивать тебя сейчас. Но мне придется это сделать, если ты не пообещаешь соблюдать перемирие до тех пор, пока мы не вернемся на Эрикон. Я даже готова поверить твоему слову.

Эгид с улыбкой посмотрел на нее.

— Кажется, я оказался где-то посредине между х'вани и Лайоне, — сухо сказал он. — Я достаточно цивилизован, чтобы дать слово, и достаточно наивен, чтобы сдержать его. Ты можешь доверять мне.

Джулия плотно сжала губы и спрятала линзы под тунику, накинув цепочку на шею.

— Нам нужно определить местонахождение челночного дока, — сказала она. — Ты знаешь, как это сделать?

Эгид указал на электронную карту, мигавшую на стене под панелями.

— Если коридоры хотя бы частично уцелели, мы доберемся туда, — заверил он.

Некоторые коридоры действительно уцелели

— немногие, и далеко не в лучшем виде, но этого было достаточно. Они открыли дверь и встали на пороге, глядя на завалы мусора, преграждавшие путь. Джулия ощутила на себе серьезный, испытующий взгляд Эгида. Ей не составило труда догадаться, о чем он думает. Краска прихлынула к ее щекам.

— Пошли, — сказала она и опустила голову, чтобы скрыть свое замешательство.

Император оторвал взгляд от карты, расстеленной на столе. Офицеры, стоявшие вокруг, тоже подняли головы, но никто из них не проронил ни слова, когда Джулия вошла в зал.

— Отец… — начала она.

— Рад видеть тебя, — чужим голосом произнес император. Джулия с трудом узнала своего отца — этого устрашающего воина с яростно сверкавшими голубыми глазами, на морщинистом лице которого лежала скорбная тень от недавно пережитого потрясения. Все вокруг выглядели немного ошарашенными. Эрикон так долго оставался неуязвимым, что никто не мог до конца поверить в случившееся — лишь император, похоже, точно знал, что следует делать. Несмотря на ужасную катастрофу и горечь утраты, он еще прочнее взял бразды правления в свои руки. В

дни своей юности этот человек был великим воителем, и сейчас, на закате дней, величие вернулось к нему. Не осталось и следа от патриарха в белых одеждах, умоляющего о перемирии. Джулия подумала, что в нем не осталось ничего и от любящего отца, которого она оставила на Эриконе.

— Рад видеть тебя, — повторил он, и на мгновение в его взгляде промелькнуло что-то до боли знакомое — но лишь на мгновение. Он смутно сознавал, что от него требуется нечто большее, чем сдержанное приветствие. В мирное время возвращение его единственной дочери из объятий смерти могло бы послужить поводом для всеобщего торжества. Но не теперь. Теперь он был не отцом и даже не человеком, но императором, на чьих плечах лежал груз безмерной ответственности. Он мог мыслить только в терминах всей империи. На какое-то время он превратился в мыслящий автомат, наподобие Джейра, и все его способности были устремлены к одной цели.

— Мы эвакуируем город, — без предисловий объявил император. В его голосе звучала холодная решимость. Он обращался не к дочери, но к опытному офицеру, чей совет может оказаться полезным. Его не интересовало ее присутствие

или пережитые ею испытания — лишь помощь в момент смертельной опасности, нависшей над империей.

— Отступаем через это ущелье. — Его палец прочертил маршрут на карте. — В горы, где запретные леса образуют широкий полукруг и х'вани не могут атаковать с воздуха. У нас осталось достаточно сил, чтобы сдерживать натиск, пока не начнут прибывать подкрепления с внешних планет. Дуннарское оружие тоже может оказаться полезным. А теперь…

— Оно работает? — Джулия уже видела город вблизи, и зрелище дымящихся расплавленных руин, оставшихся после чудовищного удара из космоса, лишило ее остатков уверенности в незыблемости бытия.

— Работает, можешь не сомневаться. Думаю, теперь оно стало совершенно безотказным. — Уголки губ императора приподнялись в жутком намеке на улыбку. — Бомбардировка х'вани так основательно похоронила центральный аппарат, что я не уверен, сможет ли кто-нибудь откопать его в будущем. Пожалуй, это единственный случай, когда они переусердствовали в своем рвении.

Джулия деловито кивнула:

— Хорошо. Отец… произошло много важных событий. Ты должен выслушать меня. У тебя есть хотя бы одна свободная минута?

Император пронзительно взглянул на нее из-под кустистых бровей и сделал властный жест в сторону небольшой группы мужчин и женщин, собравшейся вокруг стола.

— Хорошо. Одну минуту.

Джулия подождала, пока люди не отошли за пределы слышимости, в дальний конец огромного полуразрушенного зала. Дым пожарищ проникал через трещины в стенах и тяжелой пеленой висел под потолком.

— Ты знаешь о предательстве андареан? — торопливо спросила она. — Они устраивали тайные сборища в подземных тоннелях. И Эгид — я привезла его с собой, как важного заложника. Теперь…

— К черту заложников! — рявкнул император. — Сейчас имеет значение только одно: как вывести войска. Нельзя торговаться с варварами, пока они грабят город. Позднее — может быть. Удивительно, что тебе вообще удалось пролететь через заслоны их флота.

— Нам пришлось обогнуть планету…

Но император не слушал ее.

— У нас есть полчаса, чтобы очистить город. Если ты хочешь сказать что-то важное, то говори, и дай мне вернуться к работе. — Его тяжелый взгляд пригвоздил ее к месту. — Я не забыл, что ты сделала в зале совета, Джулия. Это была измена, и тебе придется отвечать за нее перед судом. Возможно, ты несешь ответственность за то, что случилось со столицей.

— Твой мирный договор не мог быть подписан, отец. Х'вани вступили в сговор с Элией и ее народом и получили от них секретное оружие. Они с самого начала не собирались соблюдать перемирие.

Тяжелый взгляд императора продолжал удерживать ее на месте.

— На этот раз ты не лжешь, не так ли? — В его голосе громыхнул гнев. — Вы считали меня выжившим из ума идиотом и воспользовались моими мирными предложениями в собственных целях. Клянусь Древними, вы все заслуживаете смерти! Я держал в своих руках возможность мира и позволил вам уничтожить ее!

Но короткая вспышка гнева миновала, и голос императора понизился до глубокого рокота.

— Впрочем, это не твоя вина, да и не моя. Я видел выход из положения, но не смог показать его

тебе. Наша раса не стоит того, чтобы ее спасать… — Плечи императора устало поникли, но затем он взглянул на карту, и его глаза полыхнули знакомым голубовато-стальным блеском. — Однако я спасу ее! Клянусь всеми богами, я это сделаю! А теперь займись своими делами и не мешай мне. Ладно?

— Но отец… — Джулия отчаянно цеплялась за его внимание, ускользавшее от нее. — Я хочу сделать сообщение для х'вани. Если они узнают, что Эгид находится в наших руках, а Джейр — андроид, тогда…

— Андроид? — Император озадаченно нахмурился. Джулия объяснила ему положение в нескольких коротких фразах и увидела, как омрачилось его лицо, когда он сделал выводы из услышанного.

— Ты не сможешь связаться с х'вани, Джулия, — тихо сказал он. — Разве ты не видела, что произошло с городом?

Джулия приоткрыла рот от изумления. Да, она видела разрушения, которым подвергся город и его окрестности. Целые кварталы превратились в оплывшие, расплавленные курганы, уцелевшие здания горели, половина дворца превратилась в руины. Но мысль о том, что вся коммуникацион-

ная система вышла из строя, даже не приходила ей в голову.

— Неужели связь больше не работает? — прошептала она.

— Ты не ошиблась, — сухо ответил император. — Теперь насчет андроида. Мне это не нравится, совсем не нравится... — Он немного подумал. — Что ж, мы разберемся с этой проблемой, когда дело дойдет до нее. А теперь, ради всего святого, отойди и не мешай мне работать!

Джулия смотрела на разбитые стены зала, на дыры в потолке, через которые моросил мелкий дождь, пропитанный дымом окрестных пожаров. На горизонте клубились багровые грозовые облака; не эту ли грозу она видела в рубке управления на Сайрилле? Она знала, что готова ухватиться за соломинку, за что угодно — лишь бы избежать столкновения с мрачной реальностью. Она еще не осознала случившегося в полной мере, да и не хотела этого. Эрикон был потерян, но ее разум отказывался примириться с доводами рассудка. Она машинально взглянула на ближайшую панель коммуникатора, словно пытаясь убедить себя, что еще не все пропало.

Все экраны погасли. Теперь ее кругозор ограничивался обычным зрением, и осознание этого

было почти невыносимым. Всю свою жизнь Джулия пользовалась коммуникаторами — чудесными окнами, открывавшимися по желанию на любой обитаемой планете Галактики. Звуки и краски далеких миров, находившихся в тысячах световых лет от Эрикона, всегда были доступны благодаря простому прикосновению к панели, но теперь…

Джулия растерянно огляделась по сторонам, впервые в жизни испытывая приступ ужасной клаустрофобии, доныне неизвестной ее сородичам. Слепота и глухота, неожиданно обрушившиеся на нее, превосходили все прошлые несчастья: божественные возможности сузились до масштабов человеческих. Джулии безумно хотелось сокрушить стены невидимой темницы. Осознание своего ничтожества лишило ее дара речи. Впервые она поняла, каково быть крошечным человеческим существом на одном из множества миров, лишенном благ цивилизации.

Пока Джулия могла видеть далекие миры, в ней жила надежда вернуть их. Но сражаясь вслепую, она как будто теряла их навеки. Ею овладела мучительная ностальгия по планетам, которые она больше никогда не увидит, по милым, знакомым мирам, разделенным бездонными пространства-

ми космоса. Эрикон казался отвратительным болотом, крошечным мирком, замкнутым в собственных границах.

Это было то, что так отчаянно боялся потерять ее отец, когда он собирался пойти на компромисс с х'вани при условии, что обе расы будут поддерживать перемирие. Джулия поняла, что ее отец был прав с самого начала, а она жестоко, непростительно ошибалась. Но сейчас было уже слишком поздно что-либо менять.

Император смотрел, как остатки его армии медленно поднимаются между зелеными холмами, затуманенными пеленой дождя. Он привычно сидел в седле, и на лице его застыло выражение, очень сходное с портретом в зале Ста Императоров: гордое, суровое и непреклонное. На его груди висела цепочка с маленькими линзами дуннарского оружия, а само это оружие навеки упокоилось в глубоких подземельях под теми самыми залами, куда сейчас входили торжествующие х'вани.

Джулия поняла, о чем думает ее отец, увидев тень мрачной усмешки на его лице, когда он оглянулся на клубы дыма над городом. Когда-то очень давно она сказала ему, что хотела бы встретиться с молодым воином, повергавшим

в ужас врагов империи. Теперь это случилось. Император чудесно преобразился, а годы опыта лишь придавали его облику величественность, которой недоставало молодому человеку. Сегодня никому не пришло бы в голову вспоминать о его возрасте. Он сидел в седле перед небольшой группой старших офицеров, наблюдавших за отступлением лайонеских частей в неприступное горное ущелье.

С возвышенности они могли видеть отдаленную темную массу войск х'вани, надвигавшуюся по долине. Джулия саркастически улыбнулась. Теперь они сражались на своей земле, где для них не было секретов. У них еще оставалась надежда на победу. На любой другой планете массированная атака с воздуха уничтожила бы их армию за несколько минут, но здесь, в отрогах горного хребта, пролегавшего между двумя запретными территориями, Древние не допускали никаких полетов. Х'вани уже познали это на собственном горьком опыте и вряд ли станут жертвовать новыми кораблями.

Она покосилась на Эгида. Молодой человек сидел со связанными впереди руками между двумя охранниками, глядя на наступающую армию х'вани. После опасного побега с Сайрилла они

почти не разговаривали друг с другом, и сейчас Джулия немного удивилась, услышав его голос.

— Их ведет Джейр, — сказал Эгид, кивнув в сторону долины.

— Это продлится недолго, — безразличным тоном ответила Джулия. — Скоро мы наладим передатчики, и тогда…

— Может быть, — пробормотал он и снова погрузился в молчание.

Джулия опустила голову и посмотрела на маленького зверька, примостившегося на его колене. Ллар имел любопытную особенность появляться из ниоткуда в самые критические моменты ее жизни. Сейчас он снова был здесь. Она осторожно протянула руку, собираясь погладить его, и, к ее удивлению, маленькое существо позволило это сделать. Может быть, эпизод в тоннеле способствовал их духовному сближению? Огромные глаза серьезно и внимательно смотрели на Джулию, когда она проводила рукой по гладкой шерсти.

— Я вижу, мы с вами имеем кое-что общее, принцесса, — произнес чей-то голос.

Подняв голову, Джулия увидела посланца с Дуннара. Он улыбнулся и кивнул в сторону ллара, невозмутимо принимавшего ее ласку. Джулия

улыбнулась в ответ.

— Теперь моя очередь быть польщенной. Вы оказали мне огромную услугу, и я еще не отблагодарила вас как следует.

Посланец покачал головой.

— Благодарность заслужил ваш зверек, принцесса.

— Это было поразительно! — воскликнула Джулия. — Но как вам это удалось? Я не верила, что такое вообще возможно.

Посланец с Дуннара пожал плечами.

— Скоро я все объясню, — спокойно сказал он. — Не сейчас, но уже скоро.

Закинув на плечо уголок своего длинного темного плаща, он повернулся и отъехал в сторону. Джулия проводила задумчивым взглядом его высокую, худую фигуру.

Голос Эгида вернул ее к действительности.

— Кажется, я вижу Джейра, — сказал он, подавшись вперед и положив связанные руки на луку седла. — Помнишь третий вид оружия, обещанный нам андареанами? Вон оно в действии: яркие вспышки света внизу.

Джулия скрипнула зубами. Предательские дары андареан! Она совсем забыла о них, а в результате ее отец планировал военную кампанию,

не учитывая новую расстановку сил.

— Что это за оружие? — тихо спросила она, заранее страшась ответа.

— Парализатор. — Голос Эгида звучал ровно и бесстрастно.

— Но у нас есть на вооружении ручные парализаторы.

— Это гораздо более мощное устройство. Оно преобразует стандартный тепловой луч в длинный конус парализующей энергии, который может косить солдат целыми батальонами.

Как только дойдет до открытого столкновения. — Он покачал головой, словно сожалея о последствиях.

Джулия с любопытством посмотрела на него, а затем, не говоря ни слова, натянула поводья и подъехала к своему отцу. Они обменялись несколькими короткими фразами. Минуту спустя отряд солдат, каждый из которых имел в своем снаряжении линзы на цепочке, спустился по склону и исчез в зарослях кустарника, окаймлявших долину. Джулия с довольным видом поскакала обратно.

— Все в порядке, — сказала она. — Они убедятся, что это не так просто, как кажется. У нас тоже есть секретное оружие.

Джулия взглянула на Эгида, и ее глаза удивленно расширились. Он улыбался.

— Я хотел бы поговорить с тобой наедине, — попросил он.

Поколебавшись, она кивком отпустила охранников, повернула свою лошадь и направилась к гребню холма, который находился неподалеку от ставки императора. Они сидели бок о бок, наблюдая за двумя армиями, сближавшимися в долине. Дождь почти прекратился. Порыв холодного ветра дунул им в лицо; багряные грозовые облака над головой накатывались быстрее, чем войска х'вани.

— Джулия... — Эгид замолчал, затем попробовал снова: — Джулия, как ты думаешь, х'вани могут нанести вам поражение?

— Это возможно, — признала она. — Но думаю, этого не случится.

— Ты уверена?

— Как можно быть уверенной? Я просто не допускала мысли, что они способны на это.

— Но сейчас они имеют преимущество...

— И что с того? — Она рассерженно посмотрела на Эгида. — Или ты собираешься похвалиться передо мной успехами своих соотечественников?

Он печально улыбнулся.

— Они больше не мои соотечественники. Между мною и х'вани все кончено. Я не мог сказать об этом раньше — ты бы подумала, что я испугался и пытаюсь присоединиться к сильнейшей стороне — но сейчас положение изменилось.

Джулия безуспешно пыталась найти нужные слова.

— Но почему? Почему? Ты же сам организовал нападение на Эрикон! Ты…

— О, у меня было множество разных планов, — подхватил Эгид. — У меня появлялись идеи, и я наблюдал за их воплощением в жизнь. Но теперь все изменилось.

Он смущенно отвернулся, словно не был уверен, стоит ли продолжать. Джулия озадаченно глядела на него.

— Не смотри на меня так, — пробормотал он. — Дело не в том, что я бросаю своих сородичей, когда они нуждаются во мне. Я никогда не имел много общего с ними. Не забывай — их доверие завоевал Джейр, а не я.

— Но ты не мог измениться просто так, безо всякой причины! — настаивала Джулия. — Ты не…

— У меня есть веские причины. Ты думаешь, это какая-то уловка, не так ли? Но зачем мне обманывать тебя сейчас, когда ваша сторона

терпит поражение, а ты держишь мою жизнь на цепочке у себя на шее?

Джулия невольно подняла руку к груди, где висели линзы дуннарского оружия. Она начинала понимать, что он имеет в виду. Мысленно вернувшись к событиям последних дней, сменявших друг друга с калейдоскопической быстротой, она остановилась на эпизоде в запретном лесу Древних. Там, в объятиях Эгида, она пообещала себе не поддаваться предательской слабости человеческих эмоций, пока Эгид не окажется у нее в руках. Тогда она думала, что даже любовь может прийти — позже. Теперь это время настало.

Эгид наблюдал за ней, и уголки его губ начали медленно приподниматься в улыбке. Его лицо смягчилось и потеплело. Джулия поняла, что знает каждую черточку этого лица и может угадывать любые оттенки его настроения. Он был очень красив, когда улыбался. От дождя его светлые локоны потемнели и приобрели почти скульптурную плотность. Мелкие капельки росы поблескивали в его бороде и на ресницах.

— Ты никогда не станешь доверять мне, да? — спросил он. — Ты никому не доверяешь, даже себе. Меньше всего себе.

— Я могу попробовать, — тихо сказала Джулия,

едва узнав собственный голос. Ее пальцы сомкнулись на тонкой цепочке и потянули наружу смертоносное маленькое устройство, хранившее судьбу Эгида. Осознав, что она делает, Джулия опустила голову и некоторое время сидела неподвижно. Все краски отхлынули с ее лица; когда Эгид проследил за ее взглядом, он тоже побледнел. Они сидели в молчании, глядя на порванную цепочку.

Линзы исчезли.

Джулия не верила своим глазам. Где-то в сумятохе эвакуации или при отступлении из города она потеряла их. Это могло случиться в любом месте: во дворце, по дороге, в этих зеленых холмах. Где угодно. Может быть, сейчас кто-нибудь поднимает линзы, рассматривает их и ради интереса нажимает черную кнопку. В любой момент, начиная с этого, Эгид может умереть.

Утрата влекла за собой много катастрофических последствий, но в мыслях Джулии оставалось место только для одного. Все чувства, которые она испытывала к Эгиду — недоверие, презрение, невольное восхищение, — неожиданно выкристаллизовались в единое целое. Ее защитные барьеры рухнули, и она с необыкновенной ясностью осознала, что меньше всего на свете хочет

смерти Эгида.

Они смотрели друг на друга в оглушительной тишине. Сейчас их ничто не разделяло: ни х'вани, ни Лайоне, ни абстрактные идеалы, ни смертельная вражда. За все время их знакомства лишь несколько моментов имели настоящее значение: на облаке под звездным небом, во время танца на застывшем озере и после беседы с Древними в священном лесу Эрикона. В остальное время это были какие-то чужие люди, а не они.

Для Джулии это был момент почти невыносимой горечи. Возможно, ее защитные барьеры рухнули столь бесповоротно лишь потому, что в глубине души она сознавала: часы ее капитуляции сочтены. Она может предать свои амазонские принципы, но это продлится недолго.

Джулия молча наклонилась и развязала путы на запястьях Эгида. Пока она прикасалась к нему, ей казалось, что она снова находится на облаке, а наверху светят нездешние звезды. Но прежде чем кто-либо из них успел сказать хоть слово, снизу послышался голос императора.

— Джулия, я собираюсь спуститься, — позвал он. — Х'вани приближаются к нашему арьергарду. Подожди здесь, девочка. Я дам сигнал, когда ты мне понадобишься.

Джулия медленно вышла из мечтательного оцепенения, лишь сейчас осознав, до какой степени она забылась. Император с частью своей свиты поскакал к долине. Она смотрела на удаляющуюся кавалькаду, развевающиеся плащи и косые струи дождя, размывавшие картину. Еще дальше она могла видеть, как передовые части х'вани вступили в бой с имперской гвардией. Вокруг одного из сверкающих орудий, чей секрет был получен от андареан, внезапно возникла паника: люди разбегались в разные стороны. Джулия поняла, что дуннарское оружие собирает первую жатву в рядах противника. Первую, но не последнюю.

Она повернулась к Эгиду. Он серьезно смотрел на нее, сцепив руки на высокой луке седла. Сейчас они мало что могли сказать друг другу. Возможно, время для слов еще не наступило.

Джулия подъехала ближе к нему. Они неподвижно сидели в седлах, соприкасаясь коленями, и смотрели, как император спускается с холма.

Столкновение в долине началось. Во главе армии х'вани можно было различить огромную фигуру, чья рыжая шевелюра и борода служили знаменем для наступающих сил противника. Громоподобный рев Джейра время от времени

доносился до них, перекрывая усиливающийся грохот сражения. Но большей частью они ничего не слышали. Ветер тоже усилился: он свистел в ушах и уносил вдаль крики сражающихся.

В боевых рядах х'вани наступило смятение. Люди падали наземь без какой-либо видимой причины. Дуннарское оружие действовало, поражая одного командира за другим, но звучный голос Джейра и неотразимая, убеждающая сила его присутствия поддерживали порядок среди испуганных солдат.

Внезапно Джулия поняла, что дуннарское оружие не поможет империи. Его основной целью было устранение лидеров х'вани, командующих войсками и подразделениями. Но оно не могло поразить Джейра. Избавленный от слабостей человеческой плоти, андроид был почти неуязвим и практически бессмертен. Пока он остается на ногах, х'вани не дрогнут даже перед угрозой таинственной безмолвной смерти, косившей их ряды.

Джейр станет легендой — возможно, даже божеством для своих преданных последователей. Надежды империи таяли на глазах. Если бы Джулия объявила о происхождении Джейра до начала сражения, х'вани могли бы дрогнуть, но

теперь они стояли насмерть.

Знакомый голос рядом с Джулией эхом отозвался на ее мысли.

— Как странно, — произнес посланец с Дуннара. — Странно, что среди них не нашлось ни одного человека, который мог бы послужить для них таким же олицетворением силы и мужества, как это существо, сделанное из металла.

Что-то в тоне его голоса заставило Джулию резко повернуться, едва не сбросив ллара, по-прежнему сидевшего у нее на коленях. Посланец наблюдал за сражением в долине. Его странная голова с узким черепом четко выделялась на фоне тяжелых грозовых облаков. Холодный ветер бил ему в лицо, но огромные полупрозрачные глаза даже не сощурились под напором стихии. Джулия зачарованно изучала это лицо: клювообразный нос, узкая, жесткая складка губ, застывший взгляд. От него веяло почти невыносимым высокомерием и отчужденностью.

Джулия тяжело сглотнула. Она слышала этот голос раньше, при странных обстоятельствах. Память услужливо предлагала ей картины недавних событий. Этот спокойный, монотонный голос, произносивший…

Внезапно она поняла. Она слышала этот голос

в храме Древних.

Посланец с Дуннара медленно повернул голову, и взгляд его огромных ясных глаз встретился с ее взглядом. Он улыбался.

— Да, — просто сказал он.

Впоследствии эта интерлюдия казалась ей галлюцинацией, призрачной сценой, разыгранной на фоне надвигающееся бури. Но в то мгновение, когда она узнала голос, восприятие реальности было четким и ясным, особенно сильным потому, что она не могла связно думать или говорить. Все вокруг растворилось в ошеломительной вспышке осознания. Посланец с Дуннара вообще не был человеком. За его иллюзорным обликом скрывалось нечто невообразимое, и…

— Да, — повторил он, повернувшись к Эгиду с улыбкой, словно приклеенной к тонким губам. — И ты тоже.

Джулия не знала, как долго они сидели в молчании, пока холодный ветер свистел вокруг, а две армии внизу сходились в смертельной схватке. Ей казалось, что она больше никогда не заговорит. Она даже не могла повернуть голову к Эгиду для утешения и поддержки.

— Каждый из вас пришел к нам за помощью, — продолжал посланец. — И каждый получил

ответ. Но вы и ваши народы уже слишком далеко ушли по тропе, которой следуют все человеческие существа. Оставался один короткий промежуток времени, когда вы могли спастись, но чувства обманули вас. Теперь это время прошло.

Каждая раса рано или поздно приходит к своему концу. Так было с тех пор, как люди впервые завоевали Галактику. Каждый народ несет в себе семена собственного уничтожения. Немногие видят путь к спасению, но почти всегда большинство заставляет их молчать. Тем не менее каждая раса имеет свой шанс.

Он сурово посмотрел на темные массы войск в долине. Картина сражения начала заволакиваться пеленой тумана. Когда он заговорил снова, гром его голоса был подобен глухим раскатам в потемневшем небе.

— Каждый народ копает себе могилу, — сказал он. — Мы устали от людей, вечно предающих свои лучшие помыслы и попадающих в одну и ту же ловушку. — Его длинный палец указал на долину, — Как видите, это случилось снова.

Опять наступила тишина, нарушаемая лишь отдаленными звуками битвы. Могучий голос Джейра медной трубой звучал над сражающимися, но звук его исходил не из человеческого

горла. Джулия продолжала сидеть без движения, радуясь живому присутствию Эгида. Сердце дрогнуло в ее груди, когда она увидела, как лицо посланца повернулось к ней. Он задумчиво посмотрел на нее.

— Ты уже привела в движение те силы, которые уничтожат империю Лайоне. Ты обратилась к нам от имени своей расы и получила то, что хотела. Теперь ничто не может изменить это.

Посланец повернулся к Эгиду. Его огромные глаза напоминали две капли дождя — такие же холодные, прозрачные и нечеловеческие.

— Ты, — продолжал он, — ты дал своему народу вождя, сделанного из стали, и теперь ничто не остановит их решимость следовать за ним. Он приведет их к гибели. Как странно…

Посланец помедлил и посмотрел на Эгида и Джулию с выражением, напоминавшим озадаченное любопытство.

— Какие вы странные существа, люди! С каким упорством вы обращаете друг против друга оружие своего уничтожения! Вы сделали свой выбор, но возможно, главный выбор был сделан задолго до вашего рождения. Ваши праотцы сделали этот выбор, и вы, будучи существами из плоти и крови, могли лишь следовать по проторенному

пути. — Он вздохнул. — Но конец остается неизменным, и он уже близится.

— Должно быть, вы задаетесь вопросом, кто победит сегодня, — продолжал он, вглядываясь в туман, уже почти скрывший сцену сражения, — Могу ответить: никто. Человечество завершило свой путь в этой Галактике. До него были другие, они шли своим путем, не использовали предоставленные им возможности и сгинули. Теперь мы устали от людей. О, вы можете влачить свои последние дни на других планетах. Мы не собираемся истреблять человечество, люди сами об этом позаботятся. Но здесь, на нашей священной планете, ваше присутствие отныне нежелательно.

Он последний раз повернулся к звукам битвы в тумане — крикам, приглушенному реву орудий, вспышкам бластеров и огненным стрелам лазеров. Потом он тряхнул поводьями и развернул свою лошадь к опушке леса, где дождь уже начинал шелестеть в ветвях деревьев.

— Мы возлагаем большие надежды на новую расу, которая придет следом, — сказал он и протянул руку.

Что-то зашевелилось на коленях у Джулии. Она машинально опустила голову и Посмотрела вниз.

Ллар смерил ее бездонным взглядом, в котором запечатлелись мудрость и достоинство его расы. Его огромные серьезные глаза очень напоминали глаза посланца. Затем он спрыгнул на землю быстрым, текучим движением и побежал по сырой траве к лесу.

Сама не зная, почему, Джулия подняла голову. Она не удивилась, снова увидев вершины темных стен храма Древних, нависающих над кронами деревьев. Когда она огляделась по сторонам, посланец и ллар бесследно исчезли.

— Думаю, теперь нам нужно спуститься вниз, — сказала Джулия и протянула руку. Эгид повернул к ней просветленное лицо с ярко сияющими голубыми глазами. Его губы едва заметно шевельнулись в намеке на улыбку, теплые мозолистые пальцы сжали ее ладонь.

— Думаю, да, — ответил он.

Джулия испытывала ни с чем не сравнимое ощущение, как будто за последние десять минут в течении ее жизни образовалась зияющая пустота. Она хорошо помнила, что происходило в это время, пока божество обращалось к ним, лишившимся дара речи и даже мыслей. Еще она знала, что никогда этого не забудет — и никогда не станет говорить об этом с Эгидой. Но случившееся

все равно казалось нереальным. Человеческий разум устроен таким образом, что не может примириться с окончательным поражением, даже если вердикт прозвучал из уст божества. Во всяком случае, Джулия не могла этого сделать. Казалось, все произошло в другом измерении бытия, во вневременном промежутке, который следовало стереть из памяти, чтобы сохранить рассудок.

И, однако, подумала она, если это правда — если она сама привела в движение жернова судьбы, перемоловшие все ее надежды, — у нее все-таки остается одно утешение. Благодаря ей жизнь Эгида была отдана на волю случая, но если бы он не подвергался смертельной опасности, то, возможно, она так и не научилась бы ценить его жизнь. Глядя на легкую улыбку, кривившую уголки его губ, Джулия понимала, что он разделяет ее мысли. По крайней мере, теперь они могли прожить каждую оставшуюся минуту так же ярко и полно, как целую человеческую жизнь.

По-прежнему держась за руки, они медленно спускались по склону холма. Они почти не различали сцену сражения в долине, но зычный голос Джейра, властный и торжествующий, доносился до них. То был голос последнего и, быть может,

самого грозного и почитаемого божества, созданного людьми.

Маленькая фигурка стояла перед высоким темным алтарем в храме Древних, нервно сплетая и расплетая тонкие пальчики, похожие на отростки морского анемона — гибкие, подвижные, еще не познавшие пределов своего мастерства.

Душою он был не здесь. Он видел теплые пещеры своего народа с ровным песчаным полом, дома с разноцветными окнами, мягко сияющими в подземных сумерках. Он был не один, хотя и сидел здесь, ожидая ответа на невысказанный вопрос. Ллары никогда не испытывают одиночества. Их тихая гордость и невозмутимое достоинство покоятся на осознании единства со своим городом и сородичами. Мудрость и печаль, что светятся в их огромных круглых глазах, принадлежат всей расе, а не отдельной личности. Лишь эта раса, одна из всех разумных существ, обретает божество в себе, в теплом замкнутом круге своей сплоченности. Лишь эта раса не впадет в зависимость от богов, после того как обретет точку опоры, необходимую для исследования своих безграничных возможностей.

Безмятежный в своей уверенности, в согревающем душу осознании единства со своей расой,

ллар стоит перед алтарем и слушает предсказание оракула, которому он все равно не поверит.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Гаков. Дама, король и много джокеров 5

Г. Каттнер, К. Мур. **ПОСЛЕДНЯЯ ЦИТАДЕЛЬ ЗЕМЛИ.** *Роман* 19
Г. Каттнер. **ИЗ ГЛУБИНЫ ВРЕМЕН.** *Роман* 123
К. Мур. **СУДНАЯ НОЧЬ.** *Роман* 257

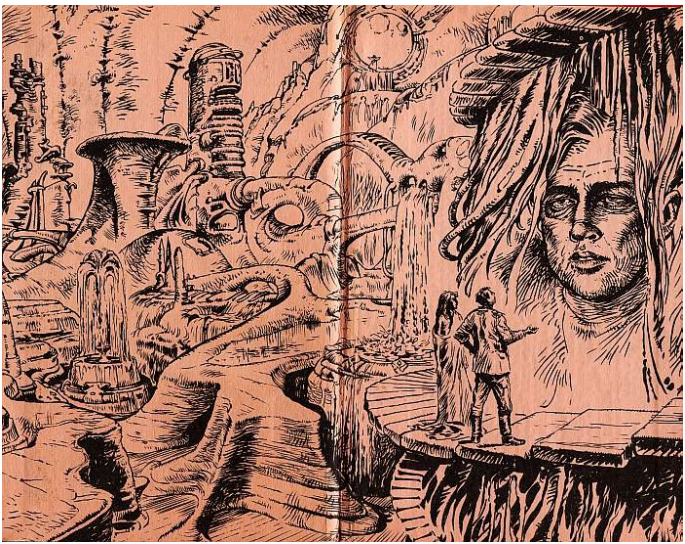
К ЧИТАТЕЛЯМ!
Издательство просит отзывы об этой книге и Ваши предложения по серии «Классика фантастического боевика» присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б, издательство АРМАДА

Каттнер Г., Мур К.
К 29 Последняя цитадель Земли: Гарри Каттнер, Кэтрин Мур. Последняя цитадель Земли; Генри Каттнер. Из глубины времен; Кэтрин Мур. Судная ночь: Фантастические романы/Пер. с англ.— М.: АРМАДА, 1997.— 394 с.: ил.— (Классика фантастического боевика).
ISBN 5-7632-0522-7

УДК 82-312.9(02)

ББК 84(7)-445я5

РЕДАКЦИЯ
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Литературно -художественное издание
Классика фантастического боевика
Генри Каттнер, Кэтрин Мур
ПОСЛЕДНЯЯ ЦИТАДЕЛЬ ЗЕМЛИ
Фантастические романы
Заведующий редакцией
К.А. Залесов
Художественный редактор
Н.Г. Безбородов
Технический редактор
П.Э. Кутепов
Изд. лицензия ЛР №040627 от 12.05.93.
Формат 84х108 1/32. Бум. кн.-журн. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,00. Тираж 12 000 экз.
Изд. № 3179. Заказ № 5096.
Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б
Отпечатано в типографии издательства «Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201



В сборник Генри Каттнера и Кэтрин Мур вошли лучшие романы этих американских мастеров фантастического жанра. Героями романов «Из глубины времен» и «Последняя цитадель Земли» стали земляне, вынужденные противостоять могущественным инопланетным силам в борьбе не только за собственную жизнь, но и за выживание земной цивилизации. Роман «Судная ночь» повествует о жестокой войне, которую ведут обитатели одной из молодых звездных систем против древней галактической империи, владеющей секретом Линз Смерти.

Генри Каттнер, Кэтрин Мур

ПОСЛЕДНЯЯ ЦИТАДЕЛЬ ЗЕМЛИ

Генри Каттнер, Кэтрин Мур
ПОСЛЕДНЯЯ ЦИТАДЕЛЬ ЗЕМЛИ